64.
ЦТ
Г. К. Семякина
Копія.
450612 у

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ

по дѣлу: 1) объ отставномъ коллежскомъ секретарѣ дворянинѣ Германѣ **Лопатинѣ**, 41 года, 2) дворянкѣ Неонилѣ Михайловой **Саловой**, 26 лѣтъ, 3) дворянинѣ Василіѣ Ивановѣ **Сухомлинѣ**, 25 лѣтъ, 4) дворянинѣ Сергѣѣ Андреевѣ **Ивановѣ**, 28 лѣтъ, 5) кандидатѣ С.-Петербургскаго университета дворянинѣ Петрѣ Филипповѣ **Якубовичѣ**, 25 лѣтъ, 6) Рогачевской мѣщанкѣ Генріеттѣ Николаевой **Добрускиной**, 23 лѣтъ, 7) сынѣ священника Николаѣ Петровѣ **Стародворскомъ**, 22 лѣтъ, 8) дворянинѣ Василіѣ Петровѣ **Конашевичѣ**, 26 лѣтъ, 9) Мозырскомъ, Минской губерніи, мѣщанинѣ Петрѣ Андреевѣ **Елько**, 25 лѣтъ, 10) Николаевскомъ, Херсонской губерніи, мѣщанинѣ Петрѣ Леонтьевѣ **Антоновѣ**, 27 лѣтъ, 11) Московскомъ мѣщанинѣ Василіѣ Ивановѣ **Вольновѣ**, 29 лѣтъ, 12) дворянинѣ Сергѣѣ Евгеньевѣ **Кузинѣ**, 21 года, 13) Острогожскомъ, Воронежской губерніи, мѣщанинѣ Василіѣ Владиміровѣ **Ливадинѣ**, 20 лѣтъ, 14) дворянинѣ Иванѣ Ивановѣ **Гейерѣ**, 25 лѣтъ, 15) дворянинѣ Василіѣ Ивановѣ **Кирсановѣ**, 20 лѣтъ, 16) Козелецкомъ, Черниговской губерніи, мѣщанинѣ Яковѣ Григорьевѣ **Френкелѣ**, 23 лѣтъ, 17) дворянинѣ Леонидѣ Петровѣ **Ешинѣ**, 29 лѣтъ, 18) крестьянинѣ Бердянскаго уѣзда, Таврической губерніи, Андреѣ Григорьевѣ **Бѣлоусовѣ**, 28 лѣтъ, 19) крестьянинѣ того же уѣзда Семенѣ Григорьевѣ **Бѣлоусовѣ**, 26 лѣтъ, 20) Нахичеванскомъ, Екатеринославской губерніи, мѣщанинѣ Макарѣ Павловѣ **Поповѣ**, 23 лѣтъ, и 21) мѣщанинѣ г. Ростова на Дону Прокофіѣ Матвѣевѣ **Лебеденко**, 25 лѣтъ, преданныхъ военно-окружному суду на основаніи ст. 17 положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, Высочайше утвержденнаго 14 Августа 1881 года.

Начало особой организаціи преступнаго сообщества, присвоившаго себѣ названіе «народовольцевъ» или «партіи Народной Воли» относится къ 1879 году, когда въ г. Липецкѣ, Тамбовской губерніи, состоялся съѣздъ членовъ соціально-революціоннаго сообщества съ цѣлью пересмотра программы его дѣйствій. На этомъ съѣздѣ выдѣлилась группа лицъ, признававшихъ необходимость политической борьбы или террора, отдѣльныя проявленія котораго обнаружились еще въ 1878 и 1879 гг. въ посягательствахъ на жизнь Священной Особы въ Бозѣ почившаго Императора Александра II, генералъ-адъютанта Мезенцова, Харьковскаго губернатора князя Кропоткина и генералъ-адъютанта Дрентельна. Получивъ преобладающее вліяніе на дальнѣйшее направленіе преступной дѣятельности тайнаго сообщества, эта группа выработала на томъ же съѣздѣ въ г. Липецкѣ организацію террористической фракціи сообщества, въ которой различались распорядительная коммисія и исполнительный комитетъ, руководившіе дѣятельностью партіи, и агенты исполнительнаго комитета, на которыхъ возлагалось самое исполненіе революціонныхъ предпріятій по порученіямъ исполнительнаго комитета (показаніе Григорія Гольденберга).

Прил. № 1 л. д. 4, 11 об., 16 и об. и 17 об.

Въ концѣ 1879 г. появились въ Петербургѣ №№ 1 и 2 новаго подпольнаго противоправительственнаго періодическаго изданія подъ названіемъ «Народная Воля», которое, продолжаясь до послѣдняго времени, служила литературнымъ органомъ партіи народовольцевъ, а въ Январѣ мѣсяцѣ 1880 г. въ г. С.-Петербургѣ была обнаружена тайная революціонная типографія, въ которой только что былъ отпечатанъ № 3 означеннаго преступнаго изданія. Въ числѣ статей, вошедшихъ въ составъ этого номера, была впервые напечатана «программа исполнительнаго комитета», въ которой задача и дѣятельность партіи сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) дѣятельность пропагаторская и агитаціонная для популяризаціи во всѣхъ слояхъ населенія идеи демократическаго политическаго переворота и собственной программы партіи и для возбужденія въ народѣ и въ обществѣ протеста въ самыхъ широкихъ размѣрахъ въ формѣ сходокъ, демонстрацій, тенденціозныхъ адресовъ, отказа отъ уплаты податей и проч.; 2) дѣятельность разрушительная и террористическая, состоящая въ уничтоженіи наиболѣе вредныхъ лицъ правительства, въ защитѣ партіи отъ шпіонства и т. п. съ цѣлію подорвать обаяніе правительственной

Прил. № 2 л. 11.
— № 3 л. 37.
— № 4 л. 17.

Т. I л. 383 и 391.

силы и развивать революціонный духъ народа, формируя годныя и привычныя къ бою силы; 3) организація тайныхъ сообществъ и сплоченіе ихъ вокругъ одного центра; 4) пріобрѣтеніе вліятельнаго положенія и связей въ администраціи, войскѣ, обществѣ и народѣ, и, наконецъ, 5) организація и совершеніе государственнаго переворота.

Выполненіе этой программы членами вновь образовавшагося террористическаго сообщества проявило себя совершеніемъ цѣлаго ряда тяжкихъ преступленій, неоднократными посягательствами на Священную Особу въ Бозѣ почившаго Императора Александра II и, наконецъ, страшнымъ злодѣяніемъ 1 Марта 1881 года.

Многіе изъ виновниковъ совершенныхъ преступленій были обнаружены и понесли должное наказаніе по судебнымъ приговорамъ въ періодъ времени съ 1880 по 1884 годъ. Но хотя принятыми со стороны правительства мѣрами дѣятельность преступнаго сообщества была значительно ослаблена, однако же означенное сообщество продолжало свое существованіе и, пополняясь новыми членами, проявило себя съ конца 1883 г. рядомъ преступленій, изслѣдованіе которыхъ и составляетъ предметъ настоящаго дѣла.

17 и 24 Октября 1883 г. подъ г. Харьковомъ совершено было двукратное вооруженное нападеніе на почту; 16 Декабря того же года былъ убитъ въ Петербургѣ въ квартирѣ отставнаго штабсъ-капитана Сергѣя Дегаева, жившаго нелегально подъ именемъ Яблонскаго, инспекторъ секретной полиціи подполковникъ Судейкинъ и тяжело раненъ находившійся при немъ чиновникъ Судовскій, а 9 Января 1884 г. въ г. Харьковѣ убитъ рабочій Шкріоба, заподозрѣнный въ шпіонствѣ. Наконецъ 17 Ноября 1884 г. сдѣлано было близъ г. Воронежа новое вооруженное нападеніе на почту, сопровождавшееся убійствомъ почталіона Мануйлова.

Печатныя прокламаціи, появившіяся вслѣдъ за совершеніемъ убійствъ подполковника Судейкина и рабочаго Шкріобы, при чемъ послѣдняя была издана отъ имени «Южно-русской боевой дружины партіи Народной Воли», свидѣтельствовали, что преступленія эти были совершены революціоннымъ сообществомъ, присвоившимъ себѣ наименованіе партіи «Народной Воли».—Непосредственные исполнители этихъ преступленій первоначально оставались неизвѣстными,

за исключеніемъ бывшаго студента Якова Бердичевскаго, убитаго при второмъ нападеніи на почту 24 Октября 1883 г., и Сергѣя Дегаева, успѣвшаго послѣ убійства подполковника Судейкина скрыться за границу.—Остальные же участники этихъ преступленій были обнаружены уже впослѣдствіи.

Прил. № 3 л. 3 и 27.

При обыскахъ, произведенныхъ въ Мартѣ 1884 г. въ Петербургѣ и Кіевѣ, были обнаружены двѣ тайныя типографіи партіи «Народной Воли», помѣщавшіяся: въ Петербургѣ въ квартирѣ скрывшейся и до нынѣ не розысканной курсистки Софіи Сладковой, а въ Кіевѣ—въ квартирѣ супруговъ Михаила и Прасковьи Шебалиныхъ, тогда же арестованныхъ.

Прил. № 8 л. 5.

Показаніями привлекавшихся къ дознанію по дѣлу о типографіи Сладковой бывшихъ студентовъ университета Петра Мануйлова, Николая Флерова, сыновей священниковъ Михаила Овчинникова (извѣстнаго въ революціонной средѣ подъ именемъ Ивана Александровича) и Федора Грекова, между прочимъ, установлено, что въ концѣ 1883 и началѣ 1884 гг., послѣ убійства подполковника Судейкина и обнаруженія истиннаго значенія преступной дѣятельности скрывшагося Дегаева, въ средѣ партіи «Народной Воли» возникли раздоры, продолжавшіеся до Мая 1884 г. Несогласія эти обусловливались недовольствомъ образомъ дѣйствій исполнительнаго комитета, члены котораго, въ томъ числѣ и эмигрантъ Левъ Тихомировъ, оставаясь за границею и зная о томъ, что членъ партіи Сергѣй Дегаевъ состоитъ тайнымъ агентомъ полиціи, не сообщили объ этомъ членамъ сообщества, проживавшимъ въ Петербургѣ. Большинство послѣднихъ, желая избѣгнуть арестовъ, производившихся послѣ убійства подполковника Судейкина, выбыли въ другія мѣстности Россіи и за границу, въ томъ числѣ отправился въ Парижъ и дворянинъ Станиславъ Куницкій, извѣстный въ партіи подъ именемъ Стася и впослѣдствіи осужденный въ г. Варшавѣ, какъ представитель партіи «Пролетаріатъ».—Тѣже, которые оставались въ Петербургѣ, не удовлетворяясь уже прежней программой исполнительнаго комитета, выставили новую—отличную отъ нея какъ по задачамъ дѣятельности, такъ и по основаніямъ организаціи. Исполнительный комитетъ, признавая первенствующее значеніе за «политическимъ терроромъ», придавалъ пропагандѣ революціонныхъ идей лишь значеніе второстепенное и потому стремился

Прил. № 1.

Прил. № 6 л. 305, 306, 90, 112, 114.

Прил. № 7 л. 20, 21, 32.

Прил. № 8 л. 96, 100.

Т. X л. 208.

поддерживать въ партіи строгую централизацію, въ силу которой только самъ комитетъ могъ быть исключительнымъ распорядителемъ ея силъ и дѣйствій. Напротивъ того другіе члены революціоннаго сообщества, присвоившіе себѣ наименованіе «молодой партіи Народной Воли», настаивали на возможно широкой устной и печатной пропагандѣ революціонныхъ идей и на введеніи въ программу партіи систематическаго аграрнаго и фабричнаго террора. Они находили, что такими средствами успѣютъ вызвать къ себѣ сочувствіе общества и подготовить почву для желаемой ими соціальной революціи и что лишь затѣмъ революціонному сообществу будетъ предстоять предпринять рядъ террористическихъ дѣйствій противъ правительства, которыя въ силу указанныхъ условій или побудятъ правительство къ желаемымъ ими измѣненіямъ государственнаго и общественнаго строя, или, въ противномъ случаѣ, вызвавъ общее возстаніе, приведутъ къ торжеству цѣлей партіи. При такой постановкѣ плана дѣйствій такъ называемой «молодой партіи Народной Воли», по объясненію тѣхъ же обвиняемыхъ Мануйлова, Флерова и друг., на первое мѣсто выдвигалась самодѣятельность центральныхъ мѣстныхъ группъ, а исполнительному комитету предоставлялась дѣятельность не рѣшающаго, а лишь чисто исполнительнаго характера. Сторонники старой программы преступнаго сообщества, опиравшіеся на поддержку Льва Тихомірова и другихъ эмигрантовъ, не соглашались принять направленія «молодой партіи», результатомъ чего и явились несогласія и раздоры между послѣдователями обоихъ названныхъ направленій, длившіяся въ теченіи всей первой половины 1884 г. Въ Петербургѣ представителемъ стараго направленія партіи былъ въ это время отставной штабсъ-капитанъ Константинъ Степуринъ, дѣйствовавшій въ качествѣ уполномоченнаго проживавшихъ въ Парижѣ русскихъ террористовъ, впредь до личнаго прибытія въ Петербургъ кого либо изъ нихъ. Затѣмъ къ Степурину присоединилось еще нѣсколько лицъ, прибывшихъ изъ-за границы и въ томъ числѣ Германъ Лопатинъ, Неонила Салова и Василій Сухомлинъ. Сюда же для поддержанія съ ними сношеній пріѣзжалъ и скрывавшійся на югѣ Россіи бывшій студентъ С.-Петербургскаго университета Сергѣй Ивановъ, бѣжавшій въ 1882 г изъ Сибири, извѣстный въ партіи подъ именемъ «Василія Алексѣевича»

и кличкой «Заики», склонявшійся, по объясненію Мануйлова, къ возможнымъ уступкамъ новому направленію. Главнымъ противникомъ прежняго направленія партіи и вмѣстѣ съ тѣмъ представителемъ «молодой партіи Народной Воли» выступилъ скрывавшійся отъ розысковъ полиціи, жившій въ Петербургѣ нелегально кандидатъ С.-Петербургскаго университета Петръ Якубовичъ. Къ нему примыкали изъ членовъ «старой» партіи Михаилъ Овчинниковъ, а изъ «молодой» Петръ Мануйловъ, который, по его собственному сознанію, устроилъ для пропаганды идей «молодой партіи» упомянутую выше тайную типографію въ квартирѣ Сладковой. Типографія эта просуществовала недолго и успѣла напечатать лишь двѣ прокламаціи: одну «отъ исполнительнаго комитета», отъ 26 Февраля 1884 г., по поводу правительственнаго объявленія о назначеніи денежнаго вознагражденія лицу, которое укажетъ мѣстонахожденіе Сергѣя Дегаева, и другую «Къ русскому юношеству» отъ центральнаго кружка «союза молодежи партіи Народной Воли», отъ 1 того же Февраля.

Показаніями Грекова кромѣ вышеизложеннаго удостовѣрено, что, познакомясь случайно въ концѣ 1883 г. въ Петербургѣ съ личностью, которую онъ призналъ въ карточкѣ бѣжавшаго послѣ арестованія его въ тайной типографіи, обнаруженной въ 1883 г. въ г. Харьковѣ, и извѣстнаго подъ вымышленнымъ именемъ Алексѣя Воскресенскаго, онъ при посредствѣ этого Воскресенскаго (задержаннаго въ Ноябрѣ 1886 г. въ г. Саратовѣ и оказавшагося крестьяниномъ Феофаномъ Крыловымъ) вошелъ въ сношенія съ отставнымъ штабсъ-капитаномъ Константиномъ Степуринымъ, котораго зналъ подъ именемъ «Алексѣя Константиновича», и съ другими революціонными дѣятелями, являвшимися къ нему, Грекову, за указаніями адресовъ ихъ Петербургскихъ единомышленниковъ. Изъ числа этихъ лицъ Грековъ призналъ, между прочимъ, обвиняемыхъ Германа Лопатина, Неонилу Салову, Василія Сухомлина, извѣстнаго ему подъ именемъ «Ивана Андреевича», и умомянутаго выше Сергѣя Иванова.

Обстоятельства, изложенныя въ приведенныхъ выше показаніяхъ Грекова, Мануйлова, Флерова и Овчинникова, нашли себѣ подтвержденіе въ нижеслѣдующихъ письменныхъ доказательствахъ, пріобщенныхъ къ настоящему дѣлу: 1) въ замѣткѣ Якубовича, оказав-

шейся въ записной книжкѣ, отобранной у Овчинникова; 2) въ нѣсколькихъ письмахъ, полученныхъ на имя Грекова уже послѣ его задержанія; 3) въ бумагахъ, отобранныхъ у Николая Флерова и у арестованнаго въ г. Ростовѣ на Дону Герша Ранца, и 4) въ бумагахъ, взятыхъ на квартирахъ Софіи Сладковой въ Петербургѣ, супруговъ Шебалиныхъ и привлекавшагося къ дознанію вмѣстѣ съ послѣдними чиновника Васильева въ Кіевѣ.

Замѣтка Якубовича, взятая у Овчинникова, заключаетъ въ себѣ рядъ положеній, которыя Овчинниковъ, какъ сторонникъ «молодой партіи Народной Воли», долженъ былъ защищать на съѣздѣ представителей старой партіи, предполагавшемся весною 1884 г. въ Петербургѣ, и вопросовъ, которые онъ долженъ былъ поставить защитникамъ программы исполнительнаго комитета отъ имени той же «молодой партіи Народной Воли».—Въ числѣ этихъ положеній значится запросъ отъ имени пяти дѣйствовавшихъ въ С.-Петербургѣ революціонныхъ дѣятелей членамъ исполнительнаго комитета, въ томъ числѣ и Льву Тихомірову о томъ, почему они, зная за границею о дѣйствительной роли Сергѣя Дегаева, не сообщили объ этомъ въ Россію. — Замѣтка эта, по объясненію Овчинникова, была записана у него въ бумагахъ Якубовичемъ вслѣдствіе того, что послѣдній, какъ одинъ изъ самыхъ молодыхъ дѣятелей партіи, не могъ расчитывать быть приглашеннымъ на съѣздъ; Овчинниковъ же, какъ одинъ изъ старѣйшихъ ея членовъ, имѣлъ основаніе ожидать такого приглашенія.

Прил. № 7 л. 3 и 14.

Изъ числа писемъ, полученныхъ на имя Грекова послѣ арестованія послѣдняго въ Мартѣ мѣсяцѣ 1884 г., два были присланы изъ-за границы.—Оба эти письма, какъ установлено экспертизою сличенія почерковъ, писаны именовавшимъ себя Воскресенскимъ, а въ одномъ изъ нихъ была найдена еще записка, писанная эмигрантомъ Львомъ Тихоміровымъ. Изъ сопоставленія содержанія этихъ писемъ, а также и записки съ показаніями Николая Флерова оказывается, что послѣдній, интересуясь уясненіемъ истинныхъ причинъ раздоровъ, происшедшихъ въ средѣ членовъ революціонной партіи, послалъ объ этомъ запросъ въ Парижъ Воскресенскому, котораго зналъ еще ранѣе въ Петербургѣ и съ которымъ переписывался при посредствѣ Грекова. Въ отвѣтъ на этотъ запросъ и были получены означенныя письма и записка, въ коихъ Воскресен-

Прил. № 6 л. 101—103 и 122.

скій обѣщаетъ Флерову прислать человѣка, который сообщитъ ему отвѣтъ Тихомірова на его вопросы, а Тихоміровъ, съ своей стороны, предлагаетъ ему войти съ нимъ въ непосредственныя письменныя сношенія.

Въ числѣ разныхъ бумагъ, найденныхъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1884 г. въ г. Ростовѣ на Дону при обыскѣ у фармацевта Герша Ранца, оказался, между прочимъ, писанный, какъ установлено экспертизою и показаніемъ обвиняемаго Сергѣя Иванова, симъ послѣднимъ отрывокъ письма, заключающій въ себѣ запросъ дѣйствовавшихъ въ Россіи членовъ революціоннаго сообщества ихъ заграничнымъ единомышленникамъ о томъ, почему они не сообщили въ Россію о сдѣланномъ имъ, Сергѣемъ Дегаевымъ, сознаніи и почему судили Дегаева за границею безъ ихъ участія.

Т. VI л. 30 и Т. VII л. 167.

Въ числѣ рукописей, отобранныхъ у Николая Флерова оказались:

Прил. № 6 л. 212.

1) заявленіе «молодой партіи Народной Воли», впослѣдствіи напечатанное въ 10-мъ номерѣ журнала «Народная Воля» отъ 30 Сентября 1884 г.—Въ заявленіи этомъ представители «молодой партіи» объясняютъ, что въ теченіи нѣкотораго времени между ними и исполнительнымъ комитетомъ существовало «крупное недоразумѣніе». Разногласіе касалось вопроса о введеніи въ программу дѣятельности партіи фабричнаго и аграрнаго террора.—«Но, при ближайшемъ ознакомленіи со взглядами исполнительнаго комитета», говорится далѣе въ заявленіи, «мы увидѣли, что расхожденіе нашихъ теоретическихъ взглядовъ во всякомъ случаѣ не привело бы въ настоящее время къ такому разногласію въ практической постановкѣ вопросовъ, которое бы дѣлало необходимымъ разрывъ организаціи на двѣ части», въ силу этого соображенія представители «молодой партіи» заявляютъ о необходимости тѣсно сплотиться съ общей организаціей партіи въ одну силу для борьбы съ общимъ врагомъ»;

2 и 3) два заявленія отъ имени «петербургской рабочей группы», изъ коихъ въ одномъ указывается на необходимость введенія въ программу дѣятельности группы фабричнаго и аграрнаго террора, а въ другомъ излагаются основанія, опредѣляющія отношенія «рабочей группы» къ исполнительному комитету. Послѣднее заявленіе начинается такъ: «Петербургская рабочая группа» не вступаетъ ни въ какія обязательныя отношенія къ исполнительному комитету, но также и не считаетъ дѣятельность его враждебною»; и далѣе

«говорится, что возможность общей дѣятельности этихъ двухъ организацій («центра» и «рабочей группы») подлежитъ обсужденію «рабочей группы» въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ».

На квартирѣ Сладковой были отобраны, между прочимъ, указанныя выше прокламаціи отъ 1 и 26 Февраля 1884 г., которыя, по словамъ Мануйлова, тамъ же были напечатаны, и рукописные подлинники этихъ прокламацій, писанные, какъ затѣмъ оказалось, рукою Петра Якубовича.—Прокламація отъ 1 Февраля, озаглавленная «Къ русскому юношеству отъ центральнаго кружка союза молодежи партіи Народной Воли», извѣщаетъ объ основаніи этого союза, мотивируя его существованіе тѣмъ, что «партія Народной Воли сама по себѣ не въ состояніи исполнить всѣхъ возлагаемыхъ на нее исторіею функцій». Далѣе въ прокламаціи излагается, что «партія «Народной Воли», «поставивъ своей первой и главной «задачей борьбу съ абсолютизмомъ, разрушеніе правящей системы, неизбѣжно будетъ вынуждена забросить другія не менѣе важныя стороны дѣла». Высказывая затѣмъ, что важнѣйшей изъ ея задачъ является «пропаганда въ обществѣ и народѣ идей соціальнаго переустройства и вызовъ къ жизни новыхъ революціонныхъ силъ», прокламація ставитъ эту именно работу главной задачей дѣятельности союза. «Названіе союза», говорится далѣе въ прокламаціи, «ничего не говоритъ еще о какомъ либо обязательномъ подчиненіи его исполнительному комитету, но мы (основатели союза) вполнѣ раздѣляемъ соціальныя и политическія воззрѣнія партіи Народной Воли, мы сочувствуемъ избраннымъ ею средствамъ и путямъ дѣятельности, мы считаемъ ея дѣло своимъ дѣломъ».

Наконецъ у Шебалиныхъ и Васильева въ г. Кіевѣ отобраны, между прочимъ, шесть писемъ Петра Якубовича и два письма Константина Степурина, относящихся по времени къ концу Февраля и началу Марта 1884 г., имѣющія своимъ предметомъ вопросы, относящіеся исключительно къ дѣятельности революціонной партіи. Во письмахъ этихъ Якубовичъ и Степуринъ говорятъ, между прочимъ, о предположенномъ печатаніи 10-го номера «Народной Воли», при чемъ оба приглашаютъ супруговъ Шебалиныхъ и «Василія Алексѣевича» (т. е. Сергѣя Иванова) прибыть изъ Кіева въ Петербургъ для содѣйствія этому дѣлу, а Степуринъ указываетъ имъ при этомъ на Грекова,

Прил. № 5 л. 5—12, 14—20, 21, 30 и 31.

какъ на лицо, чрезъ которое могутъ быть ведены ихъ письменныя сношенія съ Петербургомъ и которое можетъ также помочь имъ розыскать его, Степурина, если они скажутъ Грекову пароль: «устройте мнѣ связь съ Алексѣемъ Константиновичемъ». Якубовичъ сообщаетъ въ письмѣ подробно содержаніе будущаго номера, которое оказалось тождественнымъ съ вышедшимъ впослѣдствіи въ дѣйствительности 10-мъ номеромъ «Народной Воли», и упоминаетъ, что передовую статью о Дегаевѣ читалъ и вполнѣ одобрилъ прибывшій въ Петербургъ «Михаилъ Адамовичъ». Наряду съ этимъ Степуринъ и Якубовичъ порицаютъ въ своихъ письмахъ другъ друга: Якубовичъ Степурина «какъ человѣка бездарнаго, мерзкаго, мелочнаго и лживаго, съ которымъ вмѣстѣ работать онъ, Якубовичъ, несогласенъ и отъ котораго всѣ питерцы отшатнулись, хотя, къ сожалѣнію, у него остается явка, на которую будетъ являться народъ».—Степуринъ же осуждаетъ Якубовича за то, что, «поѣхавъ въ Кіевъ для устройства связей, онъ, вмѣсто того, завелъ тамъ сплетни» и явился причиной раздоровъ въ средѣ членовъ партіи. Кромѣ всего указаннаго, въ письмахъ Якубовича высказывается еще въ слѣдующихъ выраженіяхъ негодованіе по поводу самовластныхъ распоряженій заграничныхъ дѣятелей партіи: «пріѣдутъ эдакихъ 8 господъ и начнутъ командовать нами», а также упоминается о высылкѣ въ Кіевъ Шебалинымъ прокламацій «исполнительнаго комитета», по поводу правительственнаго объявленія о выдачѣ денежной награды за содѣйствіе къ задержанію Сергѣя Дегаева и прокламацій «союза» (т. е. «союза молодежи партіи „Народной Воли»), при чемъ указывается, что первыя изъ этихъ прокламацій выпущены съ согласія «Алексѣя Константиновича» (Степурина), «Ивана Александровича» (Овчинникова) и прибывшаго въ Петербургъ «Алексѣя Павловича», и что прокламаціи эти посланы также въ Москву, Харьковъ и Казань. Дознаніемъ было выяснено, что изъ числа лицъ, упоминаемыхъ въ письмахъ Якубовича, «Михаилъ Адамовичъ» есть сынъ священника Николай Стародворскій, проживавшій въ концѣ 1883 г. въ Петербургѣ нелегально подъ именемъ дворянина Михаила Адамовича Савицкаго и въ послѣдній разъ прибывшій изъ Кіева въ Петербургъ съ подложнымъ паспортомъ на это имя въ концѣ Февраля 1884 г., о чемъ и упоминаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ Якубовичъ. Относительно

же личности, которую послѣдній называетъ «Алексѣемъ Павловичемъ», получены путемъ полицейскихъ розысковъ указанія, что это бывшій студентъ Кіевскаго университета Абрамъ Бахъ, съ весны 1883 г. скрывающійся отъ розысковъ полиціи по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ.

Послѣдовавшій въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1884 г. въ Петербургѣ арестъ обвиняемыхъ Германа Лопатина и Неонилы Саловой и задержаніе находившейся у нихъ обширной переписки дали возможность выяснить при дальнѣйшемъ разслѣдованіи, что вслѣдъ за описанными выше разногласіями въ средѣ преступнаго сообщества главное руководство дѣятельностью послѣдняго сосредоточилось въ лицѣ обвиняемаго Германа Лопатина и ближайшихъ его соучастниковъ—Неонилы Саловой и Василія Сухомлина, являвшихся въ означенное время представителями центральной организаціи въ Петербургѣ. Въ то же время представителями этой организаціи въ мѣстныхъ провинціальныхъ революціонныхъ группахъ были обвиняемые Сергѣй Ивановъ и Петръ Елько и умершій впослѣдствіи студентъ Харьковскаго университета Всеволодъ Гончаровъ. Независимо этой организаціи существовала отдѣльная революціонная организація въ г. Варшавѣ, называвшая себя партіею «Пролетаріатъ» и состоявшая въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ «исполнительному комитету», опредѣленныхъ особымъ соглашеніемъ, которое въ рукописномъ изложеніи найдено у обвиняемой Неонилы Саловой, объявленіе о которомъ напечатано въ № 10 журнала «Народная Воля». Переписка отобранная у Лопатина и Саловой, кромѣ заключающагося въ ней матеріала для установленія обширныхъ личныхъ революціонныхъ сношеній ихъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи и за границею, свидѣтельствуетъ о томъ, что всѣ важнѣйшія преступленія революціоннаго сообщества, совершенныя въ концѣ 1883 г. и 1884 г., предприняты или по иниціативѣ или съ вѣдома трехъ названныхъ лицъ. Такъ въ этой перепискѣ заключаются свѣдѣнія о вооруженномъ нападеніи на почту близъ г. Харькова, объ убійствѣ крестьянина Шкріобы въ г. Харьковѣ, о приготовленіи разрывныхъ метательныхъ снарядовъ въ г. Луганскѣ, объ устройствѣ тайныхъ типографій для напечатанія № 10 «Народной Воли», существовавшихъ въ гг. Дерптѣ и Ростовѣ на Дону, о приготовленіи на убійство прокурора Московской судебной палаты и друг. О такомъ значеніи пре-

Т. I л. 16, 66 и 71.

ступной дѣятельности Лопатина, Саловой и Сухомлина свидѣтельствуютъ и нѣкоторыя изъ допрошенныхъ при дознаніи лицъ. По показанію итальянскаго

Т. XXIII л. 324. подданнаго Степана Росси, Германъ Лопатинъ посѣщалъ квартиру обвиняемыхъ Стародворскаго и Конашевича въ то время, когда тамъ происходили совѣщанія для установленія плана убійства подполковника Судейкина.—Обвиняемый Сергѣй Ивановъ объяснилъ, что онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ началѣ 1884 г. съ цѣлью познакомиться съ Лопатинымъ, Саловою и Сухомлинымъ и что поводомъ для этого послужило обоюдное желаніе ихъ установить порядокъ взаимныхъ между собою сношеній: отъ Лопатина же впослѣдствіи онъ узналъ подробности убійства подполковника Судейкина. Бывшій студентъ университета Алексѣй Кирпичниковъ показалъ, что въ концѣ Апрѣля 1884 г. въ

Прил. N 10 л. 132. Петербургѣ по Пантелеймоновской улицѣ въ д. № 14 было два собранія такъ называемой. «центральной группы союза молодежи», на которыя представителями отъ партіи «Народной Воли» являлись Василій Сухомлинъ и Неонила Салова. Обвиняемый Петръ Елько.

Т. IX л. 206, 207, 201. со словъ упомянутаго выше Абрама Баха, показалъ, что, по возникновеніи указанныхъ выше разногласій въ средѣ представителей революціонной партіи, состоялся въ Мартѣ или Апрѣлѣ 1884 г. въ Петербургѣ съѣздъ представителей партіи, на которомъ Абрамъ Бахъ присутствовалъ въ качествѣ делегата южныхъ революціонныхъ организацій. На этомъ съѣздѣ было принято рѣшеніе оставить въ силѣ программу исполнительнаго комитета и была избрана распорядительная коммисія, въ которую вошли Григорій Петровичъ (Германъ Лопатинъ), Евгенія Александровна (Неонила Салова) и Иванъ Андреевичъ (Василій Сухомлинъ). — Назначеніе этой распорядительной коммисіи было такое же, какое было присвоено ей еще на Липецкомъ съѣздѣ. На этомъ съѣздѣ изъ области террористическихъ дѣйствій было поставлено на очередь убійство Министра Внутреннихъ Дѣлъ графа Толстого, а изъ революціонной литературной дѣятельности выпускъ слѣдующаго № 10 «Народной Воли»; члены распорядительной коммисіи должны были немедленно совершить поѣздки по всей Россіи для изслѣдованія наличныхъ силъ партіи: на югъ долженъ былъ отправиться Григорій Петрович (Лопатинъ) и при этомъ познакомиться въ Харьковѣ со Всеволодомъ Гончаровымъ и Петромъ Елько,

Л. 201.

какъ съ представителями мѣстной революціонной группы. Въ Іюлѣ 1884 г. Елько, по его словамъ, переѣхалъ изъ Ростова на Дону въ Харьковъ, куда вскорѣ пріѣхалъ Иванъ Андреевичъ (Сухомлинъ) для ознакомленія съ положеніемъ революціонныхъ дѣлъ. Сухомлинъ явился къ нему по тому же паролю и адресу, по которымъ должны были являться члены центра, вслѣдствіе чего онъ, признавая въ Сухомлинѣ одного изъ представителей партіи, ознакомилъ его съ общимъ положеніемъ дѣлъ въ Харьковѣ, съ мѣстными способами веденія революціонной пропаганды въ средѣ рабочихъ и далъ ему адресъ для явки въ Ростовъ на Дону. Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ къ нему, Елько. заѣзжалъ Германъ Лопатинъ на возвратномъ пути изъ Ростова на Дону. Лопатина онъ также ознакомилъ съ положеніемъ революціонныхъ дѣлъ въ Харьковѣ и условился съ нимъ ожидать отъ него письменныхъ распоряженій изъ Петербурга. По отъѣздѣ Лопатина, Елько отправился въ Ростовъ на Дону, гдѣ засталъ обвиняемаго Сергѣя Иванова, который передалъ ему, что Кащей, т. е. Абрамъ Бахъ. отправился для установленія революціонныхъ связей въ г. г. Ейскъ, Казань, Саратовъ, Нижній, Москву. Этотъ маршрутъ Баха-Кащея оказался также въ бумагахъ, отобранныхъ у Германа Лопатина. Наконецъ обвиняемый Петръ Якубовичъ. называя руководящую революціонную группу въ Петербургѣ «делегаціею исполнительнаго комитета». удостовѣряетъ, что делегація эта появилась въ Петербургѣ около Марта мѣсяца 1884 г. Изложенныя выше свѣдѣнія о революціонныхъ съѣздахъ, такъ равно и о характерѣ центральной революціонной организаціи въ Петербургѣ, подтверждаются и найденными въ бумагахъ Германа Лопатина, писанными рукою Неонилы Саловой. документами безъ подписи. однимъ составленнымъ отъ имени членовъ разныхъ революціонныхъ организацій и озаглавленнымъ: «письмо къ товарищамъ» и другимъ подъ заглавіемъ «отвѣтъ С.-Петербургской делегаціи исполнительнаго комитета» на заявленіе «центральнаго кружка союза молодежи партіи Народной Воли». — Въ означенномъ письмѣ послѣ упоминанія о состоявшемся 17—19 Октября 1883 г. революціонномъ съѣздѣ, избравшемъ въ результатѣ своихъ совѣщаній распорядительную комиссію съ диктаторскими полномочіями, авторы письма доказываютъ, что хотя строгая централизація въ

Т. IV л. 175.

Т. I л. 42

революціонныхъ дѣлахъ по прежнему необходима, но время исполнительнаго комитета въ прежнемъ его видѣ миновало и мѣсто его должны занять періодическіе съѣзды представителей мѣстныхъ революціонныхъ группъ. На этихъ съѣздахъ избирается нѣсколько лицъ, которыя составляютъ центральную редакцію для веденія литературнаго дѣла и организуютъ боевыя дружины, какъ исполнительные органы съѣзда; право же обсужденія общаго направленія террора и указанія лицъ, подлежащихъ «казни», принадлежитъ только съѣзду. Изъ отвѣта же делегаціи исполнительнаго комитета видно, что делегація замѣняла въ Россіи этотъ «комитетъ», отъ имени его отвѣчала «союзу молодежи» на поставленный имъ вопросъ о введеніи въ программу партіи аграрнаго и фабричнаго террора.

Одновременно съ описаннымъ выше появленіемъ руководящей преступной организаціи въ Петербургѣ распространяется въ средѣ преступнаго сообщества убѣжденіе, что «исполнительный комитетъ», находившійся, по господствовавшему прежде въ партіи мнѣнію, за границею, въ дѣйствительности тамъ не существуетъ. Въ особенности старался распространить эту мысль считавшійся главою «исполнительнаго комитета» за границею Левъ Тихомировъ, который вмѣстѣ съ эмигрантомъ Петромъ Лавровымъ начали въ 1883 изданіе въ Женевѣ новаго революціоннаго журнала «Вѣстника Народной Воли». Въ письмѣ къ Герману Лопатину, оказавшемся въ числѣ бумагъ, отобранныхъ у послѣдняго, Левъ Тихомировъ утверждаетъ, что въ настоящее время нѣтъ въ Россіи матеріала для широкой организаціонной работы и убѣждаетъ находящихся въ Россіи революціонныхъ дѣятелей организовать самостоятельные революціонные кружки, такъ какъ, по его убѣжденію, веденіе организаціоннаго дѣла изъ-за границы было бы недобросовѣстно и заграничные комитеты составляютъ «страшную ошибку». Сношенія петербургской центральной организаціи съ мѣстными революціонными группами происходили или чрезъ посредство пріѣзжавшихъ сюда представителей ихъ, или же письменно. По показаніямъ обвиняемыхъ Сергѣя Иванова и Петра Елько, содержаніе которыхъ будетъ изложено ниже, рѣшеніе объ убійствѣ Шкріобы было принято въ Петербургѣ и здѣсь же было поручено пріѣхавшему тогда въ Петербургъ Петру Елько пріискать въ

Т. I л. 93 об. и 86.

Харьковѣ лицо для выполненія этого преступленія. Въ числѣ писемъ, присланныхъ въ Петербургъ на имя упомянутаго выше Федора Грекова, оказалось писанное химическими чернилами зашифрованное письмо изъ Харькова отъ 22 Марта 1884 г., за подписью «Длинный». Письмо это заключаетъ въ себѣ отчетъ въ израсходованіи присланныхъ 1.000 р. и сообщеніе о замышлявшемся въ Харьковѣ убійствѣ, о которомъ говорится въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «мнѣ или самому придется покончить это дѣло съ А. И., или же выписать кого либо сюда.—А тутъ еще Кириллъ ловкую штуку сыгралъ, увезъ съ собой кинжалъ, такъ что у насъ остался только мой револьверъ, да взялъ также и кинжалъ у Геера». Дознаніемъ по г. Харькову установлено, что письмо это было писано студентомъ Харьковскаго университета Всеволодомъ Гончаровымъ, арестованнымъ въ Августѣ мѣсяцѣ того же года по обвиненію въ устройствѣ Харьковскаго революціоннаго кружка и впослѣдствіи умершимъ въ Харьковской тюрьмѣ. Показаніями допрошенныхъ по этому послѣднему дѣлу лицъ сына священника Николая Олторжевскаго, дворянки Елены Стоврони и другихъ выяснено, что въ зиму 1883—1884 гг. въ этомъ кружкѣ вращались обвиняемый Иванъ Гейеръ и личности, именовавшіяся Василіемъ Алексѣевичемъ Зайкою, Владиміромъ Николаевичемъ и Кирилломъ, оказавшіяся впослѣдствіи Сергѣемъ Ивановымъ, Петромъ Елько и Петромъ Антоновымъ. По обыску у Гончарова въ числѣ другихъ предметовъ и документовъ, имѣвшихъ преступное назначеніе, найдены писанные имъ собственноручно: «уставъ южнорусской боевой дружины» и «Воззваніе» отъ этой дружины, съ помѣтою «летучая типографія партіи Народной Воли. Апрѣля дня 1884 г.». Въ этомъ воззваніи излагаются соображенія, по которымъ представители боевой дружины считаютъ шпіоновъ особенно опасными въ рабочей средѣ; воззваніе оканчивается словами: «вотъ тѣ причины, которыя руководили нами при убійствѣ Федора Шкіобы и онѣ же побудили насъ исполнить сегодня приговоръ исполнительнаго комитета надъ измѣнникомъ и шпіономъ».

Прил. № 21 л. 35 и 391.

Прил. № 22 л. 699

Прил. № 21 л. 230 об., 231, допол. при нем. переписка л. 69 и 75 и Т. I л. 598.

Допрошенный по поводу письма, посланнаго Грекову, Всеволодъ Гончаровъ показалъ, что онъ писалъ это письмо по порученію Харьковской группы партіи Народной Воли. Убійство, о которомъ упоминается въ письмѣ, было предположенное убійство рабочаго,

Прил. № 22 л. 559.

заподозрѣннаго въ шпіонствѣ; но оно выполнено не было, потому что подозрѣніе противъ этого рабочаго собранными свѣдѣніями было опровергнуто. — Къ этому же предполагавшемуся убійству относится, по его объясненію, и найденное у него при обыскѣ воззваніе отъ имени боевой дружины. Кромѣ приведенныхъ выше случаевъ въ Петербургѣ, Харьковѣ, Кіевѣ, Ростовѣ на Дону и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи существовали правильно организованныя сношенія революціонныхъ группъ посредствомъ переписки и путемъ личныхъ свиданій по такъ называемымъ конспиративнымъ адресамъ и явкамъ на имена разныхъ лицъ.

Организація мѣстныхъ революціонныхъ группъ или кружковъ и отношенія ихъ къ центральной группѣ преступнаго сообщества опредѣлялись особыми уставами, изъ которыхъ одинъ «уставъ южнорусской боевой дружины», какъ сказано выше, найденъ у Всеволода Гончарова; другой же, озаглавленный «уставъ мѣстныхъ группъ партіи Народной Воли», писанный почеркомъ обвиняемаго Сергѣя Иванова, отобранъ въ Октябрѣ 1884 г. въ г. Ростовѣ на Дону при обыскѣ у мѣщанина Герша Ранца. — Боевая дружина, по уставу, составляетъ сообщество вполнѣ солидарное съ партіею Народной Воли, принимающее на себя, какъ говорится въ уставѣ, «совершеніе террористическихъ фактовъ, которые ведутъ какъ къ торжеству и побѣдѣ идей Народной Воли, такъ точно и къ безопасности ея членовъ и дѣятельности». Къ числу обязанностей членовъ дружины по § 27 устава отнесены: «конфискованіе государственныхъ имуществъ (нападенія на почты, казначейства и т. п.»; въ параграфѣ же 13 означеннаго устава говорится—«намѣренному шпіону смерть».—Въ уставѣ же, писанномъ Сергѣемъ Ивановымъ, въ § 1-мъ мѣстныя группы называются «представителями революціонныхъ элементовъ и организаторами революціонныхъ силъ данной мѣстности на почвѣ революціонной борьбы во имя партіи Народной Воли».—Онѣ, какъ изложено въ § К, должны имѣть «членовъ или агентовъ, способныхъ, по требованію мѣстныхъ обстоятельствъ или по указанію центра, совершать террористическіе акты самообороны или устрашенія и ослабленія правительства и его слугъ».

Т. VI л. 80—85, 127 об.

Положеніе революціоннаго сообщества, присвоившаго себѣ наименованіе партіи «Народной Воли», равно какъ значеніе и цѣли преступныхъ его стрем-

леній, очерченныя въ предшествующемъ изложеніи. вполнѣ выразились въ дѣйствіяхъ обнаруженныхъ и привлеченныхъ къ настоящему дознанію обвиняемыхъ, преступная дѣятельность которыхъ и составляетъ предметъ дальнѣйшаго изложенія сего дѣла.

6 Октября 1884 г. были арестованы въ С.-Петербургѣ на улицѣ дворяне Германъ Лопатинъ и Неонила Салова, проживавшіе здѣсь подъ именами: первый—англійскаго подданнаго Фридриха Норриса, а вторая—дворянки Федосьи Лобойко. личности которыхъ при дальнѣйшемъ дознаніи были удостовѣрены: Лопатина—показаніями околоточныхъ надзирателей Вологодской городской полиціи Воробьева и Алексина, знавшихъ Лопатина во время проживанія его въ томъ городѣ подъ надзоромъ полиціи въ 1882 г., а Саловой—показаніями ея матери и сестры Анны, по мужу Дубровольской. Т. I л. 2, 3, 62, 65. Т. I л. 338, 339. Т. I л. 362, 365.

По обыску Лопатина и Саловой во время ихъ задержанія. равно какъ и квартиръ ихъ. была отобрана обширная переписка и другія бумаги, а также разные предметы. указывающіе на ихъ преступную революціонную дѣятельность. Т. I л. 3, 16, 65.

По осмотрѣ всего отобраннаго у названныхъ лицъ оказалось:

У Германа Лопатина: 1) двѣ цилиндрическія жестянки. на половину наполненныя динамитомъ. каждая съ капсюлемъ изъ гремучей ртути и 2) двѣ изогнутыя стеклянныя трубочки, наполненныя крѣпкой сѣрной кислотой. Т. I л. 18, 81—85, 237, 238.

По заключенію эксперта, предметы эти, въ ихъ совокупности. представляютъ разрывные метательные снаряды, вполнѣ годные для дѣйствія и имѣющіе радіусъ сферы разрушенія не менѣе 1½ аршина. На крышкѣ одной изъ жестянокъ вычищена надпись: «Технико-динамитное отдѣленіе партіи Народной Воли 1½ фунта динамита ном. 2-й».

3) Значительное число различныхъ революціонныхъ изданій печатныхъ и гектографированныхъ, большею частію преступнаго сообщества, именующагося партіи «Народной Воли», и въ томъ числѣ 49 экземпляровъ № 10 журнала «Народная Воля» трехъ различныхъ по содержанію изданій, изъ коихъ одно отличается Т. I л. 18 об., 19.

1450612

Т. V л. 505. отъ прочихъ двухъ и по шрифту, какъ это удостовѣрено экспертизою, установившей, вмѣстѣ съ тѣмъ, что это третье изданіе, какъ по содержанію своему, такъ и по шрифту, совершенно тождественно съ отобраннымъ въ помѣщеніи тайной типографіи, обнаруженной впослѣдствіи въ г. Дерптѣ.

4) Деревянныя клише заголовковъ: «Народная Воля» и «Народная Борьба»; относительно перваго изъ нихъ та же экспертиза выяснила, что клише заглавія «Народная Воля» ни къ одному изъ трехъ изданій № 10 журнала «Народная Воля», отобранныхъ у Лопатина, не подходитъ.

Т. I л. 31, 32. 5) Таблица для разбора алфавитнаго шифра, состоящая изъ деревянной доски, съ передвижными жестяными полосками и рядами буквъ алфавита.

Т. I л. 25, 575 об. 6) Рукописи, переписка и замѣтки, относящіяся къ революціонной дѣятельности, а именно:

А. Черновой проектъ прокламаціи объ убійствѣ прокурора Московской судебной палаты Муравьева, озаглавленный: «Отъ И. К. П. Н. В.» (отъ исполнительнаго комитета партіи Народной Волн), съ помѣтой» . . . . Октября 1884 г. Л. Т. Н. В.» (летучая типографія Народной Воли) и съ припиской внизу: «успѣхъ пріѣду, не успѣхъ не могу». Проектъ этотъ, какъ удостовѣрено экспертизой, писанъ рукою обвиняемаго Германа Лопатина: содержаніе этой прокламаціи слѣдующее: «Нынѣшній П. М. С. П. М. принадлежитъ къ позорной плеядѣ тѣхъ новѣйшихъ юристовъ, которые принесли свой умъ, высшее образованіе и науку о правѣ на службу невѣжеству, обскурантизму, произволу, насилію и безправію. Искусное вымогательство показаній, холодная жестокость къ своимъ жертвамъ, доходившая до издѣвательства надъ ними, и наконецъ расчитанное безжалостное мученительство уже осужденныхъ страдальцевъ, съ цѣлью вынужденія у нихъ позорныхъ признаній, рѣзко выдѣляли его изъ числа членовъ даже этой послѣдней плеяды.—Участь его была рѣшена уже давно, но очередь его была еще далека и только настойчивыя просьбы одного изъ недавнихъ арестованныхъ предоставить это дѣло ему, въ виду его частныхъ личныхъ сношеній съ М.., склонили П. К. разрѣшить казнь этой опасной и гнусной личности, такъ сказать, не въ очередь.—Казнь это совершилась сегодня. М. допрашивалъ студента К.., тотъ неожиданно вынулъ пистолетъ и выстрѣлилъ ему въ лицо свинцовыми жеребьями. Остальныя

подробности и дальнѣйшая судьба раненаго палача станутъ скоро извѣстными публикѣ изъ легальныхъ газетъ».

Б. Рядъ корреспонденцій изъ Казани, Кіева, области войска Донскаго и другихъ мѣстностей Россіи, а также разныхъ статей, очевидно, предназначенныхъ для напечатанія въ какомъ либо революціонномъ органѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ статей, а именно: «Заявленіе исполнительнаго комитета», по поводу убійства подполковника Судейкина, «Письмо изъ Парижа» (экономическій кризисъ и политическія партіи во Франціи) и прокламація объ убійствѣ рабочаго Гельшера въ г. Згѣржѣ, Петроковской губерніи, были напечатаны въ № 10 журнала «Народная Воля». Въ числѣ тѣхъ же рукописей находится статья, начинающаяся словами: «Больше двухъ лѣтъ прошло со времени выхода въ свѣтъ №№ 8—9 «Народной Воли», представляющая, по своему содержанію, первоначальный черновой набросокъ статьи, предназначавшейся для того же 10-го номера. Въ концѣ этой статьи говорится, что для изданія этого номера революціонная партія устроила двѣ типографіи. Эта послѣдняя рукопись, также, какъ и корреспонденціи изъ Казани, Кіева и земли войска Донскаго и заявленіе исполнительнаго комитета объ убійствѣ подполковника Судейкина писаны, какъ признано экспертизой, рукою розыскиваемаго по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ бывшаго студента Кіевскаго университета Абрама Баха. Л. д. 19 об., 20, 21, 22 об., 23, 374.

В. Уставы и программы: Л. д. 21, 22, 23, 375 об.

а) рукопись подъ заглавіемъ «Письмо къ товарищамъ», писанная, какъ удостовѣрено экспертизой, обвиняемой Неонилой Саловой. Въ письмѣ этомъ авторы его, именующіе себя «членами различныхъ организацій» (партіи Народной Воли), заявляя о своемъ рѣшеніи «не допустить никогда соприкосновенія С. П. Дегаева съ дѣйствующей внутри Россіи организаціей», указываютъ на неблагопріятныя для партіи послѣдствія организованнаго имъ, Дегаевымъ, 17—19 Октября 1883 г. революціоннаго съѣзда, окончившагося избраніемъ распорядительной коммисіи съ диктаторскими полномочіями и далѣе говорятъ, что существующій центръ партіи состоитъ: въ Россіи—изъ дѣятелей, представляющихъ слабое меньшинство не только по своему числу, но и по средствамъ, коими они располагаютъ, за границей же, за немногими Л. 42—46.

исключеніями, или изъ лицъ, совершенно неизвѣстныхъ, или такъ давно выѣхавшихъ изъ Россіи, что они, по мнѣнію авторовъ письма, могутъ вступить въ дѣйствующую организацію лишь на правахъ начинающихъ работниковъ. Въ виду сего авторы письма приходятъ къ заключенію: 1) что № 10 «Народной Воли», которому они придаютъ громадное значеніе, долженъ быть составленъ и напечатанъ не однимъ существующимъ центромъ, а съ вѣдома представителей всѣхъ работающихъ въ Россіи группъ и 2) что центральную организацію партіи необходимо устроить на иныхъ противъ прежняго началахъ. Въ этомъ отношеніи они заявляютъ, что всѣ революціонныя функціи могутъ свободно вѣдаться мѣстными центральными группами, кромѣ лишь двухъ, имѣющихъ общереволюціонное значеніе и обнимающихъ интересы всей революціонной партіи, а именно: изданія центральнаго революціоннаго органа, въ которомъ выражалось бы въ литературной формѣ единство и самосознаніе партіи, и веденія обще-политическаго и, быть можетъ, обще-соціальнаго террора. Лучшимъ органомъ для выполненія этихъ послѣднихъ функцій они признаютъ не постоянный «исполнительный комитетъ», а періодическіе съѣзды уполномоченныхъ отъ мѣстныхъ центральныхъ группъ.—Изъ среды этихъ уполномоченныхъ должны затѣмъ выбираться на извѣстный періодъ времени составъ редакціи печатнаго органа партіи и лица, коимъ съѣздъ поручалъ бы организацію боевой дружины, какъ исполнительнаго органа; при этомъ, однако, не только общее направленіе террора, но и опредѣленіе въ каждомъ частномъ случаѣ лицъ, подлежащихъ «казни», остается дѣломъ съѣзда уполномоченныхъ и какъ боевая дружина, такъ и редакція дѣйствуютъ подъ контролемъ слѣдующаго съѣзда. Всѣ прочія дѣла партіи вѣдаются самостоятельно мѣстными центральными группами, вступающими непосредственно и во взаимныя между собою сношенія;

Т. I л. 374. б) программа организаціи молодой партіи Народной Воли, писанная, какъ установлено экспертизой, рукою обвиняемаго Петра Якубовича. — Въ этой программѣ излагаются начала будущей организаціи партіи согласно желаніямъ, высказаннымъ въ приведенномъ только что «письмѣ къ товарищамъ». — Главное значеніе въ партіи, организованной по этимъ новымъ началамъ, имѣютъ: революціонный союзъ представи-

телей мѣстныхъ центральныхъ группъ для общихъ програмныхъ вопросовъ партіи и мѣстная центральная группа для практическаго выполненія ея задачъ. Постоянный центръ, существующій въ видѣ «исполнительнаго комитета», въ промежуткахъ между съѣздами, имѣетъ лишь второстепенное значеніе временнаго распорядителя общими силами и дѣлами партіи подъ контролемъ съѣзда. Въ программу дѣятельности партіи вводится впервые: «аграрный терроръ, какъ система».

в) «уставъ московской рабочей группы Народной Воли», и г) «общія начала организаціи и уставъ мѣстной великороссійской центральной группы», представляющіе программы организаціи этихъ группъ, какъ составныхъ частей сообщества, именующаго себя партіей «Народной Воли».

Уставы эти основаны на началахъ старой программы «исполнительнаго комитета» партіи, которому они присвоиваютъ главную роль, при чемъ періодическіе съѣзды представителей мѣстныхъ группъ хотя и признаются, второю изъ этихъ программъ, необходимыми, однако имъ придается лишь совѣщательное значеніе.

Г. Переписка:

а) пять писемъ, помѣченныхъ 21 Мая, 4 и 5 Августа, 2 и 27 Сентября 1884 г., и шестое безъ числа, начинающееся словами: «сообщаю прежде всего новости изъ Женевы». Т. I л. 25 об., 24, 25, 26, 374, 377 об., 86 об.

Письма эти, какъ установлено экспертами, писаны эмигрантомъ Львомъ Тихомировымъ.

Первыя пять писемъ касаются, главнымъ образомъ, современнаго положенія журнала «Вѣстникъ Народной Воли», редактируемаго Тихомировымъ и Петромъ Лавровымъ, при чемъ Тихомировъ, извѣщая Лопатина о нежеланіи Лаврова продолжать оффиціальное соредакторство этого изданія, указываетъ на необходимость пріискать новаго редактора въ Россіи, напоминая Лопатину, что ему необходимо уѣхать изъ Россіи хоть на мѣсяцъ и, убѣждая его въ этомъ, проситъ кстати вывезти изъ Россіи новаго редактора.

Сверхъ того, въ письмахъ упоминается вице о «неудачной поѣздкѣ» Лопатина, относительно которой въ письмѣ отъ 2 Сентября сказано: «Повидимому первоначальный дуракъ и трусъ перепуталъ адресъ жесточайшимъ образомъ». . . . . «Оставьте пока всякія попытки въ томъ мѣстѣ, гдѣ Вы были, пріѣдетъ

Гр. и все разберетъ»; въ письмѣ же отъ 27 Сентября сообщается: «Вы вѣроятно уже знаете, что цѣль Вашего неудачнаго путешествія достигнута: «человѣкъ на мѣстѣ со всѣмъ багажемъ». . . . Остальное содержаніе писемъ касается исключительно литературныхъ интересовъ революціонной партіи, а также вопроса о взаимныхъ сношеніяхъ ея членовъ. Всѣ лица, упоминаемыя въ этой части писемъ, названы псевдонимами и самоличность ихъ осталась дознаніемъ невыясненною за исключеніемъ «Комарова», арестованнаго какъ видно изъ письма отъ 22 Сентября въ Одессѣ, который, по показанію обвиняемой Саловой, оказался Василіемъ Сухомлинымъ, а также «баронессы», оказывающейся, по объясненію Лопатина, розыскиваемой по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ дворянкой Галиной Чернявской.

Т. I л. 86 об. и 93 об. Шестое письмо, писанное химическими чернилами, содержитъ въ себѣ сообщеніе о пріѣздѣ въ Женеву къ Плеханову какого-то ложнаго представителя или делегата «Народной Воли», заявленіе Тихомірова объ отказѣ отъ личнаго участія въ работахъ по практической организаціи революціонной партіи, мотивированномъ тѣмъ, что участіе въ подобныхъ работахъ изъ-за границы невозможно, а также совѣтъ адресату «отказаться отъ широкихъ невыполнимыхъ задачъ и, если онъ не можетъ примириться съ мелочами, то возвратиться за границу, гдѣ ожидать лучшаго времени»;

Т. I л. 26. б) три письма, помѣченныя 22 Мая, 2 и 28 Сентября и писанныя, какъ объяснилъ Лопатинъ, эмигрантомъ Петромъ Лавровымъ. Въ нихъ, какъ и въ письмахъ Тихомірова, идетъ рѣчь о литературныхъ дѣлахъ партіи. Въ одномъ изъ этихъ писемъ отъ 28 Сентября говорится о письмѣ, полученномъ отъ «Серба», каковое прозвище, какъ впослѣдствіи призпала обвиняемая Салова, принадлежитъ ей;

Т. I л. 91, 92. в) два письма, писанныя химическими чернилами и помѣченныя на французскомъ языкѣ: «Парижъ 29 Сентября» и «Парижъ 3 Октября».

Въ этихъ письмахъ, авторъ коихъ остался неизвѣстнымъ, сообщается объ арестѣ обвиняемыхъ Сухомлина и Кашинцева въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Получила письмо . . . . . изъ того города, куда былъ посланъ Препаратскій . . . . . Ваши опасенія на счетъ Комарова не были напрасны—онъ арестованъ . . . Препаратскій арестованъ, я Вамъ писала

уже объ этомъ, онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Бѣлый» . . . . . Семенъ Гальперинъ выложилъ все, что зналъ и выпущенъ на поруки за 2.500 р. Комаровъ пытался бѣжать, когда его везли мимо Пале-Рояля, но былъ пойманъ . . . . . .» Далѣе въ этомъ письмѣ говорится о предполагаемомъ выѣздѣ въ Россію «баронессы» (Галины Чернявской), которому препятствуетъ лишь неимѣніе паспорта, о перевозкѣ революціонныхъ изданій и другихъ подобныхъ тому вопросахъ, при чемъ всѣ лица, какъ и въ письмахъ Тихомірова, называются псевдонимами, оставшимися при дознаніи неразъясненными, кромѣ указанныхъ выше баронессы Чернявской, Комарова, Сухомлина и Препаратскаго, онъ же Бѣлый, подъ каковыми прозвищами извѣстенъ обвиняемый Кашинцевъ, а также «Фалалея», объ отъѣздѣ котораго въ Москву говорится въ письмѣ отъ 3 Октября, оказывающагося, какъ впослѣдствіи было выяснено показаніемъ обвиняемаго Сергѣя Иванова, Воскресенскимъ (Крыловымъ, бѣжавшимъ послѣ арестованія его при обнаруженіи въ 1883 г. въ г. Харьковѣ тайной типографіи;

г) два письма отъ 18 и 25 Сентября за подписями: «Ко.....» и «Павелъ», писанныя, какъ установлено экспертизой, рукою Абрама Баха. Изъ нихъ въ письмѣ отъ 18 Сентября, отправленномъ, судя по его содержанію, изъ Казани, сообщается о «плачевномъ состояніи» революціонныхъ дѣлъ въ этомъ городѣ и объ арестѣ всѣхъ «стариковъ»; въ письмѣ этомъ, между прочимъ, высказано: «что касается до моего «тат.», то онъ еще не ликвидировалъ своихъ дѣлъ за семейными препятствіями..... Препошлую штуку выкинулъ съ нимъ Петруччіо. Прежде всего онъ закатилъ ему посланіе въ три страницы объ аграр. терр. и предложилъ ему присоединиться къ молодой партіи. Спустя нѣкоторое время онъ выслалъ ему адресъ съ требованіемъ немедленно перевести по телеграфу какъ можно больше денегъ, причемъ возвѣстилъ, что, быть можетъ, еще до полученія этого письма онъ, тат., услышитъ о великомъ и потрясающемъ событіи. Мой юнецъ былъ очень оскорбленъ такимъ шарлатанствомъ..... Жалѣю, что Петруччіо тутъ напачкалъ; также жалѣю, что Петруччіо до сихъ поръ не провалился, чего я ему всегда желалъ и теперь отъ души желаю».

Т. I л. 28, 89, 90, 374, 377 об.

Т. II л. 45.

Показаніемъ обвиняемаго Петра Якубовича установлено, что упоминаемый въ этомъ письмѣ «Петруччіо» есть онъ, Якубовичъ. Что же касается «тат.» или

Прил. № 16 л. 123, 352, 354. Татарина. то произведеннымъ по этому поводу разслѣдованіемъ обнаружено, что подъ этой кличкой разумѣется проживавшій въ г. Казани дворянинъ Кутлугъ-Мухамедъ Алкинъ, который на допросѣ при дознаніи показалъ, что въ Декабрѣ 1883 г. и въ Апрѣлѣ 1884 г. онъ получилъ изъ Петербурга отъ неизвѣстнаго ему лица за подписью «Александръ Ивановичъ» два письма, въ которыхъ заключалось изложеніе системы аграрнаго террора, приглашеніе вступить въ революціонную партію и просьба выслать денегъ для какого то важнаго дѣла. Для отвѣта же прилагались адресы, написанные шифромъ по ключу «memento mori», приписанному въ концѣ письма.

Л. 145, 147. По осмотрѣ записной книжки Алкина, въ ней найдена шифрованная запись, которая, будучи разобрана по ключу «memento mori», оказалась Петербургскими адресами трехъ лицъ: Хворостанской, Шавкунова и

Л. 50, 312 и 314. Екатерины Ивановой;

д) три конверта адресованныхъ «въ Москву, Его

Т. I л. 28 об., 29, 373 об., 374. Высокоблагородію Ивану Ивановичу Штулю, до востребованія» съ почтовыми штемпелями: «Петербургъ 28, 29 и 30 Сентября 1884 г. и въ нихъ два письма отъ 28 и 29 Сентября, одно за подписью «Ваша Евг.», другое безъ подписи. Какъ самыя письма, такъ и надписи на конвертахъ экспертиза признала писанными обвиняемою Саловой. Въ письмахъ этихъ обвиняемая сообщаетъ между прочимъ Лопатину, что «къ Гришѣ въ деревню поѣхалъ одинъ знакомый, который обѣщалъ выручить его изъ бѣды», что «она ждетъ съ нетерпѣніемъ его (Лопатина), такъ какъ онъ, въ эту трудную для нея минуту..... единственный человѣкъ, который можетъ помочь ей» и что «получены два письма отъ «Кощенко» съ дороги»;

Т. I, л. 33. е) письмо, писанное химическими чернилами и помѣченное 4 Октября 1884 г. Въ письмѣ этомъ сообщается о произведенныхъ въ Москвѣ 2 и 3 того же Октября арестахъ и о другихъ послѣдствіяхъ происходившихъ тогда безпорядковъ въ средѣ студентовъ Московскаго университета. Письмо оканчивается словами: «Прощайте дорогой другъ, давайте инструкціи!».

Относительно этого письма произведенною при дальнѣйшемъ дознаніи экспертизой установлено, что оно

Т. II л. 118—123, 119 об. писано студентомъ Московскаго университета Михаломъ Поповымъ, нынѣ содержащимся подъ стражею въ Москвѣ по обвиненію въ государственныхъ престу-

пленіяхъ. На допросѣ по поводу этого письма Поповъ не призналъ, чтобы таковое было писано имъ и не далъ по содержанію его никакихъ объясненій.

Д. Различныя замѣтки:

а) 11-ть клочковъ частію папиросной, частію обыкновенной бумаги съ замѣтками, писанными рукою обвиняемаго Лопатина, содержащими въ себѣ указанія на значительное число лицъ, проживающихъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи и, судя по содержанію самихъ замѣтокъ, или принадлежащихъ къ революціонной партіи, или оказывавшихъ членамъ ея содѣйствіе въ ихъ преступной дѣятельности. Г. I л. 25 об., 29 — 35, 53 — 42, 573 об.

Изъ числа этихъ замѣтокъ особенное вниманіе обращаютъ на себя слѣдующія:

Ростовъ: 1) центральная группа: Чернышевъ, Пешкеровъ, Добрускина (она для сношеній)—а) адресъ ихъ: помощникъ начальника станціи (Ростовъ) Станисл. Степ. Бѣлецкій; б) тоже для посылокъ: отдѣлен. склад.швейн.машинъ Нейдлингера; в) явка для центра Ан. Ив. Барыкова (жена присяж. повѣр.) уг. Моск. ул. и Каз. пер., спросить: Генр. Ник.; г) тоже для прочихъ: фотографія Боярскаго; Як. Серг. Шаповаловъ; спросить у него Ан. Михй—ну; д) тоже (временная) аптека Ланицкаго фармацевтъ Ранцъ; спросить у него Як. Серг., а у этого Ан. Мих.; е) ключъ для писемъ: донская икра (аптека Ланицкаго на большой Садовой); ж) *адр.* имъ Молчанова; з) просятъ адресъ для денегъ (!) и для посылокъ; и) подпись ихъ: «Анна Михайлова».

2) Типографія: Васильевъ, Рунія, Кирило (Шкріоба) надо перенести нуженъ хозяинъ полицейскія свѣдѣнія.

3) Начпортистъ: Як. Серг. Шаповаловъ. Дубликаты—подробные снимки печатей и подписей.

5) Терроръ Луганскій заводъ. Доступъ чрезъ Кащея, Заику и Генріетту. Любое количество динамита. Снаряды. Куда дѣть Андрея? Привязать *прямо* къ центру. пока чрезъ Кащея. Рабочіе (!)

8) Кащей: Эйскъ, Саратовъ, Казань, Ярославль, Москва, Ростовъ, Москва.

9)Разныя разности вѣчныя скачки Заики 25.000 вер. Побѣгъ сломя голову. Утрата подлинника (Лука Максимычъ Лысенко) чемодана, вещей и денегъ 175+28+18 и проч.

10) Отъ друга 125 р. (Барыкова).

11) Харьковъ. Разслѣдовать Всеволода Гончарова и Владиміра Елько.

12) Одесса. В. Арнаут. ул. д. Бернштейна кв. Гальперинова спросить Сеню, а у него Ник. Ник. (Лид. Ник. Кашинцевъ). Если его нѣтъ, то спросить г-нъ Куба—(студ. Барскій).

13) Вотчимъ Комара Елис. Яковл. Колбасинъ. Мать его Мар. Мих. Рубинштейнъ. Соф. Григор. (постъ): Соборная площ. д. Вейнберга, къ ней отъ Тат. Мих. (т. е. отъ серба).

14) Ямск. ул. д. Мединтера Соф. Самойл. Вольтке отъ Е. А.

Тамъ же: дубликаты.

15) Кременчугъ. Контроль сборовъ Харьково-Николаевской желѣзной дороги Ив. Ив. Багинскій. «Знаете ли что нашъ статскій совѣтникъ умеръ?» «собакѣ собачья и смерть» (онъ же дыба); у него спросить Вас. Ив. (Ив. Андр.) и Ан. Марк. дастъ денегъ. Готовъ перевестись въ СПБ.

16) Полтава. Богоугодное заведеніе (больница) фельдшеръ Николаевъ спросить Калиниченко «люби ближняго какъ самого себя» (отъ Заики).

17) Петруччіо. Валъ. Иванъ Андреевичъ. Типографія.

18) Союзникъ. Моряки. Собраніе. Ребиндеръ. Союзъ и вмѣстѣ.

19) Станіоль толстый—резиновая пробка сплавъ 96% изъ висмута 5 ч. 267° свинца 3 ч. (325°) и олова 2 ч. (228°)—тиски и прочее.

б) Девять листовъ бумаги съ записями пожертвованій на разныя революціонныя нужды, причемъ фамиліи жертвователей обозначены псевдонимами.

в) Записная книжка въ черномъ картонномъ переплетѣ съ записями прихода и расхода суммъ, сдѣланными рукою Лопатина, причемъ въ числѣ записей прихода значатся 100 р., «полученныхъ въ Ростовѣ». а въ числѣ замѣтокъ о расходѣ находится слѣдующая: «70 р. с. отослано». При производствѣ дознанія показаніемъ обвиняемаго Лопатина установлено, что эти 70 р. были имъ отосланы въ Дерптъ умершему впослѣдствіи студенту Переляеву на нужды дерптской тайной типографіи.

г) Два счета меблированныхъ комнатъ Куршнева въ Москвѣ на имя Норриса: 1) съ 24 по 31 Августа и 2) съ 26 Сентября по 2 Октября 1884 г. и третій счетъ

«Троицкаго подворья» въ Харьковѣ тоже на имя Норриса за 21—24 Сентября того же 1884 года.

Виды на жительство: Т. I л. 31, т. II, л. 255—258 и 263.

Изъ числа этихъ видовъ два на имя Вертоградовой и Ивана Штуля оказались подложными, а по двумъ—на имя великобританскаго подданнаго Фредерикса Норриса—проживалъ въ Россіи Лопатинъ. Одинъ изъ этихъ видовъ національный, на немъ имѣются: отмѣтка о проѣздѣ въ Россію чрезъ Вержболово 11 Марта 1884 г. и прописки того же года въ Петербургѣ. Москвѣ и Одессѣ: другой же видъ, отъ 21 Сентября 1884 г. за № 122, выданъ, на основаніи перваго, Харьковскимъ губернаторомъ и также прописанъ въ Харьковѣ, Москвѣ и Петербургѣ.

У обвиняемой Саловой при обыскѣ отобраны. Т. I л. 16, 65—71.

1) 16 экземпляровъ различныхъ революціонныхъ сочиненій, въ числѣ которыхъ по нѣсколько экземпляровъ № 10 журнала «Народная Воля» и №№ 1—2 «Вѣстника Народной Воли».

2) Три листка «для сбора» въ пользу партіи «Народной Воли» безъ записей.

Рукописи революціоннаго содержанія.

А. Напечатанныя въ № 10 журнала «Народная Воля»:

а) Заявленіе о соглашеніи «исполнительнаго комитета» партіи Народной Воли съ «центральнымъ комитетомъ» партіи «Пролетаріатъ», а также и самое соглашеніе (въ № 10 не напечатаннаго); рукописи эти писаны, какъ установлено экспертизою: «Заявленіе»—рукою обвиняемаго Лопатина; а соглашеніе же—рукою Саловой.

б) Общія основанія программы центральнаго комитета партіи «Пролетаріатъ».

в) Заявленіе центральной группы молодой партіи Народной Воли о соглашеніи съ исполнительнымъ комитетомъ партіи, напечатанное въ нѣсколько измѣненной редакціи.

г) Статья, начинающаяся словами: «призывая нашу партію къ новому энергичному наступленію», писанная, по удостовѣренію экспертизы, рукою эмигранта Льва Тихомірова.

д) Статья, начинающаяся словами «ошибки революціонера и преступленія предателя»; и

с) Замѣтки по такъ называемой арестной хроникѣ и денежнымъ отчетамъ «Народной Воли» на 28-ми отдѣльныхъ листкахъ.

Б. Программы, уставы и заявленія:

а) «Общія начала организаціи» сообщества, именующаго себя партіей «Народной Воли» и «уставъ мѣстной великороссійской центральной группы» (той же партіи) въ двухъ экземплярахъ.

Въ рукописяхъ этихъ организація партіи формулируется на прежнихъ началахъ старой программы «исполнительнаго комитета», причемъ этому послѣднему присвоивается высшая власть, какъ главѣ и центральному органу партіи, вѣдающему и рѣшающему всѣ обще-партійныя дѣла. Періодическіе же съѣзды представителей мѣстныхъ центральныхъ группъ хотя и признаются необходимыми для рѣшенія програмныхъ вопросовъ, а также вопросовъ партійной политики, но за ними признается лишь совѣщательный голосъ.

Т. I л. 375 об.

б) «Уставъ московской рабочей группы» той же партіи. какъ группы подчиненной мѣстной центральной группѣ, писанный, по удостовѣренію эксперта, рукою обвиняемой Саловой.

в) Заявленіе «петербургской рабочей группы» объ отношеніяхъ ея къ «исполнительному комитету». изъ коего видно. что группа, сочувствуя дѣятельности комитета, но не желая вступать ни въ какія обязательныя къ нему отношенія, предполагаетъ разрѣшать вопросы о совмѣстномъ съ нимъ участіи въ какомъ либо дѣлѣ отдѣльно въ каждомъ данномъ случаѣ.

г) Заявленіе «отъ центральнаго кружка союза молодежи партіи Народной Воли» на имя «исполнительнаго комитета» этой партіи.

Въ этомъ заявленіи высказано, что члены кружка, «въ виду крайняго обостренія столь важнаго вопроса. какъ введеніе въ программу дѣятельности Народной Воли аграрнаго и фабричнаго террора», запрашиваютъ исполнительный комитетъ, почему онъ не соглашается на соотвѣтствующее измѣненіе программы партіи.

д) Отвѣтъ С.-Петербургской делегаціи исполнительнаго комитета партіи на это заявленіе, писанный, по удостовѣренію эксперта, рукою обвиняемой Саловой.

Въ этомъ отвѣтѣ делегація, оспаривая первостепенную важность вопроса, вызвавшаго заявленіе союза, въ то же время указываетъ послѣднему. что его члены,

«какъ не позаботившіеся стать въ правильныя организаціонныя отношенія къ «исполнительному комитету», не могутъ расчитывать на то, чтобы ихъ заявленія были принимаемы во вниманіе въ качествѣ заявленій подлинныхъ членовъ партіи и что на обязанности ихъ, какъ лицъ, впервые возбудившихъ вопросъ о необходимости внесенія въ программу партіи аграрнаго террора, лежитъ и письменная аргументація и мотивировка этого требованія». Къ этому делегація добавляетъ, что если подобная мотивировка послѣдуетъ, то конечно вопросъ этотъ будетъ внесенъ на обсужденіе представителей партіи на первомъ же ихъ общемъ собраніи, которое одно только имѣетъ право измѣнять обще-партійную программу.

е) Заявленіе членовъ преступнаго сообщества, именующихъ себя «соціалистами-народниками».

Въ заявленіи этомъ авторы его излагаютъ свои воззрѣнія на дѣятельность ихъ партіи въ случаѣ, если бы въ Россіи послѣдовалъ по какой либо причинѣ государственный переворотъ, а также на подготовительную къ этому революціонную работу, причемъ авторы заявленія приходятъ къ выводу о полной возможности совмѣстной дѣятельности на этомъ поприщѣ съ партіей «Народной Воли», не смотря на разногласіе въ вопросѣ о политическомъ терроръ, цѣлесообразность котораго они, соціалисты-народники, отрицаютъ, и въ вопросѣ о политическомъ переворотѣ, который они считаютъ полезнымъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ представляется результатомъ общественнаго движенія въ средѣ низшихъ классовъ народа.

В. Переписка:

а) Четыре письма обвиняемаго по настоящему дѣлу Петра Якубовича, помѣченныхъ Вторникъ (безъ числа) 14, 19 и 20 Сентября 1884 г., писанныхъ химическими чернилами и частью зашифрованныхъ. Въ письмахъ этихъ, при дознаніи разобранныхъ, говорится о печатаніи и перевозкѣ какого-то революціоннаго изданія; изъ дальнѣйшаго же содержанія этихъ писемъ можно заключить, что авторъ ихъ принимаетъ непосредственное участіе въ печатаніи этого изданія и что послѣднее есть № 10 журнала «Народная Воля», такъ какъ въ письмахъ говорится о печатаемыхъ въ томъ изданіи: «соглашеніи съ пролетаріатомъ» и «Некрологѣ Наддачина», каковыя дѣйствительно напечатаны въ 10-мъ номерѣ журнала «Народ-

л. 94, 93 об., 576, 577.

ная Воля». Въ одномъ изъ этихъ писемъ упоминается также о пріѣздѣ въ мѣсто печатанія номера революціоннаго дѣятеля, указаннаго подъ иниціалами: «Г. П.», принимавшаго участіе въ обсужденіи вопроса о времени выхода въ свѣтъ печатающагося изданія. Буквы эти составляютъ иниціалъ имени Григорія Петровича, которымъ иногда называли обвиняемаго Германа Лопатина.

Л. 67, 96, 225, 224, 46—49. б) Четыре письма розыскиваемаго по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ Григорія Федершера, одно безъ числа за подписью: «Гриша», а три остальныхъ помѣчены 14 и 20 Сентября и 1 Октября 1884 г.; три послѣднихъ письма писаны химическими чернилами, а письмо отъ 1 Октября частью зашифровано.

Во всѣхъ этихъ письмахъ идетъ рѣчь о какомъ-то революціонномъ дѣлѣ, для котораго авторъ въ самый день написанія перваго письма пріѣхалъ на мѣсто и для котораго онъ вызываетъ къ себѣ адресата, рекомендуя ему явиться съ паролемъ: «травой зеленой и костромъ большимъ». Во всѣхъ письмахъ авторъ проситъ у адресата денегъ, а въ письмѣ отъ 14 Сентября проситъ писать ему по адресу: «Хитрово, Политехникумъ». Въ письмѣ отъ 1 Октября упоминается о полученіи отъ адресата денегъ, но въ очень недостаточномъ количествѣ и присоединяется просьба о высылкѣ еще не менѣе 75 р., для чего указывается адресъ «Ловмана», личности дѣйствительной, а для простыхъ писемъ адресъ «Тандитнаго»—фамиліи вымышленной.

Л. 68, 376. в) Письмо Льва Тихомірова отъ 14 Мая 1884 г., въ которомъ говорится о литературныхъ дѣлахъ партіи «Народной Воли», о полномъ безденежьи группы эмигрантовъ, издающихъ «Вѣстникъ Народной Воли», и вообще о недостаткѣ средствъ въ революціонной партіи.

Т. I, л. 67 об. г) Письмо, писанное химическими чернилами, помѣченное «29 Августа. Парижъ». Въ письмѣ этомъ упоминается о разныхъ революціонныхъ дѣятеляхъ, называемыхъ прозвищами или псевдонимами и въ томъ числѣ: о Фалалеѣ (Воскресенскомъ), выѣзжающемъ въ Россію, баронессѣ (Галинѣ Черняевской), предполагающей ѣхать туда же, и о Сербѣ (Саловой), письма котораго получены. Кромѣ того въ этомъ письмѣ, авторъ коего остался неизвѣстнымъ, имѣется еще слѣдующее зашифрованное мѣсто, которое впослѣдствіи было разобрано—«Письмо Ваше за № 23

привело насъ въ отчаяніе, происходитъ какая-то чепуха. Посылаемъ Гришу въ Ригу, онъ будетъ снабженъ такими свѣдѣніями, что непремѣнно выручитъ находящіяся тамъ книги, а также получитъ и слѣдующій транспортъ».

Г. Различныя записи и замѣтки: Т. I л. 108—

а) 20 перенумерованныхъ полулистовъ тонкой 113.
почтовой бумаги съ шифрованными замѣтками, по расшифровкѣ которыхъ въ нихъ оказался рядъ именъ, фамилій и адресовъ лицъ, состоящихъ въ сношеніяхъ съ членами революціонной партіи; часть этихъ записей оказалась тождественною съ тѣми, которыя отобраны у Лопатина.

Въ числѣ этихъ записей находится между прочимъ слѣдующая:

«8. Возлѣ полиціи парикмахеръ Ожиговъ, хозяинъ, спросить Николая рабочаго или Бѣлоусова. Варвара Константиновна Пушковская. Луганскій заводъ; будемъ добывать динамитъ».

б) Пустой конвертъ, на которомъ написанъ списокъ отправленныхъ писемъ за Августъ, Сентябрь и первыя числа Октября; въ этомъ спискѣ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія замѣтки: Т. I л. 63.

«20 Сент. Петр. (деньги)».

«22 Сент. Заик. № 2 (заказное)».

«26 Сент. Грш. № 4 (день)».

в) Клочекъ бумаги съ записями, касающимися полученія и выдачи денегъ, въ числѣ коихъ, между прочимъ, имѣются слѣдующія:

«Петр. 50 р.».

«Грш. 23 р.».

На этихъ запискахъ сдѣлана отмѣтка о веденіи ихъ «съ 30 Августа».

Относительно этихъ замѣтокъ, какъ видно изъ обстоятельствъ, изложенныхъ ниже, дознаніемъ выяснено:

1) что «23 р. Грш. 26 Сент.» относится къ день- Т. IX л. 109,
гамъ, высланнымъ въ Ригу скрывавшемуся отъ пре- 121.
слѣдованія за государственное преступленіе Григорію Т. I л. 100.
Федершеру на вымышленное имя Хитрово; Т. VII л. 39—

2) что «50 р. Петр. 20 Сент.» означаетъ деньги, 45, 129.
высланныя обвиняемому Петру Якубовичу въ Дрезденъ на имя скрывавшагося Геккельмана на нужды извѣстной тайной типографіи, и

3) что замѣтка «22 Сент. Заик. № 2 (заказн.)» относится къ письму, посланному въ Ростовъ на Дону

на имя Бѣлецкаго и предназначавшемуся, очевидно, для обвиняемаго Сергѣя Иванова, извѣстнаго въ революціонной партіи подъ кличкой «Заики».

г) Клочекъ бумаги съ образцами печатныхъ шрифтовъ и отмѣтками, сколько и какого шрифта нужно пріобрѣсти. По удостовѣренію эксперта почеркъ этихъ отмѣтокъ представляетъ сходство съ почеркомъ обвиняемаго Петра Якубовича.

д) Черновой набросокъ статьи подъ заглавіемъ: «Курьезы въ полицейско-административномъ мірѣ», представляющей изложеніе обстоятельствъ дознанія Московскаго губернскаго жандармскаго управленія по дѣлу Роева и другихъ.

е) Такой же набросокъ «программы для собиранія свѣдѣній о революціонномъ движеніи въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи».

Д. Виды на жительство:

Т. II л. 149, 157, 199, 216—219, 224, 225, 236, 232.

Изъ числа этихъ видовъ: документы на имя Федосьи Лобойко, по коему обвиняемая Салова проживала въ Петербургѣ; Аполлинарія Борисовича, по коему, какъ установлено дознаніемъ, проживалъ въ 1883 г. въ Петербургѣ арестованный въ Ноябрѣ 1886 г. въ Саратовѣ скрывавшійся обвиняемый въ государственныхъ преступленіяхъ крестьянинъ Крыловъ, извѣстный въ революціонной средѣ подъ фамиліей Воскресенскаго; документъ на имя дочери титулярнаго совѣтника Надежды Сивковой и два вида на имя дворянина Шламинскаго оказались подложными, а документъ на имя купца Сазонкина и заграничный паспортъ на имя Рейзы Левитасъ, визированный при возвращеніи въ Россію въ Вержболовѣ 11 Марта 1884 г., по которому, по собственному ея сознанію, вернулась въ Россію обвиняемая Неонила Салова, оказались дѣйствительными, но обстоятельства, при коихъ эти документы перешли въ руки обвиняемой Неонилы Саловой, дознаніемъ не могли быть установлены.

Т. I л. 69.

Е. Фотографическія карточки государственныхъ преступниковъ:

Суханова, Буцевича, Желвакова и Вѣры Фигнеръ.

При дальнѣйшемъ дознаніи по содержанію всего отобраннаго у обвиняемыхъ Лопатина и Саловой было, сверхъ изложеннаго уже выше, выяснено нижеслѣдующее:

ТТ. VI, VII, VIII и IX.

Разрывные метательные снаряды, найденные у Лопатина, какъ установлено разслѣдованіемъ по

гг. Луганску и Ростову на Дону, обстоятельства котораго изложены ниже, были изготовлены въ г. Луганскѣ при участіи обвиняемыхъ: Сергѣя Иванова, Гейера, Ешина, братьевъ Андрея и Семена Бѣлоусовыхъ, Кирсанова и Френкеля. умершаго Гончарова и до нынѣ остающагося нерозысканнымъ Моисея Линтварева, а затѣмъ перевезены въ Ростовъ на Дону, гдѣ хранились у обвиняемой Генріетты Добрускиной.

По поводу трехъ различныхъ изданій № 10 журнала «Народная Воля», оказавшихся у Лопатина, разслѣдованіемъ по дѣлу «о деритской тайной типографіи», а также показаніями обвиняемыхъ Генріетты Добрускиной, Петра Елько и Петра Антонова установлено, что номеръ этотъ печатался одновременно въ двухъ тайныхъ типографіяхъ: Ростовской на Дону, въ работахъ которой принимали участіе: Антоновъ и нелегальные Марія Николаевна (Раиса Кранцфельдъ) и Михаилъ Васильевъ (личность котораго осталась необнаруженной) и Деритской, дѣйствовавшей при участіи умершаго нынѣ Переляева, обвиняемаго Александра Новикова и, судя по собственнымъ его письмамъ къ Саловой, Петра Якубовича. Изъ тѣхъ же писемъ, въ коихъ упоминается о пріѣздѣ «Г. П.» (Германа Лопатина), а также показаній обвиняемыхъ Петра Антонова и Петра Елько видно, что Лопатинъ принималъ ближайшее участіе въ руководствѣ работами обѣихъ названныхъ типографій и что, по его настоянію, было уничтожено 1-е ростовское изданіе № 10 журнала «Народная Воля» (экземпляръ котораго найденъ у Лопатина), въ коемъ былъ помѣщенъ некрологъ Якова Бердичевскаго.

Т. V; Т. IX л. 201—203, 215.

Изъ показанія бывшаго студента Петровской академіи Петра Ковалева, привлекавшагося въ качествѣ обвиняемаго въ приготовленіи къ убійству прокурора Московской судебной палаты Муравьева, по каковому предмету дознаніе получило отдѣльное отъ сего дѣла направленіе, между прочимъ видно, что съ членами революціонной партіи онъ, Ковалевъ, сошелся первоначально въ 1882—1883 гг. въ г. Харьковѣ, гдѣ также зналъ и обвиняемаго Сергѣя Иванова и затѣмъ въ 1883—1884 гг. въ Москвѣ, гдѣ самое сильное впечатлѣніе на него произвелъ Германъ Лопатинъ, котораго онъ зналъ подъ именемъ «Грегуара», дѣйствительная же фамилія Лопатина ему извѣстна не была.

Встрѣчаясь въ Москвѣ съ Лопатинымъ, онъ, Кова-

левъ, передалъ ему въ это время также и два своихъ изобрѣтенія, которыя, по его мнѣнію, могли быть пригодны въ революціонной дѣятельности, а именно: изобрѣтенный имъ сплавъ для снимка металлическихъ клише съ сургучныхъ печатей для поддѣлки паспортовъ и шифровальный приборъ для зашифровки и разбора рукописей. По предъявленіи замѣтки, оказавшейся въ отобранныхъ при обыскѣ у обвиняемаго Лопатина бумагахъ, начинающейся словами: «стаціоль толстый—резиновая пробка—90%, а также отобраннаго у Лопатина шифровальнаго прибора Ковалевъ призналъ ихъ своими изобрѣтеніями, переданными имъ Лопатину.

Т. XII л. 100, 120 и 151.

Обвиняемый Германъ Лопатинъ на первомъ допросѣ показалъ, что, познакомясь въ началѣ 1884 г. въ Парижѣ со многими выдающимися членами партіи «Народной Воли», онъ состоялъ съ ними въ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ и оказывалъ имъ всякія услуги какъ личнаго, такъ и политическаго свойства. Отрицая свою личную принадлежность какъ къ «исполнительному комитету», такъ и вообще къ «организаціи» этой партіи, Лопатинъ объяснилъ, что относясь сочувственно ко многимъ пунктамъ программы и дѣятельности означенной партіи, онъ далеко не раздѣляетъ всѣхъ ея взглядовъ. Дальнѣйшихъ показаній на этомъ допросѣ Лопатинъ дать не пожелалъ, заявивъ лишь, что два метательныхъ снаряда съ запалами, отобранныхъ у него при обыскѣ, были переданы ему въ Москвѣ за нѣсколько дней до его ареста для храненія и передачи другому лицу, которое должно было къ нему явиться съ условнымъ паролемъ.

Т. I л. 53, 56.

При дальнѣйшемъ производствѣ дознанія по мѣрѣ предъявленія Лопатину обстоятельствъ, выясненныхъ осмотромъ отобранныхъ у него бумагъ, а также другихъ, обнаруженныхъ по дѣлу данныхъ, обвиняемый Лопатинъ представилъ нижеслѣдующія объясненія.

Признавая, что изъ числа переписки, отобранной у него при обыскѣ: пять писемъ, писанныхъ обыковенными чернилами и помѣченныхъ 21 Мая, 4 и 5 Августа, 2 и 27 Сентября 1884 г. и шестое, писанное химическими чернилами, начинающееся словами: «сообщаю прежде всего новости изъ Женевы»—писаны къ нему Львомъ Тихомировымъ, Лопатинъ объяснилъ, что содержаніе этихъ писемъ относится по большей части къ дѣламъ партіи «Народной Воли», о которыхъ Тихомировъ обыкновенно писалъ ему со всею друже-

Т. I л. 106, 202, 214—218.

скою откровенностью, вполнѣ расчитывая на его готовность оказывать Тихомірову и партіи доступныя для него, Лопатина, услуги. Отказываясь отъ всякихъ дальнѣйшихъ показаній по содержанію какъ этихъ, такъ и трехъ остальныхъ отобранныхъ у него писемъ отъ 22 Мая, 2 и 28 Сентября, писанныхъ къ нему Петромъ Лавровымъ, Лопатинъ объяснилъ лишь, что въ письмахъ этихъ идетъ рѣчь о необходимости пріобрѣтенія новаго редактора для «Вѣстника Народной Воли», въ виду нежеланія Петра Лаврова оставаться оффиціальнымъ редакторомъ этого изданія. Нежеланіе это обусловливалось, по объясненію Лопатина, тѣмъ, что Лавровъ, какъ строго научный мыслитель, считалъ главною и единственно-серьезною задачею журнала проведеніе чисто соціалистическихъ идеаловъ: вопросу же о политической борьбѣ противъ существующаго нынѣ въ Россіи государственнаго и общественнаго строя отводилъ лишь второстепенное, подчиненное мѣсто, тогда какъ Тихомировъ, признавая за этой борьбой преобладающее значеніе, стремился выдвинуть въ печатномъ органѣ партіи на первый планъ именно этотъ вопросъ. Признавая, что мнѣніе Тихомірова болѣе гармонируетъ съ мнѣніями русскихъ революціонеровъ вообще, Лавровъ хотѣлъ выйти изъ редакціи, а Тихомировъ въ виду этого заботился заблаговременно пріискать въ Россіи Лаврову преемника по издательству означеннаго журнала, поручивъ эти поиски ему, Лопатину. Принявъ на себя это порученіе, Лопатинъ не успѣлъ однако приступить къ его выполненію.

Далѣе Лопатинъ призналъ, что въ числѣ отобранныхъ у него бумагъ имѣются записи, касающіяся различныхъ порученій, данныхъ ему членами партіи «Народной Воли», какъ-то: установленія связей для пріисканія денежныхъ средствъ, собранія свѣдѣній о нѣкоторыхъ лицахъ, заподозрѣнныхъ въ измѣнѣ партіи, пріобрѣтенія знакомства въ средѣ морскихъ офицеровъ, установленія сношенія съ кружкомъ именовавшимся «студенческимъ союзомъ», собранія матеріала для «арестной хроники» и «заграничнаго архива» партіи, наконецъ полученія свѣдѣній о способѣ полученія въ Одессѣ дубликатовъ видовъ на жительство. Вмѣстѣ съ тѣмъ Лопатинъ объяснилъ, что, возвратясь въ половинѣ Марта 1884 г. изъ-за границы, гдѣ онъ проживалъ съ 1883 г., бѣжавъ передъ тѣмъ изъ подъ надзора полиціи въ Вологодской губер-

нiи, онъ поселился подъ именемъ англiйскаго подданнаго Фридриха Норриса въ Петербургѣ на той квартирѣ, гдѣ у него былъ произведенъ при арестованiи его обыскъ, и жилъ тамъ до его задержанiя, отлучаясь по временамъ въ разныя мѣстности Россiи. Изъ числа этихъ поѣздокъ онъ далъ объясненiя относительно посѣщенiя лѣтомъ 1884 г. г. Риги и осенью того же года гг. Дерпта, Одессы, Кременчуга, Полтавы, Ростова, Харькова и Москвы. Въ Ригу Лопатинъ, по его

Т. I л. 314. словамъ, ѣздилъ два раза для полученiя транспорта нелегальныхъ изданiй, которыя должны были быть доставлены туда изъ-за границы нѣкiимъ «Гришей», фамилiя котораго ему неизвѣстна. Но обѣ эти поѣздки были безуспѣшны, такъ какъ «Гришу» ему розыскать не удалось и книги были впослѣдствiи доставлены въ Петербургъ другимъ лицомъ, о чемъ онъ слышалъ по своемъ возвращенiи изъ Харькова отъ обвиняемой Неонилы Саловой. Въ первый разъ Лопатинъ останавливался въ Ригѣ въ еврейской гостинницѣ «Вильно», гдѣ прописался по виду Норриса; гдѣ же именно останавливался во второй разъ не помнитъ.

Въ Дерптъ онъ ѣздилъ по просьбѣ одного изъ своихъ

Т. I л. 312. «нелегальныхъ» друзей, назвать котораго не желаетъ, при чемъ отвезъ туда студенту Владiмiру Переляеву нѣсколько бумагъ, переписанныхъ имъ Лопатинымъ, отобранныхъ впослѣдствiи при обыскѣ помѣщенiя Дерптской тайной типографiи и долженствовавшихъ служить матерiаломъ для № 10 журнала «Народная Воля», а именно: выноску къ статьѣ: «письмо изъ Варшавы», статью «казнь шпiона въ Зтѣржѣ» и редакцiонную замѣтку «о непомѣщенiи въ № 10 провинцiальныхъ корреспонденцiи». По просьбѣ того же пріятеля своего онъ, Лопатинъ, послалъ Переляеву 70 р. въ конвертѣ, отобранномъ при обыскѣ въ помѣщенiи той же типографiи. Деньги эти онъ послалъ изъ собственныхъ средствъ, такъ какъ знакомый его не имѣлъ тогда требуемой суммы; израсходованiе этихъ денегъ и отмѣчено въ его, Лопатина, записной книжкѣ, отобранной у него при обыскѣ. Относительно поѣздки въ

Т. I л. 308, 309, 322—324 об., 207, 318, 319. разныя мѣстности юга Россiи Лопатинъ объяснилъ, что въ Сентябрѣ 1884 г., исполняя порученiе нѣкоторыхъ проживавшихъ тогда въ Петербургѣ членовъ партiи «Народной Воли», онъ взялъ на себя розыскать въ Одессѣ революцiонныхъ дѣятелей и узнать, почему они прервали всякiя письменныя сношенiя со своими столичными товарищами. Кромѣ того онъ имѣлъ тогда

порученія: въ Полтаву къ Калениченко и «Заикѣ», котораго долженъ былъ розыскать при посредствѣ фельдшера Николаева; разъяснить сущность этого порученія Лопатинъ не пожелалъ: въ Кременчугѣ онъ долженъ былъ обратиться къ инженеру Багинскому, чрезъ котораго узнать о Василіѣ Сухомлинѣ, лично ему, Лопатину, неизвѣстномъ, но которымъ интересовалась его знакомая Салова; въ Ростовѣ и Харьковѣ ему нужно было поближе ознакомиться со студентомъ Всеволодомъ Гончаровымъ и нѣкіимъ Елько. По прибытіи въ Одессу онъ засталъ тамъ полный разгромъ «революціонныхъ силъ» вслѣдствіе арестовъ, вызванныхъ покушеніемъ Калюжной на убійство начальника Одесскаго жандармскаго управленія полковника Катанскаго, и, посѣтивъ нѣсколькихъ лицъ, въ томъ числѣ Семена Гальперина и дѣвицу Вольтке, отъ которыхъ ничего не могъ узнать, отправился въ Кременчугъ, гдѣ розыскалъ Багинскаго и узналъ отъ него, что Сухомлинъ находится въ своемъ имѣніи въ Полтавской губерніи не подалеку отъ приднѣпровскаго г. Черкасъ. Направившись туда, онъ по дорогѣ узналъ, что Сухомлинъ арестованъ и такимъ образомъ не могъ съ нимъ видѣться. Въ Полтавѣ Лопатинъ имѣлъ свиданіе съ Николаевымъ, сообщившимъ ему, что Калениченко въ Полтавѣ нѣтъ и что «Заика» ему совершенно не извѣстенъ; поэтому и въ Полтавѣ ему не удалось достигнуть никакихъ результатовъ. Относительно Харькова Лопатинъ никакихъ показаній давать не пожелалъ, объяснивъ лишь, что Елько въ Харьковѣ не оказалось, а Гончаровъ уже былъ въ то время арестованъ. О пребываніи въ Ростовѣ на Дону Лопатинъ также не далъ такихъ объясненій, которыя могли бы служить къ разъясненію дѣятельности его въ этомъ городѣ, отрицая даже знакомство свое съ обвиняемой Добрускиной, установленное дознаніемъ по г. Ростову показаніями нѣсколькихъ свидѣтелей, какъ это будетъ изложено ниже. На вопросы о пребываніи своемъ въ Москвѣ осенью 1884 г. и о знакомствѣ съ Ковалевымъ Лопатинъ показалъ, что въ Москвѣ онъ былъ проѣздомъ изъ Харькова въ Петербургъ; съ Ковалевымъ познакомился въ Мартѣ 1884 г., гдѣ и при какихъ именно обстоятельствахъ сказать не желаетъ; дѣйствительной фамиліи своей ему не называлъ, а подъ какой кличкой былъ ему извѣстенъ не помнитъ, возможно, что и подъ именемъ «Грегуара».

По поводу прибора для шифрованія и черновой прокламаціи объ убійствѣ прокурора Московской судебной палаты, отобранныхъ у него при обыскѣ, Лопатинъ показалъ, что приборъ получилъ не отъ Ковалева, а отъ другаго лица, назвать которое не желаетъ; прокламація же была имъ переписана съ подлинника въ Москвѣ и предназначалась для доставленія въ Парижъ, но о времени, мѣстѣ и другихъ подробностяхъ самого покушенія ему, Лопатину, ничего извѣстно не было, равно какъ и о значеніи посылки этой прокламаціи въ Парижъ, т. е. представлялась ли она простымъ извѣщеніемъ о готовящемся покушеніи, или должна была служить выраженіемъ просьбы объ одобреніи какъ задуманнаго факта, такъ и редакціи публичнаго въ немъ извѣщенія.

Л. 75, 306, 323. Наконецъ по предъявленіи касающихся Лопатина показаній Федора Грекова онъ объяснилъ, что дѣйствительно былъ у Грекова по пріѣздѣ своемъ въ Россію весною 1884 г., посѣтилъ его по предложенію Тихомірова съ тѣмъ, чтобы чрезъ его посредство розыскать Неонилу Салову, съ которой онъ, Лопатинъ, познакомился передъ тѣмъ за границей и которая вслѣдъ за нимъ должна была пріѣхать въ Россію. Какимъ путемъ возникли у Тихомірова сношенія съ Грековымъ онъ, Лопатинъ, не знаетъ; объ «Алексѣѣ Константиновичѣ» съ Грековымъ не говорилъ и ни Степурина, ни Якубовича, карточки коихъ ему предъявлены, не знаетъ, равнымъ образомъ ему неизвѣстно и лицо, именующееся «Иваномъ Андреевичемъ» и не знакомъ обвиняемый Василій Сухомлинъ, фотографическая карточка котораго была ему предъявлена.

Л. 38, 39, 175. Обвиняемая Неонила Салова, признавая свою принадлежность къ тайному сообществу, присвоившему себѣ наименованіе партіи «Народной Воли», показала, что, проживая съ Марта 1884 г. въ Петербургѣ, она состояла агентомъ «исполнительнаго комитета» этой партіи.—О своемъ прошломъ обвиняемая Салова объяснила слѣдующее: происходя изъ дворянъ Черниговской губерніи, она образованіе получила первоначально въ мѣстной женской гимназіи, а затѣмъ на С.-Петербургскихъ фельдшерскихъ курсахъ, которые окончила въ 1881 г. Еще въ бытность свою на этихъ курсахъ она познакомилась съ программой революціонной партіи и съ нѣкоторыми членами этого сообщества, посѣщая сходки, происходившія въ Петербургѣ осенью 1880 г. подъ руководствомъ Веры Фиг-

Л. 172—176, 543, 546.

неръ, Желябова, Перовской и другихъ выдающихся членовъ партіи. На сходкахъ обсуждались главнымъ образомъ вопросы о раздѣленіи партіи «Народной Воли» и «Чернаго Передѣла».—Участіе въ этихъ сходкахъ ея, Саловой, имѣло совершенно пассивный характеръ; въ совѣщаніяхъ, гдѣ бы обсуждались предпріятія террористическаго характера, она въ то время не участвовала и о злодѣяніи 1 Марта узнала лишь послѣ его совершенія; но лично уже и тогда она относилась къ дѣятельности революціонной партіи вполнѣ сочувственно.—Проживъ, по окончаніи курсовъ, нѣсколько мѣсяцевъ на родинѣ у своей матери, она, Салова, на Рождествѣ 1881 г. возвратилась въ Петербургъ, гдѣ прожила до лѣта 1882 г. безъ опредѣленныхъ занятій, при чемъ оказывала возможныя услуги революціонной партіи, не состоя однако въ обязательныхъ къ ней отношеніяхъ.—Къ этому времени относится ея знакомство съ арестованнымъ лѣтомъ 1882 г. въ Петербургѣ Михаиломъ Грачевскимъ (изъ дѣла видно, что сынъ діакона Михаилъ Грачевскій, по приговору Особаго Присутствія Правительствующаго Сената, состоявшемуся $\frac{28\ \text{Марта}}{5\ \text{Апрѣля}}$ 1883 г., былъ присужденъ за государственныя преступленія къ смертной казни, замѣненной, по Высочайшему повелѣнію, ссылкою въ каторжныя работы безъ срока). Еще до ареста Грачевскаго Салова уѣхала лечиться изъ Петербурга въ Одессу, гдѣ прожила до конца Ноября 1882 г., и за тѣмъ по заграничному паспорту на свое имя выѣхала за границу съ цѣлью продолжать образованіе и леченіе въ Парижѣ.—Предъ отъѣздомъ за границу она ѣздила въ Харьковъ, во 1-хъ, вслѣдствіе вызова ея туда Вѣрою Фигнеръ, сообщившей ей, что ее розыскиваетъ полиція и, во 2-хъ, съ цѣлью обезпечить себѣ возможность возобновить впослѣдствіи, по возвращеніи въ Россію, связи съ революціонной партіей. Въ Парижѣ она прожила безвыѣздно до Марта 1884 г. и въ теченіи этого времени познакомилась со многими эмигрантами и въ томъ числѣ съ Василіемъ Сухомлинымъ и съ Александромъ Кашинцевымъ, котораго знала также подъ именемъ «Николая Николаевича».—Придя затѣмъ къ убѣжденію въ необходимости возвратиться въ Россію, съ тѣмъ, чтобы вступить въ организацію партіи «Народной Воли» и принять непосредственное участіе въ дѣятельности этой партіи, она, Салова, пріѣхала въ Россію въ Мартѣ 1884 г. чрезъ Вержболово по виду на

имя Левитасъ.—Изъ Вержболова она, Салова, направилась по дѣламъ партіи прямо въ Кіевъ, гдѣ въ это время производились аресты по дѣлу типографіи Шебалиныхъ.—Изъ Кіева она проѣхала въ Москву, а оттуда черезъ нѣсколько дней въ Петербургъ и во всѣхъ этихъ трехъ городахъ проживала по виду на имя Лобойко.—Ближайшихъ объясненій о своей революціонной дѣятельности за это послѣднее время, а также и по содержанію бумагъ, отобранныхъ у нея при ея задержаніи и обыскѣ. обвиняемая Салова не дала. ограничившись лишь при дальнѣйшемъ производствѣ дознанія указаніями въ разъясненіе нѣкоторыхъ замѣтокъ, оказавшихся въ бумагахъ ея и Лопатина.—Такъ, она признала, что передала послѣднему одесскіе

Л. 320, 321. адресы, обнаруженные въ замѣткахъ Лопатина, пояснивъ, что большинство этихъ адресовъ было сообщено ею съ цѣлью узнать чрезъ указанныхъ тамъ лицъ о Сухомлинѣ, котораго она и Лопатинъ знали также подъ именемъ «Комара».—Кромѣ того по отношенію къ Сухомлину Салова объяснила еще, что весною 1884 г. въ Петербургѣ она давала ему нѣкоторыя порученія къ своимъ знакомымъ и между прочимъ просила его зайти въ тотъ домъ подъ № 14 по Пантелеймоновской улицѣ, который упоминается въ показаніяхъ Алексѣя Кирпищикова, чтобы передать тамъ ея знакомымъ, назвать которыхъ она не желаетъ, что сама она придти къ нимъ не можетъ.—При отъѣздѣ Сухомлина изъ Петербурга она. Салова. дала ему для переписки съ нею адресъ Петра Лазарева, съ которымъ се познакомилъ передъ тѣмъ самъ Сухомлинъ. Сверхъ того Салова не отрицала, что адресъ Багинскаго въ Кременчугѣ для собранія свѣдѣній о Сухомлинѣ могъ быть данъ Лопатину ею, а также признала справедливость и другой ссылки на нее Лопатина, касающейся перевозки въ Петербургъ изъ Риги транспорта нелегальныхъ изданій, пояснивъ, что послѣ неудачныхъ поѣздокъ Лопатина за этими книгами она, Салова, послала за ними въ Ригу другое лицо, которое и доставило ихъ въ Петербургъ; что же касается «Гриши», имѣвшаго соприкосновеніе къ перевозкѣ этихъ же книгъ, то дѣйствительныя имя и фамилія этого лица ей, по ея объясненію, неизвѣстны и лично она его никогда не видѣла.—Наконецъ по поводу Василія Алексѣевича, имя котораго оказалось записаннымъ въ бумагахъ ея и Лопатина, Салова, признавъ

свое съ нимъ знакомство, назвать его дѣйствительное имя и фамилію не пожелала. Т. I л. 316, 317.

Относительно жительства Лопатина въ Петербургѣ подъ именемъ Норриса установлено, что, прибывъ сюда 13 Марта 1884 г., онъ поселился въ д. № 56/8 по Невскому проспекту, откуда въ 20-хъ числахъ того же Марта переѣхалъ въ д. № 1/3 по Малой Конюшенной улицѣ, гдѣ и проживалъ до арестованія его—6 Октября, при чемъ въ теченіи этого времени выѣзжалъ изъ Петербурга два раза: съ 10 Мая по 28 Іюня, отмѣтившись въ Казань, и съ 17 Іюля по 5 Октября въ Ригу. Изъ лицъ, посѣщавшихъ Лопатина свидѣтели дворники Чируновъ и Алексѣевъ замѣтили даму, которую признали въ фотографической карточкѣ обвиняемой Саловой.

Осмотромъ въ г. Харьковѣ книги гостинницы «Троицкое Подворье» за 1884 г., показаніями служащихъ этой гостинницы, Дорофея Бочкарева и Григорія Домбровскаго, и справками, сообщенными къ дѣлу канцеляріей Харьковскаго губернатора выяснено, что Лопатинъ подъ фамиліею Норриса прожилъ въ Харьковѣ съ 21 по 25 Сентября 1884 г. и былъ отмѣченъ прибывшимъ изъ Полтавы, а выбывшимъ въ Петербургъ, Т. I л. 244—253.
во время проживанія въ «Троицкомъ Подворьи» его никто не посѣщалъ. Тогда же онъ получилъ отъ Харьковскаго губернатора видъ на жительство на имя великобританскаго подданнаго Фридриха Норриса, выданный ему, Лопатину, на основаніи представленнаго имъ національнаго паспорта, который тогда же былъ ему возвращенъ.

Наконецъ разслѣдованіемъ по г. Москвѣ путемъ осмотра книги номеровъ Курякова и показаніями служащихъ въ тѣхъ номерахъ Степана Соколова, Ивана Любимова, Дмитрія Булатова, Василія Яковлева и Дмитрія Степанова установлено, что Лопатинъ подъ именемъ Норриса проживалъ въ тѣхъ номерахъ въ 1884 г. 3 раза: съ 7 Мая по 22 Іюня; съ 24 Августа по 1 Сентября и съ 26 Сентября по 2 Октября, откуда прибылъ первый разъ не отмѣчено, во второй отмѣченъ изъ Петербурга, въ третій изъ Харькова, выбывшимъ же всѣ три раза отмѣченъ въ Петербургъ. Т. II л. 124—151.

Посѣщеніе Лопатинымъ осенью 1884 г. Одессы, Кременчуга и Полтавы, независимо собственнаго его въ томъ сознанія, удостовѣрено еще показаніями купеческой дочери Софьи Вольтке, купеческаго сына Семена Гальперина, инженера Багинскаго и фельдшера

Полтавской земской больницы Николаева. Изъ показаній этихъ лицъ, признавшихъ въ карточкѣ Лопатина личность имъ знакомую, видно, что знакомство это послѣдовало при нижеслѣдующихъ обстоятельствахъ:

1) въ Сентябрѣ 1884 г. въ Одессѣ Лопатинъ захо-

Т. III л. 24—54 и прил. т. IX л. 12—13.

дилъ къ Софьѣ Вольтке и Семену Гальперину и справлялся у нихъ о нѣкіихъ «Николаѣ Николаевичѣ», «Кубѣ» и о студентѣ Барскомъ, незадолго передъ тѣмъ арестованномъ, при чемъ Софьѣ Вольтке Лопатинъ рекомендовался знакомымъ ея бывшей товарки по С.-Петербургскимъ фельдшерскимъ курсамъ Неонилы Саловой, назвавъ ее первоначально «Евгеніей Александровной»;

2) что въ томъ же Сентябрѣ Лопатинъ заходилъ къ

Прил. № 25 л. 107, 117.

проживавшему тогда на дачѣ въ окрестностяхъ Кременчуга Багинскому за деревенскимъ адресомъ обвиняемаго Василія Сухомлина, который и былъ ему указанъ Багинскимъ;

3) что въ томъ же мѣсяцѣ Лопатинъ заходилъ въ

Прил. № 25 л. 12 и 54.

Полтавскую земскую больницу, гдѣ, вызвавъ фельдшера Николаева, спрашивалъ его о Полтавскомъ гимназистѣ Калениченкѣ и о какомъ то «Заикѣ», на что Николаевъ отвѣтилъ, что Калениченко уѣхалъ изъ Полтавы и что «Заики» онъ не знаетъ.

Въ приведенныхъ выше письмахъ Тихомірова, ото-

Т. I л. 24 об., 23, 67, 68.

бранныхъ у Лопатина и въ письмѣ изъ Парижа (неизвѣстнаго автора) отъ 29 Августа 1884 г., взятомъ у Саловой, заключаются, какъ было сказано, указанія на нѣкоего «Гришу», который долженъ былъ въ Сентябрѣ 1884 г. прибыть въ Ригу, куда передъ тѣмъ ѣздилъ Лопатинъ для полученія и дальнѣйшей пересылки транспорта революціонныхъ изданій. У Саловой кромѣ того были найдены двѣ замѣтки объ отсылкѣ Гришѣ 26 Сентября 23 р. и четыре письма за подписью «Гриша», въ которыхъ говорилось о передачѣ

Прил. № 29 л. 94 и 30.

тѣхъ же изданій. Разслѣдованіе содержанія этихъ документовъ по г. Ригѣ обнаружило слѣдующее:

29 Сентября 1884 г. при таможенномъ досмотрѣ прибывшаго въ Ригу англійскаго парохода «Кельсо» найдены были скрытые корабельнымъ плотникомъ Мецелемъ два тючка, въ которыхъ оказалось 50 экземпляровъ журнала «Вѣстникъ Народной Воли» и 150 экземпляровъ печатнаго воззванія «отъ группы распространенія соціальныхъ знаній» Женевскаго изданія.

— — л. 110, 179.

Спрошенный при дознаніи прусскій подданный Карлъ Мецель показалъ, что онъ привозитъ книги въ

Ригу во второй разъ по порученію неизвѣстнаго ему лица изъ Лондона: въ первый разъ онъ привезъ тючекъ въ Мартѣ 1884 г. съ письмомъ на имя Лядова, но такъ какъ Лядовъ просилъ его оставить эту посылку у кого либо изъ своихъ знакомыхъ, потому что онъ уѣзжаетъ изъ Риги, то онъ и оставилъ ее у знакомаго своего Кирата. Въ предпослѣдній пріѣздъ въ Ригу въ началѣ Сентября 1884 г. къ нему на пароходъ пришелъ неизвѣстный ему молодой человѣкъ, назвавшійся Жоржемъ, просилъ привезти ему посылку изъ Лондона и сообщилъ, что за тою посылкою, которую онъ привезъ въ Мартѣ и оставилъ у Кирата, пріѣзжалъ изъ Петербурга какой то господинъ, но не могъ отыскать Кирата, вѣроятно, потому что не нашелъ Лядова. Т. I л. 273 об., 274.

Брауншвейгскій подданный Генрихъ Киратъ подтвердилъ, что Менцель дѣйствительно далъ ему на храненіе въ Мартѣ мѣсяцѣ 1884 г. пакетъ, который онъ отдалъ лишь въ началѣ Сентября приходившему за нимъ неизвѣстному молодому человѣку, назвавшемуся Жоржемъ. Человѣкъ этотъ просилъ тогда же Менцеля привезти изъ Лондона пакетъ, на полученіе котораго далъ ему записку. Менцель и Карлъ Шульцъ говорили ему, Кирату, что этотъ молодой человѣкъ пріѣхалъ тогда на пароходѣ «Ольга» изъ-за границы. Прил. № 29 л. 107, 110 об. и 115. Т. I л. 273 об.

По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что личность называвшаяся Жоржемъ, прибыла въ Ригу подъ именемъ ростовскаго купеческаго сына Константина Нагорнаго. Спрошенный вслѣдствіе этого Константинъ Нагорный показалъ, что онъ въ Ригѣ не былъ, а что подъ его именемъ могъ быть только еврей Григорій Федершеръ, познакомившійся съ нимъ за границей и взявшій у него одинъ изъ бывшихъ при немъ двухъ паспортовъ. Это объясненіе Нагорнаго подтвердилось показаніями Кирата и Менцеля, которые признали въ фотографической карточкѣ Федершера личность, извѣстную имъ подъ именемъ Жоржа, а также показаніями содержателя гостиницы «Петербургъ» въ Ригѣ Генриха Фрике и кельнера Петра Песиса, признавшихъ въ той же карточкѣ личность, проживавшую въ Ригѣ подъ именемъ и по паспорту Нагорнаго. —— л. 103, 111. Прил. № 29 л. 164, 165.

Осмотромъ подавательскихъ книгъ денежной корреспонденціи Петербургскаго почтамта и получательскихъ книгъ Рижской почтовой конторы обнаружено, что 26 Сентября 1884 г. былъ отправленъ изъ Петербурга, а 28 полученъ въ Ригѣ денежный пакетъ на Прил. № 29 л. 11 и 20 и т. I, л. 100.

23 р., адресованный на имя Хитрово въ политехникумъ, въ полученіи котораго росписался Николай Хитрово студентъ. Между тѣмъ изъ отношенія директора политехническаго училища отъ 26 Октября 1886 г. оказалось, что въ числѣ студентовъ политехникума фамиліи Хитрово не встрѣчается, а затѣмъ показаніями спрошенныхъ при дознаніи студента

Прил. N 29 л. 22. — — л. 59.

Леона Лозмана и помощника управляющаго почтовою частью въ Лифляндской губерніи Самсонова выяснено, что личность, которую они признали въ фотографической карточкѣ Григорія Федершера, называла себя студентомъ Хитрово и подъ этимъ именемъ получила почтовую повѣстку изъ политехникума на присланные 23 р., а на почтѣ—самое письмо съ деньгами.

Наконецъ по сличеніи почерка упомянутыхъ выше четырехъ писемъ, найденныхъ при обыскѣ у Неонилы Саловой, съ несомнѣннымъ почеркомъ Григорія Федершера экспертъ призналъ между ними полное

Т. I л. 225.

Прил. N 29 л. 43 и 241.

сходство. Самъ Григорій Федершеръ остался неразысканнымъ.

При разслѣдованіи обстоятельствъ проживанія въ Ригѣ Лопатина осмотромъ книги рижской гостиницы «Вильно» за 1884 г. удостовѣрено, что 8 Іюля въ

Т. I л. 270.

этой гостиницѣ остановился пріѣхавшій изъ Дерпта коммисіонеръ Фридрихъ Норрисъ, который 10 Августа выѣхалъ въ Динабургъ.

Спрошенные при дознаніи служащіе въ означенной

Т. I л. 271, 272.

гостиницѣ, припомнить личности Норриса не могли.

Что касается пребыванія Лопатина осенью 1884 г. въ г. Ростовѣ на Дону, то данныя, обнаруженныя по этому предмету дознаніемъ, приведены ниже при изложеніи обстоятельствъ дѣла о преступной дѣятельности Генріетты Добрускиной и другихъ обвиняемыхъ, при-

См. тт. VI и VII.

влеченныхъ къ настоящему дѣлу по г. Ростову на Дону.

Провѣркою по гг. Одессѣ, Кіеву и Москвѣ визировокъ, имѣвшихся на паспортѣ на имя Лобойко, по которому проживала обвиняемая Неонила Салова, выяснено, что надпись о прописке этого паспорта въ Одессѣ подложна, осмотромъ же книгъ «Сѣверной гостиницы» въ Кіевѣ и номеровъ «Кремль» въ Москвѣ удостовѣрено, что Салова подъ именемъ Лобойко прибыла въ Кіевъ, откуда—не указано, 13 Марта 1884 г., и на другой же день выбыла въ г. Орелъ, 16 пріѣхала въ Москву, а 20 отмѣчена выбывшею въ Кіевъ.

Т. II л. 135—199.

Дальнѣйшее разслѣдованіе ея жизни за это время

въ Кіевѣ и Москвѣ не привело ни къ какимъ результатамъ, такъ какъ въ Москвѣ никто изъ служащихъ въ номерахъ «Кремль» постоялицу Лобойко припомнить не могъ, а изъ прислуги кіевской «Сѣверной гостинницы» только коммисіонеръ Федоръ Ляхъ призналъ въ карточкѣ обвиняемой Саловой личность, похожую на останавливавшуюся въ ихъ гостинницѣ Федосью Лобойко. Т. II л. 173, 183 об., 195.

При разслѣдованіи обстоятельствъ, относящихся до жизни Саловой въ г. Петербургѣ оказалось, что она подъ именемъ и по виду Федосьи Лобойко первоначально поселилась въ меблированныхъ комнатахъ дома № 69 по Невскому проспекту, гдѣ отмѣчена прибывшею изъ Москвы 20 Марта 1884 г.; 24 того же Марта она переѣхала на квартиру на уголъ Преображенской улицы и Озернаго переулка, гдѣ и жила до арестованія ея—6 Октября 1884 года. Т. II л. 200—208.

Изъ приложенныхъ къ дѣлу справокъ о прежней судимости Германа Лопатина видно, въ 1868 г. согласно Высочайше утвержденному приговору слѣдственной коммисіи по обвиненію Лопатина и Волховскаго въ устройствѣ тайнаго сообщества съ цѣлью революціонной пропаганды въ народѣ, Лопатинъ былъ высланъ подъ надзоръ полиціи, въ Ставропольскую губернію, гдѣ вскорѣ получилъ должность чиновника особыхъ порученій при мѣстномъ губернаторѣ. Затѣмъ вслѣдствіе обнаруженія переписки, въ которой Лопатинъ выражалъ намѣреніе бѣжать съ чужимъ паспортомъ за границу, Лопатинъ былъ арестованъ, но вскорѣ бѣжалъ изъ-подъ стражи и съ подложнымъ паспортомъ на имя Скирмонта проѣхалъ сначала въ Петербургъ, а отсюда за границу. Въ 1871 г. Лопатинъ подъ именемъ почетнаго гражданина Любавина появился въ Иркутскѣ съ цѣлью содѣйствовать побѣгу ссыльнаго Чернышевскаго, но былъ задержанъ и содержался до побѣга своего лѣтомъ 1873 г. за границу. До 1879 г. онъ жилъ за границею среди эмигрантовъ, гдѣ сотрудничалъ въ журналѣ «Впередъ» и изрѣдка пріѣзжалъ въ Россію. Въ 1879 г. онъ былъ задержанъ въ Петербургѣ, по документу на имя Севастьянова и былъ высланъ въ г. Ташкентъ; въ 1881 г. по собственной просьбѣ переведенъ въ Вологодскую губернію, откуда въ Февралѣ 1883 г. скрылся за границу. Т. I л. 539—541.

Изъ сообщенныхъ Департаментомъ Полиціи свѣдѣній о прошломъ обвиняемой Неонилы Саловой видно, что осенью 1880 г. она посѣщала собранія организо- Т. I л. 170, 178 и 180.

вшаго Вѣрою Фигнеръ такъ называемаго «петербургскаго центральнаго кружка для занятій съ молодежью», на которыхъ бывала также и Софья Перовская; осенью 1882 г. она взялась доставить за границу эмигрантамъ письмо отъ Сергѣя Дегаева и Вѣры Фигнеръ, а весною того же года квартиру Саловой посѣщали нѣкоторые изъ членовъ партіи, арестованные лѣтомъ того же года въ Петербургѣ по дѣлу о мастерской взрывчатыхъ веществъ и снарядовъ, устроенной въ квартирѣ супруговъ Прибылевыхъ.

Ближайшее разъясненіе обстоятельствъ преступной дѣятельности одного изъ членовъ «центральной организаціи партіи Народной Воли» въ Петербургѣ дворянина Василія Сухомлина и задержаніе его самого послѣдовали при нижеслѣдующихъ обстоятельствахъ.

Т. III л. 1—2, 20—34.

Въ Апрѣлѣ 1884 г. было обращено вниманіе на появленіе въ г. Одессѣ личности, поселившейся подъ именемъ и по подложному виду Григорія Бѣлаго, который, по полученнымъ свѣдѣніямъ, прибылъ изъ-за границы по порученію эмигрантовъ для устройства мѣстнаго кружка преступнаго сообщества, именующагося партіей «Народной Воли».

Прил. № 27, л. 2.

Учрежденное за Бѣлымъ наблюденіе установило, что около него сгруппировался цѣлый кружекъ, къ составу котораго между прочимъ принадлежали Яковъ Барскій, Илья Рапопортъ и сестра Барскаго женщина-врачъ Дора Барская. У всѣхъ этихъ лицъ, имена коихъ оказались впослѣдствіи въ замѣткахъ, отобранныхъ у Германа Лопатина, были произведены въ Августѣ 1884 г. обыски, причемъ у «Григорія Бѣлаго», оказавшагося въ дѣйствительности дворяниномъ Александромъ Квашнинцевымъ, отобраны подложные паспорты на имя Жуковскаго и Бѣлаго и письмо изъ Петербурга, писанное, какъ установлено впослѣдствіи экспертизой и показаніемъ обвиняемой Саловой, этою послѣднею, но не къ Квашнинцеву, какъ объяснила она, а къ другому лицу, назвать которое и вообще дать какія либо объясненія по поводу этого письма Салова не пожелала. Въ письмѣ этомъ обвиняемою Саловою изложены: объявленія «петербургской рабочей группы» и «центральной группы молодой партіи Народной Воли» — совершенно тождественныя

Прил. № 27 л. 7 и 16.

Т. III л. 109—112, 138, 115.

по своему содержанію съ объявленіями, отобранными въ Петербургѣ у студента Николаю Флерова. Салова спрашиваетъ въ письмѣ мнѣніе адресата по существу этихъ заявленій партіи и добавляетъ отъ себя, что второе изъ нихъ будетъ напечатано и дѣйствительно оно оказалось напечатаннымъ въ № 10 журнала «Народная Воля», появившемся въ свѣтъ спустя около мѣсяца послѣ ареста Кашинцева. У послѣдняго кромѣ письма Саловой было отобрано при его задержаніи еще другое, адресованное на имя дворянина Лазарева въ Петебургъ и предназначавшееся, какъ впослѣдствіи было выяснено показаніями самого Лазарева и обвиняемой Саловой, для этой послѣдней. Въ этомъ письмѣ, писанномъ химическими чернилами, Кашинцевъ сообщаетъ о слухахъ по поводу покушенія Маріи Калюжной на жизнь полковника Катанскаго, справляется о времени выхода 10-го номера «Народной Воли» и проситъ о высылкѣ въ Одессу № 2 «Вѣстника Народной Воли» и «дубликатовъ».

Т. I л. 39.
Т. III л. 12.

Спрошенный при дознаніи дворянинъ Петръ Лазаревъ показалъ, что въ Январѣ мѣсяцѣ 1884 г., когда онъ жилъ въ Петербургѣ, къ нему зашелъ однажды товарищъ его по Севастопольскому реальному училищу Василій Сухомлинъ. Посѣтивъ, въ свою очередь, Сухомлина, онъ познакомился у него съ дѣвицей, назвавшейся слушательницей высшихъ женскихъ курсовъ Евгеніей Александровной Колосовой, которую онъ призналъ въ предъявленной ему при допросѣ карточкѣ обвиняемой Неонилы Саловой. Въ Маѣ мѣсяцѣ 1884 г. Сухомлинъ, уѣзжая изъ Петербурга, просилъ его разрѣшенія пользоваться для переписки адресомъ его, Лазарева, съ тѣмъ, чтобы получаемыя письма онъ передавалъ Колосовой. Съ тѣхъ поръ онъ получилъ два или три письма, которыя не распечатывая передалъ приходившей за ними Колосовой.

Прил. № 27 л. 287 и 505.

Дворянинъ Александръ Кашинцевъ объяснилъ, что сочувствуя направленію и дѣятельности революціонной партіи, онъ оказывалъ членамъ ея нѣкоторыя услуги и, перейдя въ 1882 г. на нелегальное положеніе, уѣхалъ за границу, гдѣ встрѣчался съ Неонилою Саловой и откуда окончательно возвратился въ Маѣ 1884 г. Проживая потомъ въ Одессѣ, онъ, по просьбѣ одного изъ своихъ знакомыхъ, имени котораго не желаетъ назвать, написалъ въ Петербургъ на имя Петра Лазарева письмо, которое у него было потомъ отобрано при обыскѣ. Тотъ же знакомый передалъ ему

Т. III л. 17, 18 и 43.

для прочтенія, какъ новость для «радикальнаго міра», письмо съ изложеніемъ заявленій двухъ революціонныхъ группъ. О знакомствѣ своемъ съ обвиняемымъ Василіемъ Сухомлинымъ Кашинцевъ отказался давать объясненія.

Обвиняемая Леонила Салова показала, что она дѣйствительно получала письма въ Петербургѣ по адресу Петра Лазарева и знала Василія Сухомлина, по отъѣздѣ котораго изъ Петербурга, дала Лопатину адресы одесскихъ своихъ знакомыхъ для розысканія въ Одессѣ Сухомлина.

Т. I л. 320.

При дальнѣйшемъ производствѣ дознанія по Одессѣ купеческій сынъ Симонъ Гальперинъ, между прочимъ, показалъ, что онъ познакомился съ Кашинцевымъ въ Одессѣ въ Августѣ 1883 г., зналъ его подъ именами «Павла Сергѣевича» и «Кондратьева», ближайшее съ нимъ знакомство и собственныя его объясненія давали достаточныя основанія къ заключенію о принадлежности Кашинцева къ революціонной партіи. Изъ числа знакомыхъ Кашинцева онъ, Гальперинъ, знаетъ Анну Гальперинъ, вышедшую впослѣдствіи замужъ за Василія Сухомлина, а также самого Сухомлина и студента Якова Барскаго, котораго Кашинцевъ звалъ иногда «Кубой».—Изъ числа этихъ лицъ, Сухомлинъ, бывая у него, Гальперина, очень рѣзко высказывался о современномъ строѣ въ Россіи и требовалъ отъ него, Гальперина, денегъ для революціонной партіи.

Прил. № 27 л. 67 об.

Дворянинъ Леонидъ Квицинскій объяснилъ при дознаніи, что Сухомлинъ и Барскій организовали въ 1883 г. въ Одессѣ для революціонной пропаганды кружки, въ которыхъ первенствующее руководящее значеніе принадлежало Сухомлину, снабжавшему эти кружки произведеніями нелегальной литературы, причемъ однажды осенью 1883 г. Сухомлинъ предлагалъ ему, Квицинскому, взять на себя доставку революціонныхъ изданій, и особенно заботившемуся о добываніи на потребности революціонной партіи денежныхъ средствъ. Въ началѣ 1884 г. Сухомлинъ уѣхалъ изъ Одессы и вернувшись въ Маѣ сообщалъ ему, Квицинскому, о предстоявшемъ вскорѣ прибытіи транспорта революціонныхъ изданій, а также высказывалъ, что онъ имѣетъ сношенія съ заграничными революціонными дѣятелями и познакомилъ его, Квицинскаго, съ новою личностью, называвшеюся «Кондратьевымъ», признанною Квицинскимъ въ обвиняемомъ

Кашинцевѣ, котораго онъ еще прежде видѣлъ какъ-то у Барскаго.

Показаніе Квицинскаго объ участіи Сухомлина въ провозѣ въ Россію произведеній нелегальной литературы подтвердилось разслѣдованіемъ по Севастополю, произведеннымъ по поводу доставленія туда въ Маѣ 1884 г. на французскомъ пароходѣ «Мендоза» матросомъ Маттеи транспорта русскихъ революціонныхъ изданій. Изъ этого разслѣдованія видно, что на пароходъ Мендоза за полученіемъ этого транспорта являлся оберъ-офицерскій сынъ Иванъ Телешевъ, по обыску у котораго были отобраны: большое количество революціонныхъ изданій и шифрованная переписка, среди которой оказались письма, помѣченныя «17 Октября Одесса» и 28 Ноября стараго стиля, писанныя, какъ установлено экспертизою, первое Василіемъ Сухомлинымъ, а второе Абрамомъ Бахомъ. Послѣднее письмо разобрано не было: шифрованная же часть перваго письма оказалась слѣдующаго содержанія: «вчера получилъ изъ Парижа константинопольскій адресъ и пароль для полученія книгъ, они Вамъ писали и удивляются, что Вы не отвѣчаете; переговорили ли Вы съ моряком, куда онъ будетъ привозить въ Севастополь или Одессу. Напомню Вамъ адресъ въ Одессу Моисею Паношпорту для Ильи; явка же Якову Барскому: Итальянская улица д. 67 кв. доктора Барской».

Прил. № 41 л. 2, 4, 5, 10, 16.

Т. III л. 56—61.

Телешевъ, спрошенный при дознаніи, первоначально утверждалъ, что все отобранное у него по обыску было оставлено у него какимъ то «пріѣзжимъ съ сѣвера», извѣстнымъ ему подъ именемъ «Владиміра», а затѣмъ отказался отъ всякихъ объясненій по дѣлу.

Прил. № 41 л. 26 и 75.

Обвиняемый Василій Сухомлинъ былъ задержанъ въ Августѣ мѣсяцѣ 1884 г. въ Золотоношскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи и по доставленіи его въ г. Одессу пытался бѣжать изъ-подъ стражи. По осмотру же отобранныхъ въ Петербургѣ при обыскѣ у обвиняемыхъ Германа Лопатина и Неонилы Саловой писемъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ оказались свѣдѣнія объ арестѣ и о попыткѣ бѣжать какого-то Комарова, сходныя съ обстоятельствами ареста Сухомлина. Возникшее вслѣдствіе сего предположеніе, что въ этихъ письмахъ подъ именемъ Комарова подразумѣвался Сухомлинъ, подтвердилось содержаніемъ замѣтокъ, отобранныхъ у Лопатина же, въ которыхъ вотчимъ

Прил. № 27 л. 143, 146 и 150.

Сухомлина—Колбасинъ записанъ вотчимомъ Комарова. Кромѣ того, Сухомлинъ въ этихъ замѣткахъ упоминается подъ именемъ Василія Ивановича и Ивана Андреевича.

Спрошенный при дознаніи сынъ священника Федоръ Грековъ показалъ, что еще въ началѣ 1884 г. къ нему явился въ Петербургѣ молодой человѣкъ, назвавшійся Иваномъ Андреевичемъ, котораго онъ признаетъ въ фотографической карточкѣ обвиняемаго Василія Сухомлина, и, объявивъ ему объ арестѣ Константина Степурина, остававшагося, какъ было изложено выше, представителемъ исполнительнаго комитета въ Петербургѣ, просилъ его направлять всѣхъ лицъ, которыя будутъ спрашивать Степурина къ нему, Сухомлину, по адресу присяжнаго повѣреннаго Раппопорта. Въ половинѣ Марта къ нему, Грекову, явился неизвѣстный человѣкъ, котораго онъ признаетъ по карточкѣ Германомъ Лопатинымъ, и спрашивалъ у него какъ найти Ивана Андреевича, всѣдствіе чего онъ его направилъ къ Раппопорту. Вскорѣ послѣ этого Лопатинъ вновь приходилъ къ нему и сообщилъ, что онъ призналъ неудобнымъ идти по адресу Раппопорта, а надѣется встрѣтить Ивана Андреевича въ другомъ мѣстѣ. Лопатинъ разсказывалъ Грекову, что пріѣхалъ изъ-за границы и спрашивалъ не знаетъ ли онъ ключа для переписки бывшаго, по его словамъ, у Алексѣя Константиновича (Степурина). Уходя отъ него, Лопатинъ просилъ въ слу̀чаѣ если къ нему явится «пріѣзжая барышня» и будетъ спрашивать, куда ей отправиться, направить ее по адресу Любови Черновой (впослѣдствіи также привлеченной къ дознанію, которое по отношенію къ ней разрѣшено въ административномъ порядкѣ). Вскорѣ послѣ этого къ нему, Грекову, пришелъ Иванъ Андреевичъ и сообщилъ, что «пріѣзжая барышня» уже явилась и пристроилась; въ дальнѣйшемъ съ нимъ разговорѣ о личности, которую онъ признаетъ въ карточкѣ Лопатина, высказалъ, что его зовутъ Германомъ, но при этомъ пояснилъ, что этого имени произносить не слѣдуетъ. Впослѣдствіи къ нему приходила и пріѣзжая барышня, которую онъ узнаетъ въ карточкѣ обвиняемой Неонилы Саловой и спрашивала у него адресъ Любови Черновой.

Прил. №6 л. 110, 111 и 177.

Помощникъ присяжнаго повѣреннаго Захарій Раппопортъ и невѣста его, дочь купца. Ольга Нуриць объяснили, что о Василіѣ Сухомлинѣ ихъ никто не спрашивалъ и они лично его не знаютъ; имъ извѣстно

Прил. № 9 л. 7 и 26.

лишь, что кузина Ольга Пурицъ Анна Гальперинъ въ 1884 г. вышла въ Петербургѣ за Василія Сухомлина замужъ.

Относительно найденной у обвиняемаго Лопатина замѣтки слѣдующаго содержанія: «Союзникъ.—Моряки. Собраніе. Ребиндеръ. Союзъ и вмѣстѣ» спрошенный при дознаніи сынъ чиновника студентъ Алексѣй Кирпищиковъ показалъ, что осенью 1883 г., познакомясь съ извѣстнымъ Сергѣемъ Дегаевымъ, котораго онъ зналъ подъ именемъ Петра Алексѣевича, онъ былъ введенъ имъ въ кружокъ лицъ, занимавшихся обсужденіемъ вопроса объ организаціи сообщества подъ названіемъ «Союзъ молодежи партіи Народной Воли». который долженъ былъ служить ступенью для перехода въ революціонную партію. Иниціаторомъ этого дѣла былъ студентъ С.-Петербургскаго университета Петръ Якубовичъ, разъяснявшій на двухъ собраніяхъ въ Октябрѣ и Декабрѣ 1883 г. вопросъ объ отношеніяхъ молодежи къ революціонному дѣлу и о будущей организаціи «Союза». Въ началѣ великаго поста въ 1884 г. онъ, Кирпищиковъ, былъ на собраніи «центральнаго кружка союза молодежи» и видѣлъ тамъ печатную прокламацію отъ имени этого кружка, авторомъ которой считался Петръ Якубовичъ. Въ Апрѣлѣ или въ началѣ Мая того же 1884 г. противъ желанія Якубовича, стремившагося оставаться единственнымъ посредникомъ между партіею «Народной Воли» и «Союзомъ», были два собранія этого послѣдняго. Первое собраніе происходило по Пантелеймоновской ул. въ д. № 14, куда явился въ качествѣ представителя партіи «Народной Воли» Василій Сухомлинъ, дававшій объясненія о положеніи революціонной партіи вообще, о возникшихъ въ послѣднее время въ партіи раздорахъ и объ образѣ дѣйствій Дегаева; Сухомлинъ подтверждалъ, что недоразумѣнія между старой организаціей партіи и такъ называемою «молодою партіею Народной Воли», поднявшія вопросъ о небходимости фабричнаго и аграрнаго террора, дѣйствительно существуютъ; но что за всѣмъ тѣмъ организація партіи сильна и что дегаевская исторія была для партіи неожиданностію. Сухомлинъ возражалъ въ собраніи противъ умѣстности фабричнаго террора, доказывая, что терроръ въ этой формѣ могъ бы дискредитировать партію въ глазахъ общества. На второе собраніе въ качествѣ представителя партіи «Народной Воли» явилась Теофила Салова, о чемъ еще

Прил. № 10 л. 152 и 97.

на предыдущемъ собраніи предупредилъ Сухомлинъ, и держала рѣчь согласно съ заявленіями, сдѣланными ея предшественникомъ. Собраніе кружка никакого рѣшенія на этотъ разъ не приняло, предоставивъ себѣ свободу дѣйствій въ будущемъ. Собранія кружка, по показанію Кирпичникова, въ числѣ другихъ посѣщали студенты Сиговъ, Достаковъ и Семеновъ. Послѣ этихъ собраній Кирпичниковъ видѣлъ Неонилу Салову еще разъ 2 Октября 1884 г., когда она явилась къ нему съ просьбою о собраніи свѣдѣній «о морскомъ офицерѣ Ребиндерѣ».

Прил. № 13 л. 139 и 181 об. № 10 л. 130 об.

Спрошенные по содержанію показанія Кирпичникова студентъ университета Николай Семеновъ и купеческій сынъ Абрамъ Достаковъ объяснили, что о существованіи «Союза молодежи» они слышали, но сами къ нему не принадлежали и на собраніяхъ его членовъ не бывали, а мѣщанинъ Алексѣй Сиговъ показалъ, что онъ посѣщалъ собранія молодыхъ людей, на которыхъ толковали объ означенномъ выше «союзѣ».

Прил. № 23 л. 107 и 117.

Дворянинъ Иванъ Багинскій, спрошенный по поводу упоминанія его фамиліи рядомъ съ именемъ Сухомлина въ замѣткахъ обвиняемаго Лопатина, объяснилъ, что онъ Сухомлина отчасти зналъ съ 1883 г. по г. Одессѣ. Затѣмъ, въ началѣ лѣта 1884 г., проѣзжая по Харьково-Николаевской желѣзной дорогѣ, онъ встрѣтился съ Сухомлинымъ въ вагонѣ и возобновилъ знакомство, при чемъ имѣлъ съ нимъ разговоръ о покупкѣ у Сухомлина небольшаго куска земли въ Золотоношскомъ уѣздѣ и для переписки по этому предмету обмѣнялся съ нимъ адресами. Сухомлинъ ѣхалъ тогда изъ Харькова, но куда направлялся ему неизвѣстно. Послѣ того, въ началѣ Августа 1884 г. къ нему, Багинскому, въ Кременчугъ пріѣхалъ Василій Сухомлинъ съ какою-то дамой, которую Багинскій призналъ въ предъявленной ему при допросѣ фотографической карточкѣ жены Сухомлина Анны, урожденной Гальперинъ; Сухомлинъ оставилъ эту даму у него на дачѣ близъ Кременчуга, а самъ уѣхалъ куда-то на нѣсколько дней, какъ полагаетъ Багинскій въ Харьковъ. По возвращеніи, Сухомлинъ вмѣстѣ съ этой дамой отъ него уѣхалъ; какая была цѣль посѣщенія его Сухомлинымъ онъ, Багинскій, не знаетъ. 17 или 18 Сентября къ нему на дачу явился незнакомый господинъ, котораго онъ признаетъ въ фотографической карточкѣ Германа Лопатина, и просилъ его указать, гдѣ живетъ Василій Ивановичъ; вслѣдствіе чего

онъ далъ ему адресъ Сухомлина и письмо къ послѣднему, въ которомъ сообщалъ ему о своемъ предположеніи перейти на службу въ г. Петербургъ. Замѣтку Лопатина о томъ, что онъ можетъ дать денегъ, Багинскій объяснилъ личнымъ предположеніемъ Лопатина, которому онъ однако повода къ этому не давалъ.

Показаніе Багинскаго о поѣздкѣ Сухомлина въ г. Харьковъ подтверждается вышеприведеннымъ показаніемъ обвиняемаго Петра Елько о посѣщеніи Сухомлинымъ Ростова на Дону и Харькова для ознакомленія на мѣстѣ съ положеніемъ революціонныхъ дѣлъ. — Т. IX л. 206 и 207.

Сверхъ того изъ показанія сына священника Антона Остроумова усматривается, что онъ видѣлъ Василія Сухомлина лѣтомъ 1884 г. въ Ростовѣ на Дону, встрѣтившись съ нимъ въ городскомъ саду въ обществѣ «Василія Алексѣевича Заики», т. е. Сергѣя Иванова.—Послѣ этой встрѣчи Сухомлинъ, переночевавъ у него, Остроумова, уѣхалъ изъ Ростова. — Т. XX л. 37.

Дворянинъ Дмитрій Бартеневъ показалъ, что осенью 1883 г., скрывшись вмѣстѣ съ Тихономъ Лебедевымъ изъ-подъ надзора полиціи въ Нижнемъ-Новгородѣ, онъ пріѣхалъ въ Одессу, гдѣ Лебедевъ свелъ его съ Василіемъ Сухомлинымъ, называвшимся Иваномъ Андреевичемъ. Сухомлинъ, узнавъ о его положеніи, совѣтовалъ ему уѣхать въ Харьковъ, условившись переписываться съ нимъ химическими чернилами.—По пріѣздѣ въ Харьковъ онъ писалъ Сухомлину и получилъ отъ него отвѣтъ, въ которомъ Сухомлинъ сообщалъ ему пароль и совѣтовалъ отправиться съ нимъ по адресу акушерки Шейны Карпъ.—Въ квартирѣ послѣдней онъ встрѣтилъ Василія Алексѣевича, т. е. Сергѣя Иванова, который объявилъ ему, что въ Харьковѣ жить опасно въ виду вѣроятности арестовъ, вслѣдствіе бывшихъ недавно покушеній на ограбленіе почты и потому онъ, Бартеневъ, отправился въ Екатеринославъ.—Въ концѣ Ноября онъ опять возвратился въ Харьковъ, откуда послѣ совершившагося въ Январѣ 1884 г. убійства Шкріобы уѣхалъ въ Одессу, гдѣ видѣлся съ Сухомлинымъ, которому сообщилъ извѣстныя ему, Бартеневу, свѣдѣнія объ убійствѣ Шкріобы и о послѣдовавшихъ затѣмъ арестахъ Іордана, Монучарова и Клюге. — Т. XX л. 292.

Произведеннымъ по г. С.-Петербургу разслѣдованіемъ о пребываніи здѣсь обвиняемаго Сухомлина весною 1884 г. установлено путемъ осмотра подлежащихъ — Т. III л. 121 — 128.

домовыхъ книгъ, что Сухомлинъ дѣйствительно жилъ въ Петербургѣ съ конца Февраля по 16 Мая.

Т. III л. 7—10, 61, 100—101.

Привлеченный на основаніи вышеизложенныхъ обстоятельствъ въ качествѣ обвиняемаго дворянинъ Василій Ивановъ Сухомлинъ, отрицая всякое непосредственное участіе въ дѣятельности революціонной партіи, объяснилъ, что, будучи знакомъ съ нѣкоторыми изъ ея членовъ, онъ оказывалъ имъ въ силу личныхъ къ нимъ отношеній услуги, состоявшія въ предоставленіи своего адреса для переписки.

Далѣе Сухомлинъ объяснилъ, что въ 1882—1883 гг. онъ состоялъ вольнымъ слушателемъ Новороссійскаго университета и въ это время познакомился однажды случайно съ обвиняемой Неонилой Саловой, которую зналъ подъ именемъ «Татьяны Михайловны».—Затѣмъ лѣтомъ 1883 г., поѣхавъ на мѣсяцъ за границу лечиться, снова встрѣтилъ ее въ Парижѣ и видался тамъ съ нею нѣсколько разъ. Въ концѣ Февраля 1884 г. онъ отправился въ Петербургъ, потому что теперешняя его жена, а тогда невѣста, еврейка Анна Гальперинъ находила болѣе для себя удобнымъ принять православіе въ Петербургѣ, чѣмъ въ Одессѣ, гдѣ у нея много родныхъ.—Въ Петербургѣ онъ пробылъ до половины Мая и снова встрѣтился съ Саловой, которая называла себя уже не «Татьяной Михайловной» а «Евгеніей Александровной Колосовой».—Они бывали другъ у друга нѣсколько разъ и при одномъ изъ посѣщеній его Саловою онъ познакомилъ ее съ Петромъ Лазаревымъ, своимъ бывшимъ товарищемъ по Севастопольскому реальному училищу. Объ участіи Саловой въ революціонной дѣятельности ему, Сухомлину, извѣстно не было; отъ кого же и когда онъ узналъ ея настоящую фамилію, онъ припомнить не можетъ. Тогда же въ Петербургѣ онъ, Сухомлинъ, былъ однажды у Федора Грекова для передачи ему записки отъ лица, которое онъ назвать не желаетъ; но объ «Алексѣѣ Константиновичѣ», или Константинѣ Алексѣевичѣ Степуринѣ, ему совершенно неизвѣстномъ, онъ ничего Грекову не говорилъ и «Иваномъ Андреевичемъ» Грекову себя не называлъ, хотя иногда именовался этимъ именемъ въ случаяхъ, когда изъ опасенія находилъ нужнымъ скрыть свою настоящую фамилію. —Такъ, однажды, весною 1884 г. по просьбѣ лица, которое назвать не желаетъ, онъ отправился по Пантелеймоновской улицѣ въ д. Тупикова (№ 14), чтобы предупредить нѣкоторыхъ знакомыхъ послѣдняго о

томъ, что самъ онъ придти туда не можетъ.—Въ квартирѣ, ему указанной, онъ, Сухомлинъ, засталъ 3—4 человѣкъ, ему незнакомыхъ, пробылъ тамъ недолго и такъ какъ въ квартирѣ было довольно темно, то лицъ ихъ разглядѣть не могъ и потому кто именно тамъ былъ сказать не можетъ. Членомъ партіи Народной Воли онъ себя лицамъ этимъ не называлъ и революціонной дѣятельности въ разговорахъ съ ними не касался.

Изъ Петербурга онъ, Сухомлинъ, отправился въ концѣ Мая 1884 г. вмѣстѣ съ женою въ г. Одессу, затѣмъ поѣхалъ уже одинъ въ Золотоношскій уѣздъ, Полтавской губерніи, гдѣ у него при с. Скородистикѣ есть небольшой хуторъ.—Въ началѣ Іюня онъ отправился для свиданія съ теткою своею Григоровичъ въ Кіевъ, гдѣ пробылъ дня 2—3 и куда къ нему пріѣхала жена его, послѣ чего они вмѣстѣ возвратились въ Золотоношскій уѣздъ и жили тамъ до Августа того же 1884 г., когда онъ, Сухомлинъ, былъ по требованію изъ Одессы арестованъ.

По поводу показаній инженера Багинскаго, Сухомлинъ, признавая таковыя, въ частяхъ до него относящихся, справедливыми, объяснилъ, что съ Багинскимъ онъ познакомился лѣтомъ 1884 г. при проѣздѣ по желѣзной дорогѣ изъ Одессы въ Полтавскую губернію и, случайно разговорившись съ нимъ, заѣхалъ, по его приглашенію, къ нему переночевать, а на другой день продолжалъ свой путь въ деревню.—Изъ разговоровъ съ Багинскимъ онъ узналъ о желаніи его переѣхать на службу въ Петербургъ.—Второй разъ онъ, Сухомлинъ, видѣлся съ Багинскимъ въ Кременчугѣ при второмъ своемъ проѣздѣ изъ Кіева въ деревню и въ этотъ разъ познакомилъ съ нимъ свою жену Анну Марковну.—Адресъ Багинскаго онъ, Сухомлинъ, дѣйствительно сообщилъ Колосовой, т. е. Саловой, на случай ея поѣздки на югъ, чтобы она этимъ путемъ, т. е. чрезъ Багинскаго, могла вызвать къ себѣ на свиданіе его, Сухомлина, не заѣзжая сама къ нему въ деревню.—Но о томъ, что отъ Багинскаго можно получить денегъ, а также о намѣреніи его переѣхать въ Петербургъ онъ, обвиняемый, Саловой не писалъ и вообще никому не сообщалъ.

За исключеніемъ вышеизложеннаго Сухомлинъ отрицалъ другія, имѣющіяся въ дѣлѣ къ его изобличенію данныя, какъ-то: знакомство свое съ Тихомировымъ, Германомъ Лопатинымъ, Сергѣемъ Ивановымъ,

Бартеневымъ и Александромъ Кашинцевымъ, Квициискимъ и Телепневымъ, написаніе имъ, Сухомлиновымъ, письма отъ 17 Октября, отобраннаго у Телепнева и признаннаго экспертизою писаннымъ его почеркомъ, а также именованіе его Комаровымъ.—Относительно показанія Остроумова, Сухомлинъ объяснилъ, что послѣдняго знаетъ какъ товарища по училищу и дѣйствительно лѣтомъ 1884 г. видѣлся съ нимъ въ Ростовѣ, случайно встрѣтясь въ городскомъ саду, но чтобы тутъ же былъ какой либо «Заика Василій Алексѣевичъ» онъ, Сухомлинъ, не помнитъ и лица этого со всѣмъ не знаетъ. Въ Ростовъ онъ ѣздилъ тогда искать мѣста въ одной изъ пароходныхъ конторъ, обѣщаннаго ему однимъ изъ знакомыхъ, назвать котораго онъ не желаетъ. Встрѣтясь съ Остроумовымъ въ саду, Сухомлинъ отправился оттуда къ нему на квартиру и переночевалъ у него, а на другой день уѣхалъ изъ Ростова.

Т. IX л. 208. Будучи допрошенъ затѣмъ по содержанію показаній обвиняемаго Елько, Сухомлинъ заявилъ, что Елько онъ совсѣмъ не знаетъ, проѣздомъ въ Ростовъ останавливался въ Харьковѣ лишь на нѣсколько

Т. III. л. 142. часовъ отъ поѣзда до поѣзда, ни съ кѣмъ тамъ не видѣлся и всѣ показанія Елько, насколько онѣ его, Сухомлина, касаются, признаетъ несправедливыми.

По предъявленіи, наконецъ, указаній, сдѣланныхъ на него обвиняемымъ Сергѣемъ Ивановымъ, Сухом-

Т. X. л. 97. линъ остался при прежнихъ своихъ объясненіяхъ, заявляя, что относящіяся къ нему показанія Иванова имъ вымышлены, что ни въ Петербургѣ весною 1884 г., ни въ Ростовѣ на Дону лѣтомъ того же года онъ, Сухомлинъ, съ Ивановымъ не встрѣчался и совершенно его не знаетъ.

Названный уже выше представитель такъ называе-

Т. IV л. 57—60. мой «молодой партіи Народной Воли», обвиняемый Петръ Якубовичъ арестованъ 15 Ноября 1884 г. въ г. Петербургѣ, гдѣ проживалъ нелегально подъ именемъ и по виду мѣщанина г. Ковеля Петра Федорова Орлова.

По обыску въ квартирѣ его ничего преступнаго не

Т. IV л. 72—74, 78, 79, 134, 99—161, 118, 119. найдено: у самого же Якубовича во время его задержанія отобраны: паспортъ на имя Ковельскаго мѣщанина Петра Орлова, оказавшійся подложнымъ, двѣ

гектографированныя брошюры революціоннаго содержанія, записная книжка съ шифрованными замѣтками, оставшимися не разобранными. а также другая записная книжка и нѣсколько клочковъ бумаги, на которыхъ рукою Якубовича были изложены замѣтки о лицахъ, арестованныхъ за государственныя преступленія въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, разсказъ «Вампиръ» революціоннаго содержанія и нѣсколько такого же характера стихотвореній.

Ко времени задержанія обвиняемаго Якубовича въ дѣлахъ С.-Петербургскаго губернскаго жандармскаго управленія, кромѣ извѣстныхъ уже изъ предыдущаго изложенія свѣдѣній. почерпнутыхъ изъ бумагъ, взятыхъ у скрывшейся Сладковой и обвиняемыхъ Лопатина и Саловой, писемъ отобранныхъ въ Кіевѣ у супруговъ Шебалиныхъ и чиновника Макара Васильева и показаній Флерова, Малуйлова и Овчинникова, а также студента С.-Петербургскаго университета Алексѣя Кириницкова. обнаружены были о преступной дѣятельности Якубовича еще слѣдующія свѣдѣнія:

1) У обвиняемой по дознанію, произведенному при С.-Петербургскомъ губернскомъ жандармскомъ управленіи въ 1883 г. о дворянинѣ Марцеліѣ Янчевскомъ и другихъ лицахъ, обвинявшихся въ устройствѣ въ сѣверозападныхъ губерніяхъ тайныхъ типографій. домашней учительницы Евгеніи Демидовой были отобраны два письма Якубовича, изъ коихъ видно, что послѣдній пользовался нѣкоторое время для своей переписки адресомъ Демидовой съ разрѣшенія сестры ея Александры; но затѣмъ долженъ былъ отказаться отъ этого адреса по настоянію самой Евгеніи Демидовой. Т. IV л. 60—64, 66.

Эти обстоятельства были подтверждены показаніями сестеръ Демидовыхъ. между прочимъ объяснившихъ, что письма, присылавшіяся по адресу Евгеніи Демидовой для Якубовича, были непонятнаго для нея содержанія, вслѣдствіе чего она, заподозрѣвъ, что эти письма зашифрованы, потребовала, чтобы переписка по ея адресу была прекращена.

2) У обвиняемаго по дѣлу того же управленія 1884 г. «о Хаимѣ Ратнерѣ и другихъ лицахъ, обвинявшихся въ преступленіи. предусмотрѣнномъ 250 ст. улож. о нак.», студента Хаима Ратнера была отобрана рукопись революціоннаго содержанія. начинающаяся словами: «послѣ побѣды, которую одержала партія Народной Воли надъ самодержавіемъ 1 Марта», писан- Т. IV л. 60 об., 67 прил. N 19 л. 5, 5 и 62.

ная, какъ установлено экспертизой, рукою Петра Якубовича. Показаніемъ обвиняемаго Рагнера выяснено, что онъ получилъ эту рукопись для прочтенія отъ сына священника Михаила Овчинникова, котораго онъ зналъ подъ нелегальнымъ именемъ Кушнарева. Овчинниковъ же при допросѣ по этому поводу, подтверждая это обстоятельство, добавилъ, что взялъ эту рукопись, предназначавшуюся для напечатанія въ журналѣ «Народная Воля», у Петра Якубовича, котораго зналъ, какъ лицо «близко стоявшее къ революціонной партіи».

Т. IV л. 61. 143 — 152 прил. дѣло «17» Т. IV л. 4, 122.

3) Вслѣдъ за обыскомъ въ квартирѣ скрывшейся Сладковой туда было доставлено посыльнымъ письмо на ея имя, заключавшее въ себѣ приглашеніе ея къ автору того письма, при чемъ предостерожности, которыми авторъ письма совѣтовалъ Сладковой обставить свой пріѣздъ къ нему, указывали на то, что посѣщеніе это вызывалось преступными цѣлями. Произведенною впослѣдствіи экспертизою установлено, что письмо это писано Петромъ Якубовичемъ.

Прил. дѣло 17-ти Т. III л. 3, 14.

4) У означеннаго выше сына священника Михаила Овчинникова, задержаннаго въ Москвѣ въ Апрѣлѣ 1884 г., была отобрана, въ числѣ другихъ предметовъ, записная книжка, въ которой оказалась замѣтка, уже приведенная въ предыдущемъ изложеніи, писанная, какъ установлено экспертизою, рукою Якубовича. Въ замѣткѣ этой отъ лица «пятерыхъ представителей работавшей послѣднее время организаціи» предлагается цѣлый рядъ вопросовъ заграничнымъ руководителямъ партіи: Тихомірову и другимъ и «гг. пріѣзжимъ». Главнѣйшіе изъ этихъ вопросовъ нижеслѣдующіе: «Почему заграничные дѣятели партіи, узнавъ въ Августѣ объ истинномъ значеніи Дегаева, не сообщили объ этомъ немедленно въ Россію? Почему показанія Дегаева не были отправлены въ Россію? Существуетъ ли И. К.? Исторія его? Какъ его найти? Если онъ существуетъ, то какъ появился Дегаевъ? Почему оставшіеся члены комитета только теперь вздумали заявить о своемъ существованіи?» Въ заключеніе, въ замѣткѣ говорится, что если существующій И. К. признаетъ себя отвѣтственнымъ за молчаніе объ истинной роли Дегаева, то они, авторы замѣтки, отказываются повиноваться этой группѣ.

Показанія Овчинникова, данныя имъ по поводу этой замѣтки Якубовича, были уже изложены выше.

5) Въ одномъ изъ писемъ своихъ на имя Михаила

Петровича Шебалина, отобранныхъ въ Кіевѣ, а именно въ письмѣ, помѣченномъ 29 Февраля, Якубовичъ, между прочимъ, спрашиваетъ: «Получили ли мою телеграмму за подписью М. П.?» Эта часть письма послужила основаніемъ къ осмотру телеграфной корреспонденціи, посланной изъ Петербурга въ Кіевъ за періодъ времени съ 1 Февраля по 1 Марта 1884 г., при этомъ было остановлено вниманіе на нижеслѣдующей телеграммѣ, писанной, какъ удостовѣрено экспертизой, Петромъ Якубовичемъ, отправленной изъ Петербурга 29 Февраля: «Кіевъ, Лютеранская, домъ Левковича, Макару Васильеву, передать Михаилу. — Нашъ долгъ требуетъ немедленной уплаты.— Марія Павлова». Изъ сопоставленія текста этой телеграммы, съ содержаніемъ письма Якубовича отъ 29 Февраля можно заключить, что въ ней въ иносказательныхъ выраженіяхъ данъ Шебалинымъ совѣтъ немедленно перейти на нелегальное положеніе въ виду грозящей имъ опасности быть арестованными, о чемъ Якубовичъ подробно говоритъ въ означенномъ выше письмѣ отъ 29 Февраля.

Прил. дѣло 17-ти т. 1 л. 13, 35—39.

6) По обыску у арестованнаго въ Ноябрѣ 1884 г. въ Тулѣ, по обвиненію въ принадлежности къ преступному сообществу, сына священника Василія Моисеева. Прил. N 18 л. 17, 18, 24 об., 59.

только что прибывшаго передъ тѣмъ въ Тулу изъ Петербурга, были между прочимъ отобраны: 76 экземпляровъ № 10 журнала «Народная Воля» въ трехъ отдѣльныхъ пачкахъ и письмо въ конвертѣ съ надписью: «желательно, чтобы это письмо было прочитано членомъ организаціи партіи Народной Воли и чтобы онъ лично взялъ ключъ отъ привезшаго его лица». Какъ эта надпись, такъ и самое письмо частью зашифрованное, но затѣмъ разобранное, экспертиза признала писанными рукою Якубовича. Въ открытомъ текстѣ этого письма, подписанномъ именемъ «Вячеславъ», говорится о «погромѣ, разразившемся надъ Питеромъ и оторвавшемъ мѣстныхъ революціонныхъ дѣятелей отъ ихъ иногородныхъ товарищей»; о томъ, что послѣ этого погрома удалось пока установить связи лишь съ заграницей да еще напасть на слѣдъ «Василія Алексѣевича», который «былъ еще живъ 17 Октября»; сообщалось также, что въ виду слуховъ объ арестахъ, будто бы, бывшихъ въ той мѣстности, гдѣ находится адресатъ, съ письмомъ посылается не членъ организаціи, а простое «посредствующее» лицо, которое однако сообщитъ ключъ и другія указанія къ

разбору шифрованной части письма. Въ концѣ послѣдняго авторъ упоминаетъ о посылкѣ адресату вмѣстѣ съ письмомъ 100 экземпляровъ № 10 журнала «Народная Воля» и проситъ о возможно скорѣйшемъ отвѣтѣ. Въ другой шифрованной части текста обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія мѣста: «Положеніе здѣшнихъ дѣлъ слѣдующее: жива типографія, паспортный столъ и начато одно важное учрежденіе; много связей и спеціальныхъ лицъ, но руководителей нѣтъ. . . . . Съ моимъ арестомъ многое можетъ затеряться и погибнуть. — Орудовать одному всѣмъ также немыслимо. Голова кругомъ идетъ; придите поскорѣе на помощь . . . . . Обязательно нужно поскорѣе соединиться и перейти въ наступленіе».

Прил. № 13 л. 43. Моисеевъ, допрошенный по поводу этого письма и отобраннаго у него № 10 журнала «Народная Воля», показалъ, что получилъ какъ изданія эти, такъ и письмо въ Петербургѣ отъ лица, которое назвать не желаетъ, для доставленія въ Москву и передачи тамъ лицу, которое должно было явиться къ нему съ извѣстнымъ паролемъ, но какимъ именно, онъ не помнитъ. Въ Москвѣ однако лицо это къ нему не явилось, вслѣдствіе чего данные ему предметы остались у него и были отобраны при обыскѣ.

Т. IV л. 136—145. Прил. № 13 л. 30, 32. 7) По обыску квартиры привлеченной къ дознанію при С.-Петербургскомъ губернскомъ жандармскомъ управленіи «о рабочей группѣ сообщества, именующаго себя партіей Народной Воли», арестованной въ Ноябрѣ 1884 г., въ Петербургѣ. акушерки Маріи Мартыновой, помѣщавшейся въ д. № 45 по Пушкинской улицѣ, въ которой проживали, кромѣ самой Мартыновой, жильцы ея: студенты С.-Петербургскаго университета Николай Ермолаевъ, Александръ Перелешинъ, Александръ Мартыновъ и почетный гражданинъ Павелъ Езовъ, было отобрано письмо, помѣченное «14 Ноября 1884 г.,» начинающееся обращеніемъ: «дорогой Иванъ Ивановичъ!», писанное, какъ признано экспертизою, Якубовичемъ. — По содержанію своему письмо это представляетъ обращеніе одного изъ членовъ «исполнительнаго комитета партіи Народной Воли» къ представителю «рабочей группы» той же партіи. Указывая на всѣ вредныя послѣдствія раздоровъ, происходившихъ въ партіи въ теченіи 1884 г., авторъ настаиваетъ на необходимости единодушнаго дѣйствія всѣхъ кружковъ и отдѣловъ партіи. Письмо это, какъ выяснено дознаніемъ, было принесено къ

названному выше Ермолаеву не задолго до обыска товарищемъ его по университету Михаиломъ Орловымъ, который, будучи допрошенъ по этому поводу, объяснилъ, что получилъ это письмо отъ лица, извѣстнаго ему, Орлову, подъ именемъ Петра, съ которымъ онъ случайно познакомился въ университетѣ въ Ноябрѣ 1882 г., а впослѣдствіи неоднократно получалъ отъ него для храненія разныя революціонныя изданія и рукописи и въ числѣ ихъ и письмо отъ 14 Ноября 1884 г. По предъявленіи Орлову обвиняемаго Якубовича онъ не призналъ въ немъ своего знакомаго «Петра», заявивъ, что Якубовичъ ему совершенно не извѣстенъ. **Прил. № 13 л. 80.**

8) При обыскѣ, произведенномъ 15 Ноября 1884 г. въ С.-Петербургѣ у слушательницы врачебныхъ курсовъ Розы Франкъ были отобраны три письма безъ подписи, писанныхъ, какъ установлено экспертизою, Якубовичемъ; изъ содержанія этихъ писемъ можно было заключить о близкихъ взаимныхъ отношеніяхъ переписывающихся, а также было видно, что Якубовичъ 7 и 8 Августа (1884 г.). получилъ отъ Франкъ письмо и отвѣтную телеграмму «изъ К.», при чемъ въ телеграммѣ этой заключалось выраженіе «виновата простите».—Эти данныя въ сопоставленіи съ показаніемъ Франкъ о томъ, что она провела лѣто 1884 г. въ г. Каменецъ-Подольскѣ, послужили поводомъ къ осмотру телеграфной корреспонденціи, посылавшейся ею изъ этого города въ началѣ Августа 1884 года. **Т. IV л. 80, 81, 97, 98. Т. V л. 4—5; 11.**

Осмотромъ этимъ обнаружено, что 8 Августа изъ Каменецъ-Подольска была послана въ Дерптъ Аркадію Марковичу Гекельману телеграмма слѣдующаго содержанія: «Вчера выслала письмо. — Виновата — простите.—Дрейконъ».

По осмотру же телеграммъ, посланныхъ на имя Розы Франкъ изъ г. Дерпта, обнаружена слѣдующая телеграмма отъ того же 8 Августа «Каменецъ-Подольскъ, Розѣ Франкъ. Нѣтъ Вашихъ писемъ,—Безпокоюсь.—Здоровы ли. Писалъ часто. Несковскій».

Обстоятельства, установленныя этими телеграммами, обнаружили въ свою очередь, что тайная типографія, въ работахъ коей, какъ это видно изъ собственныхъ писемъ Якубовича, отобранныхъ у обвиняемой Саловой, онъ, Якубовичъ, принималъ осенью 1884 г. непосредственное участіе, помѣщалась въ г. Дерптѣ, какъ это будетъ изложено ниже.

9) Наконецъ, задержанная въ Петербургѣ въ Фев-

Прил. № 14 л. 53 об., 54.

ралѣ мѣсяцѣ 1885 г. уже послѣ ареста Якубовича дворянка Марія Емельянова, привлеченная къ особому отъ сего дознанію по обвиненію въ принадлежности къ революціонной партіи, на допросахъ по этому дѣлу между прочимъ показала, что познакомилась она съ Якубовичемъ въ концѣ Октября или началѣ Ноября 1884 г., какъ съ личностью, имѣвшею непосредственное отношеніе къ революціонной средѣ и извѣстной въ послѣдней подъ именемъ: «Александра Ивановича» и затѣмъ оказывала ему въ интересахъ партіи нѣкоторыя услуги.—Такъ она взяла отъ него для распространенія около ста экземпляровъ номера 10 журнала «Народная Воля», которые и хранила у своихъ знакомыхъ, раздавая въ то же время съ разрѣшенія Якубовича изданія эти всѣмъ желавшимъ получить ихъ. Кромѣ того она, Емельянова, добыла для Якубовича, по его просьбѣ, адресъ, какой именно, она объяснить не пожелала, для переписки съ эмигрантомъ Тихомировымъ. Другихъ революціонныхъ дѣлъ Якубовичъ ей не довѣрялъ и разговоры ихъ ограничивались бесѣдами объ общемъ положеніи дѣлъ партіи, объ арестной хроникѣ и т. п.

Т. V л. 121—122, 112, 116, 297—304, 58—45, 48.

Въ томъ же Февралѣ была обнаружена дерптская тайная типографія при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Утромъ 6 Февраля проживавшій въ г. Дерптѣ въ домѣ Крейденъ по Ботанической улицѣ студентъ мѣстнаго университета Владиміръ Переляевъ былъ усмотрѣнъ въ квартирѣ своей мертвымъ. Служанка Юлія Вентъ нашла его лежащимъ на кровати безъ признаковъ жизни, о чемъ немедленно было сообщено университетскимъ властямъ и полиціи. По прибытіи проректора профессора Драгендорфа, профессора судебной медицины Кербера, полицейскаго пристава Зиферса и неделя Рейнберга и по вскрытіи трупа Переляева, а также по осмотрѣ квартиры его было обнаружено, что смерть Переляева произошла вслѣдствіе удушенія подушкою во время припадка падучей болѣзни, а въ квартирѣ его найдена была тайная типографія, причемъ взято было значительное число только что отпечатанныхъ листовъ № 10 журнала «Народная Воля» и другихъ предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ революціонной дѣятельности.

Т. V л. 45, 67—70, 103 — 109 и 182—193.

Подробный осмотръ всѣхъ этихъ предметовъ, а также самой квартиры Переляева выяснилъ слѣдующее:

Квартира эта помѣщалась во 2-мъ этажѣ дома Крей-

день подъ № 30 по Ботанической улицѣ, выходила окнами и крыльцомъ во дворъ и состояла изъ кухни и двухъ комнатъ: первой маленькой и второй большой. При входѣ въ кухню на право стоялъ шкафъ съ тремя полками, наполненными стклянками съ разными химическими составами, на плитѣ и на полкѣ находились бумажные мѣшечки съ порошками. Въ первой маленькой комнатѣ оказался столикъ, ящикъ котораго былъ раздѣленъ перегородками на 38 отдѣленій, съ нѣкоторымъ количествомъ типографскаго шрифта въ каждомъ; подъ этимъ столомъ стояла корзина съ бумагой, испорченными печатными листами № 10 журнала «Народная Воля» и нѣсколькими ящичками и холщевыми мѣшечками, наполненными типографскимъ шрифтомъ. Въ этой же корзинѣ оказались: наборъ крупными буквами заголовка: «Центральнаго комитета молодой партіи Народной Воли», четыре куска гипса, на одномъ изъ которыхъ выбито клише заголовка «Народная Воля» — «Соціально революціонное обозрѣніе»; деревянный валекъ, покрытый желатинной массой, толщиною въ 1½ вершка, деревянная баночка съ желтою солью и инструменты: 4 напильника, долото, сверель, ножъ, буравчикъ и молотокъ безъ рукоятки. Въ той же комнатѣ оказалась и другая корзина вѣсомъ около 2½ пудовъ, наполненная отпечатанными листами № 10 «Народной Воли» и прокламаціи «Отъ центральнаго комитета молодой партіи Народной Воли». Рядомъ съ этой корзиной стоялъ столъ, покрытый клеенкой, по снятіи которой оказалось, что столъ прикрытъ четырехъугольнымъ ящикомъ — крышкою, а подъ послѣднимъ находится типографскій станокъ и на немъ готовый наборъ страницъ 17, 20, 21 и 24-й № 10 «Народной Воли». На кровати Переляева подъ подушкой оказалась кожаная сумка со свѣжимъ, не бывшимъ въ употребленіи, типографскимъ шрифтомъ разнаго формата, всего вѣсомъ до 37 фунтовъ, а подъ кроватью деревянный валъ, обтянутый гутаперчей, внутренность его наполнена дробью и кусками чугуна. Въ большой комнатѣ найдено также множество разныхъ типографскихъ принадлежностей, а также значительное количество печатныхъ и гектографированныхъ революціонныхъ изданій, рукописей, писемъ, записокъ и бумагъ. Изъ числа рукописей обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія: 1) начинающаяся словами: «Ручной станокъ, разсчитанный на величину почтоваго листа большаго формата»; рукопись эта, какъ и

Т. V л. 196, 198 и 285.

установлено экспертизой, написана извѣстнымъ уже изъ предыдущаго изложенія Петромъ Мануйловымъ, который и самъ призналъ это на допросѣ при дознаніи, объяснивъ, что непосредственныхъ отношеній къ дерптской типографіи онъ не имѣлъ, хотя предположеніе объ устройствѣ таковой было ему извѣстно; 2) черновая редакціонная замѣтка о непомѣщеніи въ № 10 журнала «Народная Воля» нѣкоторыхъ провинціальныхъ корреспонденцій, начинающаяся словами: «спѣшность выпуска этого № и значительный его объемъ»; статья «Казнь шпіона въ Згѣржѣ»; выноска на рукописи «Письмо изъ Варшавы» и адресъ на конвертѣ письма къ Переляеву въ Дерптъ съ надписью. «денежное на 70 р. с.» Рукописи эти, какъ установлено экспертизою, писаны Германомъ Лопатинымъ, который и самъ призналъ это, какъ было уже изложено выше; 3) рукописи: «арестная хроника», отчетъ о суммахъ, поступившихъ на дѣло народнаго освобожденія». «распорядокъ статей», «замѣтка» «приходъ 17 Іюля 50 р.» и проч. и корректурныя исправленія, писанныя чернилами, имѣющіяся на двухъ корректурныхъ листахъ № 10 «Народной Воли». Всѣ эти рукописи и замѣтки писаны, какъ признано экспертизой, обвиняемымъ Петромъ Якубовичемъ.

Допрошенные при дознаніи въ качествѣ свидѣтелей показали:

Т. V л. 74—76, 223.

Домовладѣлица Эмилія Крейденъ—что Переляевъ нанялъ въ ея домѣ квартиру въ Іюнѣ 1884 г., причемъ тогда же представилъ ей, какъ своего соквартиранта, товарища своего Иванова, который и жилъ у нея въ домѣ совмѣстно съ Переляевымъ до Августа. Впослѣдствіи, уже послѣ отъѣзда Иванова, у Переляева поселился студентъ Новиковъ. По предъявленіи свидѣтельницѣ карточки обвиняемаго Якубовича, она признала въ ней перваго соквартиранта Переляева, извѣстнаго ей, Крейденъ, подъ фамиліей Иванова. Изъ дальнѣйшаго показанія Крейденъ видно, что найденный въ квартирѣ Переляева столъ (типографскій станокъ) былъ принесенъ ему отъ какого-то столяра въ бытность у него лица, отрекомендованнаго свидѣтельницѣ подъ именемъ Иванова, т. е. Якубовича, и что проживая съ Августа мѣсяца подъ квартирой Переляева, она по вечерамъ съ 10 до 11 часовъ слышала шумъ и стукъ, продолжавшійся ежедневно до конца Ноября. На ея вопросы по этому поводу, обращенные къ Переляеву, послѣдній объяснилъ ей,

что по совѣту доктора онъ занимается струганіемъ дерева.

Служанки Крейденъ Юлія Вентъ и Амалія Шурина, а также и жилица ея Елизавета Розенбергъ въ карточкѣ Якубовича признали лицо, проживавшее въ квартирѣ Переляева подъ фамиліей Иванова и добавили, что послѣ Иванова съ Переляевымъ жилъ другой его товарищъ Александръ Новиковъ. Т. V л. 71, 74, 77, 250. Т. V л. 93, 94, 252. Т. V л. 79, 80, 229.

Педель Дерптскаго университета Петръ Метцъ призналъ въ карточкѣ Якубовича большое сходство съ личностью, отворявшею ему, свидѣтелю, двери во время посѣщенія имъ квартиры Переляева въ половинѣ Августа 1884 г.; другой же педель Ганъ удостовѣрилъ фактъ проживательства студента Александра Новикова на той же квартирѣ въ томъ же Августѣ или нѣсколько позже. Т. V л. 31, 32, 119, 120, 254.

Въ виду свѣдѣній о совмѣстной жизни съ Переляевымъ на квартирѣ въ домѣ Крейденъ студента Дерптскаго ветеринарнаго института Александра Новикова послѣдній былъ привлеченъ къ дѣлу въ качествѣ обвиняемаго. Т. V л. 57.

Новиковъ былъ розысканъ на родинѣ въ Харьковѣ, причемъ по обыску у него ничего преступнаго не обнаружено. Т. V л. 141—146.

На первоначальномъ допросѣ въ г. Харьковѣ Новиковъ себя виновнымъ ни въ чемъ не призналъ. По доставленіи же его въ Петербургъ, онъ объяснилъ, что, сочувствуя всякому революціонному движенію, онъ принялъ участіе въ дѣятельности тайной типографіи въ Дерптѣ и въ печатаніи въ этой типографіи № 10 революціоннаго изданія «Народная Воля». Содержаніе печатаемыхъ при его участіи изданій было для него, Новикова, безразлично, такъ какъ онъ интересовался лишь фактомъ выпуска какого бы то ни было свободнаго органа. Изъ дальнѣйшаго показанія Новикова видно, что еще въ Мартѣ 1884 г. онъ чрезъ одного изъ своихъ товарищей, назвать котораго не пожелалъ, познакомился въ Дерптѣ съ однимъ неизвѣстнымъ ему по фамиліи лицомъ; послѣдній заявилъ ему о предположеніи устроить въ Дерптѣ тайную типографію и предложилъ принять участіе въ печатаніи въ ней революціонныхъ изданій. Для этой цѣли онъ, Новиковъ, долженъ былъ поселиться на квартирѣ, которая будетъ для этого приготовлена, о чемъ ему обѣщали дать знать. Въ Маѣ того же 1884 г. знакомый ему еще съ 1881 г. студентъ Пере- Т. V л. 147—148, 157—161, 279.

ляевъ сообщилъ ему, что помѣщеніе для типографіи уже готово, вслѣдствіе чего онъ тогда же по указанію Переляева переѣхалъ въ домъ Крейденъ по Ботанической улицѣ въ квартиру, въ которой засталъ самаго Переляева и нѣкоего Иванова, говорившаго, что онъ живетъ въ Дерптѣ, подготовляясь для поступленія въ университетъ. На квартирѣ въ то время были уже приготовлены: шрифтъ, валъ, стекло, столъ и проч. Шрифтъ и валъ привезъ квартирантъ Переляева Ивановъ, ѣздившій нѣсколько разъ въ Петербургъ по надобностямъ типографіи. По предъявленіи Новикову карточекъ Германа Лопатина и Петра Якубовича онъ показалъ, что лица эти ему совершенно незнакомы и что въ Якубовичѣ онъ не можетъ признать названнаго выше Иванова. Далѣе Новиковъ объяснилъ, что къ печатанію въ Дерптской тайной типографіи приступлено было въ Іюнѣ 1884 г. Прежде всего стали печатать прокламацію «Центральнаго комитета молодой партіи Народной Воли» отъ 20 Мая въ количествѣ болѣе 200 экземпляровъ; затѣмъ приступили къ набору № 10 «Народная Воля»; но работа эта заняла довольно много времени вслѣдствіе того, что Ивановъ нѣсколько разъ привозилъ изъ Петербурга распоряженія о перемѣнѣ статей, которыя должны были войти въ составъ предназначеннаго къ выпуску номера. Наборъ былъ оконченъ и приступлено къ печатанію лишь въ Августѣ 1884 г., ибо кромѣ названной причины встрѣчались затрудненія и вслѣдствіе недостаточности имѣвшагося налицо шрифта. Всего 10-й номеръ «Народной Воли» былъ отпечатанъ въ количествѣ около 1,200 экземпляровъ. Первый транспортъ этого изданія былъ вывезенъ въ концѣ Сентября Ивановымъ въ Петербургъ, но печатаніе продолжалось и послѣ этого въ теченіи всего Октября и начала Ноября. Наборомъ и печатаніемъ занимались онъ, Новиковъ, и Переляевъ; изрѣдка помогалъ имъ и Ивановъ, по словамъ котораго доставляемыя имъ статьи составлялись и редактировались въ Петербургѣ.

На допросахъ при дознаніи обвиняемый Якубовичъ далъ нижеслѣдующія объясненія:

Т. IV л. 85 91.

Революціонное и соціалистическое міровоззрѣніе составилось у него, Якубовича, много лѣтъ тому назадъ и вслѣдствіе этого, сталкиваясь съ лицами, впослѣдствіи обвинявшимися въ государственныхъ преступленіяхъ, но для него, Якубовича, простыми, частными знакомыми, онъ не отказывалъ имъ въ помощи и содѣйствіи, даже и въ тѣхъ случаяхъ,

когда «нелегальный» характеръ цѣлей, коимъ подобная помощь должна была служить, былъ ему извѣстенъ. Такъ, онъ неоднократно позволялъ разнымъ лицамъ пользоваться для конспиративной переписки или его собственнымъ адресомъ или, если послѣдній признавался почему либо неудобнымъ, адресомъ кого либо изъ своихъ знакомыхъ, конечно, съ вѣдома и согласія послѣднихъ, такъ напримѣръ онъ воспользовался адресомъ Евгеніи Демидовой, съ согласія сестры ея Александры, а затѣмъ, узнавъ изъ письма самой Евгеніи, что служить адресаткой для переписки его она не можетъ, поспѣшилъ прекратить эту переписку, о чемъ и сообщилъ ей письмомъ, отобраннымъ у нея при обыскѣ. Изъ лицъ, ставшихъ впослѣдствіи «революціонерами», бывшихъ простыми его знакомыми, Якубовичъ назвалъ Овчинникова, Михаила Шебалина и братьевъ Карауловыхъ. Съ Овчинниковымъ онъ познакомился осенью 1882 г. и долгое время относился къ нему лишь какъ къ человѣку, скрывающемуся отъ преслѣдованія и нуждающемуся въ убѣжищѣ и средствахъ бѣдняку, помогая ему чѣмъ могъ, безъ всякихъ особыхъ соображеній и лишь въ послѣдніе мѣсяцы предъ своимъ арестомъ узналъ въ немъ, какъ выразился Якубовичъ, дѣйствующаго подъ знаменемъ «Народной Воли», революціонера. Михаила Шебалина зналъ, какъ товарища по университету и, лично симпатизируя ему, встрѣчался съ нимъ и впослѣдствіи, до весны 1883 г., когда потерялъ его изъ виду. Болѣе близкое соприкосновеніе его, Якубовича, съ революціонной средой началось лишь весною 1883 года, когда онъ на вечерѣ въ одномъ интеллигентномъ, близкомъ къ литературному міру, семействѣ познакомился съ человѣкомъ, отрекомендованнымъ ему подъ именемъ «Сергѣя Петровича Федоровскаго» и оказавшимся впослѣдствіи - извѣстнымъ Сергѣемъ Дегаевымъ. Послѣдній при одной изъ первыхъ встрѣчъ безъ всякихъ околичностей сообщилъ ему, Якубовичу, что онъ, Федоровскій, нелегальный и членъ партіи «Народной Воли» и тутъ же предложилъ ему, Якубовичу, принять на себя редакторство печатнаго органа этой партіи. Въ отвѣтъ на такое предложеніе онъ, Якубовичъ, естественно могъ только разсмѣяться, но Дегаевъ продолжалъ настаивать, чтобы онъ по крайней мѣрѣ не отказывался отъ временнаго участія въ редакціонной обработкѣ статей для «Народной Воли» и взялъ на себя веденіе «арестной хроники», которую

просилъ передавать ему, Дегаеву. На это Якубовичъ изъявилъ согласіе, но весной 1883 г. ему не пришлось принять дѣйствительнаго участія въ редакціонныхъ работахъ «Народной Воли», а въ началѣ лѣта онъ уѣхалъ въ деревню къ Карауловымъ, гдѣ прожилъ до 20 Августа того жегода. Затѣмъ, вернувшись въ Петербургъ, поселился въ домъ № 23 по Спасской улицѣ и около мѣсяца прожилъ тамъ внѣ всякаго общенія съ революціонной средой. Уже въ концѣ Сентября онъ въ одномъ знакомомъ домѣ снова встрѣтилъ Сергѣя Дегаева. Благодаря этой встрѣчѣ, ихъ прежнія литературно-революціонныя сношенія возобновились и Дегаевъ сталъ часто бывать у него, Якубовича. Такъ продолжалось до Декабря. Передъ 16-мъ числомъ Декабря (день убійства подполковника Судейкина) Дегаевъ сообщилъ ему, что его, Дегаева, «прослѣживаютъ» и что, боясь быть арестованнымъ, онъ на всякій случай намѣренъ познакомить его, Якубовича, съ однимъ товарищемъ своимъ, который будетъ продолжать начатыя имъ сношенія, и, получивъ на это его согласіе, представилъ ему нѣкоего «Зиновія Андреевича». Послѣ этого Дегаевъ совершенно пересталъ посѣщать его, а взамѣнъ его у него сталъ бывать Зиновій Андреевичъ. Послѣдній представлялся Якубовичу гораздо симпатичнѣе Дегаева и потому онъ съ полною готовностью оказывалъ ему всевозможную помощь по части веденія «арестной хроники» журнала «Народной Воли», просмотра и обработки, главнымъ образомъ съ литературной стороны, статей для этого журнала, пріисканія адресовъ для свиданія и ночлеговъ и, наконецъ, писанія шифрованныхъ писемъ, которому его, Якубовича, обучилъ еще Дегаевъ. Приведенными только что услугами и ограничивалась революціонная дѣятельность Якубовича до перехода на нелегальное положеніе, т. е. до Марта 1884 г. Шифрованныя письма, которыя онъ писалъ для Дегаева, онъ, Якубовичъ, обыкновенно подписывалъ: «Максимъ Петровичъ». Зиновій же Андреевичъ предложилъ ему подписываться «Александръ Ивановичъ», что и было имъ исполняемо, вслѣдствіе чего это послѣднее наименованіе и утвердилось за нимъ въ революціонной средѣ, помимо его воли. Въ числѣ рукописей, которыя Якубовичъ переписывалъ по просьбѣ Зиновія Андреевича, какъ матеріалъ для будущаго 10 номера журнала «Народная Воля», была статья, начинающаяся словами: «Послѣ побѣды, которую партія «Народной Воли» одержала надъ самодержавіемъ 1 Марта . . . .».

Т. V л. 132, 133.

отобранная, какъ сказано выше, у студента Хаима Ратнера, ему лично совершенно неизвѣстнаго. Этой рукописи, насколько онъ припоминаетъ, онъ Овчинникову не передавалъ, а передалъ ее Зиновію Андреевичу, нуждавшемуся, по его словамъ, въ нѣсколькихъ экземплярахъ этой статьи, потому что предварительно напечатанія предполагалось дать ее прочесть нѣсколькимъ членамъ партіи, а также и вслѣдствіе того что 10-й номеръ «Народной Воли» было предположено печатать въ нѣсколькихъ типографіяхъ одновременно. Въ началѣ 1884 г. у него, Якубовича, явилось желаніе съѣздить въ Кіевъ повидаться съ теткой своей Анной Якубовичъ, монахиней одного изъ Кіевскихъ монастырей. Узнавъ объ этомъ Зиновій Андреевичъ вручилъ ему для доставленія въ Кіевъ письмо въ запечатанномъ конвертѣ безъ адреса и указалъ при этомъ на словахъ, куда и кому его слѣдуетъ передать, а также сообщилъ ему «явку» и кличку лица, которое нужно было лично повидать въ Кіевѣ. Кромѣ того Зиновій Андреевичъ продиктовалъ ему, Якубовичу, шифрованную записку, подлежавшую передачѣ этому послѣднему лицу, заключавшую въ себѣ свѣдѣнія о новыхъ адресахъ для писемъ и явокъ въ Петербургѣ и новый шифръ. Записку эту Якубовичъ, по просьбѣ Зиновія Андреевича, переписалъ очень мелкимъ почеркомъ на клочкѣ бумаги, который спряталъ въ карманные часы, чтобы имѣть возможность въ случаѣ какой либо опасности уничтожить его. Содержаніе какъ самой записки, такъ и письма, котораго онъ не расшифровывалъ, осталось ему, Якубовичу, неизвѣстнымъ. Зиновій Андреевичъ въ то же время просилъ его не сообщать членамъ кіевской организаціи, что онъ является простымъ передатчикомъ, а сдѣлать видъ, что онъ самъ состоитъ членомъ организаціи «петербургской», на что Якубовичъ и согласился. Выѣхавъ изъ Петербурга 19—22 Января, онъ остановился въ Кіевѣ въ гостинницѣ «Италія», по Фундуклеевской улицѣ, прописавшись тамъ по собственному своему кандидатскому диплому. Письмо Зиновія Андреевича онъ въ тотъ же день отнесъ по назначенію, а на другой день пошелъ на «явку». Человѣкъ, съ которымъ онъ долженъ былъ повидаться, указанный ему подъ вычурной революціонной кличкой, оказался старинным его знакомымъ, почти пріятелемъ, имени котораго онъ сказать не желаетъ. Передъ этимъ лицомъ онъ, Якубовичъ, не принималъ на себя роли

Т. IV л. 92—96.

члена организаціи, а исполнилъ принятое на себя порученіе, какъ простой посредникъ. Вскорѣ по возвращеніи своемъ въ С.-Петербургъ онъ сталъ, по просьбѣ Зиновія Андреевича, вести переписку съ кіевской революціонной организаціей, при чемъ шифрованныя мѣста были передаваемы Якубовичу, по большей части, въ видѣ ряда готовыхъ цифръ и вся переписка велась вообще, какъ и прежде, со словъ и по указаніямъ Зиновія Андреевича..Предъявленныя ему нынѣ (отобранныя въ г. Кіевѣ у Шебалиныхъ и Васильева) письма отъ 21, 28 и 29 Февраля и 4, 5 и 13 Марта Якубовичъ призналъ писанными его рукою. Относительно содержанія ихъ онъ объяснилъ, что, не считая себя принадлежащимъ къ организаціи, онъ, Якубовичъ, никогда не спрашивалъ у Зиновія Андреевича объясненій тѣхъ мѣстъ переписки, которыя были ему непонятны, довольствуясь лишь тѣмъ, о чемъ ему сообщалъ самъ Зиновій Андреевичъ. Такимъ образомъ ни о комъ изъ лицъ, упоминаемыхъ въ тѣхъ письмахъ, онъ, Якубовичъ, яснаго представленія не имѣлъ и только впослѣдствіи узналъ, что подъ именемъ Михаила Петровича разумѣлся его старый знакомый Шебалинъ. а подъ именемъ Прасковьи Федоровны жена послѣдняго. Въ карточкѣ обвиняемаго Степурина Якубовичъ призналъ изображеніе лица ему знакомаго, которое онъ встрѣчалъ у кого-то изъ ихъ общихъ знакомыхъ, но личныхъ сношеній революціоннаго характера, а тѣмъ болѣе личной вражды къ нему, по поводу подобныхъ сношеній, не имѣлъ.—О томъ, что подъ именемъ «Алексѣя Константиновича» въ кіевскихъ письмахъ его, Якубовича, разумѣлся именно Степуринъ, онъ, Якубовичъ, по его объясненію, узналъ впервые при допросѣ его.

Телеграмма въ Кіевъ отъ 29 Февраля 1884 г. на имя Васильева за подписью Маріи Павловой писана имъ, Якубовичемъ, подъ диктовку Зиновія Андреевича; какому же Михаилу она должна была быть передана онъ не знаетъ.

Въ концѣ Февраля 1884 г. послѣ выхода въ свѣтъ правительственнаго объявленія о назначеніи денежнаго вознагражденія за содѣйствіе власти къ задержанію Дегаева, онъ, Якубовичъ, написалъ по просьбѣ Зиновія Андреевича подъ его диктовку отвѣтное объявленіе «исполнительнаго комитета», предъявленное ему при допросѣ (отобранное на квартирѣ Сладковой), а вскорѣ послѣ того объявленіе это было напечатано.

Въ какой типографіи печаталось оно Якубовичу первоначально извѣстно не было; но въ Мартѣ одна знакомая его просила его принять участіе въ судьбѣ ея подруги Софіи Александровны (Сладковой), жительствующей въ квартирѣ, находящейся въ опасности. Сообщивъ объ этомъ Зиновію Андреевичу, онъ, Якубовичъ, по соглашенію съ нимъ, написалъ Сладковой письмо за подписью «Александръ Ивановичъ», отобранное у нея при обыскѣ, предъявленное ему при допросѣ, и послалъ его съ посыльнымъ по адресу, указанному Зиновіемъ Андреевичемъ, и впослѣдствіи слышалъ, что хотя типографія Сладковой была взята, но сама Сладкова успѣла скрыться. Въ томъ же Мартѣ подъ вліяніемъ слуховъ: о выздоровленіи бывшаго при подполковникѣ Судейкинѣ чиновника Судовскаго, о дешифровкѣ послѣднимъ замѣтокъ Судейкина о лицахъ извѣстныхъ ему по своей неблагонадежности, объ арестахъ, вслѣдствіе сего послѣдовавшихъ и дѣйствительно произведенныхъ въ то время въ значительномъ числѣ, а также подъ вліяніемъ совѣтовъ друзей своихъ онъ, Якубовичъ, рѣшился перейти на нелегальное положеніе и, выписавшись изъ своей квартиры выбывшимъ, поѣхалъ на нѣкоторое время въ Москву, а возвратясь оттуда сталъ жить безъ прописки у разныхъ знакомыхъ. Къ этому же времени относится и конецъ того періода его отношеній къ революціонной дѣятельности, когда онъ, по его выраженію, «ходилъ исключительно на помочахъ у Зиновія Андреевича». Занявъ болѣе самостоятельное положеніе, онъ, Якубовичъ, однако, по прежнему не считалъ себя человѣкомъ организаціи, что не мѣшало ему быть однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ возникшаго тогда въ средѣ партіи теоретическаго движенія. Благодаря этому, а также полному довѣрію членовъ партіи, съ коими ему приходилось сталкиваться въ пылу разгорѣвшейся въ ту эпоху въ средѣ партіи словесной, а для него, Якубовича, главнымъ образомъ, письменной борьбы, ему съ одной стороны становились извѣстными всѣ организаціонныя тайны, съ другой же, помимо его воли и въ противность дѣйствительному его положенію, за нимъ могла утвердиться репутація человѣка, принадлежащаго къ организаціи. Къ числу случаевъ, которые могли подать къ этому поводъ, принадлежитъ и эпизодъ съ предъявленной ему «замѣткой» въ записной книжкѣ Овчинникова, писанной имъ, Якубовичемъ. Относительно этой замѣтки

Т. IV л. 120, 105.

Якубовичъ объяснилъ, что по всей вѣроятности кто либо изъ его знакомыхъ просилъ его, Якубовича, изложить, въ сжатой и опредѣленной формѣ, тѣ положенія касательно организаціонныхъ дѣлъ партіи, которыя представлялись правильными ему, какъ смотрѣвшему на дѣло съ точки зрѣнія Зиновія Андреевича и другихъ его «дѣйствующихъ» пріятелей. Для чего могло понадобиться такое изложеніе онъ, Якубовичъ, не помнитъ; кто разумѣлся подъ выраженіемъ «пятеро представителей организаціи», встрѣчающемся въ замѣткѣ, онъ не знаетъ, лично же себя причислять къ нимъ не могъ. Въ Петербургѣ безъ прописки онъ, Якубовичъ, прожилъ тогда до Мая 1884 г.; этотъ мѣсяцъ провелъ внѣ Петербурга въ гостяхъ у знакомыхъ, которыхъ назвать не желаетъ, а въ началѣ Іюня снова вернулся въ Петербургъ, гдѣ засталъ Зиновія Андреевича, принимавшаго участіе въ состоявшемся тогда «соглашеніи» «ихъ группы» съ группой стараго «исполнительнаго комитета». Не вполнѣ довольный теоретическими основами этого соглашенія онъ, Якубовичъ, заявилъ Зиновію Андреевичу о своемъ желаніи возвратиться къ частной жизни, но послѣдній, отговаривая его отъ этого, предложилъ ему отправиться за границу, для участія въ работахъ по редакціи «Вѣстника Народной Воли». Якубовичъ охотно принялъ это предложеніе, но при этомъ встрѣтилось затрудненіе относительно заграничнаго паспорта и въ ожиданіи, пока можно будетъ добыть послѣдній, Зиновій Андреевичъ предложилъ ему, Якубовичу, поселиться въ мѣстности, гдѣ временно были очень подходящія условія для напечатанія 10 номера «Народной Воли» и гдѣ онъ, Якубовичъ, могъ быть очень полезенъ дѣлу, какъ посредствующее лицо между типографіей и Петербургомъ. Въ виду имѣющихся уже въ дѣлѣ данныхъ, удостовѣряющихъ, что мѣстность, въ которую посылалъ его тогда Зиновій Андреевичъ, есть г. Дерптъ Якубовичъ призналъ это обстоятельство. Около 10 Іюня онъ, Зиновій Андреевичъ, и еще третій ихъ товарищъ, коего назвать онъ, обвиняемый, не желаетъ, отправились въ Дерптъ. Проживъ тамъ нѣкоторое время. Якубовичъ получилъ всѣ необходимыя объясненія и инструкціи, при чемъ дѣла типографіи устроились такъ: Зиновій Андреевичъ взялъ на себя разъѣздную роль, другой ихъ товарищъ и еще нѣсколько прибывшихъ послѣ лицъ, назвать которыхъ онъ не желаетъ, непосредственную

работу по печатанію номера, наконецъ онъ, Якубовичъ, служилъ литературнымъ посредникомъ между типографіей и редакціей. Въ виду этого было признано, что ему болѣе удобно жить въ окрестностяхъ Дерпта въ одномъ семействѣ, котораго онъ также не назвалъ. Время отъ времени, по мѣрѣ нужды, онъ являлся въ Дерптъ, сходился въ заранѣе условленныхъ мѣстахъ съ необходимыми ему лицами, дешифрировалъ получаемыя изъ редакціи письма и писалъ ей отвѣты; въ письмахъ этихъ упоминалъ о себѣ, какъ объ участникѣ въ непосредственныхъ работахъ по печатанію, по просьбѣ Зиновія Андреевича, дабы не обнаруживать до времени конспиративныхъ подробностей организаціи типографіи; самъ же въ своихъ письмахъ обращался, со словъ товарищей, къ лицу, котораго никогда не видѣлъ, но считалъ однимъ изъ агентовъ «исполнительнаго комитета». Въ одинъ изъ пріѣздовъ его, Якубовича, въ Дерптъ, товарищи сообщили ему, что пріѣзжалъ отъ «исполнительнаго комитета» нѣкто «Георгій Павловичъ», и передавали всѣ свои бесѣды и споры съ нимъ. Объ этомъ-то лицѣ и упоминается въ отобранныхъ у обвиняемой Саловой дерптскихъ письмахъ его, Якубовича, предъявленныхъ ему при допросѣ, при чемъ для краткости онъ вмѣсто «Георгій Павловичъ» обозначалъ лишь инициалы «Г. П.». Всѣ эти четыре письма отъ 14, 19 и 20 Сентября (1884 г.) и безъ числа—онъ признаетъ писанными его, Якубовича, рукою. Кромѣ веденія корреспонденціи Якубовичъ помогалъ еще иногда въ просмотрѣ корректуръ и, главнымъ образомъ, въ приведеніи въ порядокъ и обработкѣ литературнаго матеріала. Вскорѣ послѣ прибытія своего въ Дерптъ онъ, Якубовичъ, имѣя невѣсту слушательницу С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ Розу Франкъ, въ то время поѣхавшую на лѣто къ матери въ Каменецъ-Подольскъ, и желая вести съ ней переписку, обратился къ одному изъ студентовъ Дерптскаго университета, съ коимъ тогда случайно познакомился и фамилію котораго назвать не желаетъ, съ просьбой разрѣшить ему получать на его имя корреспонденцію. Студентъ этотъ съ своей стороны, въ виду возможности временнаго отъѣзда его изъ Дерпта, предложилъ ему взамѣнъ своего адреса, адресъ товарища его Геккельмана, который и былъ сообщенъ имъ Розѣ Франкъ. Не получая отъ нея отвѣта на свои письма, онъ 8 Августа послалъ ей предъявленную ему при

Т. IV л. 110—117.

допросѣ телеграмму за подписью «Песковскій»—псевдонимъ, который долженъ былъ быть легко понятъ Розою, такъ какъ она нѣсколько лѣтъ жила въ Петербургѣ на Пескахъ, и вскорѣ получилъ отъ Франкъ отвѣтную телеграмму, посланную по адресу Геккельмана за подписью «Дрейкопъ», еврейскій переводъ слова «Сорока», какъ онъ иногда въ шутку называлъ Франкъ.

Денегъ на нужды дерптской тайной типографіи онъ, Якубовичъ, по адресу Геккельмана никогда не получалъ; за все время своего пребыванія въ Дерптѣ онъ получилъ всего двѣ денежныхъ посылки: одну, кажется, въ 50 р. и другую на болѣе значительную сумму, но обѣ онѣ были присланы черезъ другихъ лицъ, а не по почтѣ.

Во время печатанія 10-го номера было первоначально рѣшено, что первую партію отпечатаннаго изданія повезетъ въ Петербургъ онъ, Якубовичъ, предварительно снесшись о времени пріѣзда съ редакціей по телеграфу, и одновременно другой товарищъ повезетъ такую же партію по другому направленію, а прочіе будутъ продолжать работу. Но прибывшій затѣмъ Зиновій Андреевичъ воспротивился посылкѣ въ Петербургъ телеграммы, находя это опаснымъ, и по его предложенію былъ принятъ совершенно другой планъ. 28 Сентября долженъ былъ выѣхать изъ Дерпта въ Петербургъ онъ, Якубовичъ, ни съ чѣмъ, а на слѣдующій день, т. е. 29 Сентября, долженъ былъ отправиться въ Петербургъ, но уже не тѣмъ путемъ, другой товарищъ съ двойнымъ противъ предположеннаго прежде количествомъ экземпляровъ 10-го номера «Народной Воли». Явившись въ Петербургъ согласно этому послѣднему плану и устроивъ все, касавшееся привоза первой партіи номеровъ, онъ, Якубовичъ, считалъ свою роль по типографіи оконченной и, передавъ дальнѣйшее поддержаніе сношеній съ Дерптомъ лицу, коего назвать не желаетъ и коего ни въ Лопатинѣ, ни въ Саловой онъ признать не можетъ, Якубовичъ провелъ остальное время до половины Октября въ совершенномъ бездѣйствіи. Затѣмъ, когда пошли слухи объ арестѣ Лопатина и другихъ лицъ и нѣсколько дѣйствительныхъ агентовъ «исполнительнаго комитета» уѣхало изъ Петербурга, къ нему, Якубовичу, стали обращаться и молодежь и нелегальные, считая его полномочнымъ представителемъ партіи вслѣдствіе того, что присвоенное имъ себѣ наименованіе «Александръ

Ивановичъ» пользовалось большою популярностью, какъ сравнительно «стараго», и что несоотвѣтствовало, по объясненію Якубовича, истинѣ «полномочнаго» революціоннаго дѣятеля. Такимъ образомъ въ этотъ моментъ онъ, Якубовичъ, «былъ обязанъ принять на себя временно роль комитетскаго агента». Онъ поставилъ себѣ задачей: «собрать», по его выраженію, «разсѣянное и затерянное, поддерживать вѣру и бодрость и, твердо стоя на своемъ посту, дождаться людей дѣйствительно «полномочныхъ», которымъ и передать все въ цѣлости и сохранности». Вмѣстѣ съ тѣмъ, главныя усилія свои онъ направилъ на примиреніе различныхъ фракцій партіи между собою. Усилія эти вызывались тѣмъ, что послѣ совершившагося весною 1884 г. соединенія съ исполнительнымъ комитетомъ «центральнаго комитета молодой партіи Народной Воли», въ Петербургѣ остался одинъ второстепенный, но обладавшій большими связями и средствами, кружокъ, не примкнувшій къ соединенію и продолжавшій работать по прежней программѣ «молодой партіи», подъ именемъ «Петербургской рабочей группы». Къ этой группѣ и было адресовано письмо его, Якубовича, отъ 14 Ноября, о которомъ уже упоминалось въ предшествующемъ изложеніи, обращенное имъ къ дѣятелю «рабочей группы», извѣстному ему, Якубовичу, подъ именемъ «Ивана Ивановича». Письмо это было передано имъ, Якубовичемъ, одной его знакомой, которую онъ назвать не пожелалъ; она же должна была вручить его одному изъ студентовъ, проживавшихъ на квартирѣ акушерки Мартыновой, въ д. № 45 по Пушкинской улицѣ, но кому именно, онъ сказать не желаетъ, а этотъ студентъ, въ свою очередь, имѣлъ передать письмо по назначенію, такъ какъ онъ былъ знакомъ съ «Иваномъ Ивановичемъ». Мысли, въ томъ письмѣ выраженныя, составляютъ личные его мнѣнія и взгляды, а также отголосокъ мнѣній тѣхъ группъ, которыя вмѣстѣ съ нимъ примыкали къ исполнительному комитету. Студента Михаила Орлова онъ, Якубовичъ, по его объясненію, не знаетъ; на вопросъ же о знакомствѣ съ Мартыновой и прочими жильцами ея квартиры отвѣчать отказался, признавъ лишь, что нѣсколько разъ заходилъ на эту квартиру незадолго до своего ареста, послѣдовавшаго 15 Ноября 1884 г., съ цѣлью попытаться устроить себѣ свиданіе съ «Иваномъ Ивановичемъ»; но такъ какъ это ему не удалось, то онъ и рѣшился личные переговоры съ послѣд-

нимъ замѣнить письмомъ отъ 14 Ноября. Въ тотъ же періодъ времени, крайне нуждаясь въ помощи себѣ для выполненія необходимыхъ услугъ революціонному дѣлу, онъ, Якубовичъ, вспомнилъ о бывшей курсисткѣ Марьѣ Емельяновой, которая еще весною 1884 г. была ему указана какъ личность готовая на всякую услугу, хотя сама она лично непосредственнаго отношенія къ революціонной дѣятельности не имѣла. Онъ отправился къ Емельяновой на квартиру, отрекомендовался ей «Александромъ Ивановичемъ», такъ какъ зналъ, что имя это ей извѣстно, и, завязавъ такимъ образомъ личное знакомство съ нею, пользовался впослѣдствіи ея услугами въ видѣ указанія необходимыхъ ему для свиданій и переписки квартиръ и адресовъ; далъ ей также для храненія пачку экземпляровъ № 10 журнала «Народная Воля» (около 100 штукъ), которые ей было разрѣшено раздавать какъ лицамъ, коихъ онъ самъ будетъ присылать къ ней, такъ и ея личнымъ знакомымъ.

Изложеннымъ исчерпываются первоначальныя показанія обвиняемаго Якубовича; но затѣмъ на допросѣ 18 Мая 1885 г. онъ заявилъ, что личность «Зиновія Андреевича», о коемъ упоминалось въ его объясненіяхъ, фиктивная, вымышленная имъ, Якубовичемъ, съ тою цѣлью, чтобы имѣть возможность приписать этому никогда не существовавшему въ дѣйствительности лицу нѣкоторые дѣла и факты, виновниковъ которыхъ онъ, обвиняемый, называть не желалъ, а въ томъ числѣ и нѣкоторыя дѣйствія, всецѣло принадлежавшія ему, Якубовичу.

Т. IV л. 139. Выписка: т. V—л. 166.

Т. IV л. 139—180, 137 об. 144—148.

Послѣ этого заявленія Якубовичъ объяснилъ слѣдующее:

Активная революціонная дѣятельность его началась съ Сентября 1883 г., когда онъ по предложенію Сергѣя Дегаева взялся руководить образовавшеюся въ Петербургѣ весною того же года «студенческой лигой» и создалъ изъ нея, уже по своему личному плану и убѣжденію, такъ называемый «союзъ молодежи партіи Народной Воли». «Лига» имѣла цѣлью создать организацію для руководства студенческими волненіями для достиженія послѣдними болѣе реальныхъ результатовъ. Но онъ, Якубовичъ, изъ опыта собственной студенческой жизни 1878—1882 гг. пришелъ къ убѣжденію, что всѣ студенческіе протесты лишь безплодно губятъ молодежь. По его мнѣнію революціонная организація въ средѣ молодежи была дѣйствительно нужна, но не

для возбужденія безплодныхъ сходокъ и волненій, которымъ она напротивъ должна была противодѣйствовать, а для того, чтобы «поднять», по выраженію Якубовича, «падающія надежды молодыхъ революціонныхъ элементовъ, сплотить послѣдніе между собою внѣ стѣнъ высшихъ учебныхъ заведеній, занять ихъ посильной работой и такимъ образомъ создать какъ бы умственную и практическую революціонную школу». Въ этомъ смыслѣ онъ и велъ пропаганду въ средѣ Петербургскихъ молодыхъ кружковъ въ теченіи всей осени 1883 г. Съ кружками этими онъ сошелся при посредствѣ Дегаева, познакомившаго его съ тремя молодыми людьми, являвшимися въ то время представителями «студенческой лиги», а эти послѣдніе уже пригласили его, Якубовича, на общія собранія ихъ кружковъ. Онъ былъ на этихъ собраніяхъ два раза. На первомъ ему удалось достигнуть закрытія «лиги» и принятія его плана объ образованіи «союза молодежи партіи «Народной Воли», на второмъ онъ письменно формулировалъ планъ «союза», а затѣмъ уже дальнѣйшаго участія въ собраніяхъ не принималъ и сносился впослѣдствіи лишь съ отдѣльными кружками и членами «союза», по просьбѣ которыхъ составилъ прокламацію, выпущенную отъ имени «союза» 17 Февраля 1884 г. безъ его участія. Въ печатномъ текстѣ этой прокламаціи ему принадлежитъ лишь конецъ, а та часть, въ которой говорится о самой организаціи «союза», принадлежитъ не ему, Якубовичу, а какому то другому лицу. Въ силу тѣхъ же сношеній съ отдѣльными членами «союза» онъ, Якубовичъ, и въ первой половинѣ 1884 г. получалъ по временамъ свѣдѣнія о дѣятельности кружковъ этой группы; такъ ему было, между прочимъ, извѣстно, что дѣло организаціи кружковъ шло очень туго и что составъ «центральнаго кружка» союза часто мѣнялся. По предъявленіи Якубовичу показаній Алексѣя Кирпищикова, обвиняемый, признавая таковыя, въ частяхъ лично до него относящихся, въ общемъ вѣрными, заявилъ, что всего показаннаго Кирпищиковымъ, относительно собраній союза, подвердить не можетъ, такъ какъ многія обстоятельства онъ теперь забылъ; относительно же лицъ, участвовавшихъ въ этихъ собраніяхъ и мѣстъ, гдѣ послѣднія происходили, никакихъ показаній давать не желаетъ.

Въ концѣ Ноября или началѣ Декабря 1883 г. Дегаевъ имѣлъ съ нимъ, Якубовичемъ, весьма тани-

ственную и конфиденціальную бесѣду, сущность которой состояла въ томъ, что Дегаевъ и его товарищи должны въ будущемъ составить «центръ партіи», долженствующій руководить всей организаціей, издавать обще-партіонную газету и вести наступательную борьбу съ правительствомъ; по отдѣльнымъ же городамъ, между прочимъ и въ Петербургѣ, должны создаться «мѣстныя группы» для веденія мѣстной революціонной борьбы и изданія мѣстнаго революціоннаго органа.—Тутъ же онъ сообщилъ ему, Якубовичу, что въ Петербургѣ есть уже много элементовъ для составленія подобной группы въ видѣ «союза молодежи», особой «петербургской рабочей группы», существующей съ 1881 г., а также лицъ, готовыхъ принять участіе въ работахъ по устройству мѣстной типографіи, дѣйствительно потомъ устроившейся на Лиговкѣ въ квартирѣ курсистки Сладковой, и редакціи мѣстнаго петербургскаго листка «Революціонеръ». При этомъ Дегаевъ предложилъ ему, Якубовичу, тоже принять участіе въ этой группѣ въ качествѣ руководителя «союза» и участника въ редакціи «Революціонера», на что онъ и согласился. Тогда Дегаевъ познакомилъ его съ однимъ литераторомъ, какъ съ будущимъ редакторомъ предположеннаго къ изданію «Революціонера», и другими лицами, долженствовавшими войти въ составъ «петербургской мѣстной группы». 16 Декабря было совершено убійство подполковника Судейкина и Дегаевъ исчезъ; но прочія лица, съ коими онъ свелъ его, Якубовича, остались и продолжали поддерживать взаимныя сношенія. Люди эти въ первое время послѣ 16 Декабря были крайне осторожны и нерѣшительны и тѣмъ сильно раздражали молодежь, къ числу которой причислялъ себя и онъ, Якубовичъ, тщетно ожидавшій отъ товарищей своихъ по революціонной дѣятельности какихъ либо рѣшительныхъ заявленій или дѣйствій. Это раздраженіе явилось зародышемъ той, по его выраженію, преступной вражды къ исполнительному комитету, которая впослѣдствіи возгорѣлась у него въ широкихъ размѣрахъ и въ которой онъ глубоко раскаивается. Новый толчекъ этой враждѣ дала его поѣздка въ Кіевъ въ концѣ Января 1884 г. Поѣздка эта была предпринята имъ по предложенію лицъ временно завѣдывавшихъ тогда въ Петербургѣ обще-партіонными дѣлами за отсутствіемъ истинныхъ представителей «центра». По словамъ этихъ лицъ въ

Кіевѣ была цѣлая, при томъ довольно важная, организація, отъ которой давно уже не было никакихъ вѣстей, по этому туда нужно было свезти нѣкоторыя инструкціи, новые адреса, деньги и т. п. При этомъ ему говорили, что тамъ онъ, Якубовичъ, встрѣтитъ своихъ старыхъ знакомыхъ, бывшихъ петербургскихъ студентовъ Макара Васильева и Михаила Шебалина и что къ послѣднему и будутъ ему даны названныя порученія. При отъѣздѣ ему дали: письмо неизвѣстнаго ему содержанія, зашифрованные адреса, ключъ къ шифру и кіевскую явку. Согласно даннымъ ему указаніямъ, онъ, по прибытіи въ Кіевъ обратился къ Васильеву, который его свелъ къ Шебалину. Во время непродолжительнаго пребыванія своего въ Кіевѣ онъ, Якубовичъ, и Шебалинъ намѣревались устроить тамъ небольшой съѣздъ изъ мѣстныхъ революціонныхъ дѣятелей, а также изъ долженствовавшихъ около того времени прибыть въ Кіевъ какихъ-то Михаила Адамовича» и «Василія Алексѣевича», ично ему, Якубовичу, незнакомыхъ. Но послѣдніе не пріѣхали и предположенный съѣздъ не осуществился. Окончательнымъ результатомъ бесѣдъ его съ Шебалинымъ было заключеніе имъ отъ имени «петербургской мѣстной группы» съ послѣднимъ, а при его посредствѣ со всей «кіевской группой» союза съ цѣлью отдѣлиться отъ прежняго исполнительнаго комитета, объединить совершенно самостоятельно партію «Народной Воли», выбрать новый комитетъ и издать 10-й номеръ «Народной Воли», причемъ было рѣшено: торопиться изданіемъ его и печатать одновременно въ Петербургѣ и Кіевѣ. Уѣзжая изъ Кіева Якубовичъ взялъ новые адреса и явки для комитета, и особые адреса и явки для петербургской мѣстной группы, свои же адреса и явку обѣщалъ выслать изъ Петербурга.

Хотя Якубовичъ возвратился такимъ образомъ въ Петербургъ, уже рѣшившись возстать противъ «исполнительнаго комитета», однако онъ не сразу сталъ въ открытыя враждебныя отношенія къ послѣднему. Первое время онъ продолжалъ по прежнему сноситься съ членами «временнаго центра», хотя между ними возникали постоянные споры, какъ по поводу 10 номера, изданіемъ коего онъ, Якубовичъ, очень торопился, а «центръ», напротивъ, относился къ этому дѣлу уклончиво, такъ и по поводу Дегаева, о которомъ «центръ» считалъ необходимымъ говорить всю правду, тогда какъ онъ, Якубовичъ, изъ боязни

скомпрометировать революціонную партію, признавалъ желательнымъ сохраненіе истинной роли Дегаева въ тайнѣ. Весь ходъ своихъ тогдашнихъ пререканій съ «временнымъ центромъ» и отношеній своихъ къ послѣднему онъ, Якубовичъ, описывалъ въ письмахъ своихъ къ Шебалину, часть которыхъ взята по обыскамъ у Шебалиныхъ и Васильева. Между прочимъ долгій споръ возбудилъ вопросъ о контръ-прокламаціи по поводу вознагражденія, объявленнаго правительствомъ за поимку Сергѣя Дегаева. Якубовичъ, а также редакторъ «Революціонера» и другіе ихъ молодые товарищи настаивали на выпускѣ прокламаціи, временный же центръ былъ противъ этого и стоило большого труда добиться его согласія. Наряду съ этими пререканіями и борьбой, пока еще не открытой, за «центромъ» продолжалась въ тотъ періодъ времени, въ Февралѣ—Мартѣ 1884 г., и положительная дѣятельность «мѣстной петербургской группы», заключавшаяся въ томъ, что онъ, Якубовичъ, и редакторъ «Революціонера» приготовляли матеріалъ для предположеннаго ими къ изданію печатнаго органа группы, а также вели сношенія съ выдающимися кружками и членами «союза молодежи», пропагандируя среди нихъ обновленную программу партіи въ томъ видѣ, какъ всѣ наличные члены группы ее тогда понимали, а именно: «болѣе широкая постановка рабочаго дѣла, допущеніе въ нѣкоторыхъ выдающихся случаяхъ фабричнаго и аграрнаго террора, расширеніе свободы и самодѣятельности мѣстныхъ революціонныхъ группъ и проч.» Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, Якубовичъ, имѣлъ при этихъ сношеніяхъ въ виду намѣчать изъ числа молодежи отдѣльныхъ выдающихся лицъ для введенія ихъ въ организацію «мѣстной петербургской группы», а быть можетъ и въ иную, болѣе широкую. Рядомъ съ нимъ продолжали свою дѣятельность: типографская группа, существовавшая вплоть до ареста типографіи Сладковой, и группа паспортнаго стола, въ составъ которой входили: рѣзчики печатей, копировальщики, собиратели дубликатовъ и проч., и во главѣ которой стояло лицо, извѣстное ему, Якубовичу, подъ кличкой «паспортистъ». О существованіи этой послѣдней группы ему, Якубовичу, стало извѣстно еще въ Январѣ, передъ отъѣздомъ его въ Кіевъ.

Такимъ образомъ, не разрывая окончательно связей съ временными посредниками комитета, находившимися въ Петербургѣ, онъ, Якубовичъ, и другіе дѣя-

тели «мѣстной петербургской группы» готовились встрѣтить такое положеніе дѣлъ, которое заставило бы ихъ выступать съ самостоятельной революціонной организаціей. Въ видахъ занятія такого положенія онъ, Якубовичъ, велъ тайно отъ «центра» переписку съ Шебалинымъ, а «паспортистъ», имѣвшій много знакомствъ и связей въ средѣ учащейся молодежи и въ обществѣ, взялъ на себя укрывательство «нелегальныхъ», которые въ то время начали появляться въ группѣ. Къ числу ихъ принадлежали: Овчинниковъ, «Михаилъ Адамовичъ», Михаилъ Лаговскій (нелегально Гассельмайеръ) и другъ. Съ первымъ онъ, Якубовичъ, въ то время часто видался, какъ со старинным знакомымъ, послѣдняго же, Лаговскаго, зналъ лишь какъ «человѣка изъ Сибири», который представилъ надежныя рекомендаціи и о прибытіи котораго было скрыто отъ центра, но сообщено въ одномъ изъ писемъ его, Якубовича, Шебалину. Наконецъ о «Михаилѣ Адамовичѣ» онъ слышалъ лишь, какъ о пріѣзжавшемъ въ Петербургъ на короткое время и явившемся къ «паспортисту» по мѣстной явкѣ и паролю, посланнымъ передъ тѣмъ имъ, Якубовичемъ, Шебалину, хотя въ то время «Михаилъ Адамовичъ» имѣлъ свиданія и съ членами «временнаго центра».

Въ концѣ Марта (1884 г.) была взята лиговская типографія Сладковой. Около того же времени появилась въ Петербургѣ «делегація исполнительнаго комитета», имена членовъ которой онъ, Якубовичъ, назвать не желаетъ. Въ первое же время послѣ ея прибытія выяснилось, что разногласія, существующія между ея взглядами и мнѣніями «молодой партіи Народной Воли», къ которой въ то время себя причисляли мѣстныя группы: Петербургская, Кіевская и Московская (примкнувшая къ молодой партіи въ томъ же Мартѣ), касаются не только вопросовъ организаціонныхъ, но и направленія революціоннаго дѣла въ Россіи. Комитетъ хотѣлъ оставить программу партіи совершенно въ томъ же видѣ, въ какомъ она была въ первый періодъ дѣятельности «Народной Воли», въ 1879—1882 годахъ. Это значило направить всѣ силы революціонной партіи главнымъ образомъ на борьбу съ существующимъ въ Россіи государственнымъ строемъ. Молодая же партія полагала, что главныя усилія должны быть направлены на развитіе мѣстныхъ революціонныхъ группъ, на пропаганду

чисто соціалистическихъ идей въ рабочей средѣ и на введеніе въ программу террористическихъ фактовъ чисто экономическаго характера.

Около 1 Апрѣля (1884 г.) выяснилась невозможность соглашенія съ исполнительнымъ комитетомъ и насталъ періодъ раздѣленія партій, продолжавшійся до 1 Іюня. Первымъ дѣломъ «молодой партіи» послѣ этого была прокламація извѣщавшая о раздѣленіи партіи Народной Воли на двѣ самостоятельныя организаціи и излагавшая программу «молодой партіи». Прокламація эта печаталась въ дерптской тайной типографіи, но дѣло это за неимѣніемъ умѣлаго техника шло очень туго, а потому состоявшееся въ концѣ Мая (1884 г.) соглашеніе «молодой партіи» съ исполнительнымъ комитетомъ успѣло предупредить появленіе въ свѣтъ этой прокламаціи. Отказываясь объяснять въ подробностяхъ ходъ переговоровъ, приведшихъ къ этому соглашенію, Якубовичъ объяснилъ, что они начались одновременно въ Петербургѣ и Москвѣ и что московскими членами «молодой партіи» была впервые заявлена мысль о необходимости слія-нія. Послѣднее вскорѣ и состоялось, но первоначально оно имѣло какъ бы временный характеръ, что доказывается и редакціею заявленія объ этомъ соглашеніи, помѣщеннаго въ № 10 журнала «Народная Воля». Только потомъ, уже находясь въ Дерптѣ и ознакомясь со всѣми статьями, заготовленными для этого номера, онъ, Якубовичъ, пришелъ къ окончательному заключенію о необходимости слія-нія и совершенно примирился съ исполнительнымъ комитетомъ, о чемъ свидѣтельствуютъ какъ письма его изъ Дерпта, отобранныя у Саловой, такъ и письмо его на имя революціоннаго дѣятеля, извѣстнаго ему подъ именемъ «Ивана Ивановича».

Одновременно съ этимъ соглашеніемъ (въ началѣ Іюня 1884 г.) «молодая партія» передала исполнительному комитету и всѣ свои связи и учрежденія, въ томъ числѣ паспортный столъ и дерптскую типографію, предварительно заручившись на то согласіемъ основателя этой типографіи Владиміра Переляева. Съ этого времени типографія перешла въ безусловное вѣдѣніе исполнительнаго комитета, отъ котораго и пріѣзжали туда для переговоровъ съ Переляевымъ: въ серединѣ лѣта 1884 г. одно лицо, занимавшееся подобно ему, Якубовичу, обще-революціонными дѣлами, а въ Іюлѣ или въ Августѣ техникъ-типографъ.

Первое изъ этихъ лицъ именовалось Григоріемъ Павловичемъ, котораго онъ, Якубовичъ, въ дерптскихъ письмахъ своихъ обозначалъ инищалами: «Г. П.»; какъ же звали «техника»—онъ не знаетъ и самъ лично въ Дерптѣ ни съ однимъ изъ этихъ лицъ не видѣлся.

Относительно возникновенія дерптской типографіи Якубовичъ показалъ, что въ половинѣ Марта 1884 г. прибылъ въ Петербургъ изъ Дерпта студентъ Владиміръ Переляевъ, ранѣе того въ 1881 г. принадлежавшій къ партіи «Чернаго Передѣла», затѣмъ за что-то арестованный и высланный въ Дерпть. Желая содѣйствовать партіи «Народной Воли». Переляевъ явился въ Петербургъ, гдѣ розыскалъ «паспортиста» и другихъ членовъ «мѣстной группы», въ томъ числѣ и его, Якубовича. Лицамъ этимъ Переляевъ разсказалъ о выгодномъ положеніи Дерпта для революціонныхъ цѣлей и сообщилъ, что онъ успѣлъ устроить тамъ небольшую типографію, которую и предлагаетъ къ услугамъ «группы», съ условіемъ, чтобы вся механическая работа была предоставлена мѣстнымъ революціоннымъ дѣятелямъ подъ личнымъ руководствомъ того, Переляева, причемъ онъ просилъ лишь денежной помощи, пополненія типографіи шрифтомъ и другими техническими принадлежностями и присылки, хотя на короткое время, «техника», такъ какъ самъ онъ, Переляевъ, не знакомъ съ упрощенными способами и пріемами, практикуемыми въ революціонныхъ типографіяхъ. Условія эти были приняты. Когда затѣмъ въ Апрѣлѣ была послана въ Дерпть для напечатанія прокламація «молодой партіи», то ѣздившее для этого лицо отвезло вмѣстѣ съ тѣмъ и часть находившагося въ распоряженіи «молодой партіи» шрифта и другихъ типографскихъ принадлежностей. Послѣ этой поѣздки и до Іюня Переляевъ, не смотря на взятые имъ въ Петербургѣ адреса, ключъ и шифръ, не велъ никакихъ письменныхъ сношеній съ Петербургомъ, такъ какъ вообще не любилъ писать письма. Между тѣмъ предположенное тогда печатаніе 10 номера требовало постоянныхъ сношеній между типографіей и находившейся въ Петербургѣ редакціей. Для веденія этихъ сношеній былъ посланъ въ Дерпть онъ, Якубовичъ, гдѣ и оставался, какъ это уже было изложено выше, въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ.

Т. IV л. 175 об. и 176. Выписка т. V л. 167.

Т. IV л. 177. Выпись V л. 169.

По предъявленіи Якубовичу результатовъ дознанія «о дерптской тайной типографіи», онъ объяснилъ, что

Т. V л. 231, 232.

въ квартирѣ Переляева въ домѣ Крейденъ по Ботанической улицѣ онъ, Якубовичъ, не жилъ и не бывалъ никогда, Ивановымъ въ Дерптѣ не именовался, обвиняемаго Новикова совсѣмъ не знаетъ и отъ Переляева ничего о немъ не слышалъ; рукописи, оказавшіяся въ бумагахъ дерптской типографіи, признанныя экспертизою писанными имъ, Якубовичемъ, дѣйствительно писаны имъ и при сліяніи партій (въ Іюнѣ 1884 г.) переданы имъ въ распоряженіе «исполнительнаго комитета», откуда и попали въ типографію. Вмѣстѣ съ тѣмъ Якубовичъ призналъ, что редакціонныя поправки, имѣющіяся на отобранной въ дерптской типографіи замѣткѣ «о непомѣщеніи въ номерѣ нѣкоторыхъ провинціальныхъ корреспонденцій», писанной по удостовѣренію экспертизы Германомъ Лопатинымъ, сдѣланы имъ, Якубовичемъ. Дѣлалъ онъ подобныя исправленія на основаніи замѣтокъ редакціи, имѣвшихся у него на отдѣльныхъ отъ самихъ статей листкахъ.

Т. IV л. 151—153. По поводу письма, отобраннаго у Василія Моисеева въ г. Тулѣ и ему предъявленнаго, Якубовичъ, признавая, что письмо это дѣйствительно писано имъ, объяснилъ, что передалъ его вмѣстѣ съ сотней экземпляровъ № 10 «Народной Воли» не Моисееву, а другому лицу, котораго назвать не желаетъ, и предназначалъ его не для Тулы, а для другой мѣстности, назвать которую не находитъ возможнымъ.

Л. 113 об. Относительно своей жизни въ Петербургѣ въ послѣднее время передъ арестомъ Якубовичъ показалъ, что возвратясь изъ Дерпта 28 Сентября (1884 г.) и устроивъ принятіе перваго транспорта 10 номера (Народной Воли) онъ недѣли двѣ жилъ безъ всякаго дѣла. Но около 20 Октября для него сдѣлалось яснымъ, что долѣе жить безъ прописки невозможно и онъ сталъ искать нелегальнаго вида. «Паспортистъ» предложилъ ему нѣсколько видовъ, изъ коихъ онъ, Якубовичъ, выбралъ свидѣтельство на имя мѣщанина г. Ковеля Орлова. Съ этимъ видомъ онъ съѣздилъ въ Псковъ исключительно для того, чтобы прописать его въ провинціи, а затѣмъ возвратился въ Петербургъ и поселился на квартирѣ въ домѣ № 52 по Конногвардейской улицѣ, гдѣ и жилъ до своего ареста 15 Ноября того же 1884 года.

Т. IV л. 73, 76. Назвать лицо, которое онъ въ своихъ показаніяхъ именовалъ «паспортистомъ» и личность, отъ которой

онъ получилъ отобранныя у него по обыску революціонныя изданія, Якубовичъ отказался.

При провѣркѣ обстоятельствъ пребыванія Якубовича въ Кіевѣ во второй половинѣ Января 1884 г. установлено осмотромъ книгъ гостинницы «Италія», что Якубовичъ прожилъ въ этой гостинницѣ подъ своимъ собственнымъ именемъ съ 23 Января по 1 Февраля 1884 г., причемъ былъ отмѣченъ прибывшимъ изъ Петербурга и выбывшимъ туда же. Изъ производившагося же при Кіевскомъ губернскомъ жандармскомъ управленіи дознанія «о тайной типографіи Шебалиныхъ» видно, что Якубовичъ бывалъ у послѣднихъ и однажды вышелъ отъ нихъ вмѣстѣ съ обвиняемымъ по настоящему дѣлу Николаемъ Стародворскимъ. Т. IV л. 69—72.

Дознаніемъ по г. Пскову установлено лишь, что обвиняемый Якубовичъ прибылъ въ этотъ городъ 24 Октября 1884 г. и остановился въ гостинницѣ «Псковъ», гдѣ отмѣтился прибывшимъ «изъ Ковно», выбывшимъ же отмѣченъ «25 Октября въ Петергургъ». Т. IV л. 122—151.

Обвиняемый отставной штабсъ-капитанъ Константинъ Степуринъ, нынѣ умершій, показалъ, что онъ впервые принялъ участіе въ активной революціонной Т. IV л. 9 и 15.

дѣятельности въ Январѣ 1884 г. Положеніе революціонныхъ дѣлъ было тогда, по словамъ его, таково: въ Петербургѣ, вслѣдствіе разоблаченія дѣйствительнаго значенія преступной дѣятельности Дегаева, не существовало прочной революціонной организаціи, ни единства во взглядахъ; не существовало, повидимому, ни исполнительнаго комитета, ни кого либо изъ довѣренныхъ отъ него лицъ и сознавалась необходимость въ пересмотрѣ програмныхъ вопросовъ партіи. Въ виду этого, говоритъ Степуринъ, являлась необходимость въ общемъ собраніи для разрѣшенія всѣхъ вопросовъ и выработки формъ организаціи петербургской революціонной группы. Его, Степурина, личная дѣятельность заключалась лишь въ подготовительной къ тому работѣ, состоявшей въ устройствѣ необходимыхъ связей и сношеній и выразившейся, между прочимъ, въ его письмахъ въ Кіевъ къ Шебалинымъ за подписью Алексѣй Константиновичъ, относительно коихъ, равно какъ и по отношенію къ лицамъ, съ которыми онъ по своей революціонной дѣятельности приходилъ въ сношенія, и вообще о подробностяхъ этой дѣятельности онъ, Степуринъ, никакихъ дальнѣйшихъ показаній не далъ.

Въ одной изъ приведенныхъ выше замѣтокъ, отобранныхъ у обвиняемаго Германа Лопатина, относящейся до г. Ростова на Дону, оказались записанными, въ числѣ прочихъ, имена Шаповалова, Добрускиной, Анны Михайловны, Ранца и Барыковой, а также свѣдѣнія о типографіи.

Т. I л. 23 об.

При производствѣ разслѣдованія по содержанію этой замѣтки, въ связи съ содержаніемъ такихъ же замѣтокъ Лопатина и Саловой, относящихся до г. Луганска, обнаружено, что всѣ указанныя въ означенной замѣткѣ лица проживали въ г. Ростовѣ и что обвиняемая Генріетта Добрускина проживала тамъ подъ именемъ и по документу дочери учителя Эмиліи Бауеръ, по справкамъ оказавшемуся похищеннымъ изъ Харьковской земской больницы послѣ смерти Бауеръ, находившейся тамъ на излеченіи въ Мартѣ мѣсяцѣ 1884 года.

Т. VI л. 226, 283 и 286.

Т. VII л. 26 и 82.

При производствѣ у этихъ лицъ обысковъ у Добрускиной, кромѣ документа на имя Бауеръ, не найдено ничего противозаконнаго или вообще относящагося къ предмету разслѣдованія. У Барыковой найдено было нѣсколько писемъ обвиняемаго Петра Якубовича, не заключающихъ въ себѣ ничего преступнаго и свидѣтельствующихъ о знакомствѣ ея съ Якубовичемъ, установившемся вслѣдствіе сотрудничества обоихъ ихъ въ журналѣ «Дѣло». У Якова Шаповалова, оказавшагося выѣхавшимъ на жительство въ г. Новочеркаскъ, найдены: проволока, признанная экспертизою, такъ называемымъ, бикфордовымъ шнуромъ, употребляемымъ въ настоящее время для взрыва капсюлей и минныхъ патроновъ вмѣсто прежняго стопина, записная книжка съ шифрованными замѣтками, уставъ о паспортахъ, листы гербовой бумаги, литографскія чернила и подушка, пропитанная штемпельной краской.

Т. VI л. 87, 233 и 291.

У Герша Ранца оказались разныя революціонныя изданія, матеріалы для поддѣлки паспортовъ, въ числѣ которыхъ подложный паспортъ на имя Волошина, писанный, по заключенію эксперта, почеркомъ Всеволода Гончарова, разная переписка и рукописи, въ томъ числѣ:

Т. VI л. 80—85, 127 об.

Т. VI л. 231, 232.

а) письмо, писанное почеркомъ, сходнымъ съ почеркомъ обвиняемаго Ивана Гейера, и подписанное «Иванъ» слѣдующаго содержанія: «заказъ исполнить можно, но этихъ плановъ недостаточно: здѣсь только фасадъ и планъ генеральный, детальнаго же нѣтъ,

Т. VI л. 130 и Т. VII л. 167.

такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ надо догадываться; было бы лучше, если бы можно было достать и детали. Завтра приступаю. но нужно будетъ рублей 25. Тѣ же мѣста, которыя я не понялъ, можно будетъ выяснить при свиданіи». По поводу этого письма обвиняемый Иванъ Гейеръ объяснилъ, что оно писано имъ и относится до типографскаго станка, для изготовленія котораго обвиняемый Петръ Елько привезъ ему въ Луганскъ изъ Ростова чертежи лѣтомъ 1884 года;

б) рукопись начинающаяся словами: «ошибки революціонера и преступленія предателя», писанная, по заключенію эксперта, почеркомъ обвиняемой Неонилы Саловой и напечатанная въ видѣ передовой статьи въ № 10 журнала «Народная Воля»; Т. VI л. 299.

в) рукописи, писанныя, по заключенію эксперта, почеркомъ обвиняемаго Сергѣя Иванова: 1) «уставъ мѣстныхъ группъ партіи «Народной Воли», какъ составныхъ частей этого сообщества», 2) неоконченное воззваніе противоправительственнаго содержанія, озаглавленное «письмо къ солдатамъ въ двухъ экземплярахъ», 3) черновой набросокъ въ видѣ проекта прокламаціи объ убійствѣ правительственнаго агента, представляющагося для мѣстной группы опаснымъ или ненавистнымъ (другой экземпляръ этой же прокламаціи, найденный у Ранца, писанъ, по заключенію эксперта, почеркомъ Абрама Баха), 4) проектъ организаціи революціонной партіи по началу строгой централизаціи, 5) отрывокъ письма съ обращеніемъ дѣйствующихъ въ Россіи революціонеровъ къ ихъ единомышленникамъ, находящимся за границей, въ которомъ спрашиваютъ послѣднихъ, по какому праву они, зная о предательствѣ Дегаева, не сообщили о томъ въ Россію и судили Дегаева безъ участія практически дѣйствующихъ въ Россіи членовъ партіи, и другія рукописи революціоннаго содержанія, писанныя другими почерками. Т. VI л. 299.

На допросѣ при дознаніи показали:

Жена присяжнаго повѣреннаго Анна Барыкова,—что Петра Якубовича она лично не знаетъ, но состоитъ съ нимъ въ перепискѣ по поводу сотрудничества ихъ въ журналѣ «Дѣло».—Въ концѣ Апрѣля 1884 г. къ ней явилась отъ имени Петра Якубовича обвиняемая Генріетта Добрускина, назвавшаяся ей Эмиліей Николаевной Бауеръ, и просила доставить ей мѣсто или занятія.—Барыкова пріютила Добрускину у себя сначала въ Ростовѣ, а потомъ взяла съ собою на дачу, Т. VI л. 74, 77 и 255.

откуда Добрускина черезъ нѣсколько дней уѣхала въ Ростовъ и съ тѣхъ поръ только изрѣдка навѣщала ее. Она, Барыкова, Лопатина не знаетъ и не можетъ объяснить причинъ, по которымъ ея фамилія оказалась въ замѣткахъ его.

Запасный рядовой Яковъ Шаповаловъ показалъ—что найденные у него предметы не имѣютъ противозаконнаго назначенія, ни Лопатина, ни другихъ, привлеченныхъ къ этому дознанію, лицъ онъ не знаетъ, въ семействѣ же фотографа Боярскаго въ Ростовѣ онъ былъ принятъ какъ близкій знакомый.—По какимъ основаніямъ фамилія его оказалась въ замѣткахъ Лопатина, онъ объяснить не можетъ.

Т. VII л. 93 и 134.

Запасный военный фельдшеръ Гершъ Ранцъ,—что Германа Лопатина онъ не знаетъ. Добрускину же зналъ подъ именемъ Анны Михайловны и познакомился съ нею при посредствѣ лица, извѣстнаго ему подъ именемъ Василія Алексѣевича, съ которымъ онъ познакомился случайно въ Ростовскомъ городскомъ саду, но не призналъ его въ фотографической карточкѣ Сергѣя Иванова. Василій Алексѣевичъ и Анна Михайловна бывали у него, когда онъ служилъ въ аптекѣ Ланицкаго, и въ одно изъ этихъ посѣщеній Василій Алексѣевичъ передалъ ему три свертка съ тѣми вещами и бумагами, которыя отобраны у него при обыскѣ. Изъ этихъ свертковъ одинъ былъ имъ вскрытъ впослѣдствіи, причемъ въ немъ оказались патроны; что же было въ остальныхъ сверткахъ ему неизвѣстно. Разрѣшенія пользоваться своимъ адресомъ для переписки онъ, Ранцъ, никому не давалъ; но въ Сентябрѣ 1884 г. имъ было получено изъ Таганрога письмо и телеграмма непонятнаго для него содержанія за подписью неизвѣстнаго ему Акимова. Встрѣтясь съ Василіемъ Алексѣевичемъ и Анною Михайловною, онъ показалъ имъ это письмо, причемъ Анна Михайловна разсмѣявшись взяла его къ себѣ, не сообщивъ ему никакихъ по поводу его разъясненій.

Т. VI л. 85, 112, 200 и 237. Т. VII л. 95.

Генріетта Добрускина задержана въ г. Ростовѣ на Дону 17 Октября 1884 г. и самоличность ея была удостовѣрена показаніями матери и сестры ея, признавшихъ ее по предъявленной имъ фотографической карточкѣ. По показаніямъ квартирной хозяйки Добрускиной въ Ростовѣ на Дону—вдовы врача Щербаковой и служившихъ у послѣдней бѣлошвеекъ Меланіи Мирошниковой и Евдокіи Каргиной, Добрускина поселилась у Щербаковой 3 Августа 1884 г. подъ именемъ Бауеръ

Т. VI л. 76. Т. VII л. 165. Т. VI л. 185. Т. VII л. 30—35 и 38.

и прожила тамъ до дня своего ареста. Въ это время у нея бывалъ Сергѣй Ивановъ, а по показанію Мирошниковой одинъ разъ былъ и Германъ Лопатинъ, которыхъ свидѣтельницы признали по фотографическимъ карточкамъ, удостовѣривъ при томъ, что Сергѣй Ивановъ заикается.

Крестьянинъ Василій Заворзинъ, въ домѣ котораго въ г. Ростовѣ на Дону жилъ съ половины Августа до начала Октября 1884 г. Яковъ Шаповаловъ, удостовѣрилъ, что Добрускина бывала у Якова Шаповалова и однажды посѣтила его одновременно съ Гершемъ Равцъ, которому передала тогда какой то свертокъ, унесенный имъ съ собою. Въ карточкѣ Лопатина Заворзинъ призналъ личность, посѣтившую Якова Шаповалова два раза. Т. VI л. 183, 201, 266.

Пребываніе Сергѣя Иванова въ Ростовѣ на Дону было установлено при разслѣдованіи нижеслѣдующаго содержанія замѣтки Лопатина по этому городу: «вѣчныя скачки заики.... побѣгъ сломя голову..... утрата подлинника (Лука Максимычъ Лысенко), чемодана, вещей и денегъ....» По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ департаментомъ полиціи, оказалось, подлинный видъ на имя Луки Максимовича Лысенко былъ утерянъ дворяниномъ Кіевской губерніи Лукою Лысенко еще въ 1882 г., а по книгѣ пристава 2-й части Ростовской городской полиціи за 1884 г. оказался записаннымъ 10 Іюля Лука Максимовичъ Лысенко, по дому Негодаева въ Малой Садовой улицѣ; осмотромъ же книги этого дома установлено, что проживавшій въ этомъ домѣ по виду Кіевскаго землевладѣльца Луки Максимовича Лысенко записанъ прибывшимъ 1 Іюля 1884 г. изъ Кіева и выбывшимъ 28 Августа въ Таганрогъ. Показаніями самого домовладѣльца мѣщанина Негодаева и жены его Александры обнаружено, что подъ именемъ Лысенко въ домѣ ихъ проживалъ обвиняемый Сергѣй Ивановъ, котораго эти свидѣтели признали по фотографической карточкѣ. Изъ показаній тѣхъ же свидѣтелей видно, что жилецъ ихъ Лысенко сильно заикался что, живя у нихъ, онъ цѣлые дни проводилъ внѣ дома, еженедѣльно уѣзжалъ куда-то; что его никто не посѣщалъ и что оставилъ онъ ихъ квартиру внезапно 23 или 24 Августа; въ этотъ день онъ поутру, по обыкновенію, ушелъ, не предупредивъ ихъ, что совершенно уѣзжаетъ, и болѣе уже не возвращался; находившіеся же въ квартирѣ его три небольшихъ чемодана и другія вещи такъ у нихъ и остались. Т. VI л. 169, 170, 275—279. Т. VII л. 65—81. Т. VII л. 67, 70, 71, 74, 75, 80.

Т. VII л. 63, 66, 81. Т. VII л. 277. По осмотру этихъ вещей оказалось, что онѣ состоятъ изъ трехъ парусинныхъ чемодановъ, двухъ заряженныхъ револьверовъ, пачки патроновъ къ этимъ револьверамъ, записной книжки съ шифрованными замѣтками, оставшимися неразобранными, и носильнаго платья и бѣлья.

Т. VII л. 96. Что касается до Германа Лопатина, то, признавая пребываніе свое въ Ростовѣ на Дону осенью 1884 г., онъ отрицалъ однако фактъ посѣщенія имъ Шаповалова и Добрускиной.

Т. VI л. 78, 172, 177, 242. Привлеченная въ качествѣ обвиняемой Генріетта Добрускина первоначально назвала себя Эмиліей Бауэръ, но на послѣдующихъ допросахъ, признавъ свое дѣйствительное имя и званіе, показала, что признаетъ принадлежность свою къ сообществу, именующему себя партіей «Народной Воли», и объяснила, что до конца Апрѣля 1884 г. она жила въ Петербургѣ легально, а затѣмъ перешла на нелегальное положеніе, дабы удобнѣе заниматься революціонными дѣлами, и, получивъ отъ лица, которое она назвать не желаетъ, видъ на имя Бауэръ, а отъ обвиняемаго Петра Якубовича письмо къ Барыковой, поѣхала въ Ростовъ на Дону, гдѣ первоначально поселилась у Барыковой въ городѣ, затѣмъ переѣхала съ ней на дачу, прожила тамъ у нея мѣсяца полтора, а въ половинѣ Іюля переѣхала на собственную квартиру къ Щербаковой. Въ Ростовѣ она познакомилась съ Гершемъ Рапцъ и передала ему вещи, отобранныя у него при обыскѣ. Никакихъ объясненій по поводу этого знакомства Добрускина не дала, а относительно лицъ, записанныхъ въ замѣткѣ Германа Лопатина по Ростову, отозвалась, что совершенно ихъ не знаетъ.

Т. VII л. 110—119, 126, 127. Разслѣдованіе, предпринятое для провѣрки обстоятельствъ жизни и знакомствъ обвиняемой Генріетты Добрускиной въ Петербургѣ, удостовѣрило, что обвиняемая съ осени 1883 г. и до половины Марта 1884 г. жила въ домѣ № 31 по Большой Дворянской улицѣ на Петербургской сторонѣ, вмѣстѣ съ слушательницами высшихъ женскихъ курсовъ Деборой Позиеръ и Подосеновой, а затѣмъ переѣхала въ домъ № 16 по Пушкинской улицѣ, гдѣ проживала до 30 Апрѣля, когда выбыла изъ Петербурга, отмѣтившись въ Могилевѣ.

Нѣкоторыя обстоятельства, свидѣтельствующія о преступной дѣятельности Добрускиной въ Петербургѣ,

удостовѣрены показаніями свидѣтелей Тура и Воронцевой.

Помощникъ присяжнаго повѣреннаго Николай Турь объяснилъ, что Добрускина весною 1884 г. безъ его вѣдома и согласія воспользовалась его Петербургскимъ адресомъ для полученія своей переписки, вслѣдствіе чего его адресъ и оказался указаннымъ въ письмахъ, отобранныхъ у Шебалиныхъ и Васильева въ Кіевѣ для письменныхъ сношеній членовъ революціонной партіи.

Домашняя учительница Надежда Воронцева показала, что отобранныя у нея при обыскѣ: рукопись подъ заглавіемъ «Литература взрывчатыхъ веществъ», заключающая въ себѣ описаніе способовъ приготовленія таковыхъ, а также метательныхъ снарядовъ, клочки бумаги съ разными революціоннаго содержанія записями и половина обложки революціоннаго журнала «Студенчество» были переданы ей на храненіе вмѣстѣ съ разными революціонными изданіями и какими то красками въ концѣ 1883 или въ началѣ 1884 г. курсисткой Генріеттой Добрускиной, съ которой она, Воронцева, познакомилась за годъ до того въ Петербургѣ, проживая въ однихъ съ нею меблированныхъ комнатахъ. Кромѣ того ей были переданы Добрускиною еще другія бумаги, которыя она, Воронцева, сожгла еще до обыска, не желая хранить ихъ у себя.

Прил. № 13 л. 519 и 523. Т. VII л. 148, 149 и 165.

По поводу показаній Тура и Надежды Воронцевой Добрускина, признавая таковыя справедливыми, объяснила, что адресъ Тура она въ началѣ 1884 г. дѣйствительно дала своимъ знакомымъ, назвать которыхъ не желаетъ, для переписки съ нею. Получивъ потомъ по этому адресу два письма, переданныхъ ей Туромъ, она по его желанію дальнѣйшую переписку этимъ путемъ прекратила. Что касается до Воронцевой, то она, Добрускина, дѣйствительно передала ей въ концѣ осени 1883 г. разныя рукописи и революціонныя изданія, въ числѣ коихъ были «литература взрывчатыхъ веществъ» и другія бумаги, отобранныя у Воронцевой и ей, Добрускиной, предъявленныя. Откуда все это было получено ею самою, она объяснить не пожелала, что же было еще передано ею Воронцевой—не помнитъ. Далѣе Добрускина показала, что революціонная дѣятельность ея въ Ростовѣ на Дону состояла въ томъ, что она вообще заправляла мѣстными революціонными дѣлами, вела пропаганду въ средѣ мѣстныхъ рабочихъ, участвовала въ напечатаніи тамъ № 10 журнала «На-

Т. VII л. 177, т. IX л. 163, прил. № 13 л. 558.

Т. IX л. 89.

родная Воля» и хранила взрывчатые динамитные снаряды. Указать мѣсто и назвать участниковъ ростовской тайной типографіи Добрускина не пожелала, заявивъ лишь, что въ дѣлѣ этомъ не участвовалъ никто изъ мѣстныхъ ростовскихъ жителей и что она сама въ два раза привезла для этой типографіи пуда 3 или 4 шрифта и впослѣдствіи иногда принимала личное участіе въ работѣ, накатывая валомъ листы на наборъ. По предъявленіи обвиняемой трехъ различныхъ изданій № 10 журнала «Народная Воля», отобранныхъ у Германа Лопатина, Добрускина то изъ нихъ, въ которомъ на 1-й страницѣ напечатаны некрологи: Тихонова, Неддачина, Осинской и друг., а вслѣдъ за ними объявленіе «исполнительнаго комитета» «о казни подполковника Судейкина»—признала за напечатанный въ ростовской тайной типографіи. Относительно взрывчатыхъ снарядовъ обвиняемая Добрускина показала, что въ бытность свою въ Ростовѣ получила отъ лица, которое назвать не желаетъ, четыре такихъ снаряда и стеклянныя трубочки къ нимъ, которые и хранила у себя въ саквояжѣ подъ подушкой около мѣсяца.

Т. IX л. 136, 158.

По поводу показанія обвиняемаго Ивана Гейера о томъ, что онъ въ квартирѣ Добрускиной запаивалъ трубочки запаловъ для разрывныхъ снарядовъ, Добрускина показала, что узнавъ о желаніи проживающаго въ Луганскѣ Ивана Гейера, извѣстнаго ей подъ именемъ «Ивана Ивановича», поговорить съ кѣмъ либо изъ близкихъ къ партіи лицъ, она написала ему въ Луганскъ и послала ему адресъ своей знакомой Розы Левъ, съ которой сошлась тоже въ Ростовѣ и адресомъ которой пользовалась для переписки и явокъ. Вслѣдствіе этого письма Гейеръ явился въ Ростовъ на Дону, при посредствѣ Розы Левъ отыскалъ ее, Добрускину, и у нея на квартирѣ наполнилъ сѣрной кислотой и запаялъ стеклянныя трубочки къ снарядамъ. Объяснить, былъ ли при томъ еще кто либо и давать какія либо показанія относительно обвиняемаго Сергѣя Иванова, въ карточкѣ котораго признала личность ей извѣстную, Добрускина не пожелала. По предъявленіи Добрускиной одного изъ снарядовъ, отобранныхъ у Германа Лопатина, она заявила, что признаетъ этотъ снарядъ за одинъ изъ тѣхъ, которые были у нея на храненіи. Кому она передала эти снаряды, она сказать не пожелала, но признала, что познакомилась и видѣлась съ Лопатинымъ въ Ростовѣ на Дону, причемъ онъ одинъ разъ былъ у нея на квартирѣ въ домѣ Щербаковой.

Снаряды, у нея хранившіеся, имѣли революціонное назначеніе, но имѣлся ли притомъ въ виду опредѣленный террористическій фактъ, она не знаетъ. По предъявленіи Добрускиной фотографическихъ карточекъ обвиняемыхъ по настоящему дѣлу: Василія Сухомлина и Петра Елько, она объяснила, что лицъ этихъ знаетъ—Сухомлина подъ именемъ Ивана Андреевича, а Елько подъ именемъ Владиміра Николаевича. Съ послѣднимъ встрѣчалась по революціоннымъ дѣламъ въ Ростовѣ на Дону лѣтомъ 1884 г., но никакихъ дальнѣйшихъ объясненій по этому поводу давать не желаетъ. Что касается до Сухомлина, то съ нимъ познакомилась въ Петербургѣ въ началѣ 1884 г., чрезъ кого и при какихъ обстоятельствахъ, объяснять не желаетъ, и весною того же года имѣла съ нимъ свиданія въ Петербургѣ для разговоровъ по революціоннымъ дѣламъ. Въ Ростовѣ на Дону она съ нимъ не встрѣчалась и былъ ли онъ въ Ростовѣ лѣтомъ 1884 г. не знаетъ. Наконецъ по предъявленіи ей рукописи, отобранной у Ранца и начинающейся словами: «Нами получено письмо изъ Кары», Добрускина признала, что рукопись эта писана ею и представляетъ матеріалъ для статьи о бытѣ ссыльныхъ на Карѣ. Т. IX л. 163 и 215.

Изъ показаній обвиняемаго Петра Елько видно, что въ началѣ 1884 г., послѣ убійства рабочаго Шкріобы, онъ, Елько, отправился изъ Харькова въ Ростовъ на Дону, какъ представитель харьковской райональной группы партіи, долженствовавшей завѣдывать дѣлами ростовской мѣстной группы. Въ Ростовѣ онъ засталъ одного нелегальнаго Кащея-Баха и организованный послѣднимъ кружокъ саморазвитія, состоявшій изъ молодежи: Шановалова, Петра Пешкерова, Рафаила Чернышева и друг. Затѣмъ въ теченіи весны 1884 г. постепенно съѣхались въ Ростовъ: Петръ Антоновъ, онъ же Кирилло, нелегальная «Марія Николаевна», которую онъ, Елько, зналъ въ концѣ 1883 г. въ Петербургѣ подъ именемъ Татьяны Голубевой и которую по карточкѣ, ему предъявленной, признаетъ въ Раисѣ Кранцфельдъ, нелегальный «Михайло» и Генріетта Добрускина. Впослѣдствіи уже лѣтомъ, пріѣзжалъ «Заика» (Сергѣи Ивановъ), проживавшій въ Ростовѣ подъ именемъ и по виду Луки Максимыча Лысенко. Со всѣми этими лицами онъ, Елько, входилъ въ сношенія по дѣламъ революціонной партіи. Въ Маѣ, при участіи этихъ лицъ, стала устраиваться ростовская тайная типографія, въ коей былъ впослѣд- Т. IX л. 198.

ствіи отпечатанъ № 10 журнала «Народная Воля» и для которой онъ, Елько, привезъ изъ Харькова нѣсколько пудовъ шрифта. Помѣщалась эта типографія на углу Никольской улицы и Почтоваго переулка въ квартирѣ супруговъ Марковыхъ, подъ именемъ которыхъ проживали нелегально «Михайло» и «Марія Николаевна». Кромѣ нихъ въ типографскихъ работахъ принималъ еще участіе «Кириллъ» (Петръ Антоновъ); изъ числа же «мѣстныхъ» никто никакого участія въ этомъ дѣлѣ не принималъ. Изъ числа послѣднихъ: Пешекеровъ и Чернышевъ были намѣчены Бахомъ для того, чтобы съ теченіемъ времени войти въ составъ ростовской центральной группы, но непосредственнаго участія въ дѣлахъ партіи они не принимали. Яковъ Шановаловъ считался паспортистомъ, но въ чемъ именно состояла его практическая дѣятельность онъ, Елько, не знаетъ. Барыкова, Ранцъ и Бѣлецкій, насколько ему, Елько, извѣстно, никакого участія въ дѣлахъ партіи не принимали и могли быть развѣ знакомы съ кѣмъ либо изъ принадлежавшихъ къ ней лицъ. Самъ онъ, Елько, пробылъ въ Ростовѣ до конца Августа 1884 г., причемъ все это время былъ занятъ устройствомъ связей ростовской группы съ центромъ партіи.

Т. IX л. 212 и 213.

Обвиняемый Петръ Антоновъ показалъ, что лѣтомъ 1884 г. онъ принималъ участіе въ работахъ тайной типографіи, устроенной въ г. Ростовѣ на Дону упоминаемыми выше Михаиломъ и Раисою Кранцфельдъ. Изъ числа предъявленныхъ ему при дознаніи трехъ изданій № 10 «Народной Воли» онъ призналъ напечатаннымъ при его участіи тотъ экземпляръ этого номера, въ которомъ на первой страницѣ помѣщено извѣщеніе о смерти Якова Бердичевскаго. Въ началѣ осени 1884 г. въ Ростовъ, по объясненію Антонова, пріѣзжалъ Сергѣй Ивановъ. Около того же времени онъ видѣлъ въ Ростовѣ на Дону и обвиняемаго Германа Лопатина, называвшагося Григоріемъ Петровичемъ, который приходилъ въ типографію какъ лицо, знакомое съ хозяевами квартиры Михаиломъ и Раисою Кранцфельдъ; въ другой же разъ онъ видѣлъ Лопатина въ г. Харьковѣ.

Что касается Кранцфельдъ и личности, именуемой «Михаиломъ», то мѣстонахожденіе ихъ и званіе послѣдняго остались необнаруженными.

Въ числѣ бумагъ, отобранныхъ при обыскѣ у обвиняемыхъ Германа Лопатина и Неонилы Саловой оказались слѣдующія замѣтки: Т. IX л. 91—92, 84.

У Германа Лопатина:

«Терроръ Луганскій заводъ. Доступъ чрезъ Кащея. Заику или Генріетту. Любое количество динамита. Снаряды. Куда дѣть Андрея? Привязать прямо къ центру. Пока чрезъ Кащея. Рабочіе!»

У Неонилы Саловой:

«Возлѣ полиціи парикмахеръ Ожиговъ - хозяинъ, спросить Николая рабочаго или Бѣлоусова? Варвара Константиновна Пушковская. Луганскій заводъ: будемъ добывать динамитъ».

Обнаруженныя, такимъ образомъ, изъ содержанія этихъ замѣтокъ указанія на Луганскъ, какъ на мѣсто, гдѣ приготовлены разрывные снаряды, и на Генріетту, Заику и Кащея, какъ на лицъ, имѣвшихъ ближайшее отношеніе къ этому преступленію, подтвердились при дознаніи, какъ выше значится, показаніемъ обвиняемой Генріетты Добрускиной, признавшей, что она хранила у себя въ г. Ростовѣ на Дону четыре такихъ снаряда. Вмѣстѣ съ тѣмъ при дознаніи, произведенномъ по поводу извѣстнаго уже изъ предыдущаго изложенія письма Всеволода Гончарова на имя Федора Грекова, было выяснено, что упоминаемый въ этомъ письмѣ Иванъ Гейеръ находился въ сношеніяхъ съ Гончаровымъ и съ обвиняемымъ Сергѣемъ Ивановымъ и Петромъ Антоновымъ, носившими клички первый — Заики, а второй — Кирилла. По собраннымъ же свѣдѣніямъ, кромѣ того, оказалось, что Гейеръ и Андрей Бѣлоусовъ привлекались въ 1883 г. въ г. Харьковѣ къ дознанію по обвиненію въ принадлежности къ преступному сообществу и впослѣдствіи были высланы подъ временный надзоръ полиціи въ г. Луганскъ, въ которомъ находились въ теченіи 1884 года. Прил. № 21 л. 55, 391. Прил. № 22 л. 383 и 699. Т. VIII л. 38 и т. IX л. 83 и 91 б.

Привлеченный въ виду изложенныхъ обстоятельствъ къ настоящему дѣлу въ качествѣ обвиняемаго дворянинъ Иванъ Гейеръ, признавая себя виновнымъ въ приготовленіи метательныхъ снарядовъ, предназначавшихся для преступныхъ цѣлей, объяснилъ слѣдующее: въ 1883 г., въ бытность его студентомъ Харьковскаго ветеринарнаго института, онъ былъ высланъ изъ Харькова на родину въ Луганскъ одновременно съ товарищами своими Леонидомъ Ениным и Андреемъ Бѣлоусовымъ. Въ декабрѣ 1883 г. Т. IX л. 85, 95, 93—101, 102—109, 127—130, 141, 142, 161, 162.

по окончаніи срока ссылки, онъ поѣхалъ къ женѣ въ Харьковъ и здѣсь на вечеринкѣ въ пользу ссыльныхъ у дворянки Августиновичъ познакомился съ Всеволодомъ Гончаровымъ, «Кирилломъ», впослѣдствіи оказавшимся мѣщаниномъ Петромъ Антоновымъ, и «Заикою», т. е. Сергѣемъ Ивановымъ. Изъ числа этихъ лицъ Кирилла—Антонова онъ зналъ еще раньше, встрѣчая его лѣтомъ 1883 г. у Леонида Ешина въ г. Луганскѣ; въ то время Кириллъ называлъ себя «Николаемъ» и жилъ въ гостинницѣ «Россія», гдѣ былъ прописанъ по виду на имя Николая Гончарова или Гончаренко. На вечеринкѣ у Августиновичъ лица эти распрашивали его, Гейера, о положеніи рабочихъ Донецкаго бассейна и, высказывая желаніе пріѣхать въ Луганскъ для собранія болѣе точныхъ свѣдѣній объ этомъ, они спрашивали, какъ найти его, Гейера, въ Луганскѣ, для чего онъ далъ имъ адресъ своего знакомаго парикмахера Ожигова, который могъ указать его квартиру; при этомъ на вопросъ: «кого спросить у Ожигова?» онъ, Гейеръ, отвѣчалъ: «работающаго тамъ Николая», подразумѣвая подъ этимъ именемъ самого Ожигова, неимѣющаго никакихъ рабочихъ. Ивановъ и Гончаровъ вѣроятно его не поняли, вслѣдствіе чего въ замѣткахъ Саловой и могли оказаться записанными «парикмахеръ Ожиговъ» и «рабочій Николай», какъ два отдѣльныхъ лица. Что касается до адреса Пушковской, то онъ можетъ лишь высказать предположеніе, что адресъ этотъ могъ быть данъ Андреемъ Бѣлоусовымъ съ цѣлью получать по немъ письма при посредствѣ Ешина, состоявшаго въ близкомъ знакомствѣ съ семействомъ Пушковскихъ. Послѣ вечеринки у Августиновичъ Кирилло, т. е. Антоновъ, пригласилъ его въ университетъ на свиданіе съ Гончаровымъ. На этомъ свиданіи Гончаровъ предложилъ ему, Гейеру, вести съ нимъ переписку, для которой далъ ему адресъ и ключъ къ шифру: «будемъ добывать динамитъ». О метательныхъ снарядахъ или бомбахъ въ этотъ разъ никакого разговора не было; Гончаровъ высказывалъ лишь желаніе получить свѣдѣнія о положеніи луганскихъ рабочихъ, о волненіяхъ, которыя могутъ происходить въ ихъ средѣ и т. п. 1 или 2 Января 1884 г. онъ, Гейеръ, отправился въ Луганскъ, взявъ съ собой по приказанію Гончарова нѣсколько фунтовъ типографскаго шрифта, а недѣли черезъ двѣ къ нему въ Луганскъ явился Кириллъ (Антоновъ) и, объявивъ

ему, что онъ нелегальный и ѣдетъ въ Ростовъ на Дону, потребовалъ отъ него денегъ на дорогу, предостерегая его, что въ случаѣ отказа онъ останется у него жить. Онъ, Гейеръ, былъ вынужденъ взять за уроки впередъ деньги и отдать ихъ Кириллу, который такимъ образомъ уѣхалъ. Въ это же посѣщеніе Кириллъ разсказывалъ ему, Гейеру, о покушеніяхъ на ограбленіе почты подъ г. Харьковомъ, въ которыхъ участвовало нѣсколько человѣкъ; хотя при этомъ Кириллъ себя и не называлъ, но изъ цѣлаго ряда намековъ его легко было понять, что и онъ былъ участникомъ этого дѣла. Онъ говорилъ, между прочимъ, что, ожидая почту, нападавшіе пили водку и закусывали колбасой, бросая тамъ же остатки, что одинъ изъ нихъ убилъ выстрѣломъ лошадь урядника, что изъ числа нападавшихъ былъ убитъ на мѣстѣ Бердичевскій. Тогда же Кириллъ разсказывалъ ему и подробности убійства рабочаго Шкріобы въ Харьковѣ, говоря, что человѣкъ, которому было поручено убить Шкріобу, пошелъ съ нимъ за городъ, гдѣ объявилъ Шкріобѣ, что онъ шпіонъ и приказалъ ему приготовиться къ смерти, а затѣмъ убилъ его и, удостовѣрившись въ его смерти, пошелъ сообщить кому слѣдуетъ. Но чтобы убійцею Шкріобы былъ самъ Антоновъ, послѣдній ему не говорилъ. Въ этотъ же разъ Кирилло привезъ съ собою десятка два прокламацій по поводу убійства Шкріобы и предлагалъ ему, Гейеру, расклеить ихъ въ Луганскѣ; когда же онъ отъ этого отказался, то Кирилло оставилъ эти прокламаціи частью у него, частью у Николая Ожигова; впослѣдствіи нѣсколько изъ этихъ прокламацій взялъ къ себѣ Семенъ Бѣлоусовъ. Кирилло пробылъ тогда у него, Гейера, около недѣли. Вскорѣ послѣ того онъ пріѣзжалъ еще разъ, опять взялъ у него денегъ и уѣхалъ, но куда именно не говорилъ. На пасху 1884 г. онъ, Гейеръ, былъ въ Харьковѣ и видѣлся съ Гончаровымъ. Послѣдній убѣждалъ его примкнуть къ революціонной партіи; когда же онъ отказался отъ этого и попросилъ Гончарова оставить его въ покоѣ, то Гончаровъ предложилъ ему, чтобы у него въ Луганскѣ сдѣлать метательные снаряды для защиты типографіи, обѣщавъ затѣмъ больше его не безпокоить. Послѣ долгихъ колебаній онъ, Гейеръ, согласился, надѣясь этимъ путемъ освободиться отъ дальнѣйшаго общенія съ членами партіи. Тогда Гончаровъ попросилъ его съѣздить переговорить объ изго-

товленіи снарядовъ въ Лисичанскъ къ лицу, которое ему будетъ указано, но онъ отъ этого отказался. Лица того Гончаровъ ему не называлъ, но онъ полагаетъ, что это былъ ученикъ Лисичанской штейгерской школы Моисей Линтваревъ, потому что «Василій Алексѣевичъ» (Сергѣй Ивановъ) неоднократно спрашивалъ его о Линтваревѣ и просилъ передать послѣднему поклонъ. Послѣ пасхи онъ, Гейеръ, возвратился въ Луганскъ. Уже отсюда онъ написалъ письмо знакомому своему ученику Лисичанскаго штейгерскаго училища Кирсанову съ предложеніемъ взять на себя изготовленіе снарядовъ. Кирсановъ прислалъ ему отвѣтъ съ товарищемъ своимъ по училищу Френкелемъ, знакомымъ Леонида Ешина, чрезъ котораго Френкель и розыскалъ его въ Луганскѣ. Въ отвѣтѣ своемъ Кирсановъ писалъ, что согласенъ изготовить снаряды и указывалъ, сколько на это нужно денегъ: Френкель же къ этому добавилъ на словахъ, что если онъ, Гейеръ, не пойметъ чего нибудь въ письмѣ, то онъ, Френкель, можетъ объяснить. Съ этимъ же Френкелемъ онъ, Гейеръ, написалъ Кирсанову еще разъ, выражая согласіе дать на снаряды ту сумму, которую требовалъ Кирсановъ. Послѣ того уже въ Маѣ мѣсяцѣ, отправляясь обѣдать въ одну изъ луганскихъ гостинницъ, онъ, Гейеръ, неожиданно встрѣтилъ на улицѣ «Заику—Василія Алексѣевича», съ которымъ и отправился вмѣстѣ въ гостинницу. «Василій Алексѣевичъ» объявилъ ему, что пріѣхалъ по поводу приготовленія снарядовъ, убѣждалъ его не отказываться отъ этого и далъ ему 20 р. на расходы. Тутъ же Василій Алексѣевичъ спрашивалъ его о другихъ подвадзорныхъ, жившихъ въ Луганскѣ, и, услыхавъ, между прочимъ, имя Андрея Бѣлоусова, сказалъ: «развѣ Андрей здѣсь!» взялъ его адресъ и отправился къ нему на квартиру. Василій Алексѣевичъ называлъ себя въ этотъ пріѣздъ «Николаемъ Васильевичемъ Савагюгинымъ». Затѣмъ «Заика» уѣхалъ, предупредивъ, что въ Іюнѣ опять пріѣдетъ. Василія Алексѣевича провожалъ на станцію желѣзной дороги Семенъ Бѣлоусовъ. По отъѣздѣ Василія Алексѣевича онъ, Гейеръ, послалъ данныя имъ деньги Кирсанову, сообщилъ послѣднему, что предполагаемые къ приготовленію снаряды предназначаются исключительно для защиты типографіи и просилъ Кирсанова помочь ему сдѣлать эти снаряды. Кирсановъ, будучи совсѣмъ не революціонеромъ по убѣжде-

нію, а лишь человѣкомъ крайне легкомысленнымъ, согласился, купилъ гдѣ-то динамиту, пистоновъ и шнуръ бикфорда, придумалъ форму снарядовъ, начертилъ рисунки ихъ, а затѣмъ, пріѣхавъ въ Луганскъ, изготовилъ и самые снаряды частію на своей квартирѣ въ домѣ тетки своей Першиной, частію на квартирѣ его, Гейера, въ домѣ Раменскихъ. При этихъ работахъ иногда присутствовали Леонидъ Ешинъ и братья Андрей и Семенъ Бѣлоусовы, знавшіе Василія Алексѣевича и посвященные въ дѣло приготовленія снарядовъ. Къ пріѣзду Василія Алексѣевича въ Іюнѣ мѣсяцѣ были готовы пять снарядовъ по два фунта динамита въ каждомъ. Снаряды эти хранились на его, Гейера, квартирѣ вмѣстѣ съ оставшимися пистонами и бикфордовымъ шнуромъ. Пистоны впослѣдствіи при передѣлкѣ снарядовъ пошли въ дѣло; шнуръ же былъ замѣченъ Василіемъ Алексѣевичемъ, который взялъ его впослѣдствіи съ собою. Въ предъявленномъ ему, Гейеру, кускѣ бикфордова шнура, отобранномъ при обыскѣ у Якова Шаповалова въ г. Новочеркаскѣ, онъ признаетъ тотъ самый шнуръ, который былъ у него взятъ Василіемъ Алексѣевичемъ. По пріѣздѣ «Заики» была произведена, въ его присутствіи, проба изготовленныхъ снарядовъ. При этой пробѣ присутствовали также: Кирсановъ. онъ. Гейеръ, и братья Бѣлоусовы. Первый брошенный снарядъ воспламенился, но сгорѣлъ медленнымъ огнемъ, безъ взрыва. Второй тоже не далъ взрыва. Василій Алексѣевичъ послѣ этой пробы уѣхалъ, приказавъ подумать объ усовершенствованіи снарядовъ и оставивъ у него, Гейера, на квартирѣ нѣсколько фунтовъ типографскаго шрифта, такъ что всего у него, вмѣстѣ съ прежнимъ шрифтомъ, привезеннымъ имъ самимъ изъ Харькова отъ Гончарова, собралось фунтовъ 20—30. Шрифтъ, привезенный Сергѣемъ Ивановымъ. былъ въ видѣ набора какого-то революціоннаго воззванія, начинавшагося словами «солдаты!» наборъ этотъ онъ, Гейеръ, и Кирсановъ пробовали отпечатать, но это имъ не удалось. Въ этотъ же пріѣздъ «Василій Алексѣевичъ» далъ ему, Гейеру, для переписки съ нимъ адресъ: «Ростовъ на Дону Дмитріевская или Рождественская улица» «Розѣ» кажется «Сергѣевичѣ», «Левъ», но по этому адресу онъ Сергѣю Иванову не писалъ. Послѣ отъѣзда Сергѣя Иванова Кирсановъ приготовилъ новый снарядъ меньшихъ противъ прежняго размѣровъ и испробовалъ его вдвоемъ съ нимъ,

Гейеромъ: снарядъ этотъ при пробѣ взорвался. Послѣ того Кирсановъ приготовилъ еще 5 такихъ же снарядовъ. Въ томъ же Іюнѣ пріѣзжалъ въ Луганскъ Петръ Елько, извѣстный ему, Гейеру, подъ именемъ «Владиміра Николаевича»; не заставъ его въ Луганскѣ, такъ какъ онъ былъ у родныхъ въ деревнѣ, Елько поѣхалъ туда за нимъ вмѣстѣ съ Андреемъ Бѣлоусовымъ и вызвалъ его въ Луганскъ, но тамъ никакихъ разговоровъ дѣловыхъ съ нимъ не велъ и на другой день уѣхалъ. Дня черезъ три послѣ того Семенъ Бѣлоусовъ принесъ ему. Гейеру, два чертежа, изображавшихъ типографскій станокъ, и просилъ разъяснить эти чертежи. Онъ, Гейеръ, показывалъ послѣдніе Кирсанову, но объяснить Бѣлоусову непонятныя ему части чертежей ни одинъ изъ нихъ не могъ.

Въ концѣ Іюля пріѣхалъ въ Луганскъ Гончаровъ; онъ остановился на квартирѣ у него, Гейера; причемъ однако прописанъ не былъ. При Гончаровѣ была новая проба снарядовъ, на этотъ разъ удачная—снарядъ взорвало. При этой пробѣ, кромѣ Гончарова, были: онъ, Гейеръ, Кирсановъ и Андрей Бѣлоусовъ; Семену же Бѣлоусову Гончаровъ идти запретилъ. Уѣзжая, Гончаровъ въ одинъ изъ бывшихъ при немъ двухъ чемодановъ, уже ранѣе того наполненныхъ на половину мѣшечками съ чѣмъ то тяжелымъ, положилъ оставленный у него, Гейера, Василіемъ Алексѣевичемъ шрифтъ, а въ другой чемоданъ—остальные четыре снаряда и оба эти чемодана увезъ съ собою, но куда именно онъ не знаетъ. Снаряды, взятые Гончаровымъ, имѣли форму продолговатыхъ цилиндрическихъ жестянокъ, на одной изъ коихъ, еще по указанію «Василія Алексѣевича», была выбита имъ, Гейеромъ, и Кирсановымъ надпись: «технико-динамитное отдѣленіе партіи Народной Воли». Въ каждомъ изъ этихъ снарядовъ заключалось приблизительно около 1 фунта динамита.

По отъѣздѣ Гончарова его, Гейера, оставили въ покоѣ до первыхъ чиселъ Августа 1884 г., когда онъ получилъ изъ Ростова на Дону письмо, писанное женскимъ почеркомъ. Письмомъ этимъ его приглашали пріѣхать въ Ростовъ и явиться по указанному въ письмѣ адресу Якова Шаповалова: «фотографія Боярскаго». Отправясь въ Ростовъ и розыскавъ тамъ Шаповалова, онъ объявилъ послѣднему, что желаетъ видѣть «Василія Алексѣевича». Шаповаловъ отвелъ его къ высокой брюнеткѣ, оказавшейся впослѣдствіи

Розою Левъ. Послѣдняя привела его на другую квартиру къ еврейкѣ, какъ потомъ оказалось, Генріеттѣ Добрускиной. Къ послѣдней на квартиру явился Василій Алексѣевичъ, котрый сталъ убѣждать его перейти къ нелегальные, а когда онъ отъ этого отказался, приказалъ ему на слѣдующій день опять зайти къ Добрускиной. Переночевавъ у Шаповалова, которому его «сдалъ Василій Алексѣевичъ», онъ на слѣдующій день опять отправился на квартиру Добрускиной, куда также пришелъ и «Заика» или «Василій Алексѣевичъ»; послѣдній принесъ съ собою стеклянныя трубочки отъ приготовленныхъ въ Луганскѣ снарядовъ, наполненныя сѣрной кислотой, но въ дорогѣ разбившіяся и просилъ снова запаять ихъ, что онъ, Гейеръ, тутъ же и исполнилъ на лампочкѣ, принесенной Василіемъ Алексѣевичемъ. Во время этой работы раздался стукъ въ дверь и вошла Роза Левъ, при входѣ которой Василій Алексѣевичъ набросилъ на трубочки платокъ. Роза Левъ вызвала изъ комнаты Генріетту Добрускину, затѣмъ обѣ опѣ вернулись и ввели съ собою высокаго плотнаго шатена съ бородою, но съ выбритыми щеками; кто это былъ онъ, Гейеръ, не знаетъ и въ карточкѣ Германа Лопатина этого человѣка признать не можетъ. Человѣкъ этотъ вмѣстѣ съ Василіемъ Алексѣевичемъ отправился къ кому-то въ Нахичевань, а онъ, Гейеръ, остался у Добрускиной оканчивать начатую запайку трубочекъ.—Онъ просидѣлъ у Добрускиной до вечера, а потомъ пошелъ въ городской садъ, куда, по словамъ Василія Алексѣевича, долженъ былъ придти къ нему, Гейеру, на свиданіе одинъ его старый знакомый. Дѣйствительно, придя туда, онъ встрѣтилъ Кирилла, т. е. Петра Антонова, отлично одѣтаго, что его, Гейера, удивило, такъ какъ прежде Кириллъ всегда одѣвался какъ простой рабочій.—Въ тотъ же вечеръ Кириллъ проводилъ его на желѣзную дорогу и онъ поѣхалъ обратно въ Луганскъ. Вскорѣ затѣмъ онъ, Гейеръ, былъ арестованъ по дѣлу «о Харьковскомъ кружкѣ Гончарова и другихъ» и о дальнѣйшей судьбѣ снарядовъ ничего не знаетъ.

Приведенное показаніе Гейера въ связи съ содержаніемъ замѣтокъ Лопатина и Саловой послужило основаніемъ для привлеченія къ дознанію Леонида Ешина, братьевъ Андрея и Семена Бѣлоусовыхъ, Василія Кирсанова, Моисея Линтварева и Якова Френкеля. Изъ числа этихъ лицъ Линтваревъ за всѣми прини-

Т. VIII л. 73—81.

Т. VIII л. 4, 5, 32, 34, 36, 164.

Т. IX л. 101—103, 113, 9, 155, 257 и 258.

Т. VIII л. 25, 29.

Т. VIII л. 135—136.

Т. IX л. 123, 163.

Т. VIII л. 23, 24, 160.

Т. IX л. 167—170, 186, 195, 194.

тыми къ тому мѣрами остался не розысканнымъ: у прочихъ же были произведены обыски: у Ешина и братьевъ Бѣлоусовыхъ въ г. Луганскѣ, а у Френселя въ г. Лисичанскѣ, Екатеринославской губерніи, причемъ у нихъ, кромѣ Семена Бѣлоусова, ничего преступнаго не обнаружено; у послѣдняго же отобранъ паспортъ на имя мѣщанина г. Каменецъ-Подольска Степана Балябы, найденный зашитымъ въ пальто и по наведеннымъ затѣмъ справкамъ оказавшійся подложнымъ. По обыску же у Кирсанова въ г. Новочеркаскѣ были отобраны различныя принадлежности гальваническихъ элементовъ и матеріалы для изготовленія таковыхъ, а также кусокъ бикфордова шнура и нѣсколько обрѣзковъ бѣлой жести.

Упомянутые выше обвиняемые, отрицая въ началѣ всякое участіе свое въ приготовленіи разрывныхъ снарядовъ, на послѣдующихъ допросахъ объяснили слѣдующее:

Андрей Бѣлоусовъ—что будучи еще въ Харьковскомъ ветеринарномъ институтѣ, изъ котораго онъ удаленъ за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ 1882 г., онъ познакомился тамъ съ Леонидомъ Ешинымъ и Иваномъ Гейеромъ, по приглашенію которыхъ въ Маѣ 1884 г. пріѣхалъ въ г. Луганскъ, надѣясь получить тамъ при ихъ посредствѣ мѣсто въ управленіи завода, на которомъ служилъ и братъ его Семенъ въ качествѣ простаго рабочаго. Въ Луганскѣ онъ, Андрей Бѣлоусовъ, недѣли двѣ прожилъ на квартирѣ у Ешина, а за тѣмъ переселился къ дворянину Номикосову, сыну котораго давалъ уроки.—Проживая тамъ, онъ часто бывалъ у Гейера, жившаго на урокѣ у евреевъ Каменскихъ, и въ одно изъ этихъ посѣщеній засталъ Гейера и знакомаго его штейгера Василія Кирсанова за изготовленіемъ какихъ то жестяныхъ цилиндровъ. На вопросы его, Бѣлоусова, они послѣ нѣкотораго колебанія отвѣчали, что это динамитныя бомбы, заказанныя изъ Харькова для конспиративныхъ цѣлей, просили сохранить это въ тайнѣ и пригласили его на пробу этихъ бомбъ.—Вскорѣ послѣ этого разговора онъ встрѣтилъ у Гейера Заику, котораго звали «Василіемъ Алексѣевичемъ»; человѣка этого онъ видѣлъ всего одинъ разъ, лица его хорошо не запомнилъ и потому признать его въ предъявленной ему при допросѣ фотографической карточкѣ обвиняемаго Сергѣя Иванова не можетъ. Въ тотъ же день часу въ десятомъ вечера въ присутствіи «Заики—Василія

Алексѣевича» была первая проба приготовленныхъ снарядовъ, произведенная за городомъ близъ полотна желѣзной дороги. При ней присутствовали Гейеръ, Ешинъ, Кирсановъ, онъ, Андрей Бѣлоусовъ, и братъ его Семенъ.—Проба была неудачная, снарядъ не взорвался, а сгорѣлъ медленнымъ огнемъ.—Недѣли черезъ двѣ или три послѣ этого онъ, Андрей Бѣлоусовъ, встрѣтился у Гейера съ другою личностью, которую по карточкѣ, ему предъявленной, признаетъ за Всеволода Гончарова. Въ его присутствіи Гейеръ или Гончаровъ вынималъ изъ плетеной корзинки разрывной жестяной снарядъ, а вечеромъ въ тотъ же день они втроемъ и Кирсановъ отправились за городъ въ поле и тамъ пробовали этотъ снарядъ, который вполнѣ удачно взорвался. Саловой и Лопатина, карточки которыхъ ему предъявлены, а также Абрама Баха онъ совсѣмъ не знаетъ; личность же Петра Антонова представляется ему знакомою, но при какихъ обстоятельствахъ онъ могъ встрѣчать послѣдняго не помнитъ. Въ карточкѣ обвиняемаго Петра Елько онъ признаетъ личность, съ которой дѣйствительно ѣздилъ въ концѣ Іюня 1884 г. къ Ивану Гейеру въ его деревню, но относительно цѣли и обстоятельствъ этой поѣздки никакихъ объясненій дать не можетъ, такъ какъ первая ему не была извѣстна, послѣднія же не остались у него въ памяти. Давая эти объясненія, Андрей Бѣлоусовъ продолжалъ однако утверждать, что онъ въ революціонной дѣятельности никакого непосредственнаго участія не принималъ и принадлежность свою къ революціонной партіи отрицаетъ.

Семенъ Бѣлоусовъ—что въ г. Луганскъ онъ пріѣхалъ изъ г. Бердянска осенью 1882 г., чтобы поступить на заводъ въ качествѣ слесаря. Управляющему заводомъ инженеру Пушковскому его рекомендовалъ товарищъ его брата Андрея Леонидъ Ешинъ. Проживая въ Луганскѣ, онъ, Семенъ Бѣлоусовъ, кромѣ Ешина, былъ знакомъ съ другимъ товарищемъ своего брата Иваномъ Гейеромъ, а также съ парикмахеромъ Ожиговымъ, къ которому ходилъ бриться. Однажды лѣтомъ 1884 г. братъ его, Бѣлоусова, Андрей зашелъ къ нему на квартиру и сказалъ ему, что если онъ интересуется видѣть пробу динамитныхъ бомбъ, то чтобы выходилъ, когда стемнѣетъ, на линію желѣзной дороги.—На его вопросы Андрей объяснилъ, что бомбы дѣлали на квартирѣ Гейера Гейеръ и Кирсановъ, котораго онъ, Семенъ Бѣлоусовъ, ранѣе того неодно-

Т. VIII л. 18—19, 50, 137, 161.
Т. IX л. 170, 183, 252—253.

кратно видѣлъ у Гейера; что цѣли изготовленія этихъ бомбъ самъ онъ, Андрей, хорошо не знаетъ и хотя полагаетъ, что онѣ ни для чего особенно серьезнаго служить не могутъ, однако всетаки совѣтуетъ ему, Семену, ничего ни кому о нихъ не говорить.—Вечеромъ того же дня онъ, Семенъ Бѣлоусовъ, отправился къ полотну желѣзной дороги, гдѣ встрѣтилъ брата своего Андрея, Леонида Ешина, Кирсанова, Гейера и еще какого-то господина, лицо котораго за темнотой нельзя было разглядѣть.—Кирсановъ бросилъ бомбу, которая не взорвалась, тогда онъ бросилъ ее вторично: она снова не взорвалась, а загорѣлась тихо и медленно сгорѣла.—Послѣ того всѣ разошлись по домамъ. Недѣли двѣ или три спустя онъ, Семенъ Бѣлоусовъ, по приглашенію брата Андрея, опять пришелъ къ Ивану Гейеру, чтобы присутствовать при другой пробѣ бомбъ.—У Гейера онъ засталъ брата своего и Василія Кирсанова, а также третьяго неизвѣстнаго ему, Семену Бѣлоусову, человѣка, котораго онъ, по предъявленіи ему карточки Всеволода Гончарова, признаетъ похожимъ на послѣдняго.—Человѣкъ этотъ запретилъ ему, Семену Бѣлоусову, идти на пробу бомбъ, а потому онъ и не пошелъ съ ними.—Къ этому Семенъ Бѣлоусовъ добавилъ, что обвиняемыхъ Леонилы Саловой, Петра Елько и Сергѣя Иванова онъ совсѣмъ не знаетъ и что въ революціонной дѣятельности лично никакого участія не принималъ.—Что касается до паспорта на имя Балябы, то Семенъ Бѣлоусовъ сначала объяснилъ, что нашелъ этотъ паспортъ случайно на желѣзной дорогѣ а затѣмъ призналъ, что взялъ его на столѣ у Гейера въ то время, когда оставался у него одинъ, а Гейеръ и прочія лица ушли на вторую пробу снарядовъ.

Василій Кирсановъ, признавая себя виновнымъ въ изготовленіи метательныхъ снарядовъ, предназначавшихся для революціонныхъ цѣлей, объяснилъ, что сдѣлалъ это по легкомыслію, будучи увлеченъ другими лицами, и чистосердечно въ томъ раскаивается. Въ 1882—1883 гг., будучи уже ученикомъ Лисичанской штейгерской школы, онъ бывалъ въ Луганскѣ, гдѣ въ домѣ дяди своего Першина познакомился съ Леонидомъ Ешинымъ, который жилъ у Першина въ качествѣ учителя, а затѣмъ Ешинъ познакомилъ его съ Иваномъ Гейеромъ и Андреемъ Бѣлоусовымъ.—Ешинъ давалъ ему для чтенія революціонныя изданія печатныя и гектографированныя, разсказывалъ разные случаи изъ жизни соціалистовъ и говорилъ ему про

Т. IX л. 110, 114, 138, 139, 176, 188, 189.

самого себя, что онъ членъ партіи «Народной Воли». На Рождествѣ 1883 г. онъ, Кирсановъ, видѣлъ у Ешина господина, называвшаго себя Вольдемаромъ, котораго онъ признаетъ по карточкѣ, ему предъявленной, въ Петрѣ Елько.—Этотъ Вольдемаръ разсказывалъ тогда ему, Кирсанову, и Гейеру о томъ, что революціонная партія всякаго отступника или измѣнника убиваетъ револьверомъ или кинжаломъ и при этомъ показывалъ большой револьверъ, подобный тѣмъ, что носятъ жандармы.—На другой день Вольдемаръ уѣхалъ въ Харьковъ и послѣ того онъ эту личность нигдѣ не встрѣчалъ.—На масляницѣ 1884 г. въ Лисичанскѣ были любительскіе спектакли въ пользу бѣдныхъ учениковъ штейгерской школы; съ цѣлію участвовать въ этихъ спектакляхъ пріѣзжалъ изъ Луганска Ешинъ, который въ это время познакомился съ нѣкоторыми изъ товарищей его, Кирсанова, по школѣ и въ томъ числѣ съ Моисеемъ Линтваревымъ и Яковомъ Френкелемъ.—Этихъ лицъ, а также и его, Кирсанова, Ешинъ тогда просилъ достать динамиту и прислать его въ Луганскъ на имя Гейера, обѣщая уплатить его стоимость, но для чего ему нуженъ былъ динамитъ Ешинъ не объяснялъ.—Затѣмъ послѣ пасхи Яковъ Френкель ѣздилъ не надолго въ Луганскъ и по возвращеніи передалъ ему, что видѣлся съ Иваномъ Гейеромъ, который напоминалъ ему, чтобы непремѣнно достали динамиту.—Черезъ нѣсколько времени Гейеръ снова напомнилъ ему, Кирсанову, о томъ же динамитѣ письмомъ, въ которомъ, кромѣ того, спрашивалъ, можетъ ли онъ работать какія либо вещи изъ жести. Письмо это привезъ съ особою Френкель, ѣздившій тогда въ Луганскъ исключительно по этому дѣлу.—По возвращеніи его въ Лисичанскъ онъ, Френкель, и Линтваревъ купили у рабочихъ на шахтахъ фунтовъ пять динамиту въ патронахъ.—Вскорѣ послѣ этого Гейеръ прислалъ ему, Кирсанову, по почтѣ для уплаты за этотъ динамитъ 17 р., которые онъ и передалъ Френкелю.—Въ первыхъ числахъ Іюня, поѣхавъ въ Луганскъ къ дядѣ, онъ, Кирсановъ, захватилъ съ особою динамитъ, купленный Линтваревымъ и Френкелемъ, а также пистоны и бикфордовъ шнуръ, употребляемый для взрыва, и передалъ все это Гейеру на квартирѣ послѣдняго въ домѣ еврея Каменскаго.—Тутъ же онъ заявилъ Гейеру, что сработать что либо изъ жести можетъ. Тогда Гейеръ сказалъ ему, что необходимо приготовить нѣсколько цилиндровъ изъ жести для разрывныхъ

динамитныхъ снарядовъ. На вопросъ же его, Кирсанова, о цѣли, для которой снаряды предназначались, Гейеръ сказалъ, что этого ему знать не нужно. На квартирѣ у Гейера было много чертежей разрывныхъ снарядовъ, а также чертежъ типографскаго станка. Гейеръ показывалъ эти чертежи ему, Кирсанову, и объяснялъ ихъ; тотъ чертежъ, по которому они приступили къ работѣ, составленъ былъ, по словамъ Гейера, по системѣ Кибальчича. Всего первоначально было сдѣлано пять снарядовъ, корпусы коихъ дѣлалъ онъ, Кирсановъ, а Гейеръ набилъ ихъ динамитомъ и вставилъ въ каждый изъ нихъ по 5 капсюлей. Одинъ изъ снарядовъ былъ больше другихъ и заключалъ въ себѣ около двухъ фунтовъ динамита, а въ остальныхъ было по $^3/_4$ фунта въ каждомъ. Затѣмъ къ Гейеру пріѣхалъ Заика Василій Алексѣевичъ, котораго онъ, Кирсановъ, признаетъ въ предъявленной ему карточкѣ Сергѣя Иванова, и привезъ съ собою стеклянныя трубочки для запаловъ. Трубочки эти онъ, Кирсановъ, вмѣстѣ съ Гейеромъ загнулъ на свѣчкѣ, наполнилъ сѣрной кислотой и запаялъ. Вставляя ихъ затѣмъ въ снаряды, Василій Алексѣевичъ и Гейеръ обвернули ихъ въ бумагу, намазанную смѣсью берталетовой соли съ сахаромъ. Далѣе Кирсановъ изложилъ подробности первой неудачной пробы снарядовъ, на которой присутствовали онъ, Гейеръ, Ешинъ, Василій Алексѣевичъ и братья Бѣлоусовы, совершенно согласно съ показаніями о томъ прочихъ обвиняемыхъ, и добавилъ, что Василій Алексѣевичъ послѣ этой неудачи совѣтовалъ сдѣлать въ снарядѣ перегородку изъ огнеупорнаго вещества, напримѣръ, изъ глины и обѣщалъ прислать новые чертежи и записки объ изготовленіи снарядовъ. Уѣзжая на другой день отъ Гейера на желѣзную дорогу Заика Василій Алексѣевичъ захватилъ съ собою два ящика и нѣсколько мѣшечковъ, наполненныхъ типографскимъ шрифтомъ. Тогда же при отъѣздѣ Заика говорилъ, что за новыми снарядами пріѣдетъ другой человѣкъ. Послѣ его отъѣзда онъ, Кирсановъ, и Гейеръ разрядили остававшіеся 4 снаряда и начали дѣлать новые съ перегородками внутри, причемъ запалъ окружали слоемъ глины. Такихъ снарядовъ было сдѣлано также пять, но динамитомъ ихъ тогда не набивали. Тогда же былъ присланъ отъ Василія Алексѣевича новый чертежъ снаряда, но онъ мало чѣмъ отличался отъ прежняго. Недѣли черезъ двѣ послѣ того къ Гейеру пріѣхалъ человѣкъ, кото-

раго онъ, Кирсановъ, по карточкѣ, ему предъявленной, признаетъ за Всеволода Гончарова и котораго Гейеръ познакомилъ съ нимъ подъ именемъ «Акимыча»; на квартирѣ Гейера тогда были также и братья Бѣлоусовы. На слѣдующій день онъ, Кирсановъ, «Акимычъ» и Гейеръ набили всѣ пять заготовленныхъ снарядовъ динамитомъ, оставшимся отъ прежнихъ, при чемъ присутствовалъ и Андрей Бѣлоусовъ, не принимая однако никакого участія въ самой работѣ. Въ тотъ же день вечеромъ была произведена новая проба снарядовъ на прежнемъ мѣстѣ за городомъ въ присутствіи его, Кирсанова, «Акимыча» и Гейера. На этотъ разъ проба была удачная: снарядъ, брошенный Акимычемъ, взорвался, разбросавъ далеко въ стороны находившіеся на землѣ камни и вырывъ на мѣстѣ своего паденія воронкообразную ямку. Остальные четыре снаряда Акимычъ, уѣзжая на другой день изъ Луганска, взялъ съ собою. По предъявленіи Кирсанову двухъ снарядовъ, отобранныхъ по обыску у Германа Лопатина, онъ призналъ въ нихъ тѣ снаряды, которые были сдѣланы имъ и Гейеромъ, и объяснилъ, что находящаяся на одномъ изъ нихъ надпись: «технико - динамитное отдѣленіе партіи Народной Воли» была выбита по предложенію Акимыча буквами, которыя онъ привезъ съ собою. По поводу предметовъ, отобранныхъ у него при обыскѣ, Кирсановъ объяснилъ, что таковые къ его революціонной дѣятельности отношенія не имѣли и были разновременно пріобрѣтены имъ: бикфордовъ шнуръ для глушенія рыбы, а прочіе предметы для разныхъ механическихъ работъ, которыми онъ занимался въ свободное время.

По осмотру подавательской книги Луганской и получательской книги Лисичанской почтовыхъ конторъ оказалось, что 28 Мая 1884 г. было послано изъ Луганска и 29 того же Мая получено въ Лисичанскѣ денежное письмо на 17 р. на имя Василія Кирсанова, въ полученіи коего росписался самъ Кирсановъ. Т. IX л. 191, 192.

Обвиняемый Яковъ Френкель, отрицая какъ то обстоятельство, что онъ доставлялъ динамитъ для революціонныхъ цѣлей, такъ и вообще всякое отношеніе свое къ революціонной дѣятельности, объяснилъ, что съ обвиняемымъ Епишинымъ онъ познакомился осенью 1883 г. на любительскихъ спектакляхъ въ Лисичанскѣ, но о динамитѣ Епишинъ ему тогда ничего не говорилъ. Весною 1884 г. онъ, Френкель, ѣздилъ въ Т. IX л. 153, 156, 145, 144.

Луганскъ безъ всякой опредѣленной цѣли, просто повидаться съ знакомыми и въ эту поѣздку дѣйствительно познакомился съ Иваномъ Гейеромъ при посредствѣ Ешина; Гейеръ говорилъ ему тогда о томъ, что въ Россіи вообще плохо живется, что бѣднымъ недоступно ученіе, что тѣхъ, кто стоитъ за правду, преслѣдуютъ и т. п., но о динамитѣ не упоминалъ; онъ далъ ему лишь письмо къ товарищу его, Френкеля, по школѣ Линтвареву, которое онъ и доставилъ по назначенію, но содержаніе письма осталось ему, Френкелю, неизвѣстнымъ. Вскорѣ послѣ возвращенія его въ Лисичанскъ Линтваревъ прислалъ его, Френкеля, достать динамиту для глушенія рыбы и онъ досталъ и передалъ Линтвареву 1½ патрона. Около того же времени Василій Кирсановъ, уѣзжая по окончаніи экзаменовъ въ Луганскъ, далъ ему, Френкелю, 9 или 12 р., прося, если возможно, купить на эти деньги динамиту или же передать ихъ Линтвареву, но онъ, Френкель, ни того, ни другаго не исполнилъ и держалъ деньги у себя до осени 1884 г., когда онъ отдалъ ихъ Ешину при проѣздѣ послѣдняго изъ Луганска на родину въ Курскую губернію. При этомъ онъ, Френкель, ничего не говорилъ Ешину ни о томъ, какія это деньги, ни о цѣли для которой они ему, Френкелю, были даны. Линтварева тогда не было въ Лисичанскѣ; когда же онъ вернулся, сталъ требовать деньги, данныя Кирсановымъ, и узналъ, что они отданы Ешину, то очень сердился, говоря, что они нужны немедленно для покупки динамита для революціонныхъ цѣлей, но для какихъ именно, Линтваревъ не объяснялъ. Послѣ этого у него съ Линтваревымъ разговоровъ о динамитѣ не было и о приготовленіи изъ динамита разрывныхъ метательныхъ снарядовъ ему ничего неизвѣстно.

Т. IX л. 35, 38, 178—184, 187.

Обвиняемый Леонидъ Ешинъ—что къ революціонной партіи не принадлежитъ но признаетъ себя виновнымъ въ томъ, что входилъ въ сношенія съ членами этой партіи и оказывалъ имъ разныя услуги. Еще въ 1881—1882 гг., проживая въ Харьковѣ въ качествѣ студента мѣстнаго ветеринарнаго института, онъ былъ ознакомленъ товарищемъ своимъ Иваномъ Гейеромъ съ изданіями нелегальной литературы и съ положеніемъ революціоннаго дѣла въ Харьковѣ. Въ концѣ 1882 г., будучи удаленъ изъ Харькова за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ, онъ избралъ своимъ мѣстопребываніемъ г. Луганскъ въ виду того, что въ

окрестностяхъ этого города, въ деревнѣ, долженъ былъ проживать и Гейеръ. Въ Маѣ 1883 г. туда же пріѣхалъ ихъ общій товарищъ по институту Андрей Бѣлоусовъ, который вскорѣ задался вмѣстѣ съ Гейеромъ цѣлію начать революціонную пропаганду среди мѣстныхъ рабочихъ; для этой цѣли они выписали въ Іюнѣ того же года изъ Харькова обвиняемаго Петра Антонова, котораго отрекомендовали ему, Ешину, подъ именемъ рабочаго «Николая» и котораго предполагали помѣстить на Луганскій заводъ для устройства связей и знакомства съ рабочими, но Антоновъ, проживъ въ Луганскѣ мѣсяца полтора, поступить на заводъ не успѣлъ. Объ этомъ онъ, Ешинъ, впослѣдствіи узналъ отъ Бѣлоусова и Гейера, такъ какъ самъ онъ почти все это время провелъ у родныхъ въ Курской губерніи. По возвращеніи оттуда, онъ познакомился на урокѣ у Першина съ племянникомъ послѣдняго, Василіемъ Кирсановымъ, котораго въ свою очередь познакомилъ съ Иваномъ Гепером. Около того же времени Андрей Бѣлоусовъ, уѣзжая въ Бердянскъ, предложилъ ему, Ешину, и Гейеру заниматься съ рабочими. За эти занятія они принялись осенью, когда въ Луганскъ пріѣхалъ братъ Андрея Бѣлоусова, Семенъ, которому онъ, Ешинъ, пріискалъ на заводѣ работу; въ числѣ рабочихъ, съ которыми они стали заниматься, кромѣ Семена Бѣлоусова, былъ Устинъ Ширяевъ и другіе, именъ и фамилій которыхъ онъ не помнитъ, тѣмъ болѣе, что къ занятіямъ этимъ онъ вскорѣ охладѣлъ, и пересталъ принимать въ нихъ участіе. Передъ Рождествомъ 1883 г. Гейеръ поѣхалъ въ Харьковъ, чтобы, по его собственнымъ словамъ, установить прочныя сношенія съ Харьковскимъ революціоннымъ кружкомъ. Послѣ Рождества онъ вернулся обратно, и, съ увлеченіемъ разсказывая о положеніи революціонныхъ дѣлъ въ Харьковѣ, между прочимъ передавалъ, что тамъ «революціонная жизнь бьетъ ключемъ», что тамъ два агента исполнительнаго комитета «Василій Алексѣевичъ» и «Владиміръ Николаевичъ» и мѣстный кружокъ, во главѣ коего стоитъ студентъ университета Всеволодъ Гончаровъ, извѣстный подъ кличкой «Генералъ». Послѣ того въ теченіи всей первой половины 1884 г. къ Гейеру неоднократно пріѣзжали изъ Харькова Антоновъ, котораго Гейеръ теперь называлъ уже не «Николаемъ», а «Кирилломъ», и личность, которую онъ называлъ «Владиміромъ Николаевичемъ» и которую онъ, Ешинъ, признаетъ въ предъявленной ему

карточкѣ обвиняемаго Петра Елько. Въ одно изъ этихъ посѣщеній Луганска въ Мартѣ 1884 г. лица эти не застали Гейера, который былъ тогда въ Харьковѣ, и остановились у него, Ешина. Въ это время у него былъ пріѣхавшій изъ Лисичанска Кирсановъ, съ которымъ Елько (Владиміръ Николаевичъ) тогда и познакомился, а Антоновъ пошелъ въ городъ и вернулся съ Семеномъ Бѣлоусовымъ, съ которымъ велъ въ другой комнатѣ какой-то разговоръ, но о чемъ именно, онъ не знаетъ. Тутъ же Семенъ Бѣлоусовъ получилъ отъ Елько нѣсколько прокламацій объ убійствѣ Шкріобы, привезенныхъ Петромъ Елько изъ г. Харькова. Самъ онъ, Ешинъ, бесѣдовалъ тогда съ Елько о положеніи революціонной партіи, при чемъ послѣдній нарисовалъ ему совершенно иную картину, чѣмъ Гейеръ, говорилъ, что партія слаба и что до какого либо переворота еще далеко. Въ свою очередь Елько распрашивалъ его Ешина о луганскомъ кружкѣ, на что онъ былъ вынужденъ отвѣтить, что въ Луганскѣ никакого кружка, въ истинномъ смыслѣ этого слова, нѣтъ, а есть только нѣсколько рабочихъ, годныхъ для пропаганды. Елько былъ этимъ очень удивленъ и со словъ его можно было заключить, что Гейеръ разсказывалъ въ Харьковѣ совершенно иное и внушилъ тамъ преувеличенное понятіе о революціонныхъ силахъ Луганска. Переночевавъ у него, Ешина, Елько и Антоновъ поѣхали, по словамъ ихъ, въ Ростовъ на Дону. На масляницѣ 1884 г. онъ. Ешинъ, ѣздилъ въ Лисичанскъ, гдѣ познакомился съ товарищами Кирсанова по училищу, Френкелемъ и Лингваревымъ. Въ концѣ же весны Френкель пріѣхалъ въ Луганскъ и, явясь къ нему, Ешину, просилъ познакомить его съ Гейеромъ, къ которому у него, по его словамъ, есть дѣло. Онъ, Ешинъ, исполнилъ это, но въ чемъ состояло это общее дѣло Френкеля и Гейера осталось ему неизвѣстнымъ. Въ Іюнѣ 1884 г. въ Луганскъ снова пріѣхалъ Андрей Бѣлоусовъ; вскорѣ послѣ его пріѣзда, зайдя къ Гейеру онъ, Ешинъ, замѣтилъ, что тотъ что-то прячетъ: на вопросъ его—«что это такое»? Гейеръ отвѣчалъ, что это разрывныя бомбы, но о цѣли ихъ изготовленія ничего не сказалъ, добавивъ лишь, что на дняхъ пріѣдетъ въ Луганскъ изъ Харькова «агентъ исполнительнаго комитета Василій Алексѣевичъ». Въ первыхъ числахъ Іюля послѣдній дѣйствительно пріѣхалъ. Онъ. Ешинъ, признаетъ этого человѣка по карточкѣ, ему предъяв-

ленной. въ обвиняемомъ Сергѣѣ Ивановѣ. Съ этимъ Василіемъ Алексѣевичемъ у него, Ешина, былъ длинный разговоръ о программѣ и основахъ дѣятельности революціонной партіи, при чемъ «Василій Алексѣевичъ» заявилъ, что сущность дѣятельности партіи сводится къ политическому террору, путемъ котораго партія предполагаетъ устранить представителей власти, тормозящей прогрессъ, и безъ котораго невозможно ни поднять бунта, ни совершить государственнаго переворота. На другой день въ присутствіи Василія Алексѣевича была произведена проба снарядовъ, при которой находились также: Гейеръ, Кирсановъ, братья Андрей и Семенъ Бѣлоусовы и онъ, Ешинъ. Проба не удалась, такъ какъ снарядъ, брошенный Кирсановымъ, не взорвало, а онъ медленно сгорѣлъ. Послѣ пробы всѣ разошлись и съ тѣхъ поръ онъ «Василія Алексѣевича» больше не видѣлъ. Вскорѣ онъ, Ешинъ, уѣхалъ изъ Луганска въ Лисичанскъ для участія въ спектакляхъ; Гейеръ и прочіе товарищи объяснили его отъѣздъ въ смыслѣ отступничества отъ партіи, отношенія ихъ къ нему, Ешину, значительно охладѣли и онъ никакого дальнѣйшаго участія въ революціонной дѣятельности ихъ не принималъ.

Ко всему изложенному Ешинъ добавилъ, что, не сочувствуя никогда террору, онъ послѣ разговора съ Василіемъ Алексѣевичемъ убѣдился въ полномъ несогласіи взглядовъ членовъ партіи съ его личными убѣжденіями и нынѣ, вполнѣ раскаиваясь въ прежнихъ своихъ заблужденіяхъ, проситъ вѣрить, что на будущее время онъ не способенъ принять участіе въ какой либо противозаконной дѣятельности.

По предъявленіи Ешину двухъ снарядовъ, отобранныхъ при обыскѣ у Германа Лопатина, онъ призналъ въ нихъ тѣ самые, которые видѣлъ у Гейера.

Обвиняемый Петръ Антоновъ, спрошенный по содержанію изложенныхъ выше показаній, объяснилъ, что въ Маѣ 1883 г., когда онъ находился въ Харьковѣ, извѣстный ему подъ революціонною кличкою «Андрея» Аполлонъ Немоловскій (осужденный въ Сентябрѣ 1884 г. С.-Петербургскимъ военно - окружнымъ судомъ) предложилъ ему отправиться въ Луганскъ для революціонной пропаганды среди мѣстныхъ рабочихъ. Немоловскій далъ ему адресъ Ивана Гейера и Леонида Ешина, проживавшихъ тогда вмѣстѣ въ Луганскѣ, и передалъ чрезъ Якова Бердичевскаго

Т. IX л. 212—213.

подложный паспортъ на имя Гончаренко. Пріѣхавъ въ Луганскъ, онъ розыскалъ тамъ Гейера и Ешина, которые знали его подъ именемъ «Николая рабочаго», и въ теченіи цѣлаго мѣсяца безуспѣшно хлопоталъ о полученіи какого либо мѣста на заводѣ или на желѣзной дорогѣ. У Гейера и Ешина онъ въ то время встрѣчалъ только Андрея Бѣлоусова. Черезъ мѣсяцъ онъ уѣхалъ въ Харьковъ и въ Декабрѣ 1883 г. посѣщалъ квартиру Гейера и видѣлся съ нимъ на вечеринкѣ, устроенной Августиновичъ. Около этого времени онъ познакомился въ Харьковѣ съ Заикой Василіемъ Алексѣевичемъ; со Всеволодомъ же Гончаровымъ, котораго знаетъ подъ именемъ Акимыча, познакомился послѣ убійства Шкріобы. Въ Январѣ 1884 г. онъ опять поѣхалъ въ Луганскъ, гдѣ жилъ то у Ешина, то у Гейера и въ это время познакомился съ Семеномъ Бѣлоусовымъ. Послѣ этого онъ пріѣзжалъ въ Луганскъ весною 1884 г. вмѣстѣ съ Петромъ Елько, котораго тогда познакомилъ съ Ешинымъ и Семеномъ Бѣлоусовымъ. Впослѣдствіи онъ видѣлся еще съ Гейеромъ въ Ростовѣ на Дону въ городскомъ саду, гдѣ Гейеръ былъ вмѣстѣ съ Василіемъ Алексѣевичемъ; это было уже въ началѣ осени 1884 года. О приготовленіи разрывныхъ снарядовъ въ Луганскѣ ему, Антонову, ничего неизвѣстно; прокламацій объ убійствѣ Шкріобы онъ Семену Бѣлоусову не давалъ.

Т. IX л. 200, 201.

Обвиняемый Петръ Елько, по предъявленіи ему показаній Ешина, Гейера и Кирсанова призналъ таковыя въ обстоятельствахъ, до него относящихся, вѣрными и объяснилъ, что въ началѣ 1884 г., находясь въ г. Харьковѣ, онъ познакомился съ Гейеромъ, который выдавалъ себя за представителя цѣлой революціонной группы, по его словамъ, будто бы существовавшей тогда въ Луганскѣ. Вслѣдствіе такихъ заявленій Гейера онъ, Елько, зимою и лѣтомъ 1884 г. нѣсколько разъ былъ въ Луганскѣ для устройства связей этой группы, съ центромъ. Первый разъ онъ ѣздилъ въ Мартѣ вмѣстѣ съ Кириллой, г. е. Антоновымъ, который тогда же познакомилъ его въ квартирѣ Ешина съ Семеномъ Бѣлоусовымъ; въ этотъ разъ они оставили на квартирѣ у Ешина какія-то революціонныя изданія; второй разъ онъ ѣздилъ на пасхѣ и тогда познакомился у Ешина съ Кирсановымъ; наконецъ въ третій разъ лѣтомъ, когда познакомился съ Андреемъ Бѣлоусовымъ и вмѣстѣ съ нимъ ѣздилъ въ деревню къ Гейеру. Въ этотъ послѣдній разъ онъ, Елько, при-

возилъ въ Луганскъ чертежи частей типографскаго станка, которыя предполагалъ отлить тамъ, но это не осуществилось; кому эти чертежи онъ показывалъ тамъ—не помнитъ. О приготовленіи въ Луганскѣ метательныхъ снарядовъ онъ, Елько, зналъ, но личнаго участія въ этомъ не принималъ и его поѣздки въ Луганскъ не имѣли къ этому дѣлу никакого отношенія. Съ братьями Бѣлоусовыми онъ хотя не имѣлъ общаго практическаго дѣла, однако зналъ ихъ за лицъ, посвященныхъ въ тайны революціонной дѣятельности.

Уже послѣ арестованія по настоящему дѣлу обвиняемаго Андрея Бѣлоусова, въ Луганскій тюремный замокъ, гдѣ онъ содержался, была доставлена сыномъ арестанта Гончарова, содержавшагося въ томъ же замкѣ за обще-уголовное преступленіе, булка, въ которой при осмотрѣ найдена была записка, частію шифрованная, слѣдующаго содержанія: «Что ты молчишь? Получилъ ли мое письмо? Ив. и В. сидятъ теперь вмѣстѣ. Ихъ обѣщаютъ выпустить въ особенности В. У насъ есть деньги: добыли двѣ тысячи».

Т. IX л. 1—8, 35 об., 46—50.

Почеркъ этой записки представлялъ видимое сходство съ почеркомъ обвиняемаго Ешина, что было подтверждено и произведенною по этому поводу экспертизою сличенія почерковъ. Самъ же Ешинъ, признавая, что онъ написалъ эту записку Андрею Бѣлоусову, далъ относительно ея слѣдующія объясненія:

Т. IX л. 51.

Осенью 1884 г., когда Андрей Бѣлоусовъ былъ уже арестованъ, а онъ, Ешинъ, находился на свободѣ, ему случалось посылать Бѣлоусову въ тюрьму деньги и обѣды. Однажды къ нему явился какой-то бродяга съ письмомъ изъ тюрьмы отъ Бѣлоусова, въ которомъ послѣдній просилъ его, Ешина, сообщить о ходѣ дознанія по ихъ дѣлу и передавалъ ключъ къ шифру для отвѣта—слово «держава». Отвѣтъ на это письмо онъ, Ешинъ, послалъ чрезъ жену какого-то уголовнаго арестанта. Въ Декабрѣ къ нему пришелъ рабочій Устинъ Ширяевъ и, узнавъ отъ него, что онъ ведетъ шифрованную переписку съ Андреемъ Бѣлоусовымъ, просилъ его сообщить послѣднему, что у него, Ширяева, есть двѣ тысячи рублей. Притомъ Ширяевъ разсказалъ ему, что нашелъ кладъ въ эту сумму, изъ котораго 1.500 р. думаетъ отдать въ распоряженіе революціонной партіи, а на остальные 500 р. купить книгъ. Вслѣдствіе просьбы Ширяева онъ, Ешинъ, написалъ Бѣлоусову записку, задержанную въ

Т. IX л. 53, 58, 182, 185.

тюрьмѣ, въ которой все мѣсто, касавшееся денегъ, по настоянію Ширяева, зашифровалъ. Подъ инициалами «Ив.» и «В» онъ разумѣлъ въ этой запискѣ Ивана Гейера и жену его Вѣру, тогда уже арестованныхъ и содержавшихся подъ стражею въ г. Харьковѣ. Записку эту онъ передалъ Ширяеву, который предполагалъ передать ее Бѣлоусову при посредствѣ родственника своего Гончарова, содержавшагося подъ стражею въ Луганскомъ замкѣ за кражу. Впослѣдствіи, узнавъ отъ Гейера, освобожденнаго въ Декабрѣ 1884 г. изъ-подъ стражи и прибывшаго въ Луганскъ изъ г. Харькова, что всѣ харьковскіе радикалы обзавелись новыми золотыми вещами, привезенными туда изъ Луганска Іустиномъ Ширяевымъ, и сопоставляя этотъ фактъ съ кражей золотыхъ и другихъ драгоцѣнныхъ вещей и денегъ, совершенной незадолго передъ тѣмъ у луганскаго ювелира Папазова, онъ, Ешинъ, заподозрѣлъ Ширяева въ совершеніи этой кражи. Допросивъ его объ этомъ, онъ заставилъ Ширяева признаться, что у него были не деньги, а вещи, дѣйствительно украденныя у Папазова, но похищены онѣ не имъ, Ширяевымъ, а родственникомъ его Гончаровымъ, самъ же онъ взялъ ихъ тайкомъ у послѣдняго, случайно узнавъ о мѣстѣ, гдѣ Гончаровъ зарылъ эти предметы.

Эти объясненія Ешина были подтверждены въ обстоятельствахъ, до нихъ относящихся показаніями обвиняемыхъ Гейера и Андрея Бѣлоусова и допрошеннаго по настоящему дѣлу въ качествѣ свидѣтеля Іустина Ширяева.

Т. IX л. 108, 109.

Гейеръ между прочимъ призналъ, что будучи въ Декабрѣ 1884 г. освобожденъ изъ харьковской тюрьмы, онъ видѣлся въ Харьковѣ съ «Владиміромъ Николаевичемъ», т. е. Петромъ Елько и съ фельдшерицей Эвелиной Улановской, причемъ у обоихъ замѣтилъ разныя золотыя вещи, что̀ его, Гейера, очень удивило; на вопросы же его по этому поводу Елько отвѣчалъ, что получилъ наслѣдство; тогда же Елько просилъ его передать въ Луганскъ, что онъ пришлетъ туда денегъ, но не особенно много. По пріѣздѣ въ Луганскъ онъ, Гейеръ, передалъ это Ешину, который былъ, повидимому, очень удивленъ, но ничего не сказалъ.

Т. IX л. 168 об., 169.

Андрей Бѣлоусовъ, признавъ, что дѣйствительно велъ изъ Луганской тюрьмы шифрованную переписку съ Ешинымъ по ключу, о которомъ гораздо раньше условился «на всякій случай» съ нимъ и Гейеромъ,

показалъ, что переписка эта заключала въ себѣ главнымъ образомъ просьбы о передачѣ ему, Бѣлоусову, денегъ и о сообщеніи свѣдѣній о Гейерѣ, его женѣ и о томъ, сидятъ ли они еще подъ стражею, или уже освобождены. Объ отношеніи Ширяева къ вещамъ, украденнымъ у ювелира Папазова ему, Бѣлоусову, ничего опредѣленнаго неизвѣстно; но арестантъ Гончаровъ, одновременно съ нимъ содержавшійся въ тюрьмѣ, разсказывалъ ему, что у него были дорогія вещи, которыя онъ закопалъ въ землю и которыя оттуда кто-то выкралъ, и высказывалъ, что это сдѣлалъ Иванъ Ширяевъ, у дочери котораго видѣли золотой браслетъ. Желая провѣрить это, онъ, Бѣлоусовъ, просилъ посѣтившаго его въ тюрьмѣ Ивана Гейера собрать объ этомъ свѣдѣнія.

Наконецъ свидѣтель Іустинъ Ширяевъ, подтверждая сдѣланныя на него обвиняемымъ Гейеромъ указанія, добавилъ, что при отъѣздѣ его, Ширяева, въ Харьковъ, Ешинъ далъ ему адресъ Эвелины Улановской, какъ личности, сочувствовавшей революціонной дѣятельности, которой онъ, Ширяевъ, и передалъ въ Харьковѣ всѣ бывшія у него золотыя вещи. Гейеръ, Ешинъ и Бѣлоусовъ, съ которыми онъ, Ширяевъ, познакомился въ 1883 г. въ г. Луганскѣ, неоднократно вели съ нимъ бѣсѣды о дѣятельности революціонной партіи и убѣждали его помогать революціонерамъ. Т. IX л. 147, 148.

Дознаніе о кражѣ у луганскаго ювелира Папазова денегъ и вещей, къ коему привлечена въ качествѣ обвиняемой Эвелина Улановская, производилось отдѣльно отъ настоящаго дѣла въ г. Харьковѣ и нынѣ уже окончено. Изъ имѣющихся въ дѣлѣ копій съ актовъ этого дознанія видно, что по обыску у обвиняемой Улановской въ г. Харьковѣ было отобрано большое число золотыхъ и серебряныхъ вещей, впослѣдствіи признанныхъ Папазовымъ за похищенныя у него. Т. IX л. 130—133, 227—231.

Спрошенная при дознаніи мѣщанка Роза Левъ показала, что на пасху 1884 г. она познакомилась въ Ростовѣ на Дону съ дѣвушкою, назвавшейся Эмиліею Николаевной, которую она узнаетъ въ фотографической карточкѣ обвиняемой Генріетты Добрускиной. Эмилія Николаевна призналась ей, что живетъ на нелегальномъ положеніи и просила ее позволить пользоваться ея адресомъ для полученія писемъ и для свиданія съ знакомыми. Съ тѣхъ поръ она передала Эмиліи Т. IX л. 120, 150, 153.

Николаевнѣ нѣсколько писемъ и приводила къ ней нѣсколько лицъ, мужчинъ, которые являлись къ ней и спрашивали Эмилію Николаевну. Кто были эти лица, она не знаетъ и былъ ли въ числѣ ихъ Иванъ Гейеръ—не помнитъ. Якова Шаповалова она видѣла случайно, но знакома съ нимъ не была.

Яковъ Шаповаловъ показалъ, что Розу Левъ и Ивана Гейера онъ не знаетъ и ни одного изъ нихъ у себя не принималъ.

Парикмахеръ Николай Ожиговъ призналъ въ карточкѣ обвиняемаго Сергѣя Иванова личность, заходившую лѣтомъ 1884 г. къ нему въ парикмахерскую и справлявшуюся о мѣстѣ жительства обвиняемаго Гейера, которое онъ этому человѣку и указалъ.

Т. VIII л. 10, 103. Т. IX л. 172.

Изъ показаній мѣщанъ Исая, Эти и Даніила Каменскихъ видно, что лѣтомъ 1884 г. Иванъ Гейеръ жилъ у нихъ въ г. Луганскѣ, занимая двѣ комнаты, и что въ это время его постоянно посѣщали Ешинъ, Андрей и Семенъ Бѣлоусовы, племянникъ Першиныхъ, Кирсановъ и еще какіе-то молодые люди, которыхъ они не знаютъ.

Т. VIII л. 139, 145, 150.

Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній о прежней жизни обвиняемыхъ видно:

Т. VIII л. 33.

1) что Ешинъ, Гейеръ и Андрей Бѣлоусовъ привлекались въ 1883 г. къ дознанію, производившемуся отдѣльнаго корпуса жандармовъ генералъ-маіоромъ Середою, по обвиненію въ преступныхъ сношеніяхъ съ проживавшимъ въ Харьковѣ нелегально Петромъ Каршевымъ, онъ же Чуйковъ. При разрѣшеніи этого дознанія въ административномъ порядкѣ 30 Іюня 1884 г. Высочайше повелѣно: Андрею Бѣлоусову вмѣнить въ наказаніе время содержанія его подъ стражею при производствѣ дознанія и затѣмъ отдать подъ особый надзоръ полиціи на два года; по отношенію же къ Гейеру и Ешину дознаніе это было прекращено безъ всякихъ послѣдствій;

2) что Семенъ Бѣлоусовъ въ томъ же 1883 г. привлекался къ дознанію, производившемуся въ Одесскомъ городскомъ жандармскомъ управленіи, по обвиненію въ принадлежности къ революціонному кружку «Геккера и друг.», образовавшемуся въ г. Одессѣ въ 1881 — 1882 гг., каковое дознаніе было разрѣшено административнымъ порядкомъ 10 Августа 1883 г., причемъ относительно Семена Бѣлоусова было Высочайше повелѣно: отдать его подъ особый надзоръ полиціи на 3 года.

Т. IX л. 251, 253.

Въ числѣ шифрованныхъ замѣтокъ, отобранныхъ у обвиняемаго Германа Лопатина, при задержаніи его 6 Октября 1884 г., оказалась слѣдующая: «Ростовъ. . . б) тоже для посылокъ: отдѣленіе склада швейныхъ машинъ Нейдлингера». **Т. XIII л. 12.**

Произведеннымъ по этому поводу разслѣдованіемъ обнаружено слѣдующее:

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1885 г. въ департаментѣ полиціи были получены свѣдѣнія о томъ, что обвиняемый Сергѣй Ивановъ около 20 Октября 1884 г. передалъ мѣщанину Макару Попову, управляющему отдѣленіемъ склада швейныхъ машинъ въ Нахичивани, близъ Ростова на Дону, два разрывныхъ снаряда и принадлежности тайной революціонной типографіи.

Привлеченный вслѣдствіе сего въ качествѣ обвиняемаго управляющій отдѣленіемъ склада Нейдлингера швейныхъ машинъ въ Нахичевани, мѣщанинъ Макарь Павловъ Поповъ, не признавая себя виновнымъ, показалъ, что Сергѣя Иванова онъ не знаетъ и ни отъ кого разрывныхъ снарядовъ или другихъ какихъ либо вещей преступнаго характера на храненіе не принималъ. **Л. 9 и 22 об.**

При дальнѣйшемъ дознаніи по настоящему дѣлу обвиняемый, сынъ священника Антонъ Остроумовъ показалъ, что послѣ арестовъ, произведенныхъ осенью 1884 г. въ г. Ростовѣ на Дону, а именно въ началѣ 1885 г., дворянинъ Францъ Яцевичъ (при дознаніи скрывшійся и до послѣдняго времени не розысканный) предложилъ ему принять на себя руководство революціонными дѣлами въ г. Ростовѣ на Дону. Въ это время по приглашенію Яцевича онъ поѣхалъ съ нимъ въ Нахичевань къ Макару Попову, отъ котораго всѣ трое пошли въ трактиръ, гдѣ, между прочимъ, условились, что Макаръ Поповъ будетъ собирать деньги и передавать ихъ чрезъ него, Остроумова, Францу Яцевичу. Вскорѣ послѣ этого Поповъ сказалъ ему Остроумову, что у него хранятся разрывные снаряды и просилъ взять ихъ отъ него для храненія въ другомъ мѣстѣ, такъ какъ онъ опасается держать ихъ у себя. Спустя нѣкоторое время Остроумовъ отправился къ Попову съ цѣлью посовѣтовать ему уничтожить снаряды, но Поповъ отвѣтилъ ему, что уже сдѣлалъ это и вынутый изъ снарядовъ динамитъ сжегъ въ печкѣ. Кромѣ того со словъ Макара Попова и Яцевича ему, Остроумову, извѣстно, что часть тайной революціонной типографіи, въ которой въ г. Ростовѣ на Дону **Т. XX л. 532 и 534.**

былъ напечатанъ № 10 газеты «Народная Воля», хранится у Макара Попова, который стѣсняется ею также, какъ и снарядами. Послѣ того въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ знакомый его, Петръ Дымниковъ, сообщилъ ему, что онъ взялъ у Макара Попова хранившуюся у него часть типографскихъ принадлежностей и передалъ ихъ конторщику въ тракціи желѣзной дороги, Перегудову. Другая же часть этой типографіи еще ранѣе, въ концѣ 1884 г., была передана Василіемъ Алексѣевичемъ, т. е. Сергѣемъ Ивановымъ, рабочему слесарю Августу Райху. Послѣдній, опасаясь держать у себя, передалъ ее рабочему желѣзнодорожныхъ мастерскихъ Михаилу Каміонкѣ, а отъ Каміонко она перешла весною 1885 г. къ Дымникову, передавшему ее потомъ тому же Перегудову.

Т. X л. 56, 102.

Спрошенный по этимъ обстоятельствамъ обвиняемый Сергѣй Ивановъ объяснилъ, что два разрывные снаряда, оставшіеся изъ числа четырехъ, приготовленныхъ лѣтомъ 1884 г. въ г. Луганскѣ, вмѣстѣ съ частью типографскихъ принадлежностей осенью 1884 г. онъ передалъ на храненіе Макару Попову, причемъ просилъ Попова для большей безопасности, впредь до уничтоженія, залить снаряды воскомъ или другимъ какимъ либо составомъ. Другую же часть типографскихъ принадлежностей онъ передалъ рабочему Августу Райху.

Спрошенный затѣмъ обвиняемый Макаръ Поповъ показалъ, что приблизительно въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1884 г. къ механику отдѣленія склада швейныхъ машинъ, Прокофію Лебеденко пришелъ обвиняемый Сергѣй Ивановъ, назвавшись въ то время Василіемъ Алексѣевичемъ и ночевалъ у него, а черезъ нѣсколько дней Лебеденко, по указанію Василія Алексѣевича, поѣхалъ въ Ростовъ и оттуда перевезъ къ себѣ какую то мебель. Затѣмъ Василій Алексѣевичъ обратился съ просьбой къ нему, Попову, перевезти на ломозомъ извощикѣ къ тому же Лебеденко и другія вещи. Получивъ его согласіе, Сергѣй Ивановъ въ условленное время встрѣтился съ нимъ въ ресторанѣ, откуда они оба съ нанятымъ ломовымъ извощикомъ направились къ какому то дому на Никольской улицѣ. Изъ этого дома три или четыре неизвѣстные ему человѣка вынесли пять мѣстъ тяжестей, завернутыхъ въ рогожи, всего вѣсомъ до 15 п. Тюки эти онъ, Поповъ, свезъ затѣмъ въ домъ Лебеденко, за отсутствіемъ котораго мать его указала комнату, въ которую извощикъ и

свалилъ тяжести. Въ тотъ же день поздно вечеромъ три тюка изъ числа пяти, привезенныхъ имъ, онъ, Поповъ, Лебеденко и агентъ отдѣленія того же склада, Авдѣй Хачумовъ, снесли въ квартиру послѣдняго, оставивъ ихъ на дворѣ. Спустя приблизительно недѣлю Василій Алексѣевичъ, т. е. Сергѣй Ивановъ, пріѣхалъ къ Лебеденкѣ съ дорожными чемоданами и попросилъ его и Хачумова довезти его до Ростовской желѣзнодорожной станціи. Уѣзжая изъ квартиры Лебеденко, Сергѣй Ивановъ вынулъ изъ чемодана двѣ жестяныя коробки цилиндрической формы совершенно такія же, какъ отобранныя при задержаніи обвиняемаго Германа Лопатина и съ такою же надписью, и, въ присутствіи Хачумова и Лебеденко, положивъ ихъ на столъ, сказалъ: «я оставлю ихъ здѣсь, такъ какъ все равно некуда ихъ дѣть». По дорогѣ на желѣзнодорожную станцію, куда Сергѣя Иванова провожалъ и Хачумовъ, Ивановъ просилъ его, Попова, чтобы жестяныя коробки, оказавшіяся разрывными снарядами, были залиты воскомъ. Эти снаряды хранившіеся потомъ попеременно то у Лебеденко, то у Хачумова, мѣсяца черезъ два были принесены въ отдѣленіе склада, въ мастерской котораго Лебеденкой и имъ, Поповымъ, были разряжены, а жестяныя коробки выброшены, при чемъ динамитъ, заключавшійся въ коробкахъ, случайно вспыхнулъ, не причинивъ никому вреда. Во время принятія на храненіе тюковъ съ типографскими принадлежностями Лебеденко и Хачумовъ не знали, что находится въ этихъ тюкахъ, но впослѣдствіи Хачумовъ говорилъ ему, Попову, что въ одномъ изъ тюковъ находится рама, повидимому, типографскаго станка. Кто взялъ потомъ отъ Лебеденко и Хачумова тюки онъ, Поповъ, не знаетъ, но полагаетъ, что ихъ взялъ Антонъ Остроумовъ, такъ какъ, вслѣдствіе заявленія Лебеденко о нежеланіи его держать больше у себя тюки, онъ передалъ объ этомъ Остроумову и послѣдній, зайдя вмѣстѣ съ Францемъ Яновичемъ въ отдѣленіе склада, въ присутствіи Лебеденко, сказалъ, что за тюками онъ пришлетъ въ самомъ скоромъ времени и что тюки эти никому другому не должны быть переданы. Антона Остроумова онъ знаетъ лѣтъ пять, познакомился на одной изъ вечеринокъ, бывшихъ въ Ростовѣ на Дону. Въ послѣдній годъ Остроумовъ былъ у него раза два. Въ первый разъ Остроумовъ просилъ денегъ для политическихъ заключенныхъ, выразивъ при

Л. 42, 69.

Л. 77.

Л. 110.

этомъ желаніе, чтобы онъ, Поповъ, собиралъ и среди своихъ знакомыхъ для этой цѣли деньги. Во второй разъ Остроумовъ былъ у него вмѣстѣ съ Францемъ Яцевичемъ въ началѣ 1885 г., въ этотъ разъ бесѣда происходила въ трактирѣ, гдѣ Остроумовъ и Яцевичъ сказали ему между прочимъ, чтобы онъ, Поповъ, имѣлъ дѣло только съ Остроумовымъ и не исполнялъ бы просьбы другихъ лицъ, напр. Александра Цейтлина. Изъ трактира они всѣ трое отправились къ Лебеденко, гдѣ возникъ разговоръ о паспортахъ, и Францъ Яцевичъ показывалъ ему, Попову, Остроумову и Лебеденкѣ, какъ можно смывать текстъ старыхъ паспортовъ. Кромѣ этого Остроумовъ присылалъ къ нему, какъ служившему въ городской управѣ писцомъ, какого-то еврея съ просьбою дать форму паспорта; получивъ отъ него требуемую форму, Остроумовъ остался недоволенъ ею и въ тотъ же день прислалъ того же еврея съ просьбою составить повую форму, но онъ въ этомъ отказалъ. Затѣмъ этотъ же молодой еврей являлся съ запиской Остроумова, въ которой послѣдній извѣщалъ его, что снаряды, при-
Л. 47. нятые на храненіе отъ Сергѣя Иванова, должны быть уничтожены.

Спрошенные по содержанію показанія Макара Попова солдатскій сынъ Прокофій Лебеденко и Нахичеванскій мѣщанинъ Авдѣй Хачумовъ показали:

Прокофій Лебеденко—что въ предъявленной ему фотографической карточкѣ обвиняемаго Сергѣя Иванова онъ признаетъ личность съ которою осенью 1884 г. онъ познакомился, какъ съ портнымъ Василіемъ, въ складѣ швейныхъ машинъ, куда послѣдній
Л. 71 и слѣд. приходилъ къ Попову. Вскорѣ послѣ перваго знакомства Сергѣй Ивановъ обратился къ нему съ просьбой позволить ему переночевать у него, а также принять на храненіе какія-то вещи, на что онъ согласился. Послѣ этого, возвратясь однажды домой, онъ узналъ отъ матери, что въ его отсутствіе Макаръ Поповъ привезъ тюки и сложилъ ихъ въ сарай; всѣхъ тюковъ было пять или шесть; три изъ нихъ были потомъ
Т. XIII л. 107. переданы на храненіе Авдѣю Хачумову. Что было въ тюкахъ, онъ не зналъ; хранились они у него до
Т. XIII л. 121. ареста Макара Попова, послѣ котораго онъ обратился къ знакомому послѣдняго, Егору Ходжаеву, съ просьбою взять отъ него тюки, что тотъ и исполнилъ. Кромѣ того по просьбѣ Сергѣя Иванова онъ перевезъ къ себѣ изъ квартиры Иванова его мебель, которая

хранится у него согласно желанію Иванова и по настоящее время. По предъявленіи разрывныхъ снарядовъ, отобранныхъ при задержаніи обвиняемаго Германа Лопатина, Прокофій Лебеденко показалъ, что совершенно такіе же жестяные цилиндры и съ такою же надписью были оставлены Сергѣемъ Ивановымъ въ его квартирѣ. Цилиндры эти были оставлены завернутыми, но онъ, Лебеденко, тотчасъ ихъ развернулъ; они хранились у него дня два, а потомъ онъ передалъ ихъ Макару Попову, съ которымъ впослѣдствіи разрядилъ ихъ. Т. XIII л. 72.

Авдѣй Хачумовъ—что въ Октябрѣ 1884 г. онъ, по просьбѣ Макара Попова, согласился взять изъ квартиры Лебеденко какія то два тюка, которые вслѣдъ затѣмъ и были перенесены имъ къ себѣ ночью, при помощи Попова и Лебеденко. По прошествіи недѣли онъ попросилъ Макара Попова взять эти тюки обратно, но Поповъ просьбы этой не исполнилъ, почему онъ недѣли черезъ три повторилъ ту же просьбу и самъ уѣхалъ въ Екатеринодаръ. Когда до него дошло извѣстіе объ арестѣ Попова, то онъ предположилъ, что арестъ этотъ былъ вызванъ передачею тюковъ, почему поспѣшилъ пріѣхать въ Нахичевань, и тюки, хранившіеся тогда на чердакѣ сосѣдняго кожевеннаго завода, выбросилъ въ рѣку Донъ. О томъ, что въ тюкахъ хранились типографскія принадлежности, ему стало извѣстно лишь со времени ареста Попова, хотя послѣдній раньше и говорилъ, чтобы хранить тюки въ такомъ мѣстѣ, гдѣ другіе не могли бы видѣть. Хозяина мебели, оставленной у Лебеденко, онъ, Хачумовъ, въ лицо не помнитъ, хотя видѣлъ его и провожалъ вмѣстѣ съ Поповымъ на вокзалъ желѣзной дороги; господинъ этотъ передъ отъѣздомъ оставилъ въ квартирѣ Лебеденко какой то свертокъ, но что въ немъ заключалось, онъ не знаетъ и жестяныхъ цилиндровъ ни у Попова, ни у Лебеденко онъ не видѣлъ. Л. 112.

Спрошенный по ссылкѣ Прокофія Лебеденко, Нахичеванскій мѣщанинъ Георгій Семеновъ Ходжаевъ показалъ, что 23 Апрѣля 1885 г., въ день ареста Макара Попова, Прокофій Лебеденко, сообщивъ ему о нахожденіи въ его квартирѣ какихъ то тяжелыхъ вещей, принадлежащихъ Макару Попову, просилъ его передать ихъ Петру Дымникову. Вслѣдствіе этого онъ, Ходжаевъ, нанявъ вмѣстѣ съ Дымниковымъ ломоваго извощика, отправился въ домъ Лебеденко, гдѣ мать его, предупрежденная сыномъ раньше, указала въ Л. 113.

сарайчикъ тяжелый тюкъ, который онъ съ Дымниковымъ и извощикомъ взвалили на повозку. Что заключалось въ тюкѣ, онъ не знаетъ, и дальнѣйшихъ свѣдѣній о немъ не имѣлъ.

Т. XIII л. 121. Т. XX л. 473.

Спрошенные по содержанію объясненія Ходжаева Прокофій Лебеденко и происходящій изъ крестьянъ, окончившій реальное училище Петръ Ивановъ Дымниковъ показали: первый—что онъ не говорилъ Ходжаеву о томъ, чтобы хранившіяся у него вещи были переданы Петру Дымникову, такъ какъ послѣдняго совершенно не знаетъ, а просилъ Ходжаева взять вещи исключительно потому, что онъ былъ знакомъ съ Макаромъ Поповымъ; второй же, Дымниковъ, — что онъ никогда изъ квартиры Лебеденко тюковъ не перевозилъ и объ этомъ съ Ходжаевымъ разговора не имѣлъ.

Т. XIII л. 80 об. и 123.

Т. XIII л. 99 и 104.

При осмотрѣ квартиры Прокофія Лебеденко въ г. Нахичевани мать Лебеденко, Василиса Лебеденко, предъявила диванъ, два кресла, шесть стульевъ, столъ и комодъ, объяснивъ, что эта мебель привезена въ квартиру сыномъ ея, Прокофіемъ, въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1884 года.

Т. XX л. 572, 578, 585.

Мѣщанинъ г. Ростова на Дону, Августъ Райхъ показалъ, что въ 1882 г. онъ познакомился въ общественной столовой съ какимъ то господиномъ, назвавшимся Андреемъ или Егоромъ Ивановичемъ. Разговаривая потомъ съ нимъ, Егоръ Ивановичъ преимущественно касался существующей въ Россіи формы правленія, доказывая, что слѣдуетъ добиваться измѣненія этой формы правленія на болѣе совершенную, при которой лучше жилось бы рабочимъ. Егоръ Ивановичъ давалъ ему и книги для чтенія, сначала изъ городской библіотеки, въ которыхъ описывалось положеніе рабочихъ въ Англіи и въ Сибири, а потомъ давалъ романъ Чернышевскаго «Что дѣлать?» «Біографію Желябова» и «Народную Волю». Когда онъ потомъ познакомилъ Егора Ивановича съ товарищемъ своимъ по желѣзнодорожной мастерской, Михаиломъ Камінко, то Егоръ Ивановичъ продолжалъ заниматься такимъ же образомъ съ обоими ими до начала 1884 г. Въ это время онъ уѣхалъ изъ Ростова, а занятія съ ними передалъ какому то «Павлу,» котораго онъ признаетъ въ фотографической карточкѣ, обвиняемаго Петра Елько. Занятія Петра Елько, происходившія въ томъ же духѣ, продолжались до отъѣзда Елько изъ Ростова, весною 1884 г. Передъ своимъ отъѣздомъ

Елько привелъ къ нимъ дѣвушку, назвавшуюся Вѣрой или Варварой, которую онъ признаетъ въ фотографической карточкѣ обвиняемой Генріетты Добрускиной, познакомилъ ее съ ними и объяснилъ, что она будетъ продолжать съ ними занятія. Добрускина прекратила занятія въ Августѣ 1884 г. по причинѣ приближавшихся холодовъ, такъ какъ для занятій они собирались большею частію на поле. Послѣ этого Добрускина назначила ему свиданіе вечеромъ въ городскомъ саду и здѣсь познакомила съ какимъ-то господиномъ, который заикался и котораго онъ признаетъ въ фотографической карточкѣ обвиняемаго Сергѣя Иванова. Спустя мѣсяцъ. Сергѣй Ивановъ попросилъ его спрятать въ безопасное мѣсто принадлежности типографіи, объяснивъ, что онъ дастъ спрятать ему только небольшую часть типографіи—три или четыре ящика не большихъ, но тяжелыхъ и что болѣе крупныя части типографіи будутъ спрятаны въ другомъ мѣстѣ. Когда онъ, уступая настоятельнымъ просьбамъ Сергѣя Иванова, согласился, то они взяли ломоваго извощика и по указанію Сергѣя Иванова подъѣхали къ одному дому, гдѣ въ передней комнатѣ на полу лежали три или четыре ящика. При помощи извощика онъ. Райхъ. вынесъ ящики на повозку, положивъ сверху два стула для замаскированія ящиковъ и свезъ ихъ на свою квартиру, гдѣ и сложилъ въ подвалъ. Въ квартирѣ, откуда бралъ ящики, онъ видѣлъ въ сосѣдней съ переднею комнатѣ неизвѣстныхъ ему мужчину и женщину, повидимому еврейку, въ которой онъ находитъ большое сходство съ предъявленною ему при допросѣ фотографическою карточкою мѣщанки Раисы Кранцфельдъ. На другой день Сергѣй Ивановъ познакомилъ его съ Антономъ Остроумовымъ и сказалъ, что когда мѣсяца черезъ три или четыре понадобится взять типографію, то чтобы онъ отдалъ ее только Остроумову или при посредствѣ Остроумова. До начала Января 1885 г. онъ держалъ ящики у себя, а потомъ, замѣтя, что сосѣдка его стала что то подозрѣвать, онъ перевезъ типографію къ Михаилу Каміонко. Гдѣ потомъ Каміонко хранилъ типографію и кому передалъ онъ, Райхъ, не знаетъ, такъ какъ вскорѣ уѣхалъ самъ изъ Ростова.

Спрошенный при дознаніи дворянинъ Михаилъ Каміонко и крестьянинъ Василій Перегудовъ показали, что о существованіи тайной типографіи они не знаютъ и принадлежности этой типографіи къ себѣ не

Т. XX л. 477, 484, 486 и 490.

принимали. При производствѣ у нихъ обысковъ найдено: у перваго изъ нихъ большое количество печатныхъ, гектографированныхъ и рукописныхъ революціонныхъ сочиненій, но принадлежностей типографіи не оказалось.

При дальнѣйшемъ же дознаніи обнаружено, что оставшіяся неуничтоженными типографскія принадлежности были потомъ взяты у Василія Перегудова таганрогскимъ мѣщаниномъ Акимомъ Сегедою, увезшимъ таковыя въ Таганрогъ, гдѣ была организована вновь тайная революціонная типографія, которая была обнаружена потомъ въ 1886 г. и объ устройствѣ которой производится самостоятельное дознаніе отдѣльно отъ настоящаго дѣла.

Т. XX л. 560, 428, 432, 457. 455.

17 Октября 1883 г. вечеромъ, по дорогѣ изъ Харькова на Чугуевъ и Купянскъ, произведено было покушеніе на ограбленіе почты, слѣдовавшей съ денежной корреспонденціей. По показанію сопровождавшихъ почту ямщика крестьянина Митрофана Мирошникова и почталіона Василія Стражникова, во время слѣдованія ихъ, на шестой верстѣ отъ Харькова, съ правой стороны дороги, показался неизвѣстный человѣкъ, который закричалъ на нихъ и въ то же время съ дороги послышались голоса другихъ людей. Опасаясь нападенія на почту они ударили по лошадямъ и успѣли скрыться отъ нападавшихъ, которыми выстрѣловъ по нимъ сдѣлано не было.

Это происшествіе вызвало со стороны мѣстнаго почтоваго управленія и полиціи принятіе особыхъ мѣръ охраненія отходящихъ изъ Харькова почтъ, которыя въ послѣдующее затѣмъ время были сопровождаемы полицейскою стражею.

Т. XV л. д. 13 и 136.

24 того же Октября отправлена была изъ Харькова въ Купянскъ и Изюмъ почта съ денежною корреспонденціей на 21.107 р. Почта выѣхала изъ города въ 9 часовъ вечера съ ямщикомъ Мирошниковымъ и почталіонами Александромъ Поповымъ и Иваномъ Гужвой и для охраны ее сопровождали уѣздный исправникъ съ двумя урядниками Погребнякомъ и Викторомъ Бузановскимъ, помощникомъ волостнаго старшины Сагинымъ и старостою Иваномъ Заикою.

Т. XV л. д. 21, 40,

По показаніямъ почталіоновъ Попова и Гужвы и ямщика Мирошникова на пятой верстѣ отъ Харькова

они услышали крикъ «стой». вслѣдствіе которыхъ лошади остановились. Вслѣдъ затѣмъ раздались выстрѣлы, направленные въ почту. на которые отвѣчали выстрѣлами же какъ почталіоны. такъ и полицейскіе чины. Выстрѣлами со стороны нападавшихъ злоумышленниковъ была ранена въ шею почтовая лошадь, убита лошадь подъ урядникомъ Бузановскимъ и пулею отбитъ курокъ отъ револьвера почталіона Гужвы. По показанію означенныхъ свидѣтелей, а также Бузановскаго, Погребняка, Сагина и Заики за темнотою ночи не представилось возможности ни разглядѣть злоумышленниковъ. ни опредѣлить числа ихъ; но на сколько можно было замѣтить въ моменты освѣщенія отъ выстрѣловъ нападавшихъ было не менѣе четырехъ и не болѣе восьми человѣкъ. Во время происходившей перестрѣлки помощникъ волостнаго старшины Сагинъ замѣтилъ двухъ убѣгавшихъ злоумышленниковъ, изъ которыхъ одинъ выстрѣлилъ въ него; Сагинъ схватилъ этого послѣдняго и повалилъ его на землю, удерживая его за воротъ. Стрѣлялъ ли въ него въ это время задержанный имъ человѣкъ, старавшійся отъ него вырваться, Сагинъ не замѣтилъ; когда же къ нему на помощь подошли другіе полицейскіе чины, то человѣкъ этотъ оказался мертвымъ. Остальные нападавшіе на почту успѣли разбѣжаться и задержаны не были.

Т. XV л. д. 22, 25 об., 41 и 32.

По осмотрѣ вещей, найденныхъ при трупѣ задержаннаго лица, при немъ оказался между прочимъ пятиствольный револьверъ съ тремя заряженными и двумя пустыми патронами и шапка, въ которой найдена револьверная пуля. По вскрытіи трупа въ черепной полости усмотрѣно сквозное пулевое отверстіе въ обоихъ вискахъ по направленію отъ праваго виска къ лѣвому, при чемъ производившій вскрытіе врачъ профессоръ Залѣсскій высказалъ заключеніе, что смерть отъ вышеописанной огнестрѣльной раны должна была послѣдовать моментально.

Т. XV л. д. 134 об.

Т. XV л. д. 241.

При осмотрѣ волостнымъ старшиною Яковомъ Левчакомъ, а потомъ и судебнымъ слѣдователемъ мѣстности, гдѣ произошло нападеніе на почту, тамъ были найдены дубленый полушубокъ, двѣ связки новой тонкой бичевки въ 30 и въ 20 саженъ длины, топоръ, ломъ, два куска желѣза въ одинъ и въ полтора аршина длины, бутылка отъ водки и остатки вареной колбасы. На мѣстѣ преступленія оказались также двѣ лужи пролитой крови и павшая лошадь.

Т. XV л. д. 25 и 54.

При предъявленіи труна убитаго при нападеніи на почту разнымъ лицамъ мѣщане супруги Лейба и Нехама Бердичевскіе, а также и нѣкоторые другіе свидѣтели признали въ немъ сына ихъ Бердичевскихъ, Якова Бердичевскаго, который, какъ оказалось по собраннымъ свѣдѣніямъ, еще въ 1881 г., состоя слушателемъ Харьковскаго ветеринарнаго института, былъ привлеченъ къ производившемуся въ г. Кіевѣ дознанію о государственномъ преступленіи и въ началѣ 1882 г. скрылся.

Т. XV л. 150. Т. XV л. 96, 100 и 141. Т. XV л. д. 134.

9 Января 1884 г. близъ Харькова по дорогѣ къ такъ называемой Сабуровой дачѣ отставнымъ унтеръ-офицеромъ Кузьмою Луговскимъ былъ усмотрѣнъ трупъ неизвѣстнаго человѣка, лѣтъ 30, средняго роста, лежавшій вдоль дороги, лицомъ внизъ. Какъ на самомъ трупѣ, такъ и около него слѣдовъ насилія или борьбы замѣчено не было; при судебно-медицинскомъ же изслѣдованіи труна было найдено въ затылочной части головы около праваго сосцевиднаго отростка круглое отверстіе съ раздробленіемъ кости черепа, а въ срединѣ лобной кости — такое же раздробленіе послѣдней, между осколками которой и кожею черепа найдена малокалиберная пуля съ бороздкою въ продольномъ направленіи. По заключенію врача, производившаго вскрытіе труна, смерть послѣдовала, вѣроятно, моментально отъ огнестрѣльной раны, нанесенной въ голову посторонней рукою на близкомъ разстояніи и въ стоячемъ положеніи покойнаго. На другой день послѣ обнаруженія труна, въ ночь на 10 Января, были разбросаны на улицахъ въ г. Харьковѣ и наклеены на заборахъ, печатныя объявленія слѣдующаго содержанія: «отъ Харьковской боевой дружины. Въ воскресенье по приговору исполнительнаго комитета казненъ измѣнникъ шпіонъ рабочій Федоръ Шкріоба. Лег. гим. Народной Воли. 9 Января 1884 г.»

Т. XVI л. д. 3. Т. XVI л. д. 67. Т. XVI л. д. 70. Т. XVI л. д. 41, 44 и т. XX л. 283. Т. XVI л. д. 10, 11 и 15.

По предъявленіи трупа мѣщанамъ Нухману и Софьѣ Бѣлкинымъ они, признавъ въ трупѣ бывшаго своего квартиранта рабочаго Федора Шкріобу, показали, что Шкріоба ушелъ изъ дому въ послѣдній разъ 8 Января около 11 часовъ дня, а Софья Бѣлкина къ этому объяснила, что въ означенный день часовъ въ 9 утра къ Шкріобѣ заходили два неизвѣстныхъ ей

человѣка. Розысканный впослѣдствіи одинъ изъ этихъ посѣтителей Шкріобы цеховой Михаилъ Хмара показалъ, что 8 Января утромъ онъ былъ у Шкріобы и засталъ у него какого-то неизвѣстнаго ему человѣка лѣтъ 30, который сидѣлъ, наклонивъ голову и въ его присутствіи ни о чемъ не говорилъ. Поздоровавшись съ нимъ, Хмарой, Шкріоба сказалъ ему, что скоро уходитъ изъ дому, вслѣдствіе чего онъ тотчасъ же отъ него удалился. **Т. XVI л. д. 73.**

17 Ноября 1881 г. въ девятомъ часу вечера въ четырехъ верстахъ отъ г. Воронежа, въ такъ называемомъ Песчаномъ Логу, произведено было вооруженное нападеніе на почту, слѣдовавшую изъ г. Воронежа по Землянскому почтовому тракту съ денежною корреспонденціею на сумму 2.496 р., причемъ былъ убитъ одинъ изъ сопровождавшихъ эту почту почталіоновъ—Мануйловъ. Изъ показаній спрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи почталіона Павла Солодова и ямщика Ивана Родіонова, также сопровождавшихъ означенную почту, видно, что при проѣздѣ черезъ Песчаный Логъ съ правой стороны дороги появились три человѣка, которые какъ только почта поравнялась съ ними, выстрѣлили и бросились къ нимъ въ сани. Лошади испугавшись понесли, вслѣдствіе чего Солодовъ и Мануйловъ, вмѣстѣ съ двумя напавшими на нихъ, были выброшены на ухабѣ изъ саней, третій же злоумышленникъ побѣжалъ за оставшимся въ саняхъ ямщикомъ, продолжая стрѣлять, но выстрѣлы эти не причинили никакого вреда ни ямщику, ни лошадямъ. Почта съ ямщикомъ благополучно достигла ближайшаго селенія Подклѣтнаго, гдѣ были собраны люди, которые, по прибытіи на мѣсто нападенія, нашли тамъ только одного Солодова. Когда онъ, Солодовъ, выпалъ изъ саней, то одинъ изъ нападавшихъ насѣлъ на него, вырвалъ изъ рукъ у него револьверъ, засыпалъ ему глаза нюхательнымъ табакомъ и, упершись колѣнями въ грудь, снялъ съ него ременный поясъ, которымъ связалъ ему руки. На почталіона же Мануйлова напалъ другой злоумышленникъ высокаго роста, причемъ Мануйловъ, упавъ изъ саней на землю, вскочилъ было на ноги, но тотчасъ же, страшно закричавъ, упалъ вторично. Когда выстрѣлы прекратились, Солодовъ слышалъ разговоръ злоумышленниковъ между собою: высокій совѣтовалъ убить его, Солодова, но другой, вязавшій его, не согласился, сказавъ: «не **Т. XIX л. д. 1.** **Т. XIX л. д. 4 и 6.**

надо, чортъ съ нимъ, я револьверъ у него отнялъ, а руки связалъ». Послѣ этого нападавшіе ушли по направленію къ Воронежу, а онъ, Солодовъ, направился въ противуположную сторону и увидѣлъ на дорогѣ Мануйлова, лежавшаго уже мертвымъ.

Показаніе почталіона Солодова и ямщика Родіонова о числѣ нападавшихъ злоумышленниковъ нашло себѣ подтвержденіе въ показаніяхъ свидѣтелей крестьянъ

Т. XIX л. д. 14. л. д. 105 и 106 об. Ивана Минакова, Моисея Филиппцева и Ивана Михайлова, удостовѣрившихъ, что 17 Ноября вечеромъ они видѣли, первый около восьми часовъ близъ Песчанаго Лога проходившихъ отъ г. Воронежа, а послѣдніе гораздо позже возвращавшихся въ городъ трехъ человѣкъ, похожихъ по росту и одеждѣ на описанныхъ Солодовымъ злоумышленниковъ.

Л. д. 11. По судебно-медицинскому осмотру и вскрытію трупа почталіона Мануйлова у него оказалась въ лѣвой части лица между глазомъ и ухомъ огнестрѣльная рана, проникающая чрезъ скуловую кость и глазовое вещество до основанія черепа въ задней его сторонѣ, откуда при помощи долота была извлечена, револьверная пуля. Отъ описанной раны и послѣдовала, по заключенію врача, смерть Мануйлова.

Л. д. 2. При осмотрѣ мѣстности, гдѣ было произведено нападеніе, револьверъ, отнятый у Солодова, найденъ не

Л. д. 57. былъ. Изъ увѣдомленія же управляющаго почтовою частью въ Воронежской губерніи видно, что это былъ револьверъ системы Лефоше съ выбитымъ на

Л. д. 109 и 110. немъ фабричнымъ номеромъ 84925. Впослѣдствіи, 25 Января 1885 г. въ предмѣстьи г. Воронежа Ямской Слободѣ на дворѣ дома солдатки Августины Родныхъ случайно былъ найденъ револьверъ системы Лефоше

Л. 116. съ тѣмъ же номеромъ, который почталіонъ Солодовъ, по предъявленіи ему, призналъ за отнятый у него. Показаніями допрошенныхъ по этому поводу свидѣтелей отставнаго рядоваго Ивана Мироицева, дочери его Домны, мѣщанина Ивана Ковалева и запаснаго рядоваго Карла Штольцера выяснено, что револьверъ этотъ нашелъ Ковалевъ, собирая утромъ 18-го Ноября тряпки и кости въ мусорныхъ кучахъ вблизи бѣговаго поля по дорогѣ къ Песчаному Логу.

Не смотря на принятыя мѣры, виновные въ совершеніи описанныхъ выше преступленій—вооруженныхъ нападеній на почту близъ г. Харькова и Воронежа и убійства рабочаго Шкробы—не обнаружены до 1885 года, когда при производствѣ настоящаго дознанія

нія получены были указанія на участіе въ совершеніи этихъ преступленій обвиняемыхъ: Петра Антонова, Сергѣя Иванова, Петра Елько, Василія Вольнова, Евгенія Кузина и Василія Ливадина, а также было установлено, что преступленія эти были совершены упомянутыми лицами для достиженія преступныхъ цѣлей партіи «Народной Воли».

Преступная дѣятельность поименованныхъ выше обвиняемыхъ выразилась въ нижеслѣдующемъ:

19-го Декабря 1883 года въ г. Кіевѣ на улицѣ былъ задержанъ студентъ университета Св. Владиміра Евгеній Дорожинскій, при которомъ оказалась шкатулка съ типографскимъ шрифтомъ вѣсомъ свыше одного пуда. Т. XXVII л.2 и 3. Т. XXVII л.22 и 25.

Спрошенный по этому поводу Дорожинскій объяснилъ, что шкатулку передалъ ему 1-го или 2-го Декабря товарищъ его по 3-й Кіевской гимназіи, также студентъ университета Св. Владиміра, Петръ Андреевъ Елько и что по тяжести этой шкатулки онъ, Дорожинскій, догадывался о томъ, что въ ней заключается; убѣдился же, что въ ней находится типографскій шрифтъ, лишь послѣ его задержанія, при вскрытіи шкатулки въ полицейскомъ участкѣ. Къ этому обвиняемый Дорожинскій добавилъ, что Петръ Елько вмѣстѣ съ студентомъ Лапо снабжали его для чтенія революціонными изданіями «Народная Воля», «Черный передѣлъ», «Зерно» и другими. Т. XXVII л. 23, 27.

Въ виду изложеннаго Петръ Елько былъ привлеченъ 21 Декабря 1883 года въ качествѣ обвиняемаго въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 250 ст. Улож. о наказ., но 23 того же Декабря скрылся изъ г. Кіева. Т. XXVII л. 29. об. Т. XXVII л. 34.

Въ слѣдующемъ 1884 году, при производствѣ въ Харьковѣ дознанія о мѣстномъ революціонномъ кружкѣ, показаніями спрошенныхъ по этому дѣлу студентовъ Меришкина и Сиземскаго было установлено, что Петръ Елько проживалъ у нихъ подъ именемъ Владиміра Николаевича; затѣмъ въ концѣ того же года въ числѣ шифрованныхъ замѣтокъ, отобранныхъ при обыскѣ у обвиняемаго Германа Лопатина, была обнаружена запись слѣдующаго содержанія: «Харьковъ разслѣдовать Всеволода Гончарова . . . . . и Владиміра Елько». об. Т. XIV л. 58. л. 32.

9-го Февраля 1885 года Петръ Елько былъ задержанъ въ С.-Петербургѣ на вокзалѣ Николаевской желѣзной дороги подъ именемъ Ставропольскаго купеческаго сына Павла Игнатьева Чумилина, пред- Т. XIV л. д. 2.

ставившаго въ удостовѣреніе своей личности свидѣтельство на это имя, выданное изъ Ставропольской городской управы за № 2081.

По обыску назвавшагося Чумилинымъ при немъ, между прочимъ, были найдены: а) памятная книжка, въ которой оказались шифрованныя замѣтки и рисунки, повидимому, разрывныхъ снарядовъ, б) ключъ къ шифрованнымъ записямъ, в) двѣ отдѣльныя шифрованныя записки, г) клочекъ бумаги, пропитанный воскомъ съ рисункомъ печати Рязанскаго дворянскаго депутатскаго собранія, д) свидѣтельство Харьковской духовной консисторіи за № 6067, на имя сына священника Ивана Лебединцева, е) клочекъ бумаги, на которомъ изложена замѣтка карандашемъ, начинающаяся словами: «Рабоч . . . . . шрифтъ крупный» и ж) маленькая спираль Румкорфа съ двумя парами цинковыхъ гальваническихъ элементовъ. По возбужденіи дознанія назвавшійся первоначально Павломъ Чумилинымъ признавъ себя Мозырскимъ мѣщаниномъ Петромъ Андреевымъ Елько, бывшимъ студентомъ университета Св. Владиміра и на допросѣ въ качествѣ *обвиняемаго* показалъ, что къ организаціи исполнительнаго комитета партіи «Народной Воли» онъ не принадлежитъ, но признаетъ программу исполнительнаго комитета, выработанную въ 1879 году, и признаетъ себя агентомъ названной партіи, считая принадлежность свою къ ней съ Апрѣля 1884 г., когда у него завязались опредѣленныя сношенія съ лицами, завѣдомо для него принадлежащими къ означенному преступному сообществу. Со времени своего перехода на такъ называемое нелегальное положеніе онъ занимался пропагандой среди рабочихъ и интеллигентной молодежи, а также исполнялъ разныя порученія партіи, имѣвшія цѣлью установленіе революціонныхъ связей и снабженіе нелегальной литературой, для чего онъ разъѣзжалъ по разнымъ городамъ, предъявляя въ удостовѣреніе своей личности, гдѣ это требовалось, подложные паспорты на разные имена. Въ Петербургъ онъ пріѣхалъ лишь дня за три до ареста, а именно 6-го Февраля, съ цѣлью завести сношенія съ мѣстными революціонными дѣятелями, для чего имѣлъ свиданія съ Маріей Емельяновой и Иваномъ Поповымъ, которыхъ отыскалъ по данной ему явкѣ. Съ Емельяновой онъ видѣлся три раза и объяснялся съ ней главнымъ образомъ о положеніи революціонныхъ дѣлъ въ Петер-

бургѣ, но основательныхъ свѣдѣній объ этомъ отъ него получить не могъ.

По поводу отобранныхъ при задержаніи переписки и нѣкоторыхъ вещей Петръ Елько объяснилъ, что откуда онъ получилъ свидѣтельства на имя Павла Чумилина и Ивана Лебединцева, сказать не желаетъ, равно какъ не желаетъ объяснить значеніе оказавшихся въ его книжкѣ шифрованныхъ записей. Что же касается до рисунковъ разрывныхъ снарядовъ, помѣщенныхъ въ той же книжкѣ, то таковые, по его объясненію, были едѣланы имъ безъ всякой цѣли, подъ вліяніемъ прочитанныхъ имъ книгъ о разрывныхъ снарядахъ. Т. XIV л. 13,32.

По предъявленіи отобраннаго у Петра Елько гальваническаго аппарата, рисунковъ карандашемъ, сдѣланныхъ въ записной его книжкѣ, и одного изъ разрывныхъ снарядовъ, отобранныхъ у Германа Лопатина, эксперту профессору Михайловской артиллерійской академіи генералъ-маіору Ѳедорову, послѣдній, по предварительномъ испытаніи гальваническаго аппарата въ химической лабораторіи, далъ заключеніе, что какъ цѣлый гальваническій аппаратъ, такъ и отдѣльно сами элементы пригодны для воспламененія гальваническихъ запаловъ и что рисунки въ записной книжкѣ Петра Елько напоминаютъ довольно близко наружный видъ и вертикальный разрѣзъ разрывнаго снаряда. Рисунокъ же въ записной книжкѣ, изображающій колѣнчатую трубочку, представляетъ снимокъ съ стекляпной трубочки, которая въ разрывномъ снарядѣ Лопатина была наполнена сѣрной кислотой и обмотана пироксилиномъ, пропитаннымъ бертолетовою солью и имѣла назначеніе служить для воспламененія снаряда отъ удара при паденіи. Т. XIV л. 56.

На послѣдовавшемъ затѣмъ допросѣ обвиняемый Петръ Елько показалъ, что первое его знакомство съ революціонной средой началось съ 7 класса гимназіи, а затѣмъ продолжалось въ бытность его студентомъ Кіевскаго университета, когда онъ вступилъ въ болѣе близкія отношенія съ находившимися въ то время въ Кіевѣ членами революціонной партіи. Вскорѣ онъ былъ кѣмъ то оговоренъ при производствѣ дознанія, вслѣдствіе чего долженъ былъ перейти на нелегальное положеніе и уѣхать въ Харьковъ, гдѣ познакомился съ умершимъ впослѣдствіи Владиміромъ Бычковымъ и осужденнымъ за государственное преступленіе Немоловскимъ. Въ Харьковѣ Л. 31, 32, 87, 89.

онъ, Елько, занимался нѣкоторое время пропагандой среди рабочихъ, а затѣмъ въ концѣ Августа 1883 года уѣхалъ къ своимъ знакомымъ. Въ Октябрѣ того же года, онъ снова отправился по вызову революціонныхъ дѣятелей въ Харьковъ, гдѣ въ первый разъ встрѣтился съ Сергѣемъ Дегаевымъ, который поручилъ ему отправиться въ Москву, не объяснивъ при этомъ цѣли поѣздки. Согласно этому порученію онъ отправился первоначально въ Кіевъ, гдѣ нужно было взять деньги, а затѣмъ поѣхалъ въ Петербургъ къ Дегаеву. Здѣсь Дегаевъ измѣнилъ свое первоначальное предположеніе и оставилъ его въ Петербургѣ, гдѣ онъ и поселился по 3-й улицѣ Песковъ по документу на имя дворянина Василія Акимовича Саченко-Сакуна. Проживая въ это время въ Петербургѣ, онъ видѣлся съ Степаномъ Росси, Сергѣемъ Дегаевымъ и съ именовавшейся Татьяной Голубевой, которая ему была извѣстна подъ именемъ «Маріи Николаевны». Кромѣ этихъ лицъ онъ видѣлся въ тотъ же періодъ времени съ Петромъ Якубовичемъ, Константиномъ Степуринымъ, Петромъ Мануйловымъ и Сергѣемъ Ивановымъ. Около того же времени въ Петербургѣ совершено было убійство подполковника Судейкина, но въ этомъ преступленіи онъ никакого участія не принималъ и узналъ о немъ уже послѣ его совершенія. Дѣятельность его, Елько, въ означенное время ограничивалась приведеніемъ въ порядокъ, по порученію Дегаева, революціоннаго паспортнаго бюро. Послѣ убійства Судейкина онъ сначала предполагалъ остаться въ Петербургѣ, но затѣмъ получилъ письмо съ юга, въ которомъ его просили пріѣхать для пропаганды среди рабочихъ въ Ростовъ на Дону, куда онъ и отправился, насколько припоминаетъ, 29 Декабря. Въ Ростовѣ на Дону онъ прожилъ приблизительно до Сентября мѣсяца 1884 года частію безъ прописки, частію по документу на имя дворянина Константина Леонидовича Чмырева. Въ это время на югѣ устраивалась южно-русская революціонная типографія для печатанія десятаго номера газеты «Народная Воля». Для этой типографіи онъ, Елько, привезъ изъ Харькова типографскій шрифтъ, чѣмъ, впрочемъ, и ограничилось участіе его въ ея устройствѣ. Спустя нѣкоторое время онъ переѣхалъ изъ Ростова въ Харьковъ, гдѣ узналъ объ арестѣ Германа Лопатина, вслѣдствіе чего поспѣшилъ обратно въ Ростовъ на Дону,

чтобы предупредить о возможности арестовъ въ этомъ городѣ; но, пріѣдя въ квартиру Генріетты Добрускиной, узналъ, что она уже арестована, почему на другой же день поспѣшилъ съ указанною выше цѣлью въ г. Луганскъ, но и здѣсь вслѣдствіе произведенныхъ уже арестовъ, ни съ кѣмъ не могъ увидѣтся. Не находя возможнымъ оставаться въ Луганскѣ, онъ отправился въ Кіевъ. Въ это послѣднее время онъ какъ въ Луганскѣ, такъ и въ Харьковѣ и Кіевѣ проживалъ по документамъ на имя дворянъ Павла Сергѣева Стасова и Поціоры. Затѣмъ изъ Кіева, по документу на имя сына священника Андрея Иванова Боборыкина онъ поѣхалъ въ Одессу съ цѣлью добыть денегъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, повидаться съ мѣстными дѣятелями, но, недостигши цѣли, возвратился въ Харьковъ, гдѣ проживъ дня два, отправился въ началѣ Января 1885 года въ Москву, куда былъ приглашенъ для совѣщаній по поводу направленія «дѣла съ рабочими», а изъ Москвы въ скоромъ времени поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и былъ арестованъ. Во время своей революціонной дѣятельности онъ, Елько, проживалъ по большей части въ Харьковѣ подъ разными именами, и между прочимъ Савича, Игнатовича и Дончича. По провѣркѣ этого показанія подтвердилось, что Елько дѣйствительно проживалъ по документу дворянина Павла Сергѣевича Стасова, выданному Таганрогскимъ полицейскимъ управленіемъ 14 Іюня 1884 года за № 8036 въ г. г. Луганскѣ, Кіевѣ и Харьковѣ, какъ это обнаружено, во 1-хъ, осмотромъ домовыхъ книгъ Донецкой гостиницы въ г. Луганскѣ, Національной гостиницы въ Кіевѣ и гостиницы Франція въ Харьковѣ, и, во 2-хъ, показаніемъ свидѣтеля служителя Донецкой гостиницы крестьянина Лаптева. Въ то же время осмотромъ домовыхъ книгъ меблированныхъ комнатъ «Свѣтъ» въ Москвѣ и гостиницы «Лувръ» въ Одессѣ, а равно и допросомъ свидѣтелей крестьянина Широкаго и мѣщанина Вейнрейна, служившихъ въ означенныхъ гостиницахъ, установлено, что Елько проживалъ въ этихъ городахъ по документу, выданному изъ Орловской духовной консисторіи 5 Іюня 1880 года за № 5371 на имя сына священника Андрея Иванова Боборыкина. Показаніями свидѣтелей вдовы врача Варвары Щербаковой и отставнаго Маіора Степана Ростовцева установлено проживаніе Елько въ Харьковѣ и Ростовѣ на Дону подъ именемъ сына коллежскаго ассесора Константина Леонидовича Чмырева, по

Т. XIV л. 140, 141, 185, 201 и 244,

Л. 131, 175, 174, 200 и 201 Т. XIV.

документу курскаго полицейскаго управленія отъ 18 Декабря 1883 года за № 5809 и подъ именемъ сына священника Николая Никодимова Савича, по свидѣтельству Могилевской духовной консисторіи отъ 17 Февраля 1880 года за № 187. По собраннымъ отъ подлежащихъ учрежденій свѣдѣніямъ, упомянутые документы на имя Стасова, Чмырева, Чумплина, Савича и другихъ лицъ, а равно и отобранный у него по обыску документъ на имя сына священника Ивана Лебединцева оказались подложными.

Л. 67, 170, 229 и др.

Спрошенные въ виду показаній Петра Елько обвиняемая Генріетта Добрускина и мѣщанинъ Петръ Мануйловъ признали въ предъявленной имъ карточкѣ его лицо, извѣстное имъ подъ именемъ «Владиміра Николаевича». Добрускина показала при этомъ, что встрѣчалась съ Елько въ Ростовѣ на Дону по разнымъ революціоннымъ дѣламъ, но давать ближайшія по этому предмету объясненія отказалась, а Мануйловъ объяснилъ, что видѣлся съ Елько на сходкѣ, бывшей въ Петербургѣ въ 20 числахъ Декабря 1883 года. Свидѣтельница Пелагея Щербакова, на квартирѣ у которой Елько жилъ въ 1883 году въ Петербургѣ подъ именемъ Саченко, признала въ фотографическихъ карточкахъ Сергѣя Дегаева, Степана Росси и Константина Степурина сходство съ тѣми лицами, которыя посѣщали Петра Елько въ означенное время.

Л. 127 и 128.

Л. 70 и 152.

Т. XIV л. д. 33, 87 и 235.

По разслѣдованіи вышеизложенныхъ обстоятельствъ, спрошенный о подробностяхъ своей революціонной дѣятельности на югѣ, въ особенности же въ Харьковѣ, обвиняемый Петръ Елько показалъ, что во время двукратнаго покушенія на ограбленіе почты во второй половинѣ Октября 1883 года подъ городомъ Харьковомъ онъ жилъ въ этомъ городѣ и принималъ непосредственное участіе вмѣстѣ съ другими лицами въ одномъ изъ этихъ покушеній. Всѣхъ покушеній на ограбленіе почты подъ Харьковомъ въ указанное время было, по объясненію Елько, три: первое, насколько ему помнится, 17 Октября, а послѣднее 24 Октября. Изъ этихъ покушеній только два—первое и послѣднее были дѣломъ людей, принадлежащихъ къ революціонной партіи, а второе совершено, вѣроятно, обыкновенными «преступниками». Въ первомъ покушеніи на ограбленіе почты онъ участія не принималъ и узналъ о немъ лишь послѣ втораго покушенія, произведеннаго при его непосредственномъ участіи. Къ участію въ послѣднемъ преступленіи его пригласилъ Яковъ Бер-

дичевскій, найденный убитымъ на мѣстѣ нападенія. Кромѣ его и Бердичевскаго въ этомъ покушеніи принимали участіе осужденные впослѣдствіи Кіевскимъ военнымъ судомъ Василій Пашкратьевъ и именовавшій себя Аполлинаріемъ Борисовичемъ; имена же остальныхъ участниковъ онъ объявить не желаетъ. На мѣсто нападенія на почту онъ пришелъ одинъ около 10 часовъ вечера и встрѣтилъ тамъ своихъ товарищей. Когда почтовая повозка поравнялась съ ними, сопровождавшимъ почту было предложено остановиться, но въ отвѣтъ на это требованіе ихъ раздался свистокъ, а затѣмъ выстрѣлъ со стороны сопровождавшихъ почту. Нападавшіе также отвѣчали выстрѣлами. Сколько всего было сдѣлано выстрѣловъ, онъ, Елько, не знаетъ, но самъ лично выстрѣлилъ три раза. Послѣ перестрѣлки нападавшіе потеряли другъ друга и онъ, Елько, возвратился домой одинъ часа въ два ночи. Судя по крикамъ во время происшествія онъ предположилъ, что кого-то изъ нападавшихъ задержали; впослѣдствіи же узналъ, что былъ задержанъ Бердичевскій, который въ моментъ задержанія лишилъ себя жизни выстрѣломъ изъ револьвера. Въ заключеніе Елько объяснилъ, что, давъ согласіе принять участіе въ ограбленіи почты, онъ былъ убѣжденъ, что нападеніе предпринимается не по иниціативѣ отдѣльнаго лица или даже мѣстной группы, а отъ имени и съ вѣдома «исполнительнаго комитета». По предъявленіи фотографической карточки Сергѣя Иванова обвиняемый Елько показалъ что Сергѣй Ивановъ, извѣстный среди революціонеровъ подъ именемъ «Василія Алексѣевича», — познакомился съ нимъ въ Харьковѣ черезъ Якова Бердичевскаго и выдавалъ себя за агента исполнительнаго комитета, въ рукахъ котораго были сосредоточены сношенія между исполнительнымъ комитетомъ и Харьковской революціонной организаціей. Въ объясненіяхъ съ нимъ, Елькою, и его товарищами Сергѣй Ивановъ обыкновенно настаивалъ на исключительно террористической дѣятельности, убѣждая постоянно въ цѣлесообразности и законности, съ точки зрѣнія революціонной партіи, убійствъ и грабежей. Съ первыхъ же дней знакомства съ нимъ Сергѣй Ивановъ доказывалъ необходимость ограбленія почты для пріобрѣтенія матеріальныхъ средствъ, а затѣмъ занялся организованіемъ и самаго нападенія на почту подъ Харьковомъ. Въ числѣ другихъ и онъ, Елько, получилъ отъ Сергѣя Иванова предложеніе принять участіе въ ограбленіи, на что и

изъявилъ согласіе, считая себя къ тому обязаннымъ, въ силу отношеній своихъ къ революціонной партіи. Наканунѣ втораго нападенія на почту, произведеннаго 24 Октября 1883 года, Сергѣй Ивановъ и Яковъ Бердичевскій пришли къ нему на квартиру и, объявивъ о томъ, что нападеніе на почту назначено на слѣдующій день, предложили ему явиться въ указанное мѣсто на большой дорогѣ въ пяти или шести верстахъ отъ Харькова. Всѣхъ грабителей было, по объясненію Елько, пять или шесть человѣкъ, въ числѣ которыхъ находились и неизвѣстные ему рабочіе. Самого Сергѣя Иванова на мѣстѣ преступленія не было; онъ оставался въ своей квартирѣ въ Харьковѣ и ждалъ извѣстій объ исходѣ нападенія. Во время перестрѣлки, когда раздались крики: «бѣги», онъ, Елько, какъ было сказано выше, убѣжалъ домой, а утромъ къ нему пришелъ Сергѣй Ивановъ, отъ котораго онъ узналъ, что нападеніе отбито и что во время схватки Яковъ Бердичевскій былъ кѣмъ то задержанъ и, не желая отдаться живымъ, застрѣлился. Первое нападеніе на почту, произведенное 17-го Октября, какъ извѣстно ему. Елько, было также организовано Сергѣемъ Ивановымъ и окончилось неудачно, какъ и второе. Еще до нападенія на почты между нимъ и Сергѣемъ Ивановымъ состоялось соглашеніе, что въ случаѣ если удастся ограбить почту, денежная корреспонденція будетъ принесена къ нему, Елько, на квартиру.

Участіе обвиняемаго Сергѣя Иванова въ организованіи вооруженныхъ нападеній на почту подтвердилъ и спрошенный при дознаніи мѣщанинъ Филиппъ Зенинъ, изъ показанія котораго видно, что незадолго до нападенія на почту Сергѣй Ивановъ, котораго онъ зналъ подъ именемъ Василія Алексѣевича, прислалъ ему записку, въ которой приглашалъ его пріѣхать и привести съ собою револьверъ. Не успѣвъ повидаться съ Сергѣемъ Ивановымъ по поводу этого приглашенія, не заставъ его въ условленномъ мѣстѣ на квартирѣ акушерки Шейны Карпъ, онъ встрѣтился съ нимъ уже гораздо позже, при чемъ Сергѣй Ивановъ сообщилъ ему, что было совершено нападеніе на почту и упрекнулъ его въ томъ, что онъ не розыскалъ его, такъ какъ на участіе его, Зенина, расчитывали.

Т. XX л. д. 457.

Т. XIV л. д. 61, 130, 255.

Въ послѣдующихъ показаніяхъ обвиняемый Елько, давая объясненія о своей жизни въ Петербургѣ во время убійства подполковника Судейкина, между прочимъ показалъ, что 19 или 20 Декабря 1883 года онъ

видѣлся съ только что пріѣхавшимъ тогда въ Петербургъ Сергѣемъ Ивановымъ, который объявилъ ему о необходимости ѣхать въ Харьковъ и подыскать тамъ пригодное лицо для исполненія распоряженія исполнительнаго комитета объ убійствѣ желѣзнодорожнаго рабочаго мѣщанина Ѳедора Шкріобы, заподозрѣннаго въ сношеніяхъ съ полиціей. Кромѣ этого, Сергѣй Ивановъ лично отъ себя приказалъ ему подготовить одновременно и убійство въ Харьковѣ жандармскаго подполковника Сазонова, поручивъ при этомъ прислать ему условную телеграмму объ исполненіи этихъ приказаній. Вслѣдствіе этого онъ, Елько, по дорогѣ въ Ростовъ на Дону, куда былъ приглашенъ, какъ объяснено выше, для занятій съ рабочими, заѣхалъ въ Харьковъ и словесно передалъ приказаніе «исполнительнаго комитета», а затѣмъ набросалъ форму прокламаціи, въ заголовкѣ которой поставилъ «отъ Харьковской боевой дружины», но не отъ исполнительнаго комитета, какъ это было у нихъ принято. Измѣненіе это онъ сдѣлалъ по желанію членовъ партіи, выраженному ему въ Петербургѣ. Послѣ составленія проекта прокламаціи имъ было пріискано лицо, согласившееся выполнить порученіе исполнительнаго комитета относительно убійства Шкріобы. Усмотрѣнію этого лица имъ былъ предоставленъ и выборъ плана убійства. Первоначально убійца предполагалъ совершить это преступленіе въ центрѣ города холоднымъ оружіемъ, вызвавши его въ условленное мѣсто для свиданія, но Шкріоба на это свиданіе не явился и потому убійца условился увидѣться съ нимъ, Елько, на слѣдующій день въ 12 часовъ, чтобы переговорить о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Явившись вслѣдствіе этого къ упомянутому лицу на свиданіе, онъ, Елько, неожиданно узналъ отъ него, что Шкріоба уже убитъ имъ за городомъ около Сабуровой дачи выстрѣломъ изъ револьвера и что смерть Шкріобы послѣдовала мгновенно. Ко всему этому Елько добавилъ, что еще до пріѣзда Сергѣя Иванова въ Петербургъ онъ слышалъ отъ Сергѣя Дегаева, что Ѳедоръ Шкріоба доносилъ властямъ на нѣкоторыхъ рабочихъ. Сообщая объ этомъ, Дегаевъ тогда же поручилъ ему, Елько, написать о томъ въ Харьковъ и предупредить мѣстныхъ членовъ партіи о преждевременности по отношенію къ Шкріобѣ какихъ либо рѣшительныхъ мѣръ.

1-го Мая 1885 года въ г. Харьковѣ, вслѣдствіе установленнаго наблюденія, былъ задержанъ на улицѣ

Приложеніе 24.

мѣщанинъ г. Николаева Петръ Леонтьевъ Антоновъ, назвавшійся при задержаніи студентомъ Яковлевымъ, проживавшій въ послѣднее время въ Харьковѣ по документу на имя почетнаго гражданина Николая Антонова Малинина, въ домѣ № 8 по Еленской улицѣ, вмѣстѣ съ казненнымъ впослѣдствіи государственнымъ преступникомъ Сауломъ Лисянскимъ. По обыску, произведенному въ то же время въ квартирѣ Лисянскаго и Антонова, между прочимъ, были найдены: революціонныя изданія, типографскія принадлежности, пять револьверовъ, кинжалы и четыре разрывные снаряда. По доставленіи въ С.-Петербургъ Петръ Антоновъ былъ привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго къ настоящему дознанію и на допросѣ показалъ, что онъ принадлежитъ къ революціонному сообществу, присвоившему себѣ названіе партіи «Народной Воли», и что принадлежность эта выразилась въ исполненіи имъ разныхъ преступныхъ порученій, которыя онъ получалъ отъ лицъ, руководящихъ дѣйствіями этой партіи. Первое его знакомство съ революціонными дѣятелями относится къ началу 1882 года, когда, живя въ г. Полтавѣ, онъ вошелъ въ сношенія съ мѣстнымъ революціоннымъ кружкомъ, во главѣ котораго въ то время стоялъ Яковъ Бердичевскій, оказавшій рѣшительное вліяніе на вступленіе его въ революціонную дѣятельность. Изъ Полтавы онъ скоро переѣхалъ на жительство въ Харьковъ съ намѣреніемъ работать тамъ въ мастерскихъ исключительно съ революціонной цѣлью, для чего при отъѣздѣ изъ Полтавы былъ снабженъ Бердичевскимъ соотвѣтственными рекомендаціями. Въ это время онъ познакомился въ Харьковѣ съ извѣстной государственной преступницей Вѣрой Фигнеръ, которая снабдила его деньгами и поручила ему отправиться въ г. Одессу къ какому-то лицу, принадлежавшему къ революціонной партіи и именовавшемуся «Периклом». Перикла, подъ именемъ котораго, по предположенію Антонова, въ Одессѣ былъ извѣстенъ Сергѣй Дегаевъ, онъ не нашелъ, такъ какъ послѣдній въ то время уже былъ арестованъ. Пробывъ въ Одессѣ недѣли три и не имѣя ни знакомыхъ, ни работы, онъ отправился на станцію Люботинъ Харьково-Николаевской желѣзной дороги и поступилъ тамъ рабочимъ въ мастерскія, гдѣ прожилъ до Апрѣля 1883 года и затѣмъ уѣхалъ въ Ростовъ на Дону. Въ Люботинѣ онъ Антоновъ застали организованный между рабочими революціонный кружокъ,

Т. XX л. 118 и 119.

приблизительно человѣкъ изъ восьми, къ которому примкнулъ и самъ. Кружокъ этотъ, состоявшій подъ руководствомъ осужденныхъ впослѣдствіи за государственныя преступленія Немоловскаго и Василія Иванова, занимался пропагандой революціонныхъ идей и распространеніемъ революціонныхъ изданій среди рабочихъ и крестьянъ. Въ отсутствіе его изъ Люботина многіе члены кружка были арестованы и были предприняты розыски его, Антонова, вслѣдствіе чего онъ вскорѣ перешелъ на нелегальное положеніе, назвался «Кирилломъ» и подъ этимъ именемъ вступилъ въ революціонную среду. Состоя членомъ Люботинскаго революціоннаго кружка, онъ получалъ отъ Немоловскаго и Василія Иванова, а частью и отъ другихъ лицъ, разныя революціонныя изданія, которыя были читаемы на сходкахъ рабочихъ, собиравшихся или у него, Антонова, на квартирѣ, или же въ лѣсу возлѣ станціи. На сходкахъ онъ знакомилъ, между прочимъ, рабочихъ съ существованіемъ и направленіемъ революціонной партіи и исполнительнаго комитета и предлагалъ имъ дѣлать денежныя пожертвованія на нужды партіи, а эти взносы давалъ Василію Иванову. Т. XX л. 8,306.

По предъявленіи показаній Петра Елько объ убійствѣ Ѳедора Шкріобы и замѣтки, найденной въ запискахъ обвиняемаго Германа Лопатина: «Кирилло—Шкрёба», обвиняемый Петръ Антоновъ показалъ, что исполнителемъ порученія революціоннаго комитета объ убійствѣ рабочаго Ѳедора Шкріобы былъ онъ, Антоновъ, и что порученіе это было передано ему Петромъ Елько, извѣстнымъ въ революціонной партіи подъ именемъ «Владиміра Николаевича»; самое же убійство было совершено имъ однимъ 8-го Января 1884 года около часа дня, за городомъ, не доходя до Сабуровой дачи. Встрѣтивъ въ этотъ день Шкріобу на Сумской улицѣ и узнавъ отъ него, что онъ идетъ на Сабурову дачу, Антоновъ отправился вмѣстѣ съ нимъ и, выйдя въ поле, пропустилъ его немного впередъ, а затѣмъ выстрѣлилъ сзади изъ револьвера въ голову Шкріобѣ, который и упалъ моментально мертвымъ. Т. XX л. 9.

На слѣдующихъ допросахъ обвиняемый Антоновъ объяснилъ, что онъ участвовалъ также въ числѣ другихъ лицъ въ двухъ покушеніяхъ на ограбленіе почты подъ г. Харьковомъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1883 года. Въ первомъ нападеніи на почту 17-го Октября участвовало, кромѣ него, три лица: покойный Яковъ

Бердичевскій и осужденные Кіевскимъ военнымъ судомъ Василій Панкратьевъ и Николай Мартыновъ (онъ же Аполлинарій Борисевичъ). Во второмъ нападеніи, имѣвшемъ мѣсто черезъ недѣлю послѣ перваго, участвовало семь человѣкъ и въ томъ числѣ тѣ же Панкратьевъ, Мартыновъ и Яковъ Бердичевскій, Всеволодъ Гончаровъ и Петръ Елько. Кромѣ этихъ двухъ нападеній онъ, обвиняемый, принималъ участіе въ покушеніи на ограбленіе почты подъ Воронежомъ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 1884 года, при чемъ былъ убитъ почталіонъ; всѣхъ участниковъ этого послѣдняго преступленія было трое, но назвать ихъ онъ не желаетъ. Сверхъ участія въ означенныхъ преступленіяхъ, онъ, вмѣстѣ съ нелегальнымъ Михаиломъ и его сожительницей Руней, принималъ участіе въ работахъ тайной революціонной типографіи, устроенной въ г. Ростовѣ на Дону въ квартирѣ названныхъ Михаила и Руни; но изъ этой типографіи, въ которой былъ напечатанъ № 10 «Народной Воли», онъ былъ

Т. XX л. 10, 11. удаленъ «Василіемъ Алексѣевичемъ» и «Михаиломъ».

Будучи спрошенъ относительно разрывныхъ снарядовъ и другихъ предметовъ, найденныхъ въ общей ихъ съ Лисянскимъ квартирѣ, Антоновъ объяснилъ, что участія въ приготовленіи этихъ снарядовъ онъ не принималъ, но таковые были переданы ему на улицѣ, приблизительно за недѣлю до ареста, однимъ изъ членовъ партіи, неизвѣстнымъ ему по имени и фамиліи. Снаряды эти были приняты имъ, Антоновымъ, только на храненіе, но ни ему, ни Лисянскому не было предоставлено права распорядиться ими въ какомъ бы то ни было направленіи.

Изложенныя показанія обвиняемаго Петра Антонова объ участіи въ нападеніяхъ на почту и въ убійствѣ рабочаго Шкріобы вполнѣ подтверждаются показа-

Л. д. 25. ніями обвиняемыхъ Ивана Гейера и Петра Елько и свидѣтеля Михаила Хмары, изъ которыхъ Елько удо-

Т. XIV л. 206. стовѣрилъ, что Петръ Антоновъ есть то самое лицо, которому онъ передалъ порученіе исполнительнаго

Т. XX л. 371. комитета объ убійствѣ Шкріобы, а Михаилъ Хмара призналъ въ Петрѣ Антоновѣ большое сходство съ тѣмъ человѣкомъ, котораго онъ видѣлъ у покойнаго Шкріобы въ день убійства послѣдняго въ 11 часу утра.

По предъявленіи Антонову вещей, оставшихся на мѣстѣ нападенія на почту подъ г. Харьковомъ 24 Окт-

бря 1883 г., онъ призналъ изъ ихъ числа за принадлежащія ему, Антонову, полушубокъ и бичевки; послѣднія, по его словамъ, были протянуты между нимъ и Бердичевскимъ для подачи сигнала къ нападенію на почту. Т. XX л. 337.

Послѣ задержанія обвиняемаго Петра Антонова было получено въ г. Харьковѣ 5 Мая 1885 года изъ Ростова на Дону письмо, адресованное на имя несуществующаго въ мѣстномъ ветеринарномъ институтѣ студента Наумова. Письмо это оказалось написаннымъ частью шифромъ, а частью между строкъ химическими чернилами. Въ шифрованныхъ частяхъ этого письма, между прочимъ говорится слѣдующее: «сдѣлалъ ли Кириллъ рамку и валы? Ѳедоръ тутъ распространилъ на счетъ меня сплетни, но Антонъ его обрѣзалъ..... я предлагалъ его примостить здѣсь къ чему нибудь, но Антонъ не согласился». Т. XX л. 28 и 104.

Въ виду полученныхъ свѣдѣній, что подъ именемъ Антона, о которомъ упоминается въ приведенномъ письмѣ, подразумѣвался проживающій въ Ростовѣ на Дону Антонъ Петровъ Остроумовъ, поддерживавшій связи съ политически-неблагонадежными лицами въ Воронежѣ, было сдѣлано распоряженіе о привлеченіи Остроумова къ дѣлу въ качествѣ обвиняемаго. На допросѣ при дознаніи Антонъ Остроумовъ, по предъявленіи ему карточки Петра Антонова, показалъ, что онъ признаетъ въ ней нѣкоего Ивана Петровича, съ которымъ онъ познакомился въ Ростовѣ осенью 1884 г. Вскорѣ послѣ перваго знакомства Иванъ Петровичъ или Антоновъ заявилъ ему о томъ, что онъ желалъ бы получить должность при желѣзной дорогѣ, для чего и намѣренъ отправиться въ Воронежъ. Вслѣдствіе этого онъ, Остроумовъ, далъ ему въ этотъ городъ рекомендательное письмо къ знакомому своему слесарю Виталію Кудряшову, служившему въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Спрошенный въ виду сего Виталій Кудряшовъ, признавъ въ Петрѣ Антоновѣ кузнеца Ивана Павловича, пріѣзжавшаго къ нему осенью 1884 г. отъ Антона Остроумова, показалъ, что Антоновъ прожилъ въ его квартирѣ недѣли двѣ, но такъ какъ онъ, Кудряшовъ, по большой части отсутствовалъ по службѣ изъ дому, то и не можетъ сообщить никакихъ свѣдѣній объ образѣ жизни Антонова въ Воронежѣ, знаетъ лишь что Антоновъ находился часто въ обществѣ проживавшаго въ то время съ нимъ, Кудряшовымъ, на одной квартирѣ Сергѣя Кузина,

Т. XX л. 48, 150. который тогда былъ также безъ службы и вмѣстѣ съ Антоновымъ ходилъ искать себѣ занятій.

Спрошенный затѣмъ Петръ Антоновъ, выразивъ желаніе дать вполнѣ правдивое показаніе по дѣлу о нападеніи на почту подъ Воронежомъ, объяснилъ, что въ нападеніи этомъ участвовали вмѣстѣ съ нимъ Сергѣй Кузинъ и приведенный этимъ послѣднимъ для этой же цѣли неизвѣстный ему молодой человѣкъ, котораго онъ болѣе никогда не встрѣчалъ. Мысль о нападеніи на почту подъ г. Воронежомъ возникла у него, Антонова, еще въ Ростовѣ на Дону, при слѣдующихъ обстоятельствахъ: осенью 1884 г. онъ видѣлся тамъ съ «Василіемъ Алексѣевичемъ» (Сергѣй Ивановъ), который ранѣе былъ ему извѣстенъ въ Харьковѣ какъ лицо, руководившее революціонною дѣятельностью. Сергѣй Ивановъ тогда же послалъ его изъ Ростова въ Воронежъ для пріисканія себѣ мѣста, съ тѣмъ, чтобы, если это не удастся, онъ, Антоновъ, занялся вопросомъ о томъ, нельзя ли будетъ тамъ организовать нападеніе на почту; при этомъ Сергѣй Ивановъ указалъ ему, Антонову, на Сергѣя Кузина, какъ на человѣка, которому можно довѣриться. Въ то же время отъ Антона Остроумова онъ, обвиняемый, узналъ, что Кузинъ живетъ въ Воронежѣ вмѣстѣ съ Виталіемъ Кудряшовымъ, вслѣдствіе чего, по пріѣздѣ въ Воронежъ, онъ отыскалъ квартиру Кудряшова и, заставъ тамъ Сергѣя Кузина, прожилъ съ нимъ недѣли три. Неоднократно бесѣдуя въ теченіи этого времени съ Кузинымъ, онъ, Антоновъ, сообщилъ ему о своемъ предположеніи ограбить почту; Кузинъ изъявилъ согласіе принять участіе въ ограбленіи и взялся отыскать третьяго участника. Затѣмъ по поводу обстоятельствъ, при которыхъ произошло самое покушеніе на ограбленіе почты, Антоновъ показалъ, что, отправляясь къ мѣсту нападенія, такъ называемому Песчаному Логу, они взяли съ собой нюхательнаго табаку, чтобы засыпать почталіонамъ глаза и тѣмъ устранить возможность сопротивленія. Когда почта подъѣхала къ избранному ими для нападенія мѣсту, онъ выстрѣлилъ въ крайнюю лошадь, но, давъ промахъ, тотчасъ же вмѣстѣ съ другими участниками вскочилъ въ почтовыя сани. Ямщикъ ударилъ его по лицу кнутовищемъ, лошади понесли и они вмѣстѣ съ почталіонами вывалились изъ саней. Тогда онъ, Антоновъ, свалилъ одного изъ почталіоновъ на землю, желая его связать, но вдругъ раздался выстрѣлъ, сдѣланный, какъ ему показалось, въ него лежавшимъ подъ

нимъ почталіономъ; вслѣдствіе этого, онъ оставилъ почталіона и побѣжалъ за санями въ намѣреніи догнать ихъ. Въ это время раздалось еще нѣсколько выстрѣловъ, въ виду которыхъ онъ возвратился назадъ, при чемъ ему снова показалось, что почталіонъ стрѣляетъ въ него и потому онъ въ свою очередь выстрѣлилъ въ почталіона, который и упалъ тотчасъ же на землю. Послѣ этого, какъ одинъ изъ почталіоновъ имъ былъ убитъ, онъ, Антоновъ, закричалъ Кузину, чтобы послѣдній возвратился назадъ, оставивъ преслѣдованіе уѣзжавшихъ саней. Затѣмъ они, отобравъ револьверъ у оставшагося въ живыхъ почталіона, съ которымъ боролся третій участникъ нападенія, и оставивъ этого почталіона на дорогѣ, всѣ вмѣстѣ направились въ городъ, причемъ по дорогѣ онъ бросилъ револьверъ почталіона въ навозную кучу. Во время нападенія у него, Антонова, былъ револьверъ большаго калибра Смита и Вессона, купленный въ Воронежѣ, не задолго до нападенія, а у Кузина револьверъ, данный ему имъ, Антоновымъ. Этотъ послѣдній револьверъ былъ полученъ отъ Якова Бердичевскаго и, по слухамъ, когда-то принадлежалъ казненному Желябову. Послѣ нападенія Кузинъ возвратилъ револьверъ обратно и оба эти револьвера были впослѣдствіи взяты въ Харьковѣ въ общей квартирѣ его, Антонова, и Саула Лисянскаго. Т. XX л. 138, 139.

При производствѣ обыска въ г. Воронежѣ у Сергѣя Кузина найдены, между прочимъ, въ записной книжкѣ шифрованныя замѣтки, оставшіяся неразобранными, а также слѣдующая запись: «Не благ.—должн. занята; благ.—мѣсто есть, пріѣзжайте; безрезультатно—деньги Вамъ высланы». Значеніе этой замѣтки Кузинъ объяснить отказался. Л. 86, 89 и 156.

Привлеченный въ качествѣ обвиняемаго дворянинъ *Сергѣй Евгеніевъ Кузинъ*, отрицая на первомъ допросѣ свое участіе въ нападеніи на почту, произведенномъ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 1884 г. подъ г. Воронежомъ, на слѣдующихъ допросахъ показалъ, что спустя нѣкоторое время послѣ его знакомства съ Иваномъ Павловичемъ, котораго онъ признаетъ въ предъявленной ему карточкѣ Петра Антонова, послѣдній, живя съ нимъ въ одной квартирѣ, освѣдомлялся объ его мнѣніи по вопросу о нападеніи на почту, съ цѣлью ограбленія (конфискаціи) денегъ и, убѣдившись въ готовности его принять въ этомъ участіе, предложилъ ему ограбить почту, отправляющуюся изъ Воронежа по Земля-

скому тракту, для чего въ качествѣ третьяго участника Кузинъ пригласилъ знакомаго своего Василія Ливадина.

Согласно ихъ предварительному рѣшенію нападеніе на почту было произведено въ Песчаномъ Логу, куда всѣ они трое прибыли часу въ 8 вечера, взявъ съ собой нюхательнаго табаку, смѣшаннаго съ пескомъ, чтобы въ случаѣ надобности засыпать глаза почталіонамъ и ямщику. Когда вблизи означеннаго мѣста появились почтовыя сани, то Антоновъ выстрѣлилъ въ одну изъ почтовыхъ лошадей, чтобы этимъ путемъ, какъ было раньше предположено, остановить почту. Но выстрѣлъ, направленный въ лошадь, не достигъ цѣли, тройка остановилась лишь на одинъ моментъ, а почталіоны стали кричать. Тогда Антоновъ вскочилъ въ сани и видимо хотѣлъ удержать обоихъ почталіоновъ, но ямщикъ ударилъ его въ это время кнутовищемъ по лицу. Почталіоны выскочили изъ саней, при чемъ одинъ изъ почталіоновъ тотчасъ же былъ схваченъ Ливадинымъ, а къ другому подбѣжалъ Антоновъ и вступилъ съ нимъ въ борьбу. Онъ же, Кузинъ, увидѣвъ что почтовыя сани быстро уѣзжаютъ впередъ сталъ стрѣлять въ лошадей и бросился бѣжать за ними, сдѣлавъ такимъ образомъ всего около трехъ выстрѣловъ. Убѣдившись однако, что преслѣдованіе почтовыхъ саней безплодно онъ остановился. Въ это время по направленію къ нему бѣжалъ Антоновъ, который сдѣлалъ еще одинъ выстрѣлъ, послѣ чего оба они возвратились назадъ. Проходя мимо того мѣста, гдѣ Антоновъ боролся прежде съ почталіономъ и увидѣвъ послѣдняго лежащимъ на землѣ, онъ, Кузинъ, узналъ отъ Антонова, что почталіонъ имъ убитъ. Другой почталіонъ молилъ въ это время о пощадѣ. Антоновъ пригрозилъ убить его, въ случаѣ если онъ тронется съ мѣста, и затѣмъ всѣ они трое побѣжали по направленію къ городу, бросивъ по дорогѣ въ навозную кучу револьверъ, отобранный у почталіона, оставшагося въ живыхъ. На другой день послѣ этого преступленія Антоновъ уѣхалъ изъ Воронежа. Впослѣдствіи онъ, Кузинъ, узналъ отъ Ливадина, что Антоновъ во время борьбы съ почталіономъ, не будучи въ состояніи его одолѣть, оттолкнулъ его и убилъ выстрѣломъ въ голову. Съ Ливадинымъ, по объясненію Кузина, онъ познакомился года за два до описаннаго преступленія, служа въ Воронежѣ въ желѣзнодорожной инструментальной мастерской; Ливадинъ же служилъ въ то время конторщикомъ въ вагонныхъ

Т. XX л. 135, 142 и 237.

мастерскихъ. Ливадинъ въ то время не имѣлъ ничего общаго съ революціоннымъ движеніемъ, но подъ вліяніемъ его, Кузина, сталъ сочувственно относиться къ стремленіямъ революціонной партіи, но въ дѣятельности ея не принималъ никакого участія и съ трудомъ, лишь послѣ двукратныхъ убѣжденій его, Кузина, согласился принять участіе въ описанномъ нападеніи на почту, при чемъ между ними было условлено при нападеніи на почту не только никого не убивать, но даже и не стрѣлять, вслѣдствіе чего Ливадину былъ данъ револьверъ его, Кузина, почти совершенно испорченный, котораго Ливадинъ и не вынималъ изъ кармана. Послѣ нападенія на почту, Ливадинъ, по показанію Кузина, часто раскаявался въ своемъ участіи и совершенно отшанулся отъ революціонной партіи. Т. XX л. 161, 166.

При производствѣ обыска въ г. Воронежѣ у Василія Ливадина найдены двѣ рукописныя тетради съ конспектами по политической экономіи и тетрадь, въ которой была изложена «программа работниковъ въ связи съ идеей рабочаго сословія»—соціально-революціоннаго характера. Т. XX л. д. 177.

Привлеченный въ виду вышеизложеннаго въ качествѣ обвиняемаго мѣщанинъ *Василій Владимировъ Ливадинъ*, не признавая себя виновнымъ ни въ принадлежности къ революціонному сообществу, ни въ нападеніи на почту подъ Воронежомъ, показалъ, что объ этомъ преступленіи онъ знаетъ лишь по слухамъ и изъ газетъ. По предъявленіи сначала фотографической карточки, а затѣмъ лично самаго Ливадина оставшемуся въ живыхъ почталіону Павлу Солодову, сопровождавшему Воронежскую почту 17 Ноября 1884 г., послѣдній показалъ, что изъ числа нападавшихъ на почту трехъ человѣкъ одинъ былъ очень высокаго роста, другой казался очень молодымъ, а третій былъ довольно плотнаго сложенія, послѣдняго онъ, Солодовъ, и призналъ въ предъявленномъ ему Василіѣ Ливадинѣ, который, по показанію его, Солодова, отнялъ у него револьверъ, засыпалъ ему табакомъ глаза и связалъ его ремнемъ. Т. XX л. 179.

По предъявленіи этого показанія Солодова обвиняемому Василію Ливадину, послѣдній, признавъ себя виновнымъ въ покушеніи на ограбленіе почты 17 Ноября 1884 г. подъ г. Воронежомъ, показалъ, что осенью 1884 г. Сергѣй Кузинъ сообщилъ ему, что въ Воронежъ пріѣхалъ нѣкій Иванъ Павловичъ, замышляющій ограбленіе почты въ видахъ пріобрѣтенія средствъ

на нужды революціонной партіи и предложилъ ему, Ливадину, участвовать вмѣстѣ съ ними въ этомъ дѣлѣ. Послѣ двукратныхъ убѣжденій со стороны Кузина и въ томъ соображеніи, что при участіи въ ограбленіи лишь двухъ лицъ едва-ли можно будетъ избѣжать убійства, тогда какъ при трехъ участникахъ это можетъ оказаться возможнымъ, онъ, Ливадинъ, далъ согласіе принять участіе въ этомъ преступленіи. Послѣ этого Кузинъ привелъ къ нему, Ливадину, на квартиру Ивана Павловича, признаннаго имъ въ предъявленной ему карточкѣ, Петра Антонова, который тогда же сообщилъ планъ нападенія на почту и условіе употребить оружіе лишь для убіенія почтовыхъ лошадей. Обстоятельства, сопровождавшія самое нападеніе на почту и убійство почталіона, Ливадинъ изъяснилъ въ своемъ показаніи согласно съ изложенными уже данными. Въ заключеніе Ливадинъ заявилъ, что послѣ участія въ этомъ преступленіи онъ совершенно отстранился отъ революціоннаго движенія и его дѣятелей, убѣдившись, что партія эта прибѣгаетъ для достиженія своихъ цѣлей къ преступнымъ и безнравственнымъ средствамъ.

Т. XX л. 242.

По предъявленіи обвиняемому Петру Антонову пяти

Т. XX л. 250.

револьверовъ, взятыхъ 2-го Мая 1885 г. въ г. Харьковѣ при обыскѣ въ общей квартирѣ его и казненнаго государственнаго преступника Саула Лисянскаго, Антоновъ показалъ, что револьверъ, на которомъ выбита надпись на англійскомъ языкѣ въ двѣ строчки кончающаяся словами—«Іюля 25-го 1871 г.», онъ признаетъ за тотъ самый, изъ котораго имъ былъ убитъ Ѳедоръ Шкріоба. Револьверъ этотъ передъ нападеніемъ на почту въ Воронежѣ былъ переданъ Сергѣю Кузину, который имѣлъ его при себѣ во время самаго нападенія. Другой же изъ числа предъявленныхъ ему револьверовъ,. на которомъ имѣется полустертая надпись: «Смита и Вессона оружейная фабрика № 5...7», былъ купленъ вмѣстѣ съ Кузинымъ въ Воронежѣ передъ нападеніемъ на почту и изъ этого револьвера имъ, Антоновымъ, былъ убитъ почталіонъ Мануйловъ. Къ этому Антоновъ пояснилъ, что найденные въ квартирѣ его и Лисянскаго упомянутые выше пять револьверовъ были переданы ему на храненіе вмѣстѣ съ разрывными снарядами неизвѣстнымъ ему по имени и фамиліи лицомъ..

Изложенное показаніе обвиняемаго Антонова подтвердилъ и обвиняемый Сергѣй Кузинъ, признавшій

два названныхъ револьвера за тѣ самые, которые были при нихъ во время нападенія на почту. Т. XX л. 151.

По предъявленіи экспертамъ означенныхъ револьверовъ и двухъ пуль, которыми были убиты Ѳедоръ Шкріоба и почталіонъ Мануйловъ, эксперты заключили: 1) что пуля, вынутая изъ трупа почталіона Мануйлова, соотвѣтствуетъ двумъ револьверамъ системы Смита и Вессона, на которыхъ выбиты № 34918 и № 5...7, но изъ нихъ револьверъ за № 34918 не имѣетъ слѣдовъ произведенныхъ изъ него выстрѣловъ и 2) что пуля, вынутая изъ головы Ѳедора Шкріобы, соотвѣтствуетъ лишь одному револьверу, признанному Антоновымъ за употребленный имъ при убійствѣ рабочаго Ѳедора Шкріобы. Т. XX л. 251.

Свидѣтельница купчиха Евгенія Флейшеръ, владѣлица оружейнаго магазина въ Воронежѣ, показала, что въ предъявленной ей фотографической карточкѣ Сергѣя Кузина она признаетъ молодаго человѣка, который вмѣстѣ съ другимъ, брюнетомъ высокаго роста, лица котораго она не помнитъ, купилъ въ ея магазинѣ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 1884 г. револьверъ системы Смита и Вессона за 15 рублей. Т. XX л. 285.

Дворянинъ Сергѣй Яковенко, проживавшій осенью 1884 г. въ одной квартирѣ съ Сергѣемъ Кузинымъ, показалъ, что въ началѣ Ноября мѣсяца, возвращаясь со службы, онъ заставалъ вмѣстѣ съ Кузинымъ неизвѣстнаго человѣка, котораго признаетъ въ фотографической карточкѣ Петра Антонова. Кузинъ и Антоновъ обыкновенно бесѣдовали между собою до поздняго вечера и если ему, свидѣтелю, случалось войти къ нимъ въ комнату, прекращали свой разговоръ. Т. XX л. 190.

Независимо изложенныхъ обстоятельствъ дознаніемъ обнаружены еще слѣдующія данныя относительно преступной дѣятельности обвиняемыхъ Антонова и Кузина. Сынъ священника Антонъ Остроумовъ, о которомъ упоминалось выше, на допросахъ, между прочимъ, показалъ, что въ г. Ростовѣ на Дону осенью 1884 г. въ средѣ революціонныхъ дѣятелей возникли неудовольствія противъ Петра Антонова, который въ то время проживалъ подъ именемъ Ивана Петровича Заисленко, по поводу его отношеній къ акушеркѣ Яковлевой, не пользовавшейся ихъ довѣріемъ, вслѣдствіе чего предполагалось удалить его, Антонова, изъ Ростова. Въ то же время Сергѣй Ивановъ обращался къ нему, Остроумову, за свѣдѣніями по г. Воронежу и когда онъ указалъ ему Сергѣя Кузина и его това-

рища Виталія Кудряшова, то вскорѣ послѣ того Антоновъ обратился къ нему съ просьбою дать ему явку въ Воронежъ. Удовлетворяя эту просьбу, Остроумовъ далъ Антонову записку къ Кудряшову, въ которой рекомендовалъ Антонова, какъ человѣка заслуживающаго довѣрія. Такъ какъ при этомъ пароля сообщено не было, то полученіе записки напугало Кудряшова и онъ вслѣдъ за отъѣздомъ Антонова явился въ Ростовъ, чтобы лично разузнать о немъ. Спустя нѣкоторое время послѣ отъѣзда Антонова изъ Воронежа, въ Ростовъ явился Кузинъ и объявилъ, что ѣдетъ къ Антонову, а передъ пасхой 1885 г. Кузинъ, въ бытность свою въ Ростовѣ, сообщалъ, что работалъ вмѣстѣ съ Антоновымъ въ Севастополѣ. Въ Маѣ мѣсяцѣ того же года Кузинъ снова появился въ Ростовѣ и просилъ устроить ему свиданіе съ Францемъ Яцевичемъ, по вызову котораго онъ будто бы пріѣхалъ, вслѣдствіе чего онъ, Остроумовъ, свелъ его въ квартиру Дмитрія Бартенева, служившую мѣстомъ для свиданій. На по-

Т. XX л. 138. слѣдующихъ допросахъ Антонъ Остроумовъ между прочимъ показалъ, что около Марта мѣсяца 1885 года Францъ Яцевичъ сообщилъ ему, что имъ, Яцевичемъ, приготовлены въ Новочеркаскѣ разрывные снаряды и при этомъ просилъ его, чтобы, въ случаѣ прибытія за снарядами кого либо изъ членовъ партіи, приводить явившагося къ нѣкоему Ефиму Петровскому. Дѣйствительно, передъ пасхою къ нему явился Борисъ Оржихъ, извѣстный подъ именемъ «Анатолія», и потребовалъ, чтобы онъ, Остроумовъ, отправился съ нимъ въ Новочеркаскъ, для полученія разрывныхъ снарядовъ отъ Петровскаго. По пріѣздѣ ихъ къ Петровскому, послѣдній оставилъ ихъ у себя въ комнатѣ. а самъ куда-то ушелъ и, вскорѣ возвратясь, принесъ съ собою три или четыре снаряда, которые и были взяты Оржихомъ. Снаряды эти Оржихъ отвезъ въ Харьковъ, гдѣ впослѣдствіи они были взяты при обыскѣ въ квартирѣ Лисянскаго и Петра Антонова. Изъ Новочеркаска до Ростова Оржихъ везъ снаряды въ рукахъ, завернувъ ихъ въ бумагу, въ Ростовѣ же уложилъ ихъ въ купленный имъ тамъ для этой цѣли

Т. XX л. 333. кожаный сакъ-вояжъ.

Дмитрій Бартеневъ, привлеченный къ дознанію, производящемуся отдѣльно отъ настоящаго дѣла въ г. Ростовѣ, между прочимъ, показалъ, что Петръ Антоновъ въ Январѣ мѣсяцѣ 1885 г. уѣхалъ изъ Харькова въ Севастополь, а въ Февралѣ того же года

отправился въ Севастополь и онъ, Бартеневъ, вслѣдствіе письма къ нему Антонова. Здѣсь кромѣ Антонова онъ засталъ еще Сергѣя Кузина, а затѣмъ къ нимъ пріѣхалъ Борисъ Оржихъ. Въ виду общаго безвыходнаго положенія Антоновъ, Оржихъ и онъ, Бартеневъ, рѣшили предпринять что либо, для пріобрѣтенія средствъ какъ для себя, такъ и для революціоннаго фонда и по предложенію Антонова остановились на мысли ограбить почту между Бердянскомъ и Маріуполемъ, такъ какъ, по словамъ Антонова, по этому тракту перевозились весьма значительныя суммы отъ разныхъ торговыхъ фирмъ. Съ этою цѣлью они рѣшили устроить въ Маріуполѣ «конспиративную» квартиру, для чего туда долженъ былъ отправиться Антоновъ съ Викторіей Августиновичъ; для участія же въ нападеніи на почту Антоновъ обѣщалъ пригласить еще упомянутаго выше Кузина, а Оржихъ—Франца Яцевича. Черезъ нѣкоторое время онъ, Бартеневъ, получилъ письмо изъ Харькова отъ Яцевича, приглашавшаго его, Бартенева, и Кузина немедленно ѣхать въ Маріуполь, гдѣ уже все было подготовлено. Въ тотъ день, какъ они собрались ѣхать, ими была получена черезъ какого-то лавочника, армянина, телеграмма съ одной изъ станцій Екатерининской желѣзной дороги, подписанная «Кирилловъ». Телеграмма заключала въ себѣ извѣщеніе о предстоящемъ пріѣздѣ кого-то въ Севастополь, вслѣдствіе чего они съ Кузинымъ отправились на вокзалъ, гдѣ и встрѣтили Августиновичъ, которая объявила имъ, что Маріупольская конспиративная квартира «провалилась» и что Антоновъ уѣхалъ въ Харьковъ и просилъ ихъ ждать дальнѣйшихъ распоряженій. Прождавъ напрасно извѣстій изъ Харькова, до 7-й недѣли поста, онъ, Бартеневъ, самъ отправился въ Харьковъ, гдѣ Антоновъ и Оржихъ сообщили ему, что у нихъ все для ограбленія почты приготовлено и что онъ, Бартеневъ, съ Кузинымъ должны ждать въ Севастополѣ назначенія дня для нападенія. Возвратившись въ Севастополь, онъ черезъ нѣсколько дней видѣлся здѣсь съ только что пріѣхавшимъ Францемъ Яцевичемъ, отъ котораго узналъ, что хотя и все готово для нападенія на почту, но для большей вѣрности необходимо предварительно достигнуть назначенія почталіономъ въ г. Маріуполѣ кого либо изъ своихъ. Въ виду этой отсрочки Кузинъ впредь до вызова уѣхалъ въ Воронежъ, а онъ, Бартеневъ, въ Ростовъ

на Допу. Въ началѣ Августа къ нему снова явился Францъ Яцевичъ и, объявивъ, что ждать болѣе невозможно и необходимо приступить къ дѣлу, приказалъ ему нѣсколько дней обождать Оржиха и Кузина въ Ростовѣ, а самъ уѣхалъ въ Маріуполь, чтобы ознакомиться ближе съ трактомъ и съ конспиративной квартирой, которая въ это время уже была устроена въ Маріуполѣ. Нѣсколько дней спустя послѣ отъѣзда Яцевича въ Ростовъ пріѣхалъ Кузинъ, вызванный Яцевичемъ, а затѣмъ явился Оржихъ и возвратился Яцевичъ изъ Маріуполя. Свиданіе всѣхъ ихъ послѣдовало въ этотъ разъ въ полѣ за городомъ. На этомъ свиданіи Яцевичъ заявилъ, что прежній планъ нападенія на почту безъ употребленія оружія труденъ для исполненія, такъ какъ въ намѣченной для этого мѣстности почта проходитъ въ два или три часа ночи, когда уже свѣтло и вдоль почтоваго тракта крестьяне молотятъ хлѣбъ. Вслѣдствіе этого было рѣшено отло-

Т. XX л. 511, 512, 506, 507 и 508.

жить нападеніе и оставить въ Маріуполѣ «конспиративную квартиру» до осени.

Спрошенный по этому поводу обвиняемый Сергѣй Кузинъ показалъ, что о приготовленіяхъ къ ограбленію почты между Маріуполемъ и Бердянскомъ онъ ничего не знаетъ. По пріѣздѣ въ Январѣ мѣсяцѣ 1885 г. по вызову Антонова въ Севастополь, онъ жилъ сначала въ квартирѣ Антонова, который въ это время дѣйствительно познакомилъ его съ какой то особой, но была ли это Августиновичъ и какія отношенія существовали у нея съ Антоновымъ ему неизвѣстно. Приблизительно около того же времени Антоновъ спрашивалъ его о томъ, согласится ли онъ участвовать въ какомъ либо террористическомъ фактѣ, даже и въ томъ случаѣ, если бы ихъ было только двое. На это предложеніе онъ далъ свое согласіе, но ни о какомъ опредѣленномъ фактѣ рѣчи не было. Послѣ этого Антоновъ куда-то уѣхалъ изъ Севастополя и просилъ его ждать какого-то человѣка, съ которымъ онъ, Кузинъ, долженъ былъ уѣхать, но куда и зачѣмъ, Антоновъ ему не сообщалъ. Послѣ отъѣзда Антонова онъ ходилъ съ Бартеневымъ на вокзалъ желѣзной дороги, гдѣ встрѣтили женщину, съ которой его, какъ сказано выше, познакомилъ Антоновъ; но откуда и зачѣмъ она пріѣхала ему, Кузину, неизвѣстно. Затѣмъ когда Антоновъ написалъ изъ Харькова, что снова слѣдуетъ ждать какого то человѣка, онъ, Кузинъ, не видя этому конца, уѣхалъ въ Воро-

нежъ, воспользовавшись для этой поѣздки деньгами, присланными ему Ливадинымъ. Живя въ Воронежѣ въ теченіи лѣта 1885 г., онъ былъ два раза въ Ростовѣ по вызову Яцевича, но о предстоящемъ ограбленіи Маріупольской почты, какъ уже было сказано, ничего не зналъ. Т. XX л. 316, 318.

Дознаніе о приготовленіи на грабежъ почты въ Маріупольскомъ уѣздѣ производится въ Таврическомъ губернскомъ жандармскомъ управленіи. Что же касается упоминаемыхъ въ показаніяхъ Остроумова и Бартенева—Франца Яцевича и Бориса Оржиха, то первый изъ нихъ остался нерозысканнымъ, а второй задержанъ 23 Февраля 1886 г. и о немъ производится дознаніе отдѣльно отъ настоящаго дѣла.

Обвиняемый Петръ Антоновъ, спрошенный по содержанію показаній Дмитрія Бартенева, признавъ, что въ Севастополѣ онъ жилъ по документу на имя Ростовскаго мѣщанина Ивана Павлова Никонова съ Декабря 1884 г. до Апрѣля 1885 г., объяснилъ, что давать показанія по поводу предполагавшагося ограбленія почты между Маріуполемъ и Бердянскомъ онъ не желаетъ, въ виду того, что какъ этотъ планъ, такъ и другіе, ему подобные, остались безъ исполненія. Равнымъ образомъ Антоновъ отказался сообщить подробности о своей жизни въ Севастополѣ. По другимъ же обстоятельствамъ, извѣстнымъ изъ предшествующаго изложенія, Антоновъ далъ слѣдующія объясненія: По предъявленіи ему письма Гончарова, за подписью «Длинный», онъ показалъ, что имѣющееся въ этомъ письмѣ выраженіе «Кириллъ взялъ кинжалъ у Гейера» относится къ нему, хотя въ дѣйствительности кинжала у Гейера не бралъ, а сдѣлалъ таковой самъ для жены Гейера, впослѣдствіи же кинжалъ этотъ взялъ себѣ Гончаровъ. Описанное далѣе въ томъ же письмѣ предположеніе объ убійствѣ, какъ извѣстно ему, Антонову, со словъ покойнаго Гончарова, относилось къ убійству какого-то Полѣщука, готовившемуся въ то время въ Харьковѣ. Совершить убійство ему предлагали Гончаровъ и Петръ Елько, но отъ исполненія этого предложенія онъ отказался. Затѣмъ, по поводу убійства рабочаго Ѳедора Шкріобы Антоновъ, измѣняя отчасти первое свое показаніе, объяснилъ, что Шкріобу онъ зналъ примѣрно въ теченіи пяти лѣтъ и, по его словамъ, предвидѣлъ, что онъ сдѣлается «шпіономъ», вслѣдствіе чего онъ и согласился исполнить переданное ему Петромъ Елько

порученіе комитета объ убійствѣ. Ему, Антонову, извѣстно, что Шкріобу полиція брала изъ больницы для признанія трупа Якова Бердичевскаго, умершаго во время нападенія на почту подъ г. Харьковомъ, а по выходѣ изъ больницы Шкріоба, не имѣя работы и не получая помощи отъ матери, проигрывалъ въ карты и расходовалъ на одежду такія деньги, которыхъ, очевидно, не могъ заработать иначе, какъ служа тайнымъ полицейскимъ агентомъ. Въ день убійства—8 Января 1884 г. онъ. Антоновъ. пришелъ къ Шкріобѣ на квартиру приблизительно въ 10 часовъ утра и пригласилъ его на Сабурову дачу. предложивъ познакомиться съ радикалами рабочими. Пока ему, Антонову, пришлось сидѣть въ комнатѣ у Шкріобы, къ послѣднему заходило нѣсколько человѣкъ, но былъ ли въ ихъ числѣ рабочій Михаилъ Хмара, онъ не знаетъ, такъ какъ съ рабочимъ этимъ знакомъ не былъ. Послѣ убійства Шкріобы онъ, обвиняемый, въ тотъ же день уѣхалъ изъ Харькова въ Луганскъ. Здѣсь Иванъ Гейеръ выразилъ ему неудовольствіе по поводу того, что имъ не были привезены прокламаціи объ убійствѣ Шкріобы и потому недѣли черезъ двѣ онъ отправился обратно въ Харьковъ, откуда возвратился въ Луганскъ съ прокламаціями и другими произведеніями революціонной литературы. Что касается до нападенія на почту подъ г. Воронежомъ, то, по объясненію Антонова, оно было задумано имъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Осенью 1884 г. Сергѣй Ивановъ послалъ его изъ Ростова въ Харьковъ, гдѣ онъ встрѣтился съ пріѣхавшимъ туда Германомъ Лопатинымъ, послѣдній предложилъ ему ѣхать въ Ростовъ, чтобы добыть тамъ денегъ и, дождавшись отъ него письма, переѣхать въ Петербургъ. По прибытіи въ Ростовъ Сергѣй Ивановъ выразилъ желаніе, чтобы онъ, Антоновъ, поселился въ Новочеркаскѣ, гдѣ и ожидалъ бы письма изъ Петербурга. Черезъ нѣсколько времени туда же въ Новочеркаскъ пріѣхалъ Петръ Елько и сообщилъ объ арестѣ Лопатина. Тогда Антоновъ снова поѣхалъ въ Ростовъ, но Сергѣя Иванова уже не засталъ тамъ, а видѣлся лишь съ тѣмъ же Елько, который предложилъ ему уѣхать въ какое либо другое мѣсто и пріискать тамъ себѣ работу, но при этомъ Елько, затрудняясь въ выборѣ города, спросилъ у Остроумова, нѣтъ ли у него знакомыхъ въ одномъ изъ ближайшихъ городовъ. Остроумовъ назвалъ Воронежъ и далъ адресъ Будри-

шова и Кузина. Послѣ этого Елько далъ ему паспортъ на имя Ивана Никонова и, между прочимъ, сказалъ, чтобы въ крайнемъ случаѣ, если въ Воронежѣ не найдется мѣста, онъ запялся вопросомъ объ ограбленіи почты. Живя уже въ Воронежѣ, онъ, Антоновъ, два раза писалъ объ ограбленіи почты Петру Елько въ Харьковъ и, не получая отъ него отвѣта, рѣшился привести въ исполненіе свое намѣреніе объ ограбленіи собственными средствами и, добывъ такимъ путемъ денежныя средства, прервать отношенія съ исполнительнымъ комитетомъ и основать отдѣльную рабочую группу и рабочую газету. Т. XX л. 538, 539 и 540.

При производствѣ въ 1883 г. дознанія о революціонномъ кружкѣ, образовавшемся среди рабочихъ на станціи Люботинъ, Харьково-Николаевской желѣзной дороги, рабочій мѣщанинъ Никифоръ Квитка между прочимъ показалъ, что знакомство его съ Петромъ Антоновымъ началось въ Маѣ или въ Іюнѣ 1882 г., когда Антоновъ поступилъ на службу на станцію Люботинъ. Антоновъ первый началъ давать ему для чтенія запрещенныя изданія, въ числѣ которыхъ онъ помнитъ брошюру «Тихонъ Задонскій» и газету «Зерно»; эти же изданія Антоновъ давалъ ему и для передачи ихъ другимъ рабочимъ и однажды самъ читалъ ему какую-то рукопись, въ которой говорилось о дѣлахъ революціонной партіи. На заданный имъ однажды Антонову вопросъ о томъ, какую цѣль онъ преслѣдуетъ, давая рабочимъ читать запрещенныя изданія, Антоновъ далъ ему объясненіе, приблизительно, въ слѣдующихъ словахъ: «пускай ознакомятся съ тѣмъ, что въ книжкахъ написано, для того, чтобы потомъ всѣмъ бунтоваться». Кромѣ снабженія рабочихъ книгами для чтенія, Антоновъ устраивалъ въ своей квартирѣ сходки и собиралъ пожертвованія. Т. XXI л. л. 51 и 245.

Рабочій той же станціи Люботинъ Дмитрій Ивановъ объяснилъ, что на станціи Люботинъ онъ впервые сталъ получать запрещенныя брошюры и посѣщать сходки. Брошюры давали ему Петръ Антоновъ и какой-то господинъ, пріѣзжавшій изъ Харькова; сходки же, которыя ему приходилось посѣщать, происходили большею частію въ квартирѣ Антонова. На одной изъ нихъ Антоновъ говорилъ рѣчь о бѣдственномъ положеніи рабочихъ и о необходимости стремиться къ перевороту. Доказывая, что общее дѣло нуждается въ средствахъ, Антоновъ указывалъ на необходимость собирать деньги, вслѣдствіе чего онъ, Ивановъ, тогда же Т. XXI л. д. 12, 201.

собралъ съ товарищей 10 рублей, которые потомъ передалъ по порученію Антонова неизвѣстному, пріѣзжавшему изъ Харькова въ отсутствіе Антонова. Всѣхъ лицъ, принадлежавшихъ къ кружку, вербовалъ Антоновъ, который передъ своимъ отъѣздомъ оставилъ у него, Иванова, нѣсколько запрещенныхъ книгъ и газетъ. Затѣмъ Ивановъ указалъ мѣсто храненія этихъ изданій и согласно этому указанію въ соломен-
Т. XXI л. д. 16. ной крышѣ дома Сордюка были найдены: 1) «о правдѣ и кривдѣ», 2) литографированное изданіе подъ заглавіемъ «Николай Ивановичъ Кибальчичъ», 3) стихотвореніе «Декабристы». 4) литографированное изданіе подъ заглавіемъ «У гроба Мезенцова», 5—6) печатная и литографированная брошюры «Русскому обществу отъ русскихъ революціонеровъ», 7) печатная прокламація «Исполнительный Комитетъ Европейскому обществу» и 8) литографированная брошюра «рѣчь Петра Абрамовича Телалова по процессу 17».

Изложенныя показанія Дмитрія Иванова и Никифора Квитки при производствѣ дознанія о Люботинскомъ революціонномъ кружкѣ нашли себѣ подтвержденіе и въ показаніи спрошеннаго по тому же дѣлу Филиппа Сосина, удостовѣрившаго фактъ снабженія Антоновымъ рабочихъ книгами революціоннаго содер-
Т. XXI л. 37. жанія, устройство имъ сходокъ и собираніе денегъ для революціоннаго дѣла.

По предъявленіи Петру Антонову, на основаніи приведенныхъ данныхъ, обвиненія въ организаціи революціоннаго кружка среди рабочихъ станціи Люботинъ, онъ объяснилъ, что вполнѣ организованнаго кружка въ 1883 году, т. е. во время службы его тамъ не было, хотя рабочіе иногда собирались въ его квартирѣ на сходки. На этихъ сходкахъ читались какъ дозволенныя, такъ и запрещенныя изданія, которыя онъ получалъ большею частію отъ пріѣзжавшихъ изъ Харькова нынѣ осужденныхъ за государственныя преступленія Немоловскаго и Василія Иванова, а однажды знакомилъ собравшихся съ существованіемъ революціонной партіи и исполнительнаго комитета и предлагалъ дѣлать денежныя пожертвованія, которыя впо-
Т. XX л. 255 и 306. слѣдствіи передавалъ, сколько ему помнится, Василію Иванову.

Въ ночь съ 21 на 22 Сентября 1884 г. по распоряженію Харьковскаго жандармскаго управленія былъ арестованъ въ Москвѣ Московскій мѣщанинъ *Василій Ивановъ Вольновъ*. Арестъ этотъ былъ произведенъ, какъ видно изъ постановленія начальника жандармскаго управленія отъ 10 того же Сентября, вслѣдствіе павшаго на Вольнова подозрѣнія въ участіи въ вооруженномъ нападеніи на почту подъ г. Харьковомъ и въ виду его политической неблагонадежности. При производствѣ обыска въ квартирѣ Василія Вольнова были отобраны свидѣтельство Могилевской духовной консисторіи отъ 11 Августа 1882 г. за № 985 на имя сына дьячка Семена Петрова Бѣлявскаго, оказавшееся подложнымъ, и разныя соціально-революціонныя изданія, какъ-то: «Наемный трудъ и капиталъ—Маркса», «Манифестъ Коммунистической партіи» К. Маркса и Ф. Енгельса, выпускъ первый сборника общества студенческой организаціи «союзъ», два полулиста бумаги, на которыхъ какъ бы въ черновомъ видѣ изложено вступительное слово при организаціи рабочаго кружка и «руководство для дѣятелей въ рабочей средѣ». Т. XVII л. 1, 3, 5, 26.

Спрошенный въ качествѣ обвиняемаго мѣщанинъ Василій Вольновъ, не признавая себя первоначально виновнымъ, показалъ, что въ Харьковъ онъ переѣхалъ въ концѣ Ноября 1882 г. изъ г. Таганрога, прожилъ тамъ до Января 1884 г., а съ этого времени жилъ въ Москвѣ. За все время пребыванія въ Харьковѣ онъ отлучался лишь въ Маѣ мѣсяцѣ 1883 г. въ г. Симферополь, гдѣ прожилъ мѣсяца два, пріискивая себѣ средства къ существованію, но затѣмъ вслѣдствіе безуспѣшности поисковъ возвратился опять въ Харьковъ, гдѣ имѣлъ знакомыхъ, по преимуществу, среди рабочихъ, фамиліи которыхъ не помнитъ, но зналъ и одного студента ветеринарнаго института. Съ этимъ послѣднимъ онъ познакомился тотчасъ по переѣздѣ изъ Таганрога, имѣя къ нему рекомендательное письмо отъ одного изъ таганрогскихъ рабочихъ, и прожилъ въ его квартирѣ дня три. Что касается отобранныхъ у него запрещенныхъ изданій и свидѣтельства на имя Семена Бѣлявскаго, то, по объясненію Вольнова, онъ получилъ ихъ въ Москвѣ, приблизительно въ Іюлѣ 1884 г. отъ одного лица, назвавшагося токаремъ Александромъ Ивановымъ. Узнавъ, что онъ, Вольновъ, не имѣетъ книгъ для чтенія, назвавшійся Ивановымъ принесъ ему однажды на бульваръ, гдѣ у нихъ было назначено свиданіе, пять книгъ «Русской старины».

По возвращеніи домой онъ нашелъ въ этихъ книгахъ
Т. XVII л. 8, 21. всѣ тѣ предметы, которые были у него отобраны при обыскѣ.

При разслѣдованіи образа жизни Василія Вольнова, обвиняемый дворянинъ Иванъ Гейеръ показалъ, что познакомился съ нимъ въ 1882 г., будучи студентомъ Харьковскаго ветеринарнаго института. Знакомство это произошло по слѣдующему поводу: однажды въ институтъ пришелъ какой-то молодой человѣкъ и подалъ ему письмо отъ бывшаго его товарища Сергѣя Линицкаго, въ которомъ послѣдній просилъ пріютить подателя письма Василія Иванова Вольнова, пока онъ самъ, Линицкій, не пріѣдетъ. Не имѣя лично возможности помѣстить Вольнова въ своей квартирѣ, онъ, Гейеръ, обратился къ Леониду Ешину съ просьбой принять Вольнова на нѣсколько дней къ себѣ, что и было Ешинымъ исполнено. Съ тѣхъ поръ онъ, Гейеръ,
Т. XVII л. 138. Вольнова болѣе не видѣлъ.

Далѣе было установлено, что за время пребыванія въ Харьковѣ, обвиняемый Василій Вольновъ, между прочимъ, проживалъ въ квартирахъ запаснаго унтеръ-офицера Молохова и мѣщанки Коноваленко. Молоховъ и Пелагея Коноваленко, племянница квартирной хозяйки, спрошенные въ качествѣ свидѣтелей, показали: Григорій Молоховъ, что осенью 1883 г. Вольновъ къ нему переѣхалъ на квартиру съ женой и съ нахлѣбникомъ, котораго назвали Василенко, а Пелагея Коноваленко—что Василій Ивановъ Вольновъ жилъ у нихъ на квартирѣ въ Августѣ 1883 г. и что за это время у него было два квартиранта, одинъ по фамиліи Тимофѣевъ или Матвѣевъ,а другой Василій Миныч Василенко, при чемъ одинъ изъ нихъ, насколько она помнитъ, прожилъ у него лишь дня четыре. По предъ-
Т. XVII л. 68, 70 и 73. явленіи свидѣтельницѣ карточки Петра Антонова, она объяснила, что въ карточкѣ этой признаетъ большое сходство съ бывшимъ нахлѣбникомъ Василія Вольнова Василіемъ Василенко. Осмотромъ же домовыхъ книгъ было установлено, что съ 10 Октября 1883 г. Василій Миныч Василенко, мѣщанинъ г. Полтавы, значится жившимъ въ домѣ Коноваленко по паспорту Полтав-
Т. XX л. 420 и 421. ской мѣщанской управы отъ 1 Февраля 1883 г. за № 214.

Спрошенный по поводу показанія свидѣтельницы Коноваленко обвиняемый Петръ Антоновъ объяснилъ, что по паспорту на имя Василія Василенко онъ дѣйствительно проживалъ въ Августѣ 1883 г., работая

на Екатерининской желѣзной дорогѣ. По пріѣздѣ же затѣмъ въ Харьковъ документъ этотъ былъ у него взятъ и кто проживалъ по этому виду онъ не знаетъ. Съ рабочимъ Василіемъ Ивановымъ Вольновымъ онъ познакомился вскорѣ послѣ нападеній на почты, но участвовалъ ли Василій Ивановъ Вольновъ въ которомъ либо изъ этихъ преступленій, онъ, Антоновъ. не знаетъ, такъ какъ на мѣсто нападенія участники приходили не всѣ вмѣстѣ. Т. XX л. 11, 27.

Спрошенный, затѣмъ, обвиняемый Василій Ивановъ Вольновъ, признавая безполезнымъ дальнѣйшее отрицаніе своей принадлежности къ революціонному сообществу и своего участія въ покушеніяхъ на ограбленіе почтъ, произведенныхъ въ Октябрѣ 1883 г. подъ Харьковомъ, выразилъ желаніе сдѣлать полное сознаніе въ своей преступной дѣятельности и показалъ, что первое соприкосновеніе его, какъ онъ выразился, съ радикальнымъ міромъ, выразившееся въ чтеніи нелегальныхъ произведеній и въ бесѣдахъ революціоннаго характера, относится ко второй половинѣ 1881 г., когда онъ познакомился въ г. Таганрогѣ съ Францемъ Яцевичемъ. Въ результатѣ у него явилась рѣшимость посвятить себя радикальной дѣятельности; для чего онъ, бросивъ въ Таганрогѣ семью, отправился въ Харьковъ, гдѣ надѣялся найти наиболѣе полное осуществленіе своихъ новыхъ стремленій. Передъ отъѣздомъ изъ Таганрога знакомый Франца Яцевича, Сергѣй Линицкій, далъ ему рекомендательное письмо къ студенту ветеринарнаго института Ивану Гейеру. который впослѣдствіи помѣстилъ его къ своему товарищу Ешину; но знакомство какъ съ Гейеромъ, такъ и съ Ешинымъ нисколько не подвинуло впередъ осуществленія его революціонныхъ стремленій. Лѣтомъ 1882 г. въ Харьковъ пріѣхалъ Линицкій и познакомилъ его съ Немоловскимъ и съ этого времени вполнѣ опредѣлилась его принадлежность къ революціонной партіи, выразившаяся въ постепенномъ знакомствѣ и сближеніи съ слѣдующими лицами, принадлежащими къ революціонному сообществу: Сергѣемъ Ивановымъ, Петромъ Антоновымъ, Петромъ Елько, Яковомъ Бердичевскимъ, Всеволодомъ Гончаровымъ и другими. Вскорѣ послѣ знакомства съ Немоловскимъ, а именно въ Мартѣ 1883 г., послѣдній предложилъ ему, Вольнову, принять участіе въ предполагавшемся нападеніи на почту подъ г. Симферополемъ. Предложеніе это имъ было принято, но нападеніе по неизвѣст-

нымъ ему причинамъ не осуществилось, хотя онъ и ѣздилъ для этой цѣли въ Симферополь вмѣстѣ съ Бердичевскимъ, Антоновымъ, Немоловскимъ, Мартыновымъ, Панкратьевымъ и еще двумя неизвѣстными лицами. Въ этомъ дѣлѣ, повидимому, принималъ участіе и умершій нынѣ Владиміръ Бычковъ, отъ котораго онъ получилъ передъ отъѣздомъ въ Симферополь 400 р. для осуществленія упомянутаго преступленія. Независимо отъ сего революціонная дѣятельность его, Вольнова, въ Харьковѣ выразилась въ предоставленіи своей квартиры для проживательства лицамъ, рекомендованнымъ руководителями Харьковскаго кружка. Такъ по рекомендаціи Сергѣя Иванова, въ Октябрѣ 1883 г. въ квартирѣ его въ домѣ Коноваленко проживали Петръ Антоновъ и осужденный нынѣ за государственное преступленіе Василій Панкратьевъ, изъ которыхъ одинъ, но кто именно онъ не помнитъ, жилъ по документу на имя Василія Миныча Василенко. Что же касается до его участія въ нападеніяхъ на почты подъ г. Харьковомъ, то таковое послѣдовало по предложенію Сергѣя Иванова, причемъ онъ, Вольновъ, участвовалъ въ двухъ изъ этихъ нападеній 17 и 24 Октября 1883 г. Прійдя однажды часовъ въ семь вечера къ себѣ домой, онъ засталъ у себя Сергѣя Иванова, который, объяснивъ ему, что въ интересахъ партіи предположено ограбить почту и что другіе участники уже отправились на мѣсто для сего выбранное, предложилъ и ему, Вольнову, поспѣшить туда же. Явившись на указанное Сергѣемъ Ивановымъ мѣсто, онъ засталъ тамъ Бердичевскаго, Антонова, Панкратьева и Мартынова. Всѣ они расположились по мѣстамъ по плану, наскоро выработанному на мѣстѣ дѣйствія: двое изъ участниковъ стали поперекъ дороги съ протянутой веревкой, чтобы задержать почтовую тройку, но она проѣхала благополучно, чѣмъ первое покушеніе и окончилось. Необходимость пріобрѣтенія средствъ на революціонныя нужды побудила харьковскій кружокъ прибѣгнуть ко второму нападенію, причемъ, въ виду первой неудачи, признано было нужнымъ предварительно выработать планъ, обсужденіе котораго происходило нѣсколько разъ на квартирѣ Мартынова. 24 Октября, т. е. въ день, назначенный для нападенія, онъ, Вольновъ, отправился на мѣсто одинъ, при томъ безъ всякаго оружія, такъ какъ, по состоявшемуся между ними соглашенію, на немъ лежала обязанность сбросить почталіоновъ съ почто-

вой повозки посредствомъ протянутой черезъ дорогу веревки. Но эту часть плана выполнить не успѣли, такъ какъ онъ, Вольновъ, нѣсколько опоздалъ. Занявъ со стороны города послѣднее мѣсто въ цѣпи участниковъ, онъ въ темнотѣ не могъ прослѣдить подробностей переполоха, происшедшаго впереди, и, оставаясь на своемъ мѣстѣ, только слышалъ крики и выстрѣлы. Во второмъ нападеніи участвовало семь человѣкъ: къ пяти лицамъ, участвовавшимъ въ первомъ, присоединились еще двое—Всеволодъ Гончаровъ и Петръ Елько. Неудача и втораго нападенія побудила участниковъ, во избѣжаніе ареста, принять мѣры для огражденія личной безопасности, по этому онъ уѣхалъ въ Мелитополь, куда вскорѣ пріѣхалъ Сергѣй Ивановъ. По порученію послѣдняго, онъ остался въ Мелитополѣ съ цѣлью устроить слесарное заведеніе на деньги, которыя Ивановъ обѣщалъ прислать въ скоромъ времени. Прождавъ напрасно этихъ денегъ до конца Ноября того же года, онъ отправился въ Харьковъ, откуда въ началѣ Января 1884 г. уѣхалъ въ Москву, снабженный денежнымъ пособіемъ отъ Петра Елько, и, такимъ образомъ, до Мая мѣсяца его отношенія къ партіи были прерваны. Въ Маѣ же въ Москву пріѣхало изъ Харькова лицо, фамилія котораго осталась ему неизвѣстною и которое чрезъ посредство одного студента, котораго онъ назвать не желаетъ, имѣло съ нимъ свиданіе. Отъ этого студента, знакомство съ которымъ онъ продолжалъ и въ послѣдующее время, онъ получилъ всѣ запрещенныя сочиненія, найденныя у него при обыскѣ. Кромѣ этого студента, принадлежавшаго къ «союзу молодежи партіи Народной Воли», онъ ни съ кѣмъ изъ людей преступнаго сообщества въ Москвѣ сношеній не имѣлъ. Что же касается до паспорта на имя Семена Петровича Бѣлявскаго, также отобраннаго у него при обыскѣ, то таковой, по объясненію Вольнова, по всей вѣроятности остался въ его квартирѣ послѣ отъѣзда Антонова и Панкратьева и былъ привезенъ имъ, Вольновымъ, съ собою изъ Харькова въ Москву.

Т. XX л. 349 и 425.

Обвиняемый *Сергѣй Ивановъ* былъ задержанъ 18 Января 1886 г. въ Петербургѣ на улицѣ и одновременно съ этимъ было обнаружено, что онъ занималъ комнату въ домѣ № 3 по Владимірской улицѣ,

Т. X л. д. 1—9.

живя здѣсь подъ именемъ сына священника Петра Иванова Соколова.

Т. X л. д. 207.

По обыску въ одеждѣ, въ которой былъ задержанъ Сергѣй Ивановъ, а также въ его комнатѣ отобраны: значительное число революціонныхъ изданій, рукописей, писемъ, замѣтокъ и другихъ предметовъ, свидѣтельствующихъ объ его преступной дѣятельности.

Т. X л. д. 13—23.

По осмотрѣ отобранныхъ у Сергѣя Иванова предметовъ въ ихъ числѣ оказались нижеслѣдующіе:

Два куска литографскаго камня съ вырѣзанными на нихъ печатями Михайловскаго уѣзднаго предводителя дворянства и мѣщанскаго старосты г. Валокъ; клочекъ бумаги съ печатнымъ рисункомъ наборной рамы типографскаго станка; 45 экземпляровъ разныхъ революціонныхъ изданій печатныхъ и литографированныхъ, въ числѣ коихъ: номера: 10 и $^{11}/_{12}$ журнала «Народная Воля», послѣдній въ двухъ различныхъ изданіяхъ; 14 печатныхъ листовъ «добровольнаго сбора» въ пользу «Вѣстника Народной Воли» безъ всякихъ записей и одинъ такой же листокъ «для сбора въ пользу партіи Народной Воли», на которомъ имена жертвователей обозначены псевдонимами; двѣ записныхъ книжки и десять отдѣльныхъ листковъ съ шифрованными замѣтками, впослѣдствіи разобранными и оказавшимися рядомъ записей фамилій и адресовъ лицъ, проживающихъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи; причемъ часть этихъ замѣтокъ оказалась тождественною съ подобными же записями, отобранными въ Октябрѣ 1884 г. у обвиняемыхъ Германа Лопатина и Неовилы Саловой; нѣсколько листовъ со списками лицъ арестованныхъ или подвергнутыхъ высылкѣ по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ—матеріалъ для такъ называемой арестной хроники, помѣщаемой въ революціонныхъ изданіяхъ; часть этихъ замѣтокъ, какъ установлено экспертизой, писана рукою обвиняемаго Сергѣя Иванова: 20 рекомендательныхъ писемъ и записокъ, частію подписанныхъ одними лишь именами безъ фамилій, частію совсѣмъ безъ подписей,—во всѣхъ этихъ письмахъ авторъ обращается съ просьбой объ оказаніи «подателю» помощи и услугъ; разные матеріалы для революціоннаго паспортнаго бюро, какъ-то: 7 видовъ на жительство на разныя имена, по справкамъ оказавшихся подложными, причемъ одинъ изъ нихъ, на имя Алексѣя Лунина, по сличеніи почерка, признанъ писаннымъ рукою Сергѣя Иванова; два чистыхъ

Т. X л. д. 36—39, 75, 76.

Т. X л. д. 211.

Т. X л. д. 217—220, 203, 206,

бланка и 26 клочковъ обыкновенной и вощеной бумаги съ образцами подписей и печатей для подобныхъ же видовъ и 13 гербовыхъ марокъ, наклеиваемыхъ на паспорты при явкѣ ихъ въ полиціи: рукопись, писанная, по заключенію экспертизы, почеркомъ Сергѣя Иванова и представляющая описаніе способа приготовленія гектографической массы и чернилъ; нѣсколько рукописей, повидимому, предназначенныхъ для напечатанія въ какомъ либо революціонномъ изданіи, а именно: нѣсколько корреспонденцій изъ Сибири о жизни политическихъ ссыльныхъ и изъ с. Иваново-Вознесенска о забастовкахъ, происшедшихъ на мѣстныхъ ткацкихъ фабрикахъ въ Сентябрѣ 1885 г., и два экземпляра статьи, озаглавленной «страница изъ дѣятельности агента-провокатора Бѣлины - Бржозовскаго», заключающей въ себѣ изложеніе слуховъ объ участіи дворянина Бѣлины-Бржозовскаго въ приготовленіи къ убійству прокурора Московской судебной палаты дѣйствительнаго статскаго совѣтника Муравьева; записка отъ 4 Іюня 1885 г., за подписью «Л. Тихомировъ», въ которой авторъ проситъ адресата передать «нужное словесно подателю записки» или написать ему, Тихомірову, по адресу, который будетъ указанъ подателемъ, и по ключу «суевѣріе»; видъ на имя сына священника Петра Соколова, оказавшагося умершимъ еще лѣтомъ 1885 г., съ визировками по Тулѣ и Петербургу, и Румынскій національный паспортъ на имя Николау, съ визировками по Волочиску и Кіеву. При провѣркѣ визировокъ по г. Тулѣ, оказавшихся на письменномъ видѣ на имя Соколова, а также на другомъ, отобранномъ у Иванова подложномъ паспортѣ на имя Моисеенко, оказалось, что по этимъ документамъ проживали совмѣстно въ Тульской гостинницѣ Тихонова, съ 11 по 16 Ноября 1885 г., два какихъ то лица, отмѣченныхъ въ книгахъ гостинницы прибывшими «изъ г. Курска» и выбывшими въ этотъ же городъ.

171 — 176, 101,
128 — 145, 162,
212 — 216, 125,
198—204, 211.

Т. X л. д. 211.

Т. X л. д. 205.

Т. X л. д. 98—101, 147 — 149, 205, 207.

Допрошенный при дознаніи въ качествѣ свидѣтеля корридорный этой гостинницы Владиміръ Шиленковъ въ предъявленной ему фотографической карточкѣ обвиняемаго Сергѣя Иванова призналъ лицо, весьма похожее на одного изъ бывшихъ постояльцевъ гостинницы, останавливавшихся тамъ подъ именами Моисеенко и Соколова. Дальнѣйшихъ же подробностей относительно цѣли пріѣзда этихъ лицъ въ Тулу и

обстоятельствъ жизни ихъ въ этомъ городѣ дознаніемъ не могло быть выяснено.

Т. X л. д. 179—185. При дальнѣйшей провѣркѣ визировокъ, имѣющихся на видахъ, отобранныхъ у Сергѣя Иванова, установлено, что визировка по Кіеву отъ 18 Октября 1885 г. на Румынскомъ національномъ видѣ на имя Николау относится къ самому Иванову, такъ какъ допрошенные при дознаніи въ качествѣ свидѣтелей служащіе Кіевской гостинницы «Лувръ» Василій Слизковъ и Осипъ Костецкій признали въ обвиняемомъ Иановѣ личность, останавливавшуюся въ этой гостинницѣ 17—18 Октября 1885 г. подъ именемъ и по виду Румынскаго подданнаго Николау, что подтверждено также и соотвѣтствующею записью въ книгахъ этой гостинницы, причемъ въ записи этой «Николау» отмѣченъ прибывшимъ 17 Октября 1885 г. «изъ Волочиска» и выбывшимъ 18 того же Октября въ Москву; на паспортѣ же на имя «Николау» оказалась, какъ уже было указано выше, кромѣ Кіевской, еще другая явка по Волочиску отъ 16 Октября 1885 года.

Л. д. 48—55. Наконецъ при разслѣдованіи обстоятельствъ, относящихся до проживанія Сергѣя Иванова въ С.-Петербургѣ, осмотромъ книги дома № 3 по Владимірской улицѣ, гдѣ въ меблированныхъ комнатахъ жилъ обвиняемый Ивановъ, и допросомъ хозяевъ супруговъ Александровыхъ и прислуги ихъ было установлено, что Сергѣй Ивановъ остановился у нихъ 15 Января 1886 г., предъявивъ видъ на имя сына священника Соколова, и прожилъ до дня своего ареста, 18 Января, причемъ ничѣмъ особеннымъ не обратилъ на себя вниманія хозяевъ и прислуги и на дому никого у себя не принималъ.

Т. X л. д. 134, 222. Самоличность Сергѣя Иванова была удостовѣрена при дознаніи показаніями отца его Андрея Иванова, мироваго судьи Пинскаго округа Минской губерніи, и матери его Анны, признавшихъ въ обвиняемомъ своего сына Сергѣя.

Т. X л. д. 10, 11, 24—32, 34—41, 46, 47, 70—74, 81—94, 102, 105, 106—117, 121, 122, 137, 191.

Л. д. 10, 11. Обвиняемый дворянинъ Сергѣй Ивановъ на первомъ допросѣ показалъ, что признаетъ свою принадлежность къ русской соціально-революціонной партіи, имѣющей цѣлью измѣнить существующій государственный порядокъ, по возможности, мирнымъ путемъ (пропаганда, печать и т. д.), прибѣгая къ инымъ средствамъ только при полной невозможности мирной революціонной работы. Подъ «инымъ» средствами онъ разумѣетъ изложенныя въ общей программѣ «партіи

Народной Воли» и по этому онъ признаетъ принципіально и террористическую дѣятельность.

Будучи въ 1881 г. сосланъ въ Сибирь за хранепіе, по его объясненію, прокламацій преступнаго содержанія, онъ бѣжалъ оттуда въ концѣ 1882 г.; до начала 1885 г. жилъ въ Россіи, затѣмъ выѣхалъ за границу контрабаднымъ путемъ безъ установленнаго паспорта, жилъ въ Парижѣ, Цюрихѣ, Женевѣ и Румыніи и въ Октябрѣ того же 1885 г. возвратился въ Россію, гдѣ и проживалъ уже постоянно до своего задержанія.

При дальнѣйшихъ допросахъ Сергѣй Ивановъ, давая подробныя объясненія по существу всѣхъ упадающихъ на него обвиненій, между прочимъ, показалъ, что, по возвращеніи изъ Сибири въ концѣ 1882 или въ началѣ 1883 г., онъ отправился въ Петербургъ, гдѣ прожилъ дней 20, затѣмъ поѣхалъ на югъ и до осени 1883 г. жилъ въ разныхъ мѣстностяхъ южной Россіи, въ томъ числѣ и въ Харьковѣ, безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій, и съ этого уже времени ему было присвоено въ революціонной средѣ наименованіе «Василій Алексѣевичъ». Будучи еще въ Петербургѣ, онъ видѣлся здѣсь съ человѣкомъ, который называлъ себя «Петромъ Алексѣевичемъ», оказавшимся впослѣдствіи Сергѣемъ Дегаевымъ. Дегаевъ далъ ему тогда письмо въ Харьковъ къ Владиміру Бычкову, котораго онъ, Ивановъ, зналъ еще съ 1882 г., когда они вмѣстѣ содержались въ Московской пересыльной тюрьмѣ. Пріѣхавъ въ Харьковъ для розысканія своей невѣсты, Любови Чемодановой, въ чемъ ему долженъ былъ помочь Бычковъ, онъ, Ивановъ, прожилъ тамъ дней 8 или 10 и познакомился въ это время со Всеволодомъ Гончаровымъ, Раисой Кранцфельдъ, Петромъ Елько, который былъ извѣстенъ въ партіи подъ именемъ «Владиміра Николаевича», и другими лицами; видался разъ въ городскомъ саду съ Любовью Чемодановой и условился съ нею, что мѣсяца черезъ полтора онъ пріѣдетъ за ней и они, поселившись совмѣстно, спеціально займутся устройствомъ тайной типографіи или какимъ либо другимъ литературно-революціоннымъ дѣломъ. Отъ него, въ видахъ конспираціи, было тогда скрыто, что Чемоданова уже работала въ то время въ типографіи, обнаруженной и арестованной полиціей въ г. Харьковѣ лѣтомъ того же года. Послѣ этого свиданія Сергѣй Ивановъ уѣхалъ въ провинцію, гдѣ и прожилъ мѣся-

Т. д. 26, 31.

Т. д. 80—85.

ца полтора. Пріѣхавъ снова въ Харьковъ въ началѣ Августа, онъ засталъ тамъ совершенный разгромъ революціонныхъ силъ, послѣдовавшій за арестомъ Харьковской тайной типографіи, въ числѣ участниковъ которой была арестована и Чемоданова. Остались почти исключительно молодые и неопытные дѣятели, которые, зная его, какъ «нелегальнаго» и «пріѣзжаго изъ Петербурга», обратились къ нему за совѣтами и указаніями. Не имѣя никакихъ полномочій отъ партіи, онъ, Ивановъ, тѣмъ не менѣе не считалъ себя въ правѣ сторониться отъ дѣла въ минуту разгрома и потому, оставшись въ Харьковѣ, принялъ подъ свое руководство мѣстную революціонную дѣятельность и вскорѣ познакомился здѣсь съ Яковомъ Бердичевскимъ, отъ котораго узналъ, что всѣ ближайшія указанія относительно положенія харьковскихъ дѣлъ можно получить отъ Владиміра Бычкова, который находился тогда временно въ Ростовѣ на Дону. Отправясь вслѣдствіе этого въ Ростовъ, Ивановъ имѣлъ тамъ свиданіе съ Бычковымъ, который предложилъ ему отправиться въ Харьковъ взамѣнъ его, Бычкова, для завѣдыванія вмѣстѣ съ другими лицами дѣлами мѣстной революціонной группы. Когда Ивановъ на это согласился, то Бычковъ далъ ему нѣкоторыя рекомендаціи и сообщилъ, что въ Харьковѣ есть «спеціальная организація»—«боевая дружина» или, по крайней мѣрѣ, зачатки ея; вмѣстѣ съ тѣмъ Бычковъ указалъ ему на Всеволода Гончарова и на Якова Бердичевскаго, какъ на лицъ, наиболѣе знакомыхъ съ ходомъ революціонныхъ дѣлъ въ Харьковѣ, а на послѣдняго, т. е. Бердичевскаго, какъ на представителя «боевой дружины». Черезъ нѣсколько дней онъ, Ивановъ, возвратился въ Харьковъ. Никакой опредѣленной народовольческой организаціи въ Харьковѣ тогда не было, а всѣми дѣлами руководили: Всеволодъ Гончаровъ, Бердичевскій, онъ, Ивановъ, и Елько, завѣдывавшій преимущественно «рабочимъ дѣломъ». Сношенія съ Петербургомъ въ то время поддерживались лишь имъ, Ивановымъ, какъ единственнымъ лицомъ, имѣвшимъ тамъ, хотя нѣкоторыя, знакомства; харьковская же революціонная дѣятельность сводилась, почти исключительно, къ возстановленію провинціальныхъ связей и къ снабженію провинціи революціонными изданіями. Существовало также предположеніе устроить небольшую типографію, для чего были собраны шрифтъ и необходимыя принад-

лежности, впослѣдствіи обнаруженныя и взятыя полиціей на квартирѣ братьевъ Мельниковыхъ, коимъ предметы эти были отданы на храненіе. Въ Сентябрѣ 1883 г. пріѣзжалъ на нѣсколько дней въ Харьковъ Сергѣй Дегаевъ, привезшій между прочимъ съ собой только что вышедшія тогда изданія: «брошюру отъ мертвыхъ къ живымъ». Онъ, Ивановъ, и Бердичевскій приходили къ Дегаеву въ гостинницу за этими изданіями, но изъ разговоровъ съ Дегаевымъ ничего объ общемъ положеніи дѣлъ партіи узнать отъ него не могли, такъ какъ онъ избѣгалъ такихъ объясненій съ ними. Тогда же Дегаевъ сообщилъ, что скоро выйдутъ еще новыя изданія и предложилъ кому нибудь недѣли черезъ двѣ пріѣхать за ними въ Петербургъ. Поѣздку эту предпринялъ онъ, Ивановъ, причемъ пробылъ въ Петербургѣ только нѣсколько дней, взялъ тамъ революціонныя изданія и возвратился въ Харьковъ, не видавъ Дегаева, котораго, какъ ему говорили въ Петербургѣ тогда не было. По возвращеніи изъ Петербурга до конца Декабря 1883 г. онъ, Ивановъ, находился большею частію въ разъѣздахъ, вызывавшихся нуждами книжнаго дѣла партіи, результатомъ которыхъ явилось новое гектографированное изданіе «писемъ изъ крѣпости», «программы для собиранія свѣдѣній для Вѣстника Народной Воли» и другихъ революціонныхъ произведеній. Въ Харьковъ онъ, Ивановъ, наѣзжалъ въ этотъ періодъ лишь по временамъ и, не имѣя тамъ постоянной квартиры, ночевалъ у разныхъ лицъ: у Елько, Василія Вольнова и друг. Тогда же онъ познакомился съ нелегальнымъ Кирилломъ (Петръ Антоновъ), Василіемъ (Панкратьевъ) и Иваномъ (Борисевичъ), дѣйствительныя имена и фамиліи которыхъ узналъ лишь впослѣдствіи. Вращаясь въ средѣ этихъ лицъ, онъ, Ивановъ, неоднократно получалъ отъ нихъ вопросы о положеніи общей организаціи партіи, о томъ, существуетъ ли de facto центръ партіи и т. п. Яснаго отвѣта на эти вопросы онъ дать не могъ, самъ ничего опредѣленнаго не зная, отвѣчать отрицательно не рѣшался и потому отдѣлывался полуфразами; но все-таки въ положительномъ смыслѣ. Вслѣдствіе этого объ немъ установился взглядъ, какъ объ агентѣ центра. Денежныя средства партіи въ Харьковѣ были тогда крайне плохи, приходилось перебиваться изо дня въ день, тѣмъ болѣе, что наѣхало много нелегальныхъ, доставленіе коимъ пріюта и средствъ къ жизни лежало

Т. д. 85—90.

на немъ, Ивановѣ, и Бердичевскомъ, такъ какъ Елько и Гончаровъ были заняты другими дѣлами. Въ это время Бердичевскій заявилъ ему, Иванову, и Гончарову, что далѣе подобное положеніе длиться не можетъ, такъ какъ дѣло будетъ подвигаться не впередъ, а назадъ, что всѣхъ нелегальныхъ арестуютъ благодаря невозможности для нихъ ни выѣхать изъ города, ни занять въ самомъ Харьковѣ какое либо прочное положеніе. Вслѣдствіе этого Бердичевскій, какъ представитель «боевой дружины», указалъ на необходимость, за отсутствіемъ средствъ къ выполненію какого либо сложнаго замысла, обсудить планъ «конфискаціи почты», какъ дѣла, наиболѣе доступнаго. Предложеніе Бердичевскаго сильно поддерживалъ Гончаровъ. При этомъ они ссылались на программу партіи, въ которой есть параграфъ, трактующій о подобной конфискаціи; Бердичевскій же указалъ, что ранѣе уже бывали попытки подобныхъ предпріятій, и что хотя дѣло это и будетъ сопровождаться насиліемъ, однако обойдется безъ пролитія крови, такъ какъ лица, сопровождающія почту, по всей вѣроятности, не окажутъ никакакого сопротивленія. Разговоръ этотъ происходилъ за нѣсколько дней до перваго нападенія на почту подъ г. Харьковомъ. Не имѣя ничего возразить Бердичевскому по существу, Ивановъ выразилъ пассивное согласіе, причемъ заявилъ однако, что въ виду неполноты и неясности пункта программы партіи, трактующаго о конфискаціи, онъ считаетъ необходимымъ выполненіе подобнаго предпріятія оставить на личной отвѣтственности участниковъ его. Прямыхъ предложеній участвовать въ этомъ дѣлѣ Ивановъ никому не дѣлалъ, но, постоянно видаясь съ будущими исполнителями его и ночуя у нихъ, велъ съ ними разговоры по этому предмету; иниціаторомъ же и руководителемъ всего дѣла былъ Бердичевскій. Опредѣленнаго плана нападенія, впрочемъ, не было; не была даже заранѣе подготовлена участниками возможность скрыться. На почту было совершенно два нападенія, третье же, имѣвшее мѣсто между первымъ и послѣднимъ, не было дѣломъ революціонеровъ. Участниками нападеній были: Елько, Панкратьевъ, Борисевичъ, Василій Ивановъ Вольновъ, Кирилло (Антоновъ), Всеволодъ Гончаровъ и Бердичевскій. Въ день послѣдняго нападенія онъ, Ивановъ, ночевалъ у Василія Иванова Вольнова, желая поскорѣе узнать объ исходѣ дѣла. Что касается показаній, данныхъ по этому предмету Зенинымъ, то

онъ, Ивановъ, признаетъ ихъ неправильными, ибо участвовать въ нападеніи на почту онъ Зенину никогда не предлагалъ и ничего съ нимъ объ этомъ дѣлѣ не говорилъ; въ квартирѣ Софьи Карпъ никакихъ совѣщаній по этому дѣлу не происходило и квартира эта служила лишь для явокъ и иногда тамъ происходили отдѣльныя свиданія. Черезъ нѣсколько дней послѣ послѣдняго нападенія на почту всѣ участники этого дѣла были уже внѣ Харькова. Онъ, Ивановъ, оставался тамъ дольше всѣхъ, какъ непринимавшій непосредственнаго участія въ нападеніяхъ и потому находившійся въ сравнительной безопасности. Онъ по мѣрѣ силъ заботился о выѣздѣ прочихъ товарищей и, между прочимъ, отправилъ Василія Вольнова въ Мелитополь, а также выпроводилъ тогда же изъ Харькова прибывшаго туда, кажется изъ Одессы, нелегальнаго «Федора» (Бартенева), причемъ, можетъ быть, и далъ ему паспортъ. Въ концѣ Октября или въ началѣ Ноября 1883 г. выѣхалъ изъ Харькова и онъ, Ивановъ, и весь Ноябрь прожилъ въ провинціи въ Ростовѣ на Дону, Екатеринославѣ и Мелитополѣ, гдѣ видѣлся съ Василіемъ Вольновымъ и обсуждалъ съ нимъ планъ устройства слесарной мастерской для пропаганды въ рабочей средѣ. Возвратясь въ Харьковъ въ концѣ Ноября или въ началѣ Декабря, онъ, Ивановъ, узналъ отъ находившагося тамъ Гончарова, что въ Харьковъ передъ тѣмъ пріѣзжалъ «Сергѣй Петровичъ», т. е. Дегаевъ, къ которому всѣ Харьковцы относились съ большимъ уваженіемъ и довѣріемъ, считая его непосредственно связаннымъ съ центромъ, и пробывъ недолго, уѣхалъ обратно въ Петербургъ, взявъ съ собою «Владиміра Николаевича», т. е. Елько, для приведенія тамъ въ порядокъ паспортнаго дѣла. Въ двадцатыхъ числахъ Декабря поѣхалъ въ Петербургъ по приглашенію и онъ, Ивановъ, но какимъ путемъ онъ получилъ это приглашеніе, и, если письмомъ, то было ли таковое подписано «Владиміръ Николаевичъ», «Алексѣй Константиновичъ» или «Александръ Ивановичъ», онъ припомнить не можетъ. Уже на пути, въ вагонѣ онъ узналъ изъ газетъ объ убійствѣ подполковника Судейкина и былъ этимъ неожиданнымъ извѣстіемъ крайне пораженъ. Прибывъ затѣмъ въ Петербургъ, онъ засталъ тамъ большой переполохъ. Конспирація, связанная съ убійствомъ подполковника Судейкина, велась очень строго и о фактѣ этомъ, кромѣ непосредственныхъ его участниковъ, никто ничего не зналъ;

впослѣдствіи уже онъ слышалъ, что участниками этого дѣла называли Стародворскаго, Конашевича и Лопатина; подлинную же исторію этого убійства онъ узналъ гораздо позже, при позднѣйшемъ знакомствѣ съ Лопатинымъ и, главнымъ образомъ, въ бытность свою за границей. Въ Петербургѣ онъ, Сергѣй Ивановъ, видался тогда съ Елько, Якубовичемъ, Константиномъ Алексѣевичемъ (былъ ли это Степуринъ, онъ припомнить не можетъ, равно какъ не можетъ признать съ точностью послѣдняго и по карточкѣ, ему предъявленной) и долженъ былъ видѣться съ Григоріемъ Петровичемъ т. е. Лопатинымъ, но свиданіе это почему то не состоялось. Участія въ обсужденіи убійства рабочаго Шкріобы онъ, Сергѣй Ивановъ, не принималъ и никакихъ предложеній или приказаній по этому поводу Петру Елько не давалъ, но дѣйствительно слышалъ тогда въ Петербургѣ, что Шкріоба—агентъ подполковника Судейкина и что рѣшено покарать его за это смертью. Говорилось это отъ имени «центра», фактическое существованіе котораго подтверждалось убійствомъ подполковника Судейкина. Онъ, Ивановъ, зналъ также, что Елько, выѣхавшій изъ Петербурга черезъ нѣсколько дней послѣ прибытія туда его, Иванова, направляется въ Харьковъ, гдѣ будетъ между прочимъ стараться о приведеніи въ исполненіе рѣшенія, касающагося убійства Шкріобы, и въ бесѣдахъ своихъ съ Елько по этому поводу никакихъ возраженій противъ этого рѣшенія не представлялъ, разъ фактъ объ образѣ дѣйствій Шкріобы былъ вѣренъ. Приказаній же по этому поводу Петру Елько онъ не могъ давать, какъ въ силу своего неопредѣленнаго положенія въ организаціи, такъ и потому, что до того времени Шкріобу совсѣмъ не зналъ и въ подробности дѣла его, связаннаго съ дѣятельностью Дегаева, посвященъ не былъ. Въ Петербургѣ онъ, Сергѣй Ивановъ, прожилъ тогда не долѣе недѣли. Изъ всего, что ему тогда удалось узнать здѣсь о положеніи революціонной партіи, онъ лично пришелъ къ заключенію, что «центръ» организаціи находится за границей; въ Петербургѣ же опредѣленной организаціи повидимому не существовало и всѣ говорили лишь о возможномъ пріѣздѣ нѣсколькихъ человѣкъ изъ-за границы, съ прибытіемъ которыхъ связывалось разрѣшеніе вопроса объ обще-русской революціонной организаціи и т. п. Наряду съ этими ожиданіями было однако нѣсколько опредѣленныхъ плановъ относительно ближайшихъ дѣйствій, какъ-то:

выпускъ 10-го номера «Народной Воли», для котораго часть матеріала была уже налицо, и организовалась для выпуска этого номера типографія въ Кіевѣ. Такъ какъ онъ, Сергѣй Ивановъ, предполагалъ ѣхать изъ Петербурга на югъ, то ему было тогда же поручено заѣхать въ Кіевъ и передать тамъ супругамъ Шебалинымъ, которые завѣдывали въ Кіевѣ всѣми революціонными дѣлами и должны были устроить тамъ типографію, собранныя въ Петербургѣ для 10-го номера статьи: «Отвѣтъ конституціоналистамъ», «письмо изъ Парижа» и «письмо изъ Варшавы». Статьи эти были переданы ему, Иванову, какъ ему кажется, Константиномъ Алексѣевичемъ, передавшимъ ему тогда же и рекомендательную записку къ Шебалинымъ. Въ концѣ Декабря 1883 г. или въ самомъ началѣ Января 1884 г. онъ, Ивановъ, поѣхалъ изъ Петербурга въ Москву, гдѣ долженъ былъ собрать матеріалы для «арестной хроники» 10-го номера, а также корреспонденціи для того же номера, но, такъ какъ никакихъ указаній или рекомендацій въ Москву ему изъ Петербурга дать не могли, то, пробывъ въ Москвѣ около недѣли и не достигнувъ почти никакихъ результатовъ, онъ около 10 Января 1884 г. отправился далѣе въ Кіевъ. Тамъ онъ пробылъ не долго, видѣлся съ Шебалиными передалъ имъ рукописи, узналъ, что типографія еще только организуется, познакомился чрезъ Шебалиныхъ со Стародворскимъ и черезъ нѣсколько дней уѣхалъ въ Харьковъ, гдѣ узналъ о совершившемся убійствѣ Шкріобы. Затѣмъ онъ ѣздилъ въ Ростовъ на Дону для свиданія съ Абрамомъ Бахомъ, котораго до того времени не зналъ, и въ Февралѣ 1884 г. вернулся въ Харьковъ. Вслѣдъ за его возвращеніемъ въ этотъ городъ тамъ было получено нѣсколько писемъ изъ Петербурга, изъ которыхъ можно было видѣть, что въ партіи происходятъ какія-то разногласія. Здѣсь онъ, об. Ивановъ, получилъ приглашеніе изъ Кіева пріѣхать туда для переговоровъ. Отправясь по этому приглашенію, онъ видѣлся въ Кіевѣ съ Шебалиными и Стародворскимъ и изъ бесѣдъ съ ними узналъ, что возникшія въ партіи разногласія касались не только организаціонной части программы, но и теоретической, а именно вопроса о фабричномъ и аграрномъ террорѣ, и что несогласія эти возникли подъ вліяніемъ какъ разоблачившейся отчасти дѣятельности Дегаева, такъ и того общаго неопредѣленнаго и выжидательнаго положенія, въ которомъ находилась тогда партія.

Л. д. 108—110

Л. д. 299 т. VI.

Свое собственное мнѣніе по поводу вопросовъ, служившихъ предметомъ этихъ разногласій, онъ, Ивановъ, изложилъ тогда въ отобранной у Ранца въ Ростовѣ на Дону предъявленной ему рукописи, начинающейся словами: «Въ основѣ организаціи партіи, Народной Воли».... Не прійдя въ своихъ бесѣдахъ съ кіевскими дѣятелями ни къ какимъ конечнымъ выводамъ, онъ, Ивановъ, возвратился въ Харьковъ, чтобы посовѣтоваться съ товарищами по тѣмъ же вопросамъ, и здѣсь подъ вліяніемъ всего, что узналъ о Дегаевѣ, составилъ проектъ письма къ «заграничному центру», которое однако за отсутствіемъ связей съ «заграницей» по назначенію послано быть не могло и осталось среди ненужныхъ бумагъ, а затѣмъ попало въ число документовъ, отданныхъ на храненіе обвиняемому Ранцу и было отобрано у послѣдняго при обыскѣ. Февраль и первую половину Марта 1884 г. онъ, Ивановъ, провелъ въ Харьковѣ вмѣстѣ съ Гончаровымъ. Въ теченіи всего этого времени они продолжали получать изъ Петербурга письма, изъ которыхъ было видно, что неурядица и разногласія тамъ продолжаются. Въ одномъ изъ такихъ писемъ, за подписью, кажется, «Алексѣй Константиновичъ», предназначавшемся «всѣмъ южанамъ», между прочимъ, говорилось, что отношенія въ Петербургѣ сильно обостряются, что оппозиціонная группа почти совсѣмъ выдѣляется и думаетъ сама немедленно приступить къ изданію № 10 «Народной Воли», въ которомъ группа эта намѣревается высказать новые взгляды на программу партіи и на средства революціонной борьбы. Далѣе въ письмѣ излагалось, что, не имѣя сами достаточно силъ для удержанія этой группы отъ подобнаго шага, «Петербургскіе революціонеры» просятъ «южанъ» изложить въ условной телеграммѣ, форма и адресъ для которой прилагались, ихъ отрицательный взглядъ на это, чѣмъ, быть можетъ, удастся, хотя на время, пріостановить выходъ въ свѣтъ указаннаго только что 10 нумера и предотвратить открытый расколъ въ средѣ партіи. Въ отвѣтъ на это письмо онъ, Ивановъ, и Гончаровъ послали въ Петербургъ телеграмму на имя Эртеля и письмо, въ коемъ сообщали, что не могутъ сочувствовать изданію такого номера «Народной Воли», который явится выразителемъ мнѣній не всей партіи, а лишь одной изъ ея группъ, тѣмъ болѣе, что изданіе органа партіи есть дѣло ея «центра».

Что касается только что упомянутой Сергѣемъ Ива-

новымъ телеграммы, то дознаніемъ установлено, что таковая дѣйствительно была получена въ Петербургѣ 15 Февраля 1884 г. на имя Эртеля и оказалась слѣдующаго содержанія: «Статья годится, но не вся. Линевъ». По сличеніи почерка подлинной телеграммы съ почеркомъ обвиняемаго Сергѣя Иванова экспертизой признано, что эти почерки сходны между собою. Мѣщанинъ Александръ Эртель, спрошенный при дознаніи, показалъ, что знакомый его студентъ Дмитрій Перелешинъ предупреждалъ его, что на его имя должна быть получена корреспонденція для него, Перелешина; и дѣйствительно онъ, Эртель, получалъ телеграммы и письма, въ томъ числѣ денежное на 400 р. изъ Кіева, которыя передавалъ Перелешину, но не помнитъ чтобы имъ была получена телеграмма изъ Харькова за подписью Линева или другаго лица.

Прил. № 5 л. д. 102.

Прил. № 5 л. 118.

Прил. № 5 л. д. 95, 111.

Дворянинъ Дмитрій Перелешинъ показалъ, что въ началѣ 1884 г. по просьбѣ одного знакомаго, назвать котораго онъ отказывается, онъ далъ ему адресъ Эртеля, на который послѣ того получались письма, деньги и телеграммы съ юга, изъ Харькова или изъ Кіева, онъ не помнитъ, въ томъ числѣ была получена и телеграмма за подписью Линева.

Прил. № 5 л. д. 248, 251.

По предъявленіи обвиняемому Сергѣю Иванову подлинной телеграммы на имя Эртеля за подписью «Линевъ», Ивановъ призналъ ее за ту самую, которая была написана и послана имъ въ Петербургъ въ отвѣтъ на письмо «Алексѣя Константиновича».

Далѣе Сергѣй Ивановъ показалъ, что послѣ этого письма въ Харьковѣ продолжали получаться другія подобныя же письма съ приглашеніями всѣхъ, кому возможно, прибыть въ Петербургъ, чтобы выяснить наконецъ всѣ существующія разногласія и опредѣлить общее положеніе революціонныхъ дѣлъ. Вслѣдствіе этого онъ, Ивановъ, въ половинѣ Марта 1884 г. отправился въ Петербургъ. Одною изъ цѣлей этой поѣздки было взаимное желаніе познакомиться съ Германомъ Лопатинымъ, Неонилой Саловой и Василіемъ Сухомлинымъ, прибывшими тогда въ Петербургъ и извѣстными въ партіи подъ именами: «Германа», «Евгеніи Александровны Колосовой» и «Ивана Андреевича», съ которыми онъ по пріѣздѣ въ Петербургъ дѣйствительно познакомился, а также видѣлся и съ представителями новаго направленія въ партіи: Петромъ Якубовичемъ, котораго зналъ еще ранѣе, какъ това

Л. д. 110 об.—112, 26, 27.

рица по университету, Михаиломъ Овчинниковымъ и Петромъ Мануйловымъ. Все время пребыванія своего въ Петербургѣ въ теченіи 3-хъ или 4-хъ недѣль онъ, Ивановъ, имѣлъ постоянныя объясненія съ этими лицами, и результатомъ ихъ совѣщаній было совершенное отдѣленіе приверженцевъ аграрнаго и фабричнаго террора, окончательно выдѣлившихся изъ общей организаціи въ особую группу подъ именемъ «молодой партіи Народной Воли». Что касается до него, Иванова, то онъ лично доказывалъ, что участіе революціонеровъ въ фабричномъ и аграрномъ терроръ и даже пропаганда послѣдняго въ средѣ народа и рабочихъ вредны и даже отчасти безнравственны, какъ проповѣдь и призывъ къ безполезному кровопролитію, при которомъ народъ безпристрастно и разумно дѣйствовать не можетъ. Тогда же въ Петербургѣ впервые опредѣлилось съ точностью положеніе его, Иванова, въ организаціи, какъ члена «южной центральной группы партіи Народной Воли». Однако организаціонные вопросы и тогда еще не были вполнѣ выяснены и окончательное рѣшеніе ихъ откладывалось до того времени, когда будутъ приведены въ извѣстность наличныя революціонныя силы Россіи. Для этой цѣли было признано необходимымъ установить пути для сношеній, что и было выполнено имъ, Ивановымъ, совмѣстно съ Лопатинымъ, Саловой и Сухомлинымъ, а также поддерживать и развивать провинціальныя группы. Первымъ же практическимъ дѣломъ было поставлено на очередь: изданіе 10-го номера «Народной Воли», для котораго онъ, Ивановъ, вмѣстѣ съ другими лицами, взялся устроить типографію на югѣ, въ Ростовѣ на Дону, какъ наиболѣе удобномъ для этого пунктѣ. Въ половинѣ Апрѣля 1884 г. онъ, Ивановъ, уѣхалъ въ Москву, гдѣ тоже велъ дебаты съ находившимися тамъ сторонниками «молодой партіи Народной Воли», а затѣмъ поѣхалъ въ Ростовъ на Дону, гдѣ и жилъ съ небольшими промежутками до Ноября того же года. Въ теченіи этого времени въ Ростовѣ на Дону была устроена при содѣйствіи его, Иванова, тайная типографія, въ которой лѣтомъ и осенью 1884 г. былъ напечатанъ № 10 й журнала «Народная Воля», а въ г. Луганскѣ были изготовлены разрывные снаряды. Относительно Ростовской типографіи Ивановъ объяснилъ, что, прибывъ въ Ростовъ на Дону въ Іюнѣ или въ началѣ Іюля 1884 г., онъ засталъ уже тамъ многое подготовленнымъ: квартира для типографіи была нанята въ той

Т. X л. д. 27, 26 об.

Т. X л. д. 28—30.

именно мѣстности, о которой упоминаютъ въ своихъ показаніяхъ Антоновъ и Елько, лица, приглашенныя для работы, находились на мѣстѣ, часть шрифта имѣлась налицо, другую привезъ съ собою онъ, Ивановъ, а валъ былъ сдѣланъ въ самомъ Ростовѣ. Участіе въ устройствѣ типографіи и впослѣдствіи въ работахъ по печатанію принимали исключительно пріѣзжіе, мѣстные же въ этомъ дѣлѣ не участвовали и даже не знали о существованіи типографіи. Лицъ, которыя работали въ типографіи, онъ, Ивановъ, назвать не желаетъ, за исключеніемъ Генріетты Добрускиной и Кирилла, т. е. Антонова, которые сами признали свое участіе въ этомъ дѣлѣ. Самъ онъ, Ивановъ, прибывъ въ Ростовъ, поселился тамъ по паспорту на имя землевладѣльца Луки Максимовича Лысенко, по которому и жилъ тамъ до половины или до конца Августа, непосредственно участвуя въ работахъ по устройству типографіи и набору номера. Однако, за неприсылкой статей и за отсутствіемъ у работниковъ типографіи техническихъ знаній, дѣло шло очень медленно и къ половинѣ Августа былъ отпечатанъ только первый листъ. Въ это время онъ, Ивановъ, случайно узналъ о томъ, что полиція розыскиваетъ лицо, проживающее по документу на имя Луки Лысенко и вслѣдствіе этого скрылся изъ Ростова съ такою поспѣшностью, что не могъ даже забрать на квартирѣ своей вещи, которыя тамъ и остались. Возвратился онъ въ Ростовъ только въ началѣ или въ половинѣ Сентября и тогда узналъ, что въ его отсутствіе были присланы всѣ необходимыя рукописи и привезенъ еще шрифтъ; но въ то же время сожженъ отпечатанный ранѣе первый листъ, такъ какъ онъ нѣсколько отличался по содержанію отъ такого же листа изданія сѣверной, какъ онъ, Ивановъ, впослѣдствіи узналъ, дерптской типографіи. Оставаясь въ Ростовѣ, онъ, Ивановъ, принималъ непосредственное участіе въ дальнѣйшихъ работахъ по набору и отпечатанію 10-го номера до ихъ окончанія, а также въ послѣдовавшей затѣмъ уборкѣ шрифта и другихъ принадлежностей типографіи; при выѣздѣ же своемъ изъ Ростова увезъ съ собою часть отпечатанныхъ тамъ экземпляровъ 10-го номера «Народной Воли». Антоновъ работалъ въ типографіи въ теченіи Іюля и Августа, но затѣмъ былъ удаленъ, такъ какъ его пребываніе не только въ самой типографіи, но и въ Ростовѣ вообще, было признано по нѣкоторымъ частнымъ причинамъ неудоб-

нымъ; что же касается до Генріетты Добрускиной, то она принимала въ этомъ дѣлѣ еще меньшее участіе и лишь два или три раза послѣ отъѣзда Антонова приходила помогать имъ при разборѣ шрифта.

Л. д. 30 об., 31, 32, 35—37.

Относительно изготовленія разрывныхъ снарядовъ въ г. Луганскѣ, Сергѣй Ивановъ объяснилъ, что спеціально этимъ дѣломъ онъ не занимался, а лишь зналъ объ этомъ и принялъ нѣкоторое косвенное въ немъ участіе. О связяхъ съ Луганскомъ, о возможности изготовлять тамъ разрывные снаряды и о производствѣ уже тамъ нѣкоторыхъ опытовъ въ этомъ направленіи, онъ, Ивановъ, впервые узналъ отъ Гончарова въ Харьковѣ въ началѣ 1884 г.; когда же затѣмъ онъ въ концѣ Мая или въ началѣ Іюня того же года проѣзжалъ чрезъ Харьковъ, направляясь въ Ростовъ, и когда ему въ Харьковѣ дали нѣкоторыя революціонныя изданія для доставленія ихъ по пути въ г. Луганскъ, то Гончаровъ поручилъ ему, въ случаѣ если тамъ (въ Луганскѣ) уже готовы снаряды, взять ихъ и свезти въ Ростовъ, гдѣ они могли быть отданы на сохраненіе въ квартиру тайной типографіи, въ устройствѣ которой и Гончаровъ принималъ участіе. Пріѣхавъ въ Луганскъ, онъ, Ивановъ, видѣлся тамъ съ Иваномъ Гейеромъ, которому, какъ ему кажется, и передалъ привезенные имъ съ собой изъ Харькова «Вѣстникъ Народной Воли» и другія революціонныя изданія, и въ это время, по приглашенію Гейера, присутствовалъ при пробѣ одного разрывнаго снаряда вмѣстѣ съ Гейеромъ, Андреемъ Бѣлоусовымъ и Ешинымъ. Были ли также при этомъ Семенъ Бѣлоусовъ и Кирсановъ, онъ, Ивановъ, опредѣленно не помнитъ, хотя и оспаривать этого не можетъ; но съ увѣренностью можетъ сказать, что Ешинъ присутствовалъ въ качествѣ простаго зрителя и въ дѣлѣ этомъ никакого ближайшаго участія не принималъ. Означенный опытъ далъ неудовлетворительные результаты, такъ какъ снарядъ не разорвался. Никакихъ техническихъ замѣчаній по этому поводу онъ, Ивановъ, тогда не дѣлалъ и дѣлать не могъ, будучи «совершеннымъ профаномъ» въ этомъ дѣлѣ. Привозилъ ли онъ, Ивановъ, въ Луганскъ типографскій шрифтъ, а также деньги и мелкія принадлежности для работъ по изготовленію снарядовъ, онъ опредѣленно не помнитъ, равно какъ не можетъ признать личности, изображенной на предъявленной ему фотографической карточкѣ

обвиняемаго Василія Кирсанова; напоминающей впрочемъ ему кого то знакомаго.

На другой или на третій день послѣ пріѣзда своего въ Луганскъ онъ, Ивановъ, уѣхалъ оттуда въ Ростовъ, куда въ Іюлѣ пріѣзжалъ на нѣсколько дней Василій Сухомлинъ, съ которымъ онъ, Ивановъ, видѣлся тогда въ городскомъ саду и у себя на квартирѣ; о цѣли своего пріѣзда въ Ростовъ Сухомлинъ ему тогда ничего не говорилъ и, зачѣмъ собственно онъ пріѣзжалъ туда, Ивановъ не знаетъ. Въ томъ же Іюлѣ пріѣхалъ въ Ростовъ Всеволодъ Гончаровъ и привезъ съ собою шрифтъ для типографіи и четыре снаряда, которые были сперва временно отданы на храненіе Генріеттѣ Добрускиной, а затѣмъ переданы въ квартиру тайной типографіи. Въ Августѣ пріѣхалъ въ Ростовъ Иванъ Гейеръ, для чего именно, онъ, Ивановъ, не знаетъ, но, насколько помнитъ, не по его, Иванова, приглашенію. Ивановъ воспользовался этимъ пріѣздомъ Гейера и предложилъ ему занять стеклянныя трубочки отъ снарядовъ, изъ которыхъ вслѣдствіе поврежденія ихъ могла проливаться сѣрная кислота, что и было Гейеромъ исполнено на квартирѣ Добрускиной. Тогда же онъ, Ивановъ, имѣлъ съ Гейеромъ объясненіе, при чемъ высказалъ ему, что, какъ человѣку, уже скомпрометированному, ему, Гейеру, необходимо, если онъ желаетъ заняться какимъ либо революціоннымъ дѣломъ, перейти на нелегальное положеніе. Снаряды послѣ передачи ихъ въ квартиру ростовской тайной типографіи хранились тамъ и осенью 1884 г.; въ Сентябрѣ же по своемъ возвращеніи въ Ростовъ онъ, Ивановъ, узналъ, что два изъ нихъ были увезены оттуда, но куда именно и для чего, объ этомъ тогда никто не зналъ. Снаряды эти были совершенно похожи на отобранные у Германа Лопатина, предъявленные ему, Иванову, при допросѣ. Опредѣленной цѣли при изготовленіи снарядовъ, насколько ему, Иванову, извѣстно, въ виду не имѣлось; дѣлались они просто потому, что была возможность ихъ изготовить, а затѣмъ хранились, какъ и всякій революціонный матеріалъ на случай необходимости. Въ концѣ Октября или въ началѣ Ноября 1884 г. 10-й номеръ «Народной Воли» былъ уже отпечатанъ, а произведенные передъ тѣмъ въ Ростовѣ аресты, послѣдовавшіе вслѣдствіе задержанія въ Петербургѣ Германа Лопатина, побуждали спрятать куда либо въ безопасное мѣсто все революціонное иму-

Т. X л. д. 36, 37, 102.

ществo, находившееся въ помѣщеніи ростовской тайной типографіи. Послѣ этихъ арестовъ у него, Иванова, не осталось въ Ростовѣ никого изъ знакомыхъ, кому бы можно было сдать означенные предметы на храненіе, и потому онъ оказался вынужденнымъ обратиться къ лично ему почти незнакомымъ рабочему Августу Райху и служившему въ складѣ швейныхъ машинъ Нейдлингера—Макару Попову, о которыхъ онъ лишь слышалъ, что они принадлежатъ къ числу лицъ, среди которыхъ производилась революціонная пропаганда. Какъ Поповъ, такъ и Райхъ первоначально отказали ему и только послѣ долгихъ и настоятельныхъ просьбъ его, Иванова, согласились взять къ себѣ на сохраненіе: Поповъ—часть шрифта и другихъ типографскихъ принадлежностей, а также два оставшихся на храненіи въ типографіи разрывныхъ снаряда, а Райхъ—остальную часть типографскихъ принадлежностей и шрифта. При этомъ онъ, Ивановъ, просилъ Макара Попова: снаряды, если будетъ возможно, уничтожить, а впредь до уничтоженія залить ихъ для безопасности воскомъ. Было ли это исполнено, онъ не знаетъ; впослѣдствіи, впрочемъ, слышалъ, но гдѣ и отъ кого не помнитъ, что снаряды дѣйствительно были уничтожены. Что же касается до типографскихъ принадлежностей, то они были уложены и затюкованы въ помѣщеніи тайной типографіи при участіи лицъ, въ ней работавшихъ, и отвезены на ломовыхъ извощикахъ къ Макару Попову и Райху. При этомъ, быть можетъ, онъ, Ивановъ, и указывалъ Райху на Антона Остроумова, какъ на лицо, которому Райхъ впослѣдствіи можетъ передать эти предметы, но, насколько онъ, Ивановъ, помнитъ, онъ съ Райхомъ объ этомъ опредѣленно не условливался. Въ половинѣ Ноября онъ, Ивановъ, уѣхалъ изъ Ростова и о дальнѣйшей судьбѣ всѣхъ названныхъ предметовъ ничего не знаетъ. Положеніе революціонныхъ дѣлъ послѣ ареста Германа Лопатина было, по объясненію Сергѣя Иванова, таково, что невозможно было помышлять не только о дальнѣйшемъ объединеніи революціонной дѣятельности по всей Россіи, но и о поддержаніи простой связи между отдѣльными мѣстностями, ибо изъ членовъ организаціи уцѣлѣло счетомъ нѣсколько человѣкъ, а связи съ заграничными дѣятелями совершенно прекратились. Эти обстоятельства въ связи съ естественнымъ желаніемъ его, Иванова, познакомиться съ «ветера-

нами», какъ онъ выражается, «русской революціи», пребывающими за границей, а также съ положеніемъ тамъ печатнаго органа партіи: «Вѣстника Народной Воли» и вообще литературно-революціоннаго дѣла, и, наконецъ, личная необходимость для него, Иванова, въ отдыхѣ, побудили его, Иванова, отправиться въ началѣ 1885 г. за границу. Но, желая доставить туда какъ можно больше свѣдѣній изъ всѣхъ концовъ Россіи, онъ предварительно отправился изъ Ростова въ Москву и Петербургъ, чтобы на мѣстѣ собрать свѣдѣнія о послѣднихъ событіяхъ. Въ Петербургѣ онъ былъ въ этотъ разъ въ 20-хъ числахъ Декабря 1884 г., останавливался въ меблированныхъ комнатахъ на углу Караванной улицы и Невскаго проспекта, прописавшись тамъ по дубликату паспорта на имя дворянина Паціоры и, пробывъ дня четыре, выѣхалъ за границу. Паспортъ на имя Паціоры онъ, Ивановъ, получилъ, не помнитъ отъ кого, гдѣ то на югѣ, самого же Паціору совсѣмъ не знаетъ. Въ теченія времени пребыванія своего за границей онъ, Ивановъ, убѣдился, что литературно-революціонная работа тамъ требуетъ самой широкой помощи изъ Россіи въ смыслѣ средствъ, матеріаловъ и свѣдѣній, безъ которыхъ вести эту работу за границей представляется совершенно невозможнымъ. Между тѣмъ въ то время не только изсякла всякая помощь, но почти прекратилась даже переписка съ Россіей, такъ что за недостаткомъ средствъ пріостановилось самое изданіе «Вѣстника Народной Воли». Для поддержанія дѣла представлялось, такимъ образомъ, необходимымъ, чтобы кто либо изъ людей, непрервавшихъ еще личныхъ связей съ Россіей, отправился сюда и попытался сдѣлать что либо въ этомъ направленіи. Такихъ людей за границей въ то время было лишь двое: Абрамъ Бахъ, настолько больной, что ему нельзя было и думать о подобной поѣздкѣ, и онъ, Ивановъ, вслѣдствіе чего онъ и рѣшился возвратиться въ Россію съ тѣмъ, чтобы побывать въ разныхъ мѣстностяхъ, завязать связи для полученія матеріаловъ и средствъ на литературно-революціонное дѣло, и лѣтомъ 1886 г. отправиться обратно за границу. Такимъ образомъ въ половинѣ Октября 1885 г. онъ, Ивановъ, возвратился въ Россію чрезъ Волочискъ, откуда 17 Октября прибылъ въ Кіевъ по Румынскому національному паспорту на имя Николау. Объ обстоятельствахъ своей дальнѣйшей жизни въ Россіи до своего ареста обви-

Т. X л. 114.

Л. 114—117.

Л. д. 24 об., 25, 191, 46, 47.

нѣмый Сергѣй Ивановъ отказался давать показаніе, объяснивъ лишь что въ Кіевѣ онъ прожилъ въ Октябрѣ 1885 г. всего два-три дня и былъ тамъ вторично на нѣсколько дней въ Декабрѣ того же года, при чемъ въ этотъ разъ останавливался въ домѣ № 5 по Большой Васильковской улицѣ, гдѣ былъ прописанъ по подложному, имъ самимъ составленному и отобранному у него при обыскѣ, виду на имя дворянина Алексѣя Лунина; что въ Ноябрѣ того же года онъ прожилъ двое сутокъ въ Тулѣ по другому подложному виду, у него отобранному, на имя сына священника Павла Моисеенко и, наконецъ, прибылъ въ Петербургъ вечеромъ 14-го Января 1886 года и остановился въ меблированныхъ комнатахъ въ домѣ № 3 по Владимірской улицѣ, гдѣ предъявилъ имѣвшійся у него видъ на имя сына священника Петра Соколова и прожилъ тамъ до своего ареста, 18-го Января.

Л. д. 90, 91. По поводу показанія обвиняемаго Петра Антонова относительно участія его, Иванова, въ рѣшеніи вопроса о нападеніи на почту подъ г. Воронежемъ Сергѣй Ивановъ заявилъ, что никакого отношенія къ этому дѣлу онъ не имѣлъ, ничего о немъ не зналъ и обвиняемаго Антонова ни для участія въ этомъ нападеніи, ни для какихъ либо иныхъ цѣлей въ Воронежъ осенью 1885 года не посылалъ.

Л. д. 57 об., 59—41. По предъявленіи тѣхъ бумагъ изъ числа отобранныхъ при обыскѣ у Герша Ранца въ г. Ростовѣ на Дону, которыя по заключенію экспертовъ оказались писанными почеркомъ Сергѣя Иванова, послѣдній, потверждая что бумаги эти дѣйствительно писаны имъ, показалъ, что Ранца онъ зналъ лишь какъ лицо, по адресу котораго должны были получаться конспиративныя письма; лично же Ранцъ никакого участія въ революціонныхъ дѣлахъ не принималъ, и какимъ образомъ могли попасть къ нему эти рукописи, онъ, Ивановъ, не знаетъ. Объясненіе Иванова о происхожденіи двухъ изъ числа этихъ рукописей изложено выше;

Т. X л. 38, 39. относительно же прочихъ Сергѣй Ивановъ показалъ, что изъ числа ихъ: «Уставъ мѣстныхъ группъ партіи Народной Воли» былъ имъ переписанъ въ Харьковѣ въ Августѣ 1883 года съ пришедшаго въ ветхость подлинника; въ это время съ него было снято нѣсколько копій, такъ какъ въ немъ чувствовалась необходимость въ провинціи; прокламацію «письмо къ солдатамъ» онъ получилъ и передѣлалъ также въ Харьковѣ, гдѣ предполагали помѣстить ее во второмъ изда-

ніи революціоннаго сборника «Рабочій», первое изданіе котораго вышло въ концѣ 1883 года; но это второе изданіе не было выпущено; рукопись «необузданный разгулъ правительственнаго деспотизма», набросана имъ, Ивановымъ, въ Харьковѣ со словъ Гончарова; кѣмъ и когда писанъ другой экземпляръ той же рукописи, отобранный у Ранца и для чего всѣ эти рукописи были переданы въ Ростовъ онъ, обвиняемый, не знаетъ. По поводу отобранныхъ у него шифрованныхъ замѣтокъ Сергѣй Ивановъ объяснилъ, что лица, л. д. 70.
въ этихъ замѣткахъ записанныя, по большей части, ничего общаго съ революціонными дѣлами не имѣютъ, но тѣмъ не менѣе иной разъ даже безъ ихъ вѣдома могли служить революціоннымъ цѣлямъ, или же быть полезны ему, Иванову, какъ интересующіяся вопросами общественной жизни и разными ея проявленіями, или, наконецъ, просто, какъ лица, въ кругу которыхъ онъ могъ нѣкоторое время отдохнуть отъ своихъ революціонныхъ дѣлъ и заботъ.

По поводу остальнаго, отобраннаго у него по обыску, Сергѣй Ивановъ никакихъ объясненій не далъ, заявивъ лишь, что рукописи и замѣтки, признанныя л. д. 23.
экспертизою писанными сходнымъ съ его почеркомъ, дѣйствительно писаны имъ и что оказавшійся въ числѣ его бумагъ печатный рисунокъ типографской наборной рамы пріобрѣтенъ имъ, какъ могущій пригодиться при устройствѣ тайной типографіи.

При повѣркѣ показанія Сергѣя Иванова о пребываніи его въ г. Петербургѣ въ Декабрѣ 1884 года осмотромъ книги для записки проживающихъ въ домѣ № 64/11 на углу Невскаго проспекта и Караванной улицы установлено, что въ меблированныхъ комнатахъ, содержимыхъ въ этомъ домѣ женою чиновника Елизаветою Зобекъ, проживалъ съ 22 по 26 Декабря 1884 года дворянинъ Иванъ Николаевъ Націора по свидѣтельству Пирятинскаго уѣзднаго полицейскаго управленія отъ 13 Февраля 1884 года за № 1397, и отмѣченъ выбывшимъ въ г. Харьковъ. По предъявленіи служащимъ въ этой квартирѣ крестьянину Александру Крылову и мѣщанкѣ Маріи Анисимовой фотографической карточки обвиняемаго Сергѣя Иванова они признали въ ней личность, проживавшую у нихъ подъ именемъ Націоры.

Дворянинъ же Полтавской губерніи Иванъ Націора показалъ, что свидѣтельство Пирятинскаго уѣзднаго полицейскаго управленія находилось у него въ тече-

ніи всего 1884 года и что Сергѣя Иванова онъ не знаетъ и не можетъ объяснить, какимъ образомъ могъ быть поддѣланъ письменный видъ на имя его, Паціоры.

При разслѣдованіи пребыванія Сергѣя Иванова въ Декабрѣ 1885 года въ Кіевѣ по осмотру домовой книги въ меблированныхъ комнатахъ подъ названіемъ «Юго-западные номера» въ домѣ № 5 по Большой Васильковской улицѣ оказалась записанною личность, проживавшая по паспорту на имя Лукина, отобранному впослѣдствіи при обыскѣ у Сергѣя Иванова; но никто изъ служащихъ въ означенныхъ номерахъ не могъ припомнить этой личности.

Т. X л. д. 18 об., 183, 184.

Изъ приложенныхъ къ дознанію справокъ видно:

Т. X л. 208.

1) что Сергѣй Ивановъ ранѣе сего привлекался по обвиненію въ государственномъ преступленіи къ дознанію, производившемуся въ 1881 году въ С.-Петербургскомъ губернскомъ жандармскомъ управленіи о Рѣшко и другихъ, обвинявшихся въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 318 и 252 ст. Улож. Дознаніе это разрѣшено относительно Иванова административнымъ порядкомъ, причемъ Сергѣй Ивановъ, согласно Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему 29 Октября 1882 года, былъ высланъ въ Западную Сибирь подъ надзоръ полиціи на пять лѣтъ. Въ Декабрѣ 1882 года Сергѣй Ивановъ бѣжалъ изъ г. Кургана Тобольской губерніи, назначеннаго ему для жительства, и не былъ розысканъ до арестованія его по настоящему дѣлу;

2) что упомянутые въ показаніяхъ обвиняемаго Сергѣя Иванова: дочь священника Любовь Чемоданова и бывшій студентъ Кіевскаго университета Владиміръ Бычковъ привлекались неоднократно къ отвѣтственности по обвиненіямъ въ государственныхъ преступленіяхъ, при чемъ Чемоданова была арестована въ послѣдній разъ 22-го Іюня 1883 года въ г. Харьковѣ въ помѣщеніи обнаруженной тогда тайной типографіи совмѣстно съ нелегальнымъ, извѣстнымъ подъ фамиліей Воскресенскаго и съ другими лицами. Бычковъ же, бѣжавшій изъ кіевской тюрьмы въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1882 г. застрѣлился въ Августѣ мѣсяцѣ 1883 года въ г. Томскѣ;

3) что при производствѣ въ 1883 г. въ Харьковѣ дознанія о Владиміръ Мельниковѣ. Иванѣ Цыцинко и другихъ, обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ, былъ найденъ въ сараѣ при квартирѣ Мельни-

кова чемоданъ, наполненный шрифтомъ и другими принадлежностями типографіи.

16-го Декабря 1883 года, около 9-ти часовъ вечера, въ домѣ № 91 по Невскому проспекту, въ квартирѣ № 13 были найдены мертвыми, съ явными признаками насильственной смерти, инспекторъ С.-Петербургской секретной полиціи подполковникъ Георгій Порфирьевичъ Судейкинъ и тяжело раненый въ голову чиновникъ полиціи Николай Судовскій. Изъ произведеннаго судебнымъ слѣдователемъ осмотра видно, что упомянутая квартира помѣщалась въ 3-мъ этажѣ надворнаго флигеля и состояла изъ 4-хъ комнатъ, передней, кухни и корридора. Въ передней находилась деревянная перегородка съ дверью, недоходящая на аршинъ до потолка, отдѣляющая переднюю отъ кухни, рядомъ со входной дверью другая дверь, ведущая въ ватерклозетъ, а въ противоположной стѣнѣ двѣ двери: одна въ сосѣднюю комнату гостинную, а другая рядомъ, въ корридоръ. Въ передней на полу лежало тѣло покойнаго подполковника Судейкина, обращенное головою къ гостинной, а ногами къ двери ватерклозета, голова помѣщалась на разстояніи полуаршина отъ лѣваго косяка двери въ гостинную; подъ головою лежала свернутая въ безпорядкѣ поношенная енотовая шуба. трупъ лежалъ на груди и животѣ съ лицомъ обращеннымъ нѣсколько въ лѣвую сторону; лѣвая рука вытянута, правая согнута въ локтѣ. На полу между шубой и косякомъ двери въ гостинную была глубокая лужа еще незасохшей крови, скопившейся въ находившемся на этомъ мѣстѣ пола углубленіи. На косякѣ двери на высотѣ двухъ аршинъ отъ пола было усмотрѣно кровяное пятно, повидимому, размазанное, а на аршинъ ниже пятна косякъ двери былъ въ значительной мѣрѣ испачканъ кровью. Около головы покойнаго лежалъ ломъ съ раздвоенной лапкой, на которой видны были слѣды засохшей крови, что удостовѣрено впослѣдствіи и химико-микроскопическимъ изслѣдованіемъ; а на другомъ концѣ лома замѣтны признаки свѣжаго излома. На полу въ передней валялись двѣ швабры, резиновая галоша, кусокъ мокраго мыла, ручка отъ разбитаго ночнаго горшка и бѣлый полушелковый платокъ, запачканный грязью и кровью.

Т. XXII л. 1 и 45.

Т. XXII л. д. 2 и XIII л. д. 297.

Т. XXIII л. д. 106.

Въ той же передней на раковинѣ водопроводнаго крана были замѣчены брызги воды, смѣшанной съ кровью, около ручки входной двери значительное количество кровяныхъ брызгъ, распространяющихся и по стѣнѣ между этою дверью и дверью ватерклозета. Такія же брызги крови находились на половинѣ той же входной двери, ближайшей къ деревянной перегородкѣ, а на самой перегородкѣ, на разстояніи 2-хъ аршинъ отъ пола, нѣсколько размазанныхъ пятенъ засохшей крови, распространявшихся также на дверь, ведущую въ кухню. При наружномъ осмотрѣ трупа подполковника Судейкина, спереди праваго темяннаго бугра оказалась разорванно-разсѣченная рана, длиной болѣе двухъ вершковъ, а впереди и къ низу ея другая разсѣченная рана, спускающаяся по лбу внизъ длиной въ $^3/_4$ вершка: отъ нижняго конца этой послѣдней, на $^1/_4$ вершка влѣво, шла третья рана, равная второй, и наконецъ параллельно съ первой четвертая рана. Всѣ они проникаютъ до кости со снятой мѣстами надкостной плевой: а на днѣ третьей раны прощупывались трещины черепа. Съ правой стороны позвоночника оказалось пятно бураго цвѣта величиной въ 10-ти-копѣечную серебряную монету, въ центрѣ котораго усмотрѣно входное пулевое отверстіе; на правомъ предплечьи красное пятно со снятіемъ кожицы въ $^3/_4$ вершка длины; отъ этого пятна вдоль наружнаго края локтевой кости два такія же пятна; ладони обѣихъ рукъ были запачканы кровью, а на тыльной поверхности ладони правой руки было пять небольшихъ ссадинъ кожицы.

Въ кухнѣ, отдѣленной отъ передней вышеупомянутой деревянной перегородкой, кромѣ обыкновенныхъ кухонныхъ принадлежностей, стояла кровать, по срединѣ которой лежала подушка, сильно испачканная кровью, мѣстами еще незасохшей; пятна крови были видны и на двухъ одѣялахъ, простынѣ и матрацѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ лежала подушка. На стѣнѣ, около кровати, находилось нѣсколько пятенъ крови, а отъ нихъ внизъ нѣсколько потековъ крови, уже засохшихъ. На деревянной перегородкѣ со стороны кухни было большое кровяное пятно, длиной въ $^3/_4$, а шириной въ $^1/_2$ аршина, отъ котораго внизъ по перегородкѣ шли также засохшіе потеки крови; нѣсколько капель крови было усмотрѣно и на полу. При осмотрѣ ватерклозета, дверь, котораго выходила также въ переднюю, оказалось, что противъ входа устроено сидѣнье съ приподнимающейся крышкой, а на право

писсуаръ. На полу подъ писсуаромъ валялись куски разбитаго горшка, на черепкахъ котораго были видны капли засохшей крови; такія же капли крови были усмотрѣны и на крышкѣ сидѣнья; на спинкѣ сидѣнья, на лѣвой стѣнѣ ватерклозета и на двери также имѣлись нѣсколько брызгъ крови. Въ гостинной на полу, недалеко отъ двери въ переднюю, лежалъ ломъ съ раздвоенной лапой и со свѣжимъ изломомъ, вполнѣ сходный съ ломомъ, найденнымъ около тѣла покойнаго. Направо отъ входной въ гостинную двери помѣщался диванъ, на ручкѣ котораго лежало полотенце, запачканное кровью, а на сидѣньи въ томъ мѣстѣ, гдѣ висѣло полотенце, скопилась маленькая лужица крови; кромѣ того были замѣтны капли засохшей крови въ нѣсколькихъ мѣстахъ на полу по направленію отъ передней къ кабинету. Въ кабинетѣ на верхней поверхности комода, во всю ширину его, было большое кровяное пятно, а на полу около комода 8 засохшихъ пятенъ крови. По заявленію пристава мѣстнаго участка, при входѣ въ кабинетъ, около комода, имъ былъ найденъ тяжело раненый въ голову Николай Дмитріевичъ Судовскій, сопровождавшій покойнаго подполковника Судейкина.

При дальнѣйшемъ осмотрѣ въ одномъ изъ верхнихъ ящиковъ комода, а равно и въ лежавшемъ на полу чемоданѣ были найдены разные печатные и гектографированные листки, брошюры и книги соціально-революціоннаго содержанія, а въ нижнемъ ящикѣ того же комода—типографскій шрифтъ и другія типографскія принадлежности. Независимо отъ сего полицейскимъ приставомъ были представлены къ слѣдствію два револьвера, взятые имъ въ квартирѣ при первомъ ея посѣщеніи. Оба револьвера оказались заряженными: одинъ вполнѣ, а изъ другаго одинъ зарядъ былъ выпущенъ. При осмотрѣ револьверовъ чрезъ эксперта, оружейнаго фабриканта Густава Шафа, обнаружено, что въ дулѣ одного изъ револьверовъ имѣется свѣжая копоть и остатки пороха, свидѣтельствующіе о томъ, что выстрѣлъ сдѣланъ изъ этого револьвера въ недавнее время, а по примѣркѣ пули, извлеченной впослѣдствіи изъ трупа подполковника Судейкина, она оказалась совершенно такого же размѣра, какъ и пули остальныхъ зарядовъ того же револьвера. Т. XXII л. 68.

По судебно-медицинскомъ вскрытіи трупа покойнаго, врачи дали заключеніе, что смерть подполковника Судейкина послѣдовала отъ безусловно смертель- Т. XXII л. д. 17.

наго поврежденія костей черепа, имѣющихъ нѣсколько трещинъ, а равно и отъ огнестрѣльной раны, проникающей въ полость живота и осложненной разрывомъ ткани печени и послѣдовавшимъ за этимъ разрывомъ кровоизліяніемъ въ названную полость. Всѣ приведенныя поврежденія, по свойству своему, были прижизненны, при чемъ огнестрѣльная рана, вѣроятно, предшествовавшая другимъ поврежденіямъ, сама по себѣ должна быть признана безусловно смертельной, хотя смерть послѣ причиненія этой раны могла и не послѣдовать немедленно. Поврежденія же головы, по заключенію экспертовъ, послѣдовали вѣроятно отъ нанесенныхъ сзади ударовъ тупымъ орудіемъ, которымъ могли быть и найденные въ квартирѣ ломы.

По осмотрѣ доставленнаго въ Рождественскій барачный лазаретъ Николая Судовскаго у него оказались двѣ раны на макушкѣ головы съ раздробленіемъ теменныхъ костей, нанесенныя какъ это видно изъ скорбнаго листа, тяжелымъ орудіемъ, повидимому,
Т. XXIII л. 54. ломомъ.

При осмотрѣ домовой книги дома № 91 по Невскому проспекту установлено, что въ квартирѣ № 13 проживалъ дворянинъ Сергѣй Петровичъ Яблонскій по паспорту, выданному Путивльскимъ уѣзднымъ исправникомъ 27 Февраля 1883 г. за № 1933, оказавшемуся подложнымъ; а показаніемъ старшаго дворника означеннаго дома Григорія Кондратьева тогда же было установлено, что въ упомянутой квартирѣ съ дворяни-
Т. XXIII л. 15 и 411. номъ Яблонскимъ проживалъ въ качествѣ его лакея Павелъ Ивановъ Суворовъ.

Спрошенный вслѣдствіе сего въ качествѣ свидѣтеля запасный унтеръ-офицеръ Павелъ Ивановъ Суворовъ, по предъявленіи ему карточекъ разныхъ лицъ, разновременно привлекавшихся къ дознаніямъ о государственныхъ преступленіяхъ, показалъ, что въ карточкѣ Сергѣя Петрова Дегаева признаетъ дворянина Сергѣя Петрова Яблонскаго, у котораго онъ жилъ въ качествѣ прислуги по желанію покойнаго подполковника Судейкина. Къ Яблонскому онъ поступилъ 8 Ноября, а на послѣднюю квартиру переѣхалъ съ нимъ 3 Декабря 1883 г. и за все это время Яблонскаго посѣщали лишь подполковникъ Судейкинъ и его родственникъ Николай Судовскій. Самъ Яблонскій уходилъ изъ дому часовъ въ 11 утра, возвращался часа въ четыре, но затѣмъ скоро снова уходилъ и часто не возвращался до поздней ночи. Кромѣ обязанностей

прислуги, на него, Суворова, Яблонскій (Дегаевъ) возлагалъ и нѣкоторыя особыя порученія. Такъ 9 Декабря онъ посылалъ его въ Ораніенбаумъ узнать адресъ штабсъ-капитана Холодовскаго, а 15 Декабря 1883 г. посылалъ съ письмомъ къ Судовскому, которымъ приглашалъ послѣдняго къ себѣ между 4—6 часами слѣдующаго дня, т. е. 16 Декабря. По передачѣ имъ, свидѣтелемъ, этого письма Судовскому, къ нему, Суворову, вышелъ самъ Судейкинъ и сказалъ: «хорошо, скажи, что буду». Отвѣтъ подполковника Судейкина онъ передалъ Сергѣю Дегаеву. На слѣдующій день, т. е. 16 Декабря, Дегаевъ разбудилъ его въ 7 часовъ утра, тогда какъ обыкновенно онъ вставалъ гораздо позже; затѣмъ около 11 часовъ утра онъ ушелъ изъ дома, сказавъ: «ты сегодня никуда не уходи,—будетъ подполковникъ (Судейкинъ), да кромѣ того мнѣ тебя нужно послать въ одно мѣсто». Часа черезъ два Яблонскій возвратился домой и вскорѣ, давъ ему три рубля и записку, приказалъ ѣхать въ Ораніенбаумъ съ поѣздомъ, отходящимъ въ 3 часа 45 минутъ, чтобы разузнать адресъ поручика или штабсъ-капитана Дейера; Дегаевъ тутъ же прибавилъ, что онъ, Суворовъ, по возвращеніи въ Петербургъ, можетъ отправиться къ роднымъ, такъ какъ его, Дегаева, раньше 11 часовъ вечера дома не будетъ, а ключъ отъ квартиры онъ возьметъ съ собой. Возвратясь въ Петербургъ послѣ безуспѣшныхъ поисковъ офицера Дейера около 9 часовъ вечера, онъ, свидѣтель, отправился къ своимъ роднымъ, живущимъ въ домѣ Градоначальника, гдѣ и узналъ объ убійствѣ подполковника Судейкина.

Т. XXIII л. 5 и 146.

Свидѣтель, дворникъ дома № 91 Григорій Кондратьевъ, признавъ въ предъявленной ему фотографической карточкѣ Сергѣя Петрова Дегаева сходство съ тѣмъ лицомъ, которое жило въ квартирѣ № 13 подъ фамиліей Яблонскаго, показалъ, что въ означенную квартиру Яблонскій переѣхалъ 3 Декабря, а на другой день послѣ его переѣзда къ воротамъ дома съ Гончарной улицы подъѣхалъ какой-то господинъ въ каретѣ и просилъ его провести въ квартиру № 13 къ Яблонскому. Онъ, свидѣтель, отправился съ этимъ господиномъ до самыхъ дверей квартиры и позвонилъ, но на звонокъ никто не откликнулся и господинъ уѣхалъ обратно, поручивъ передать Яблонскому, что онъ заѣдетъ снова черезъ полчаса. Послѣ этого случая онъ видѣлъ означеннаго пріѣзжавшаго въ каретѣ

господина, еще нѣсколько разъ; но посѣщалъ ли Яблонскаго еще кто либо не знаетъ. 16 Декабря послѣ обѣда, когда уже были зажжены огни, горничная изъ квартиры № 9 обратилась къ нему по порученію своей хозяйки съ просьбой передать жильцамъ квартиры № 13, чтобы они не шумѣли такъ какъ въ кухнѣ у нихъ, находящейся подъ квартирой № 13, былъ слышенъ такой сильный ударъ, отъ котораго едва не обвалилась штукатурка. Черезъ нѣкоторое время, отправляясь въ квартиру № 13, онъ встрѣтилъ кухарку той же квартиры № 9, которая въ свою очередь сообщала о томъ же шумѣ другимъ дворникамъ. Взглянувъ въ окна квартиры № 13, онъ замѣтилъ въ ней свѣтъ и, чтобы имѣть предлогъ войдти въ означенную квартиру, отыскалъ водопроводчика, вмѣстѣ съ которымъ и другими дворниками отправился къ Яблонскому, какъ бы съ цѣлью осмотрѣть испорченный водопроводъ. Дойдя до дверей квартиры и открывъ первую наружную дверь, оказавшуюся незапертой, они стали прислушиваться у второй двери. Одинъ изъ дворниковъ заявилъ, что слышитъ тихіе шаги и стоны; онъ, свидѣтель, позвонилъ, но какъ на звонокъ, такъ и на его крики: «господинъ Яблонскій, отворите», отвѣта не послѣдовало. Вслѣдствіе сего имъ, Кондратьевымъ, обо всемъ этомъ тотчасъ же было заявлено въ полицейскій участокъ. Войдя затѣмъ съ прибывшимъ полицейскимъ приставомъ въ квартиру, они увидѣли въ передней на полу убитаго человѣка, а въ третьей комнатѣ нашли другаго, совершенно окровавленнаго, стоявшаго, облокотившись на комодъ.

Л. 23 т. XXIII.

Спрошенные въ качествѣ свидѣтелей дворники того же дома, Егоръ Волковъ и Григорій Антоновъ и водопроводчикъ Матвѣй Крымъ, подтвердили относящееся до нихъ показаніе свидѣтеля Григорія Кондратьева.

Л. 33 об., 36 и 63 т. XXII.

Свидѣтельницы горничная и кухарка квартиры № 9 крестьянки Ирина Никитина и Надежда Азарьева показали, что 16 Декабря, приблизительно, часу въ 6-мъ вечера, онѣ, находясь въ кухнѣ, слышали надъ головою въ квартирѣ № 13 сильный грохотъ, какъ бы отъ паденія. Вскорѣ послѣ этого шума кухарка Азарьева, подойдя къ крану водопровода, услышала, какъ будто въ верхней квартирѣ (№ 13) кто-то стонетъ, когда же она вошла въ ватерклозетъ, то стоны эти стали доноситься до нея совершенно ясно.

Т. XXIII л. 25 и 26.

Спрошенный по выздоровленіи отъ нанесенныхъ

ему ранъ, Николай Дмитріевъ Судовскій показалъ, что въ квартирѣ № 13 дома № 91 по Невскому проспекту, гдѣ былъ убитъ подполковникъ Судейкинъ и раненъ онъ самъ, проживалъ подъ фамиліей Яблонскаго отставной штабсъ-капитанъ Сергѣй Петровъ Дегаевъ. 16 Декабря 1883 г. онъ съ подполковникомъ Судейкинымъ отправился въ эту квартиру въ пятомъ часу пополудни по предварительному приглашенію Дегаева. Человѣка Дегаева Суворова, дома не было. Дегаевъ самъ отперъ дверь и, впустивъ ихъ, заперъ ее. Войдя въ квартиру, онъ, Судовскій, снялъ и повѣсилъ свою шубу въ передней, а подполковникъ Судейкинъ, не останавливаясь въ этой комнатѣ, прошелъ прямо въ слѣдующую—залу, гдѣ бросилъ на диванъ свое пальто, въ карманѣ котораго былъ револьверъ и тутъ же оставилъ палку со стилетомъ. Затѣмъ подполковникъ Судейкинъ прошелъ вмѣстѣ съ Дегаевымъ въ слѣдующія комнаты, а онъ вошелъ въ залу и сѣлъ въ кресло. Черезъ нѣсколько минутъ совершенно неожиданно на него напали сзади, повидимому, два человѣка и почти одновременно съ этимъ въ комнатахъ, гдѣ былъ Судейкинъ и Дегаевъ, послышался шумъ, глухой звукъ выстрѣла и голосъ Судейкина, кричавшаго на сколько ему помнится, «Коко, бѣги сюда и бей ихъ изъ револьвера». Получивъ затѣмъ сильный ударъ въ голову, онъ, свидѣтель, потерялъ сознаніе и происходившаго впослѣдствіи совершенно не помнитъ. Все описанное свидѣтелемъ совершилось такъ быстро, что онъ не имѣлъ возможности разсмотрѣть нападавшихъ, а потому и не можетъ дать никакихъ указаній относительно товарищей Дегаева, участвовавшихъ въ убійствѣ подполковника Судейкина. Очнулся онъ, свидѣтель, лишь на другой день въ больницѣ, совершенно же пришелъ въ сознаніе только нѣсколько дней спустя послѣ описаннаго событія.

Л. 147 т. XXIII.

Обвиняемый въ убійствѣ подполковника Судейкина отставной штабсъ-капитанъ Сергѣй Петровъ Дегаевъ вслѣдъ за совершеніемъ этого преступленія скрылся и до сего времени не розысканъ.

Л. 85, 87 т. XXII.

22 Декабря 1883 г. дворникъ дома № 114 по Большой Садовой улицѣ, отставной матросъ Петръ Демидовъ заявилъ въ управленіе 2-го участка Коломенской части, что проживающая въ квартирѣ № 11 акушерка Татьяна Ивановна Голубева въ ночь на 21 число заперлась въ своей квартирѣ, не давая никакого отвѣта на неоднократные звонки. Вслѣдствіе этого упомянутая

квартира по распоряженію полиціи была отперта, но въ ней никого не оказалось, а по осмотру ея найдены лишь нѣкоторыя вещи, изъ числа которыхъ отобраны: 1) два номера газетъ «Новостей» № 259 отъ 18 Декабря 1883 г. и «Новаго Времени» № 2805 отъ того же числа. Въ обѣихъ газетахъ оказалось напечатаннымъ извѣщеніе объ убійствѣ подполковника Судейкина; 2) книга подъ заглавіемъ «Руководство для типографщиковъ»; 3) аспидная доска безъ рамки, на которой вырѣзанъ штампъ для явки паспортовъ по г. Житомиру, и 4) абонементный листокъ изъ библіотеки для чтенія Черкесова за № 281 на имя Савицкаго.

Т. XXIII л. 59 и 367.

Осмотромъ домовой книги названнаго дома было обнаружено, что въ квартирѣ № 11 жили акушерка Татьяна Ивановна Голубева съ 4 Ноября 1883 г. по свидѣтельству Харьковскаго повивальнаго училища отъ 30 Августа 1883 г. за № 2728 и дворянинъ Михаилъ Адамовичъ Савицкій съ 15 того же Ноября по свидѣтельству Рогачевскаго полицейскаго управленія отъ 25 Апрѣля 1883 г. за № 34.

Т. XXIII л. 45.

Осмотромъ домовыхъ книгъ на прежнихъ квартирахъ этихъ лицъ и допросомъ квартирныхъ хозяевъ было установлено, что упомянутая Голубева до переѣзда въ домъ № 114 по Большой Садовой проживала въ домѣ № 4 по Климову переулку, 1 участка Коломенской части, съ 10 Октября по 2 Ноября 1883 г., а ранѣе сего съ 1 по 9 Октября по Пушкинской улицѣ въ меблированныхъ комнатахъ дома № $^{75}/_{1}$, гдѣ была отмѣчена прибывшею изъ Харькова. Савицкій же переѣхалъ въ квартиру Голубевой изъ дома № 14 по Лиговкѣ, гдѣ жилъ съ 6 Октября по 12 Ноября 1883 года.

Т. XXIII л. 39.

Т. XXIII л. 66.

Т. XXIII л. 36.

Спрошенная въ качествѣ свидѣтельницы, квартирная хозяйка Михаила Савицкаго въ домѣ № 14 по Лиговкѣ, Вѣра Ильина, объяснила, что Савицкаго почти ежедневно посѣщало лишь одно лицо, котораго она признаетъ въ предъявленной ей карточкѣ Сергѣя Петрова Дегаева, а швейцаръ меблированныхъ комнатъ въ домѣ № $^{75}/_{1}$ по Пушкинской улицѣ Иванъ Михайловъ показалъ, что въ той же карточкѣ Сергѣя Дегаева онъ признаетъ лицо, ежедневно посѣщавшее Голубеву.

Т. XXIII л. 44 и 68.

Свидѣтель, дворникъ дома № 114 по Большой Садовой улицѣ, Петръ Демидовъ, объяснилъ, что личность проживавшая въ означенномъ домѣ подъ именемъ Татьяны Голубевой дней черезъ пять послѣ

переѣзда въ ихъ домъ передала ему объявленіе объ отдачѣ въ наймы комнаты въ своей квартирѣ. По этому объявленію приходили смотрѣть комнату мужчина и женщина изъ «простыхъ», но Голубева сказала, что ей такихъ жильцовъ не нужно. 14 Ноября утромъ пришелъ неизвѣстный мужчина и спросилъ его, свидѣтеля, гдѣ квартира № 11. Человѣкъ этотъ пробылъ у Голубевой довольно долго и, уходя, сказалъ свидѣтелю, что нанялъ комнату въ квартирѣ № 11, а вечеромъ переѣхалъ съ своими вещами. Утромъ слѣдующаго дня новый жилецъ передалъ свидѣтелю свой паспортъ, на имя дворянина Михаила Адамова Савицкаго. Кромѣ этихъ двухъ лицъ въ квартирѣ № 11 не было ни жильцовъ, ни прислуги.

Л. 49, 117, 162, т. XXIII.

Осмотромъ книгъ Рогачевскаго уѣзднаго полицейскаго управленія и допросомъ свидѣтелей дворянъ Михаила и Онуфрія Савицкихъ и другихъ обнаружено, что подлинное свидѣтельство отъ 25 Апрѣля 1883 г. за № 34 было выдано Михаилу Савицкому, которымъ возвращено по истеченіи срока и хранилось въ Могилевскомъ уѣздномъ полицейскомъ управленіи, гдѣ и оказалось при осмотрѣ; при этомъ было установлено, что настоящій Михаилъ Савицкій въ Петербургѣ не былъ и паспорта своего никому не передавалъ.

Л. 126, 130, 136, 140 т. XXIII.

По произведенному же въ Харьковѣ разслѣдованію обнаружено, что тамъ проживаетъ акушерка, мѣщанка Татьяна Голубева, у которой оказалось налицо свидѣтельство харьковскаго повивальнаго училища отъ 30 Августа 1883 г. за № 2728; при этомъ показаніями самой Татьяны Голубевой и свидѣтелей Николая Джунковскаго, Евгенія Попова, Павла Цебаня и друг. удостовѣрено, что Татьяна Голубева въ Ноябрѣ и Декабрѣ мѣсяцахъ 1883 г. изъ Харькова не выѣзжала. Дальнѣйшимъ же разслѣдованіемъ было установлено, что подъ именемъ Голубевой проживала въ Петербургѣ по подложному свидѣтельству акушерка Раиса Кранцфельдъ, которая, не смотря на принятыя мѣры, не розыскана.

Т. XXIII л. д. 77, 80, 84—85, 85, и 247.

3 Января 1884 г. въ Кіевѣ, въ квартирѣ студента Эйберга, былъ арестованъ скрывавшійся отъ преслѣдованія по дѣлу о преступномъ кружкѣ, обнаруженномъ въ г. Ромнахъ въ Іюлѣ 1883 г., дворянинъ Василій Конашевичъ, проживавшій въ Кіевѣ по подложному паспорту на имя Бориса Ростицкаго.

Л. д. 119 т. XXIII.

Обыскомъ, произведеннымъ въ означенной квартирѣ, было обнаружено значительное количество преступ-

наго содержанія брошюръ, шесть экземпляровъ прокламацій по поводу убійства подполковника Судейкина, руководство о взрывчатыхъ веществахъ и нѣсколько принадлежностей для изготовленія послѣднихъ, въ видѣ стеклянныхъ ретортъ и металлическихъ трубокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было установлено, что Конашевичъ въ концѣ 1883 г. проживалъ въ Петербургѣ, хотя обстоятельство это онъ упорно отрицалъ. Вслѣдствіе сего задержанный Конашевичъ по доставленіи его въ Петербургъ былъ предъявленъ дворнику дома № 114 по Большой Садовой улицѣ Петру Демидову, который призналъ Василія Конашевича за лицо, посѣтившее одинъ разъ Татьяну Голубеву и Михаила Савицкаго. Спрошенный по поводу этого обвиняемый Василій Конашевичъ объяснилъ, что онъ въ Петербургѣ никогда не жилъ, въ убійствѣ подполковника Судейкина никакого участія не принималъ и къ организаціи преступнаго сообщества, именующагося «партіей Народной Воли», не принадлежитъ, хотя принципы партіи раздѣляетъ.

А. д. 116 т. XXIII.

Т. XXIII л. 119, 116, и 192.

16 Марта 1884 г. въ Москвѣ былъ задержанъ скрывавшійся отъ преслѣдованія, сынъ священника Николай Петровъ Стародворскій, представившій въ удостовѣреніе своей личности паспортъ на имя почетнаго гражданина Дмитрія Пухальскаго, составленный отъ имени Мелитопольской городской управы за № 2651 и оказавшійся подложнымъ. При задержаніи Стародворскаго у него были отобраны разныя шифрованныя записки, полулистъ почтовой бумаги, на которомъ записана химическая формула для изготовленія взрывчатаго снаряда съ изображеніемъ самой формы снаряда и письмо слѣдующаго содержанія: «податель этой записки, человѣкъ очень давно извѣстный очень порядочнымъ людямъ, извѣстнымъ дѣятелямъ. Будьте такъ добры, сдѣлайте для него все, что будетъ возможно; онъ Вамъ сообщитъ все, что дѣлается въ Питерѣ. Дайте ему побольше дубликатовъ. Если у Васъ есть средства, то дайте ему на дѣло, о которомъ онъ Вамъ сообщитъ. Михаилъ Васильевичъ». По справкѣ оказалось, что Николай Стародворскій, бывшій воспитанникъ Каменецъ-Подольской гимназіи, былъ подчиненъ гласному надзору полиціи на три года съ водвореніемъ въ Летичевскомъ уѣздѣ, Подольской губерніи. Политическая неблагонадежность Стародворскаго, вызвавшая противъ него принятіе означенной мѣры, выразилась въ сношеніяхъ его съ

Т. XXIII л. 138, 161, 212, 215, и 171.

лицами, завѣдомо неблагопадежными, въ передачѣ одной изъ ученицъ мѣстной гимназіи воззванія, озаглавленнаго «братья молодежь», и наконецъ въ томъ, что высланный къ отцу своему въ Летичевскій уѣздъ, онъ возвратился въ Каменецъ-Подольскъ съ подложными документами отъ Ананьевской гимназіи. Затѣмъ Стародворскій поселился въ г. Барѣ, гдѣ подлежалъ привлеченію къ дознанію по обвиненію его въ освобожденіи изъ-подъ стражи бѣжавшаго изъ ссылки Никона Волянскаго. Т. XXIII л. 138.

По предъявленіи упомянутой выше химической формулы эксперту завѣдующему химическою лабораторіею Михайловской артиллерійской академіи, генералъ-маіору Ѳедорову, послѣдній объяснилъ, что замѣтка, отобранная у Николая Стародворскаго, заключаетъ въ себѣ рецептъ для изготовленія взрывчатаго вещества «панкластита», изобрѣтеннаго французскимъ ученымъ Тюрпеномъ; вещество это по силѣ дѣйствія въ четыре раза сильнѣе сильнѣйшаго изъ видовъ динамита. На сколько эксперту извѣстно, вещество это ни въ Россіи, ни за границею не имѣло еще практическаго примѣненія, вслѣдствіе трудности приготовленія какъ самаго вещества, такъ и патроновъ для его храненія. Чертежи, изображенные на той же запискѣ Стародворскаго, по мнѣнію эксперта, относятся къ устройству мины и метательнаго разрывнаго снаряда. Сила дѣйствія метательнаго снаряда, снабженнаго панкластитомъ, суди по даннымъ, сообщеннымъ въ брошюрѣ Тюрпена, такова, что подобный шарообразный снарядъ, величиною въ небольшой апельсинъ, при бросаніи на твердую поверхность съ высоты сажени производитъ взрывъ, сфера разрушенія котораго достигаетъ сажени въ радіусѣ. Заключеніе это подтверждено было и произведеннымъ тѣмъ же экспертомъ опытомъ взрыва приготовленнаго имъ по рецепту, найденному у Стародворскаго, панкластита. Л. 177, 205 т. XXIII.

По предъявленіи отобраннаго у Стародворскаго письма за подписью «Михаилъ Васильевичъ» обвиняемому въ государственномъ преступленіи по отдѣльному дознанію дворянину Михаилу Васильеву Сабунаеву, послѣдній показалъ, что названное письмо написано имъ, но къ кому, сказать не желаетъ, что Николай Стародворскій ему, Сабунаеву, неизвѣстенъ и что означенное письмо было имъ вручено другому лицу, назвать которое онъ отказался. Т. XXIII л. 296.

По предъявленіи Николаю Стародворскаго дворнику

дома № 114 по Большой Садовой улицѣ, Петру Демидову, и вышеназванной квартирной хозяйкѣ Вѣрѣ Ильиной, свидѣтели эти заявили, что въ Стародворскомъ признаютъ лицо, проживавшее по паспорту на имя дворянина Михаила Савицкаго.

Л. 162 и 163 т. XXIII.

Привлеченный вслѣдствіе сего въ качествѣ обвиняемаго Николай Стародворскій, отрицая на первыхъ допросахъ свою виновность въ принадлежности къ преступному сообществу и участіе свое въ убійствѣ подполковника Судейкина, показалъ, что на такъ называемое нелегальное положеніе онъ перешелъ въ Августѣ мѣсяцѣ 1883 г. послѣ освобожденія имъ, Стародворскимъ, бѣжавшаго изъ административной ссылки Никона Волянскаго, арестованнаго въ г. Барѣ Подольской губерніи, и что освобожденіе это было совершено имъ въ силу личныхъ отношеній къ Волянскому, а не по порученію революціоннаго сообщества, къ которому онъ никакихъ отношеній не имѣетъ. Живя затѣмъ въ провинціи у своего знакомаго, назвать котораго не желаетъ, онъ, Стародворскій, въ Октябрѣ 1883 г. получилъ письменное приглашеніе пріѣхать въ Петербургъ. По прибытіи сюда онъ вскорѣ познакомился съ Сергѣемъ Петровымъ Дегаевымъ и сначала поселился въ домѣ № 14 по Лиговкѣ въ квартирѣ Ильиной, представивъ въ удостовѣреніе своей личности паспортъ на имя дворянина Михаила Савицкаго, а затѣмъ Сергѣй Дегаевъ, часто его посѣщавшій, предложилъ ему переѣхать на конспиративную квартиру, гдѣ помѣщалась тайная типографія. Вслѣдствіе отказа, его, Стародворскаго, Дегаевъ недѣли черезъ три снова предложилъ ему поселиться на другой конспиративной квартирѣ въ домѣ № 114 по Большой Садовой улицѣ у акушерки Татьяны Голубевой, объявивъ, что эта квартира предназначена лишь для свиданій. Стародворскій согласился и прожилъ въ кварирѣ Голубевой до 17-го или 18-го Декабря, когда къ нимъ явилось одно изъ лицъ, приходившихъ ранѣе къ Дегаеву на свиданіе, и заявило о необходимости оставленія квартиры въ виду послѣдовавшаго убійства подполковника Судейкина, въ чемъ, по словамъ этого лица, принималъ участіе Дегаевъ. Вслѣдствіе этого предупрежденія, онъ уѣхалъ на югъ, а въ Мартѣ 1884 г. возвратился въ Петербургъ, откуда снова отправился на югъ, но на пути, въ Москвѣ, былъ задержанъ, при чемъ у него были отобраны разныя шифрованныя замѣтки, революціонныя изда-

нія, чертежи и замѣтки относительно взрывчатыхъ веществъ. Всѣ эти предметы были получены имъ въ Петербургѣ для передачи лицу, назвать которое онъ не желаетъ. Затѣмъ Николай Стародворскій, спрошенный относительно предметовъ, найденныхъ въ квартирѣ, въ которой онъ жилъ вмѣстѣ съ Голубевой подъ фамиліей Савицкаго, показалъ, что «руководство для типографщиковъ» и асцидная доска, на которой вырѣзанъ штампъ для явки паспортовъ, принадлежатъ Дегаеву, занимавшемуся на этой квартирѣ рѣзьбой печатей и приготовленіемъ паспортовъ, и что квартира въ домѣ № 114 была нанята Дегаевымъ для своихъ личныхъ надобностей; Голубева же считалась хозяйкой лишь по имени. Сюда между прочимъ приходили къ Дегаеву разныя лица, числомъ приблизительно до шести, но лично къ нему Стародворскому и къ Голубевой не приходилъ никто, кромѣ Дегаева, который посѣщалъ ихъ каждый день. Затѣмъ на слѣдующихъ допросахъ обвиняемый Николай Стародворскій, признавъ принадлежность свою какъ вообще къ преступному сообществу, присвоившему себѣ названіе «партіи Народной Воли», такъ и къ организаціи этого сообщества въ частности, показалъ, что найденныя у него записки и замѣтки для приготовленія взрывчатаго вещества и метательныхъ снарядовъ принадлежатъ ему и что все его участіе въ дѣлѣ убійства подполковника Судейкина ограничивалось печатаніемъ по порученію исполнительнаго комитета прокламацій объ этомъ преступленіи. Печатаніе происходило въ ту же ночь, когда было совершено убійство, т. е. съ 16-го на 17-е Декабря, въ общей ихъ, съ Голубевой, квартирѣ, гдѣ также помѣщалась тайная типографія; печатаніе продолжалось всю ночь и всего было отпечатано около 300 экземпляровъ, которые тотчасъ по напечатаніи были разосланы ими въ конвертахъ разнымъ лицамъ, между прочимъ директору департамента полиціи и редактору «Московскихъ Вѣдомостей». Татьяна Голубева въ печатаніи прокламацій участія не принимала, хотя находилась тутъ же, помогало же ему въ этомъ другое лицо, приглашенное Голубевой.

Т. XXIII л. 166 и 172.

Т. XXIII л. 253, 243 и 256.

Обвиняемый Василій Конашевичъ при вторичномъ его допросѣ показалъ, что онъ дѣйствительно жилъ въ Петербургѣ, но лишь до 3-го или до 5-го Декабря 1883 г., а затѣмъ на вопросы, въ какой мѣстности Петербурга проживалъ, съ кѣмъ видѣлся, по какому

поводу пріѣзжалъ, по какой дорогѣ выѣхалъ обратно
Л. 253 т. XXIII. въ Кіевъ и останавливался ли гдѣ на пути. отвѣчать отказался.

При дальнѣйшемъ производствѣ дознанія обвиняемый въ государственномъ преступленіи, итальянскій подданный Степанъ Антоновъ Росси, между прочимъ, показалъ, что въ Октябрѣ 1883 г., во время съѣзда въ С.-Петербургѣ лицъ, принадлежавшихъ къ соціально-революціонному сообществу, Сергѣй Дегаевъ нѣсколько разъ намекалъ ему о предстоящихъ убійствахъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, графа Толстаго, директора департамента полиціи Плеве, прокурора Добржинскаго и подполковника Судейкина; а потомъ въ Декабрѣ того же года признался ему въ своихъ отношеніяхъ къ Судейкину и назвалъ лицъ, привлеченныхъ къ убійству послѣдняго. По словамъ Дегаева революціонеры, проживающіе за границей, требовали, чтобы онъ оставилъ всѣ остальные проекты убійствъ и поскорѣе убилъ Судейкина, на что онъ и согласился. Хотя Дегаевымъ давно были подысканы нужные для совершенія убійства люди, но передъ самымъ убійствомъ онъ избралъ двухъ другихъ: Василія Конашевича и Николая Стародворскаго (нелегальнаго Савицкаго). До 16-го Декабря 1883 г., т. е. до дня убійства подполковника Судейкина, Дегаевъ дважды пытался привести въ исполненіе это преступленіе. Первая попытка (3-го Декабря) не удалась вслѣдствіе того, что Судейкинъ прежде, чѣмъ пойти въ квартиру Дегаева, послалъ дворника узнать, дома ли послѣдній. Дегаевъ, наблюдавшій за появленіемъ Судейкина изъ окна ватерклозета, выходящаго на лѣстницу, замѣтилъ это и когда къ дверямъ его подошелъ дворникъ и сталъ звонить, не отперъ послѣднему двери и Судейкинъ долженъ былъ уѣхать. Вторая попытка была назначена приблизительно спустя недѣлю послѣ первой. На этотъ разъ Судейкинъ почему-то не прибылъ къ условленному часу и потому Дегаевъ удалилъ Стародворскаго и Конашевича изъ своей квартиры, не дождавшись Судейкина. Назначивъ 16-е Декабря днемъ убійства, Дегаевъ предупредилъ Стародворскаго и Конашевича, чтобы въ случаѣ, если онъ снова пожелаетъ удалить ихъ изъ своей квартиры до пріѣзда Судейкина, они не исполнили такого его требованія. Такое же требованіе не удаляться было предъявлено къ Стародворскому и Конашевичу и Германомъ Лопатинымъ знавшимъ о приготовленіяхъ къ убійству

Судейкина. Въ день убійства, онъ, Росси, встрѣтилъ Дегаева утромъ на Невскомъ проспектѣ и по его просьбѣ отправился въ квартиру Татьяны Голубевой (она же Раиса Кранцфельдъ), чтобы передать послѣдней какой-то паспортъ и вмѣстѣ съ тѣмъ напомнить Стародворскому, чтобы онъ пріѣхалъ къ двумъ часамъ на квартиру къ нему, Дегаеву. Прійдя къ Голубевой, онъ засталъ тамъ и Конашевича, которому вмѣстѣ съ Стародворскимъ передалъ слова Дегаева, а затѣмъ ушелъ домой на Пушкинскую улицу, уложилъ въ чемоданъ свои вещи и поѣхалъ въ заранѣе приготовленную квартиру, гдѣ долженъ былъ ожидать Дегаева. Въ исходѣ 5-го часа Дегаевъ пріѣхалъ взволнованный, быстро переодѣлся, взялъ чемоданъ и отправился вмѣстѣ съ нимъ на Варшавскій вокзалъ, сказавъ дорогой, что выстрѣлилъ въ Судейкина и убѣжалъ, оставивъ Стародворскаго и Конашевича. Вскорѣ на тотъ же вокзалъ пріѣхалъ и Конашевичъ, вѣроятно, прямо изъ квартиры Дегаева и подоспѣлъ къ тому же поѣзду, на которомъ уѣхалъ Дегаевъ. На другой день вечеромъ онъ, Росси, былъ въ квартирѣ Кранцфельдъ, гдѣ взялъ типографскій шрифтъ, а утромъ къ ней же заходилъ Германъ Лопатинъ за отпечатанными объявленіями объ убійствѣ Судейкина, которыя были напечатаны Раисою Кранцфельдъ и Стародворскимъ. Послѣ убійства Стародворскій и Кранцфельдъ (Голубева) пробыли въ Петербургѣ дня два; послѣдняя уѣхала въ Саратовъ, — причемъ на вокзалъ ее провожалъ Петръ Елько, который, хотя и былъ во время убійства въ Петербургѣ, но свѣдѣній о совершеніи его не имѣлъ, исполняя лишь мелкія порученія Дегаева. На квартирѣ Голубевой, гдѣ также происходили совѣщанія по дѣлу объ убійствѣ Судейкина, кромѣ хозяевъ. Дегаева, Конашевича и Лопатина до 16 Декабря никто не бывалъ. Т. XXIII л. 324.

Спрошенные затѣмъ въ виду изложенныхъ свѣдѣній обвиняемые Николай Стародворскій и Василій Конашевичъ, признавъ свою виновность въ убійствѣ подполковника Судейкина показали: Стародворскій — что, до освобожденія арестованнаго въ Подольской губерніи административно сосланнаго Волынскаго, онъ къ организаціи преступнаго сообщества, именующаго себя «партіей Народной Воли», не принадлежалъ, хотя революціонною дѣятельностью занимался; послѣ же освобожденія Волынскаго онъ отправился въ Кіевъ Т. XXIII л. л. 527 и 528. Л. д. 551 т. XXIII.

и тамъ формально вступилъ въ означенное сообщество. Въ концѣ Сентября или началѣ Октября 1883 г. тамъ же, въ Кіевѣ онъ получилъ приглашеніе отъ лица, которое назвать не желаетъ, пріѣхать въ Петербургъ, куда тотчасъ же и отправился. Здѣсь, дня черезъ три по прибытіи, его познакомили съ какимъ то Николаемъ Владиміровичемъ, впослѣдствіи оказавшимся Сергѣемъ Дегаевымъ, который, сообщивъ ему о приготовленіяхъ къ убійству подполковника Судейкина, спросилъ, можетъ ли онъ разсчитывать на содѣйствіе въ этомъ его, Стародворскаго, на что онъ и далъ свое согласіе. О двойственной роли Дегаева, т. е. о томъ, что онъ состоялъ агентомъ у Судейкина, онъ, Стародворскій, узналъ уже позже, именно въ день первой попытки на убійство Судейкина, 6 Декабря 1883 г., но не отъ самого Дегаева, который хотя и признавалъ это, но избѣгалъ по этому вопросу какихъ либо объясненій. Первоначально рѣшено было совершить убійство безъ употребленія огнестрѣльнаго оружія, чтобы избѣжать шума, и потому орудіемъ убійства должны были служить ломы, и, въ случаѣ необходимости, кинжалъ. Когда орудіе убійства было окончательно избрано онъ, Стародворскій, въ первыхъ числахъ Декабря купилъ два лома въ лавкѣ на Невскомъ проспектѣ вблизи квартиры Дегаева и тамъ же при себѣ приказалъ обрубить ихъ, такъ какъ они были слишкомъ длинны. Эти ломы онъ привезъ изъ лавки къ себѣ на Большую Садовую, а впослѣдствіи уже перевезъ ихъ въ квартиру Дегаева. Затѣмъ было назначено время убійства, къ которому Дегаевъ пригласилъ къ себѣ подполковника Судейкина; Стародворскій же заранѣе помѣстился въ спальнѣ Дегаева, Конашевичъ въ корридорѣ, а Дегаевъ въ ватерклозетѣ, чтобы наблюдать въ окно, выходившее на лѣстницу, за прибытіемъ Судейкина. Судейкинъ къ назначенному часу не пріѣхалъ и это такъ сильно встревожило Дегаева, вообще трусливаго по природѣ, что минутъ черезъ десять онъ вышелъ изъ ватерклозета и попросилъ ихъ удалиться изъ своей квартиры. Въ это время раздался звонокъ у входной двери и всѣ поспѣшно заняли свои мѣста. Дегаевъ вошелъ въ ватерклозетъ и увидѣлъ, что звонилъ дворникъ, почему и не отперъ двери; а вслѣдъ за этимъ Дегаевъ услышалъ внизу лѣстницы голосъ Судейкина, который спрашивалъ дома ли Дегаевъ. Узнавъ объ этомъ онъ, Стародворскій, и Конашевичъ послали Дегаева

внизъ пригласить Судейкина, но послѣдній успѣлъ уже сѣсть въ карету и уѣхать. Вторая попытка убить подполковника Судейкина была назначена дней черезъ семь или восемь. Въ этотъ разъ, ближе ознакомившись съ расположеніемъ комнатъ квартиры Дегаева, они съ Конашевичемъ размѣстились иначе и рѣшили употребить въ дѣло револьверъ, полагая, что выстрѣла внѣ квартиры слышно не будетъ. Прежнее размѣщеніе признано было неудобнымъ, такъ какъ никого бы не было вблизи передней, вслѣдствіе чего выходъ изъ квартиры остался бы не защищеннымъ и потому Конашевичъ помѣстился въ кухнѣ, дверь изъ которой выходила въ переднюю. Въ этотъ разъ Судейкинъ въ назначенное время не пріѣхалъ и Дегаевъ поспѣшилъ удалить ихъ изъ своей квартиры. Въ промежутокъ времени между этой послѣдней попыткой и слѣдующей Дегаевъ предлагалъ еще другой планъ убійства Судейкина. По словамъ Дегаева Судейкинъ предполагалъ устроить фиктивное покушеніе на свою жизнь съ цѣлью: во 1-хъ устранить возникавшія въ средѣ революціонной партіи подозрѣнія относительно Дегаева, а во 2-хъ получить такимъ путемъ повышеніе по службѣ. По этому плану Дегаевъ долженъ былъ выстрѣлить Судейкину въ лѣвую руку во время прогулки его въ Петровскомъ паркѣ и скрыться на лошади, приготовленной заранѣе самимъ же Судейкинымъ; а во время болѣзни послѣдняго отъ этой раны должно было послѣдовать, согласно замыслу Судейкина и Дегаева, убійство Министра Внутреннихъ Дѣлъ, графа Толстаго. Дегаевъ предложилъ имъ воспользоваться означеннымъ планомъ фиктивнаго покушенія на жизнь Судейкина для того, чтобы на самомъ дѣлѣ убить его, на что Стародворскій и изъявилъ согласіе. Роли осуществленія этого послѣдняго плана были распредѣлены такъ, что Конашевичъ принималъ на себя обязанность кучера Дегаева, а онъ, Стародворскій, долженъ былъ прибыть въ паркъ заранѣе и выстрѣлить въ Судейкина. Покушеніе это предполагалось произвести 19 Декабря; но вскорѣ Дегаевъ отказался отъ этого плана, опасаясь, съ одной стороны, промаха, а съ другой — засады со стороны Судейкина. Тогда рѣшили обратиться къ прежнему плану, согласно которому преступленіе и было совершено 16 Декабря. Въ этотъ разъ онъ, Стародворскій, помѣстился въ спальнѣ, а Конашевичъ — въ кухнѣ. До звонка у

ходной двери всѣ сидѣли въ спальнѣ, когда же раздался звонокъ, Конашевичъ отправился на назначенное ему мѣсто—въ кухню, а Дегаевъ пошелъ отворить дверь. Еще ранѣе рѣшено было, что когда Судейкинъ войдетъ въ комнату, что передъ спальней, то Дегаевъ выстрѣлитъ въ него сзади, вслѣдствіе чего Судейкинъ, по предположенію, долженъ былъ броситься впередъ, т. е. въ спальню, гдѣ его встрѣтитъ онъ, Стародворскій. Вскорѣ послѣ звонка Стародворскій услышалъ шаги, а затѣмъ выстрѣлъ въ сосѣдней комнатѣ. Прождавъ моментъ и видя, что Судейкинъ не показывается въ спальнѣ, онъ бросился въ комнату, откуда былъ слышенъ выстрѣлъ и увидѣлъ Судейкина на порогѣ лицомъ въ гостиную. Онъ, Стародворскій, ударилъ его ломомъ, но такъ какъ Судейкинъ занималъ неудобное для удара положеніе, то ломъ только скользнулъ по немъ, не причинивши существеннаго вреда. Послѣ удара Судейкинъ держась лѣвой рукой за бокъ съ крикомъ побѣжалъ въ переднюю, гдѣ въ это время возлѣ выходной двери находились Судовскій и Конашевичъ. Здѣсь онъ снова ударилъ Судейкина въ високъ и увидѣлъ, что Конашевичъ въ то же время наносилъ удары Судовскому. Отъ послѣдняго удара Судейкинъ упалъ, какъ показалось ему, Стародворскому, безъ признаковъ жизни, но черезъ нѣсколько мгновеній вскочилъ и вбѣжалъ въ ватерклозетъ, удерживая руками извнутри дверь. Желая воспрепятствовать Судейкину затворить за собою дверь ватерклозета, онъ, Стародворскій, вставилъ ногу между дверью и косякомъ, причемъ одной рукой старался оттянуть дверь, а другою билъ Судейкина ломомъ по рукамъ. Когда дверь такимъ образомъ была имъ вырвана изъ рукъ Судейкина, то послѣдній вмѣстѣ съ дверью оказался въ передней, гдѣ Стародворскій нанесъ ему еще нѣсколько ударовъ ломомъ по головѣ, въ затылокъ. Отъ этихъ ударовъ Судейкинъ опрокинулся назадъ въ ватерклозетъ; здѣсь онъ еще разъ ударилъ Судейкина ломомъ, причемъ разбилъ находившійся тамъ ночной горшокъ, и прекратилъ нанесеніе ударовъ, лишь убѣдившись, что Судейкинъ мертвъ. Въ это время Судовскій лежалъ на полу въ передней на мѣховомъ пальто; Конашевичъ же ушелъ во внутреннія комнаты за своей одеждой и затѣмъ совершенно удалился, а онъ, Стародворскій, остался еще въ квартирѣ, чтобы взять, по порученію Дегаева, нѣкоторыя вещи и кин-

жалъ, во избѣжаніе, чтобы по этому кинжалу не отыскали его прежняго владѣльца. На это потребовалось минутъ пять времени, въ теченіи котораго онъ ходилъ со свѣчой по разнымъ комнатамъ. Уходя изъ квартиры, онъ заперъ за собою дверь на ключъ, который бросилъ на Невскомъ проспектѣ. Преступленіе было совершено между четырьмя съ половиною и пятью часами пополудни и въ тотъ же вечеръ онъ, Стародворскій, печаталъ прокламаціи объ этомъ убійствѣ, какъ объяснено выше. Кто участвовалъ въ совѣщаніяхъ объ убійствѣ Судейкина, Стародворскій объяснить отказался. Л. 331 т. XXIII.

Обвиняемый Василій Конашевичъ, признавая свою принадлежность къ «партіи Народной Воли» показалъ, что на нелегальное положеніе онъ перешелъ приблизительно въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1883 г., но еще и до этого времени принималъ нѣкоторое участіе въ революціонной дѣятельности. Такъ, онъ давалъ совѣты относительно постановки революціонной типографіи въ Кіевѣ, гдѣ была напечатана въ 1882 или 1883 г. прокламація по поводу возмущенія крестьянъ въ мѣстечкѣ Ольшаной, Кіевской губерніи, и ѣздилъ въ Ромны, гдѣ дважды подвергался обыску, что и заставило его, по возвращеніи въ Кіевъ, перейти на нелегальное положеніе; приблизительно въ Августѣ 1883 г. онъ возилъ въ г. Черниговъ революціонныя изданія, а въ концѣ Октября того же года—по возвращеніи его изъ Чернигова, въ Кіевъ пріѣхалъ его знакомый, назвать котораго онъ не желаетъ, и предложилъ ему принять участіе въ одномъ террористическомъ предпріятіи въ Петербургѣ, которое, по словамъ этого знакомаго, могло значительно содѣйствовать успѣху революціоннаго движенія вообще и народовольчества въ частности. Сущность этого предпріятія знакомый обѣщалъ объяснить по пріѣздѣ въ Петербургъ, если онъ, Конашевичъ, дастъ свое согласіе на участіе. Конашевичъ согласился и недѣлю спустя отправился въ Петербургъ, гдѣ, не имѣя ни квартиры, ни письменнаго вида, оставилъ свой чемоданъ на Варшавскомъ вокзалѣ, отдавъ его на храненіе дежурному полицейскому служителю. За этимъ чемоданомъ, въ которомъ кромѣ бѣлья и «можетъ быть платья», были положены для увеличенія его вѣса двѣ пустыя бутылки, онъ однако не ходилъ, опасаясь возбудить противъ себя подозрѣнія. Дня черезъ два по пріѣздѣ онъ нашелъ Дегаева, который на третій Л. 334 т. XXIII.

день помѣстилъ его въ квартирѣ акушерки Татьяны Голубевой по Большой Садовой улицѣ, въ домѣ № 114, а спустя недѣлю познакомился со Стародворскимъ, также поселившимся у Голубевой подъ именемъ Савицкаго. Вскорѣ онъ узналъ отъ Дегаева о предположеніи убить подполковника Судейкина. Причины, которыя привели его и другихъ лицъ къ мысли о необходимости этого убійства, заключались въ томъ вредѣ, который нанесенъ былъ Судейкинымъ революціонной партіи. Еще со времени своей службы въ Кіевѣ Судейкинъ былъ извѣстенъ за способнаго розыскнаго чиновника, а въ Петербургѣ онъ наводилъ, по выраженію Конашевича, панику на революціонеровъ и дѣйствовалъ растлѣвающимъ образомъ на слабыхъ членовъ партіи, обращая ихъ въ своихъ агентовъ. О томъ, что самъ Дегаевъ былъ агентомъ Судейкина, онъ, Конашевичъ, узналъ уже впослѣдствіи, когда Дегаевъ вынужденъ былъ объяснить, какимъ образомъ онъ могъ пригласить Судейкина къ себѣ на квартиру. Время для убійства подполковника Судейкина назначалось нѣсколько разъ, но совершеніе преступленія откладывалось по разнымъ причинамъ. Сначала предполагалось, по указанію Дегаева, совершить названное убійство въ Петровскомъ паркѣ, гдѣ, по словамъ Дегаева, онъ условился съ Судейкинымъ произвести фиктивное покушеніе на убійство послѣдняго. Съ этой цѣлью онъ, Конашевичъ, по порученію Дегаева набросалъ съ натуры планъ Петровскаго парка, но порученіе это исполнилъ весьма неудачно, такъ что Дегаевъ, передавъ этотъ планъ Судейкину, возвратился отъ него крайне взволнованнымъ и объявилъ, что Судейкинъ остался имъ недоволенъ за небрежное составленіе плана и что вслѣдствіе этого онъ, Дегаевъ, боится, чтобы Судейкинъ не сталъ относиться къ нему подозрительно. Затѣмъ рѣшено было убить Судейкина ломами въ квартирѣ Дегаева. Первыя двѣ попытки привести въ исполненіе этотъ замыселъ окончились неудачей по причинамъ, указаннымъ Конашевичемъ вполнѣ согласно съ приведеннымъ выше показаніемъ Стародворскаго. Наконецъ 16 Декабря Судейкинъ прибылъ въ квартиру Дегаева къ назначенному времени въ сопровожденіи Судовскаго и вмѣстѣ съ Дегаевымъ и Судовскимъ прошелъ во внутреннія комнаты, гдѣ вскорѣ раздался выстрѣлъ, вслѣдствіе чего онъ, Конашевичъ, немедленно вышелъ изъ кухни въ переднюю, куда одновременно съ нимъ

выбѣжали изъ гостинной Судовскій, Судейкинъ, Дегаевъ и Стародворскій. Судовскій бросился на него, Конашевича, но онъ нанесъ ему ударъ ломомъ, послѣ котораго Судовскій бросился къ выходной двери, гдѣ онъ, Конашевичъ, нанесъ ему еще нѣсколько ударовъ, отъ которыхъ Судовскій упалъ. Въ это время Судейкинъ вбѣжалъ въ ватерклозетъ, возлѣ котораго между нимъ и Стародворскимъ произошла продолжительная борьба, слѣдить за которой онъ не могъ, будучи отвлеченъ борьбою съ Судовскимъ. Дегаевъ же, лишь только во время борьбы ихъ освободилась выходная дверь на лѣстницу, отперъ ее и быстро убѣжалъ, даже не затворивъ за собой двери. Послѣ нанесенія нѣсколькихъ ударовъ Судовскому, когда послѣдній, равно какъ и Судейкинъ, свалились съ ногъ, онъ, Конашевичъ, отправился въ спальню Дегаева, гдѣ переодѣлся и немедленно удалился изъ квартиры, оставивъ тамъ одного Стародворскаго, и въ тотъ же вечеръ уѣхалъ изъ Петербурга по Варшавской дорогѣ, одновременно съ Дегаевымъ. Отправляясь 16 Декабря 1883 г. въ квартиру Дегаева въ качествѣ одного изъ участниковъ убійства Судейкина, онъ, Конашевичъ, не разсчитывалъ возвратиться живымъ, такъ какъ предварительно рѣшено было убить Судейкина, если бы даже онъ пришелъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ, но самимъ живыми въ руки власти не отдаваться. Кто, кромѣ него, Дегаева и Стародворскаго, участвовалъ въ обсужденіи убійства Судейкина. Конашевичъ объявить отказался. **Т. XXIII л. 528 и 554.**

Привлеченный въ качествѣ обвиняемаго въ попустительствѣ убійства подполковника Судейкина, дворянинъ Германъ Александровъ Лопатинъ, не признавая себя виновнымъ, показалъ, что Степана Росси онъ никогда не зналъ, ни въ какой квартирѣ по Большой Садовой улицѣ съ нимъ не встрѣчался и въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1883 г., на сколько онъ помнитъ, жилъ не въ Петербургѣ, а въ Лондонѣ. Между тѣмъ, независимо отъ изобличающаго Лопатина показанія Степана Росси, обвиняемый Сергѣй Ивановъ, спрошенный объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ убійство Судейкина, объяснилъ, что участниковъ этого преступленія онъ не зналъ, но впослѣдствіи ему называли, какъ таковыхъ: Стародворскаго, Конашевича и Лопатина, и что обстоятельныя свѣдѣнія по этому дѣлу онъ получилъ гораздо позже, при позднѣйшемъ знакомствѣ **Л. 412 т. XXIII.** **Т. X л. д. 92 об.**

съ Лопатинымъ и. главнымъ образомъ. въ бытность свою за границею. Свидѣтель дворникъ дома № 114 по Большой Садовой улицѣ Петръ Демидовъ. по предъявленіи ему обвиняемаго Германа Лопатина, показалъ, что Лопатина онъ видѣлъ одинъ разъ проходившимъ въ квартиру женщины проживавшей подъ именемъ Татьяны Голубевой, посѣщеніе это было 13. 14 или 15 числа Декабря 1883 года.

Л. д. 275 т. XXIII.

Кромѣ того объясненіе обвиняемаго Германа Лопатина о пребываніи его въ концѣ 1883 г. въ Лондонѣ опровергается вышеприведеннымъ показаніемъ Росси. а также осмотромъ взятой у него, Лопатина, при обыскѣ записной его книжки, изъ вписанныхъ въ которую расходовъ его можно заключить, что съ 22 Октября 1883 г. по 3-е Января 1884 г. онъ находился въ Петербургѣ.

Т. I л. д. 50 и 176.

Свидѣтель крестьянинъ Филиппъ Игнатьевъ, служащій въ лавкѣ желѣзныхъ товаровъ купца Кирикова, показалъ, что въ Декабрѣ 1883 г. къ нимъ въ лавку дѣйствительно приходилъ покупатель, лица котораго онъ не помнитъ, который купивъ у нихъ ломы и найдя ихъ слишкомъ длинными потребовалъ обрубить ихъ, что и было исполнено; при этомъ свидѣтель Игнатьевъ одинъ изъ предъявленныхъ ему двухъ ломовъ, найденныхъ въ квартирѣ Дегаева послѣ убійства Судейкина, призналъ за купленный въ указанное время у нихъ въ лавкѣ.

Л. 360 т. XXIII.

При производствѣ дознанія объ убійствѣ подполковника Судейкина департаментъ полиціи сообщилъ начальнику С.-Петербургскаго губернскаго жандармскаго управленія, что 17 Декабря 1883 г. директоромъ департамента полиціи былъ полученъ по городской почтѣ экземпляръ печатнаго преступнаго воззванія, въ которомъ объявлялось, что подполковникъ Судейкинъ убитъ «по распоряженію исполнительнаго комитета;» при этомъ департаментъ полиціи препроводилъ и конвертъ, въ которомъ было прислано это воззваніе. По сличеніи почерка, которымъ написанъ адресъ на этомъ конвертѣ, съ почеркомъ обвиняемой въ государственномъ преступленіи дворянки Маріи Кулябко, экспертъ призналъ полное сходство этихъ почерковъ между собою.

Л. д. 67, 72 т. XXIV.

Л. д. 75 т. XXIV.

Спрошенная по этому поводу Марія Кулябко показала, что адресъ директора департамента полиціи на этомъ конвертѣ писанъ ею при слѣдующихъ обстоятельствахъ: вечеромъ 16 Декабря 1883 г. за нею при-

Л. д. 62, 78 т. XXIV.

ѣхала какая-то барыня и, объявивъ ей, что имъ нужна ея помощь, свезла ее въ неизвѣстную ей квартиру, гдѣ она застала мужчину, имени и фамиліи котораго она не знаетъ и помнитъ только, что онъ былъ высокаго роста. Здѣсь съ этою личностью она въ теченіи почти всей ночи печатала воззванія объ убійствѣ подполковника Судейкина, а утромъ 17 Декабря писала адреса на конвертахъ, въ которыхъ были разосланы эти воззванія разнымъ мѣстамъ и лицамъ и въ томъ числѣ директору департамента полиціи и въ редакціи нѣкоторыхъ газетъ. Въ тотъ же день она перевезла на свою квартиру кулекъ съ типографскимъ шрифтомъ, который черезъ нѣсколько дней передала какому-то приходившему за нимъ лицу.

Спрошенный при дознаніи сынъ купца Петръ Мануиловъ показалъ, что въ фотографическои карточкѣ Маріи Кулябко онъ признаетъ личность, у которой въ концѣ Декабря 1883 г. онъ взялъ типографскія принадлежности и шрифтъ. Прил. № 8 л. д. 90 и 91.

Независимо дознанія объ убійствѣ подполковника Судейкина обвиняемые Николай Стародворскій и Василій Конашевичъ привлечены къ дознаніямъ, произведеннымъ: о первомъ—въ Каменецъ-Подольскомъ, а о второмъ—въ Полтавскомъ и Кіевскомъ губернскихъ жандармскихъ управленіяхъ. Обстоятельства этихъ дознаній заключаются въ нижеслѣдующемъ:

20 Августа 1883 года полицейскій надзиратель г. Баръ, Подольской губерніи, Гибнеръ арестовалъ проживавшаго съ Мая мѣсяца того же года въ квартирѣ народнаго учителя Владиміра Шпаковича неизвѣстнаго человѣка, именовавшагося дворяниномъ Василіемъ Сергѣевымъ Коронинымъ. Поводомъ къ этому аресту послужило, что послѣдній не предъявилъ полиціи своего вида на жительство; когда же таковой былъ отъ него потребованъ, то онъ представилъ въ доказательство своей самоличности свидѣтельство Полтавскаго городскаго полицейскаго управленія отъ 23 Ноября 1882 года за № 13568 на имя поименованнаго выше Коронина. По сношеніи же съ Полтавскимъ полиціймейстеромъ, съ цѣлью провѣрить подлинность означеннаго документа, таковой оказался подложнымъ, вслѣдствіе чего надзиратель Гибнеръ отправилъ задержаннаго въ г. Могилевъ въ распоряженіе мѣстнаго уѣзд- Л. д. 2—10 т. XXVI.

Л. д. 76—78, 85—86 т. XXVI.

л. д. 37, 38, 39 т. XXVI.

наго исправника на лошадяхъ подъ конвоемъ двухъ полицейскихъ десятскихъ: Семена Муляра и Степана Чернелевскаго и въ сопровожденіи ямщика Михаила

л. д. 35, 36—36 т. XXVI.

Мышкова. На другой день, 21 Августа, въ 3-хъ верстахъ отъ мѣстечка Верховки названные стражники были внезапно остановлены вышедшимъ изъ лѣсу, хорошо имъ извѣстнымъ, сыномъ священника Николаемъ Стародворскимъ, который будучи вооруженъ револьверомъ, посредствомъ угрозы стрѣлять въ конвойныхъ, освободилъ арестованнаго Коронина и скрылся съ нимъ въ лѣсу.

При производствѣ дознанія было обнаружено, что Стародворскій принималъ, при посредствѣ Шпаковича, мѣры къ укрывательству въ г. Барѣ нелегальной личности, проживавшей по подложному паспорту на имя Коронина, а впослѣдствіи, увѣдомленный въ тотъ же день Шпаковичемъ объ арестѣ Коронина, освободилъ его посредствомъ вооруженнаго нападенія на сопровождавшую его стражу.

Обстоятельства эти установлены слѣдующими данными:

л. 47—48 т. XXVI.

Владиміръ Шпаковичъ показалъ, что Коронинъ, котораго онъ прежде не зналъ, пріѣхалъ къ нему съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Стародворскаго, просившаго его поддержать нуждавшагося въ средствахъ Коронина пріисканіемъ ему уроковъ. Объ арестѣ Коронина онъ, Шпаковичъ, сообщилъ Стародворскому въ самый день ареста, послѣ чего Стародворскій въ 8-мъ часу утра явился на почтовую станцію нанимать лошадей, но, по показанію ямщика Аѳанасія Чернаго, почему-то тогда не поѣхалъ, а затѣмъ часа въ 3 по полудни, когда уже Коронинъ былъ увезенъ изъ г. Баръ, нанялъ лошадей въ д. Верховку, гдѣ заѣхалъ къ мѣстному священнику, при чемъ ямщикъ Черный видѣлъ у Стародворскаго въ пути оброненный было имъ револьверъ.

л. 41 т. XXVI.

Священникъ с. Верховки Саницкій показалъ, что 20 Августа Стародворскій, до того времени мало ему знакомый, пріѣхалъ къ нему на ночлегъ, сказавъ, что пробудетъ у него и слѣдующій день; между тѣмъ на разсвѣтѣ ушелъ отъ него, не будучи никѣмъ замѣченъ.

184, 185 т. XXVI.

Дальнѣйшимъ разслѣдованіемъ было установлено, что подъ именемъ, Коронина въ Барѣ проживалъ

304—310 т. XXVI.

Никонъ Ивановъ Волянскій бѣжавшій послѣ освобожденія его Стародворскимъ въ Женеву и что до

появленія своего въ Барѣ Волянскій жилъ въ г. Кіевѣ подъ именемъ Владислава Франковскаго, бѣжавъ въ 1883 году изъ Тобольской губерніи, куда былъ высланъ административнымъ порядкомъ.

Спрошенный въ виду вышеизложенныхъ данныхъ, въ качествѣ обвиняемаго, сынъ священника Николай Петровъ Стародворскій показалъ, что онъ признаетъ себя виновнымъ въ освобожденіи арестованнаго Волянскаго отъ сопровождавшей его стражи. Съ Волянскимъ онъ былъ знакомъ давно, но не помнитъ, гдѣ, когда и при какихъ обстоятельствахъ знакомство это возникло. Въ бытность Волянскаго въ ссылкѣ онъ, обвиняемый, поддерживалъ съ нимъ переписку, вслѣдствіе чего Волянскому всегда былъ извѣстенъ адресъ его, Стародворскаго. Весной 1883 года передъ пасхой, Волянскій написалъ ему изъ Кіева въ Баръ, прося пріискать ему въ этомъ городѣ какое нибудь занятіе, а вскорѣ послѣ этого онъ, Стародворскій, по своему личному дѣлу поѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ и нашелъ Волянскаго по сообщенному имъ адресу, объяснить который не желаетъ. Въ Кіевѣ ему, Стародворскому, пришлось остаться нѣсколько дней, а потому онъ написалъ сельскому учителю въ г. Барѣ Шпаковичу и отправилъ къ нему Волянскаго, который вскорѣ пріискалъ себѣ тамъ уроки. Въ письмѣ къ Шпаковичу Стародворскій рекомендовалъ Волянскаго подъ фамиліей Коронина. Куда и къ кому отлучался Волянскій изъ г. Баръ, Стародворскій объяснить отказался. Въ день ареста Волянскаго онъ, Стародворскій, случайно находился въ Барѣ и узналъ объ этомъ происшествіи отъ кого-то на улицѣ; до этого же онъ, обвиняемый, имѣлъ въ виду уѣхать недѣли на двѣ или на три по своимъ дѣламъ, но потомъ раздумалъ и остался въ Барѣ. Узнавъ объ арестѣ Волянскаго, у него, Стародворскаго, по личнымъ къ нему отношеніямъ, явилась мысль объ освобожденіи его. О планѣ освобожденія Волянскаго онъ, Стародворскій, не говорилъ никому, въ томъ числѣ и Шпаковичу, къ которому никакихъ особыхъ отношеній не имѣлъ. Спустя полчаса послѣ того, какъ арестованнаго Волянскаго повезли въ Могилевъ, онъ, Стародворскій, взялъ на почтовой станціи лошадей до дер. Верховки, чрезъ которую какъ ему было извѣстно, должны были провезти Волянскаго, и, отправляясь въ дорогу, вооружился револьверомъ. Проѣхавъ до дер. Терегики, онъ сообразилъ, что изъ этой деревни Волянскаго повезутъ только на слѣдую-

336 — 342 т. XXVI.

щій день утромъ, а потому проѣхалъ опять въ Верховку, гдѣ остановился у священника Саницкаго, переночевалъ у него, а утромъ ушелъ, не простившись, и направился въ лѣсъ, гдѣ и поджидалъ проѣзда Волянскаго. Часовъ въ 7 или 8, когда наконецъ повозка, на которой везли послѣдняго, находилась отъ него саженяхъ въ 15-ти, онъ, Стародворскій, выскочилъ изъ-за дерева и, угрожая провожатымъ револьверомъ, закричалъ, чтобы они остановились. Кучеръ остановился и Волянскій, воспользовавшись этимъ, соскочилъ съ повозки, а вслѣдъ за нимъ соскочили и стражники Чернелевскій и Муляръ. Кучеръ хотѣлъ было продолжать путь, но онъ, Стародворскій, снова повторилъ угрозу застрѣлить лошадь, вслѣдствіе чего тотъ снова остановился. Ни сопровождавшіе Волянскаго стражники, не везшій ихъ ямщикъ не оказали при этомъ никакого сопротивленія. Волянскій держалъ десятскаго Чернелевскаго за воротъ, а онъ, Стародворскій, заставилъ другаго десятскаго, Муляра, стоять спокойно, наведя на него дуло револьвера. Послѣ этого онъ съ Волянскимъ скрылись въ лѣсу, при чемъ напуганная стража не обнаружила и попытки ихъ преслѣдовать. Гдѣ онъ съ Волянскимъ провелъ ночь на 22-е Августа, онъ, Стародворскій, объяснить не пожелалъ; на слѣдующій же день они направились къ австрійской границѣ, черезъ которую Волянскій и перешелъ въ Австрію, а онъ, Стародворскій, возратился въ Подольскую губернію и, взявъ на станціи желѣзной дороги Проскуровѣ билетъ, уѣхалъ къ одному изъ своихъ знакомыхъ; прожилъ у него до конца Сентября. а затѣмъ по вызову поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ, какъ сказано выше, жилъ подъ именемъ дворянина Михаила Савицкаго.

При производствѣ въ 1883 году дознанія въ Полтавскомъ губернскомъ жандармскомъ управленіи о роменскомъ революціонномъ кружкѣ было, между прочимъ, установлено, что лѣтомъ того же года въ этомъ кружкѣ занималъ руководящее положеніе состоявшій подъ негласнымъ надзоромъ полиціи, бывшій сельскій учитель Василій Конашевичъ. Послѣдній въ концѣ
Л. 11 т. XXIX. Іюня прибылъ въ Ромны и, поселясь въ домѣ Шеденко, участвовалъ въ сходкахъ, собиравшихся въ квартирѣ Мельниковыхъ.—въ ночное время и вообще

съ соблюденіемъ предосторожностей, для сохраненія ихъ въ тайнѣ, какъ это видно изъ свидѣтельскихъ показаній Мельниковыхъ, Антона Дьяченко, Марка Левина и другихъ. 33, 36 т. XXIX.

Привлеченный вслѣдствіе сего по этому дѣлу въ качествѣ обвиняемаго Василій Петровъ Конашевичъ показалъ, что въ Ромны онъ прибылъ съ исключительною цѣлью повидаться съ невѣстой своей, Лидіей Мельниковой и съ другими знакомыми. 56, 37 т. XXIX.

Отданный послѣ допроса 7 Іюля подъ особый надзоръ полиціи обвиняемый Конашевичъ въ ночь на 10 Іюля изъ Роменъ неизвѣстно куда скрылся. 58 — 39 т. XXIX. 293 т. XXIX.

По производствѣ же у Вѣры Мельниковой обыска найдены были революціонныя изданія: а) «къ русскому народу отъ соціалистовъ - народниковъ С-тъ Петербургъ, 3 Апрѣля 1883 г. «типографія народной партіи»; б) «Русскому обществу отъ русскихъ революціонеровъ». и в) рукописная программа для собиранія свѣдѣній въ провинціи. Л. 18 т. XXIX.

На допросѣ Мельникова показала, что всѣ найденныя у нея изданія она получила въ Іюнѣ того же года въ Ромнахъ отъ Конашевича; онъ же далъ ей двѣ рѣчи изъ процесса 17-ти, двѣ гектографированныхъ программы исполнительнаго комитета, программу рабочихъ членовъ партіи «Народная Воля», рѣчь Грачевскаго изъ того же процесса 17-ти, № 10 «Народной Воли» 1883 года и газету «Земля и Воля». Всѣ эти изданія. по объясненію Мельниковой. Конашевичъ далъ ей въ Іюлѣ мѣсяцѣ, на 2-й день своего пріѣзда въ г. Ромны, съ просьбой сохранить ихъ, на что она и изъявила согласіе. Впослѣдствіи же, узнавъ что за нею слѣдятъ. она по совѣту Конашевича передала эти изданія частію гостившей у нихъ Ольгѣ Кулябко, частію уничтожила и только часть оставила у себя. Сверхъ названныхъ изданій Конашевичъ давалъ ей также гектографированную брошюру «русскому обществу отъ русскихъ революціонеровъ», часть которой она переписала. Далѣе Мельникова объяснила. что Конашевичъ, судя по его поведенію, пріѣзжалъ въ Ромны для того, чтобы ознакомиться съ мѣстными условіями для противоправительственной дѣятельности. Л. 32 т. XXIX.

Во время розысковъ скрывшагося, такимъ образомъ, Конашевича, на преступную дѣятельность его были получены указанія при производствѣ по г. Кіеву дознанія о мѣстныхъ революціонныхъ кружкахъ. Одинъ

Л. 48 т. XXVII. изъ обвиняемыхъ по этому дѣлу. Михаилъ Корніенко по поводу найденнаго у него письма изъ Петербурга отъ Маріи Троицкой, въ коемъ упоминается какой-то «благопріятель», показалъ, что подъ названіемъ «благопріятель» разумѣлся Василій Петровичъ Конашевичъ, бывшій товарищъ его по Роменскому реальному училищу, съ которымъ онъ встрѣчался на улицѣ въ Кіевѣ лѣтомъ 1883 года, а въ послѣдній разъ видѣлся зимой предъ отъѣздомъ его неизвѣстно для какой цѣли въ Петербургъ; причемъ онъ, Корніенко, передалъ тогда Конашевичу письмо къ проживавшей въ Петербургѣ курсисткѣ Маріи Троицкой.

Л. 102 т. XXVII. 2-го Января 1884 года начальникомъ Кіевскаго губернскаго жандармскаго управленія были получены свѣдѣнія о прибытіи изъ Петербурга въ Кіевъ Конашевича, остановившагося подъ чужой фамиліей въ квартирѣ студента Мордко Эйберга.

Л. 105 т. XXVII. Въ тотъ же день Конашевичъ былъ задержанъ полиціей и въ удостовѣреніе своей самоличности предъявилъ свидѣтельство Новомосковскаго уѣзднаго полицейскаго управленія на имя дворянина Бориса Ростицкаго отъ 5 Мая 1883 года за № 6457 съ двумя на немъ явками—по Ростову на Дону отъ 9 Мая 1883 года

Л. 227, 294, 295 и 416 т. XXVII. и по Одессѣ отъ 22 Мая 1883 года. По провѣркѣ, какъ документъ этотъ, такъ и явки на немъ оказались подложными.

104 — 105 т. XXVII. При обыскѣ въ квартирѣ вышеупомянутаго студента Эйберга была найдена небольшая плетеная корзина, запертая висячимъ замкомъ, въ которой оказались слѣдующія революціонныя изданія и вещи: 1) гектографированная брошюра подъ заглавіемъ «Подпольная Россія» Степняка; 2) листокъ добровольнаго сбора № 3 отъ редакціи «Народной Воли»; 3) 6 экземпляровъ прокламаціи по поводу убійства подполковника Судейкина отъ 16-го Декабря 1883 года; 4) печатная брошюра «Каторга и пытка въ Петербургѣ въ 1883 году» и значительное число другихъ брошюръ и рукописей преступнаго содержанія, и

Л. 113 — 114 т. XXVII. 5) 4 реторты, 3 воронки, спиртовая лампочка, металлическая трубка и руководство для взрывовъ.

121 — 122 т. XXVII. Изслѣдованіе этихъ предметовъ чрезъ профессора химіи Кіевскаго университета Гарничъ-Гарницкаго и другихъ экспертовъ привело къ заключенію, что таковыя были приготовлены для производства нитроглицерина и динамита.

На первомъ допросѣ задержанный Конашевичъ

назвался дворянином Борисом Павловым Ростицким, но затѣмъ въ тотъ же день признался, что онъ Василій Конашевичъ. Л. 108 т. XXVII.

При дальнѣйшемъ дознаніи Конашевичъ, не признавая себя виновнымъ въ принадлежности къ какому либо преступному сообществу, объяснилъ, что раздѣляетъ принципы русскаго соціально-революціоннаго сообщества «Народной Воли», но никакого участія въ дѣлахъ его преступной организаціи не принималъ и никого изъ лицъ, принадлежащихъ къ этой партіи, не знаетъ; корзина же, найденная въ квартирѣ Эйберга, ему не принадлежитъ. На такъ называемое нелегальное положеніе онъ перешелъ съ цѣлью избѣжать воинской повинности; по чужому документу прожилъ въ Кіевѣ года полтора, гдѣ и отъ кого пріобрѣлъ документъ, кто указалъ ему квартиру студента Эйберга, котораго онъ раньше не зналъ, и отъ кого получилъ свидѣтельство на имя Ростицкаго, Конашевичъ объяснить отказался. Лѣтомъ 1883 г. онъ, Конашевичъ, ѣздилъ въ Ромны съ цѣлью свиданія съ своей невѣстой, причемъ дѣйствительно имѣлъ разныя преступныя изданія, найденныя впослѣдствіи у Вѣры Мельниковой, которой онъ передалъ таковыя на сохраненіе. Л. 116 т. XXVII.

Студентъ Мордко Эйбергъ объяснилъ, что упомянутую выше корзину принесъ къ нему въ квартиру студентъ Врочинскій, который привелъ къ нему и неизвѣстнаго, оказавшагося впослѣдствіи Конашевичемъ, и просилъ дать послѣднему ночлегъ, не объясняя, впрочемъ, кто онъ такой и какъ его зовутъ. Л. 149 т. XXVII.

Спрошенный въ виду этого студентъ Иванъ Владиславовъ Врочинскій показалъ, что найденную въ квартирѣ Эйберга корзинку онъ дѣйствительно привезъ къ послѣднему 19, 20 или 21 Декабря 1883 г. по просьбѣ одного изъ своихъ знакомыхъ, котораго назвать не желаетъ, а дни черезъ два послѣ этого привелъ къ Эйбергу знакомаго своего Конашевича, котораго зналъ подъ именемъ Василія Петровича Петрова; что же заключалось въ означенной корзинѣ, ему извѣстно не было. Л. 156. Л. 171.

Показаніемъ домовладѣльца Ивана Стояновскаго удостовѣрено, что въ домѣ его лѣтомъ 1883 г. проживалъ подъ именемъ сына священника Любинскаго признанный имъ по фотографической карточкѣ Василій Конашевичъ, предъявлявшій, въ удостовѣреніе Об. 187 — 188 т. XXVII.

своей личности, свидѣтельство какой то духовной консисторіи.

л. 211 т. XXVII. Проживавшаго въ домѣ Стояновскаго подъ именемъ Любинскаго признала также въ карточкѣ Конашевича служанка того же дома Василиса Клищенкова.

Осмотромъ домовой книги дома Стояновскаго было установлено, что 3 Августа 1883 г. туда прибылъ изъ Житомира Андрей Ивановичъ Любинскій, прописавшійся по свидѣтельству Могилевской духовной консисторіи за № 548; по книгѣ Любинскій значится выбывшимъ 2 Ноября 1883 г. въ Могилевъ.

л. 334 т. XXVII. При провѣркѣ подлинности этого документа посредствомъ сношенія съ Могилевскою духовною консисторіей оказалось, что свидѣтельство на имя Любинскаго подложно.

л. 41 — 44 т. XXVII. Купеческій сынъ Ѳеодосій Фатѣевъ, спрошенный при производствѣ дознанія по Кіеву по поводу найденнаго у него въ книгѣ: «Сто русскихъ литераторовъ» печатнаго листа добровольнаго сбора редакціи: «Народная Воля» № 8, показалъ, что означенную книгу бралъ у него для чтенія именовавшійся студентомъ Антономъ Антоновичемъ Петровымъ, съ которымъ онъ познакомился случайно на гуляньи и возвратилъ ему эту книгу наканунѣ обыска. По предъявленіи же Фатѣеву Конашевича, онъ призналъ въ послѣднемъ поименованнаго выше Антона Антоновича Петрова.

191 и 192 т. XXVII. Спрошенный по этому поводу обвиняемый Конашевичъ, подтверждая въ общихъ чертахъ показаніе Фатѣева, призналъ, что въ домѣ Стояновскаго по Малой Васильковской улицѣ онъ дѣйствительно проживалъ подъ именемъ Андрея Ивановича Любинскаго, по свидѣтельству какой то консисторіи. Былъ ли этотъ видъ дѣйствительный или подложный, ему неизвѣстно; студента Врочинскаго онъ не знаетъ и не припоминаетъ, чтобы встрѣчалъ его у Эйберга, которому онъ вовсе не говорилъ, что найденная у него впослѣдствіи корзинка принадлежитъ ему, Конашевичу.

Студентъ Евгеній Дорожинскій показалъ, что съ Конашевичемъ его познакомилъ студентъ Лапно, назвавшій его Василіемъ Петровичемъ. Передъ отъѣздомъ его, Дорожинскаго, на каникулы, Конашевичъ просилъ его указать кого либо изъ знакомыхъ, у кого онъ бы могъ оставить на храненіе корзину съ вещами; Дорожинскій отвелъ его для этой цѣли къ товарищу

своему Владиміру Семяновскому, который и изъявилъ согласіе принять корзину Конашевича. Спустя нѣкоторое время Конашевичъ потребовалъ выдать ему шрифтъ, сохранявшійся, какъ оказалось, въ оставленной имъ у Семяновскаго корзинѣ, затѣмъ, по указанію Конашевича, онъ Дорожинскій съ Семяновскимъ промывалъ этотъ шрифтъ скипидаромъ, разбиралъ и сортировалъ его по кассамъ, а когда всѣ эти приготовленія были окончены, къ нимъ вечеромъ явился Конашевичъ и взялъ шрифтъ съ собою и вслѣдъ затѣмъ куда-то исчезъ. Тогда по предложенію Корніенко они, Дорожинскій и Семяновскій, наняли особую квартиру, въ которой и отпечатали 100 экземпляровъ воззванія «Отъ группы русскихъ конституціоналистовъ». Далѣе Дорожинскій показалъ, что еще ранѣе знакомства съ Конашевичемъ онъ слышалъ о существованіи въ Кіевѣ какого-то преступнаго сообщества и руководящей центральной группы. Кто какое занималъ положеніе въ этой группѣ ему неизвѣстно, но самымъ энергическимъ дѣятелемъ въ партіи былъ Конашевичъ. Объ отъѣздѣ послѣдняго изъ Кіева онъ узналъ отъ Корніенко, который при этомъ не объяснялъ, куда именно Конашевичъ уѣхалъ. Л. 328—333 т. XXVII.

Спрошенный по содержанію показанія Дорожинскаго объвиняемый Конашевичъ, признавая показаніе это невѣрнымъ, объяснилъ, что Дорожинскаго онъ запрещенными изданіями не снабжалъ и о тайной типографіи въ Кіевѣ никакихъ свѣдѣній не имѣетъ. Л. 311 т. XXVII.

На основаніи всего выше изложеннаго отставной коллежскій секретарь дворянинъ Германъ Александровъ Лопатинъ, дворянка Неонила Михайлова Салова, дворянинъ Василій Ивановъ Сухомлинъ, дворянинъ Сергѣй Адреевъ Ивановъ, кандидатъ С.-Петербургскаго университета дворянинъ Петръ Филипповъ Якубовичъ, Рогачевская мѣщанка Генріетта Николаева Добрускина, сынъ священника Николай Петровъ Стародворскій, сынъ коллежскаго ассесора, происходящаго изъ личныхъ дворянъ. Василій Петровъ Конашевичъ, Мозырскій, Минской губерніи, мѣщанинъ Петръ Андреевъ Елько, Николаевскій, Херсонской губерніи, мѣщанинъ Петръ Леонтьевъ Антоновъ. Московскій мѣщанинъ Василій Ивановъ Вольновъ, дворянинъ Сергѣй Евгеніевъ Кузинъ, Острогожскій, Воронежской губерніи, мѣщанинъ Василій Владиміровъ Ливадинъ, дворянинъ Иванъ Ивановъ Гейеръ, дворянинъ Василій Ивановъ Кирсановъ, Козелецкій, Черниговской губер-

ніи, мѣщанинъ Яковъ Григорьевъ Френкель, дворянинъ Леонидъ Петровъ Ешинъ, крестьянинъ Бердянскаго уѣзда, Таврической губерніи, Андрей Григорьевъ Бѣлоусовъ, крестьянинъ того же уѣзда Семенъ Григорьевъ Бѣлоусовъ, Нахичеванскій, Екатеринославской губерніи, мѣщанинъ Макарій Павловъ Поповъ и мѣщанинъ города Ростова на Дону Прокофій Матвѣевъ Лебеденко обвиняются въ принадлежности къ тайному сообществу, присвоившему себѣ наименованіе русской соціально-революціонной партіи Народной Воли, поставившему себѣ цѣлью ниспровергнуть путемъ насилія существующій въ Имперіи государственный и общественный порядокъ, при чемъ направленныя къ достиженію указанной цѣли дѣйствія сего сообщества, сверхъ совершенія цѣлаго ряда тяжкихъ общеуголовныхъ преступленій, проявились въ посягательствахъ на жизнь частныхъ и должностныхъ лицъ, нѣкоторыхъ высшихъ государственныхъ сановниковъ, неоднократныхъ покушеніяхъ на жизнь Священной Особы въ Бозѣ почивающаго Императора Александра II и наконецъ въ злодѣяніи 1 Марта 1881 г., повлекшемъ за собою кончину Его Величества. При этомъ изъ числа названныхъ обвиняемыхъ Лопатинъ, Салова и Сухомлинъ въ 1884 г. руководили дѣйствіями означеннаго преступнаго сообщества, образовавъ изъ себя группу, именовавшуюся «центральной революціонной организаціей», «распорядительной коммисіей» и «делегаціей исполнительнаго комитета»; а Петръ Якубовичъ — въ организаціи, такъ называемой, «молодой партіи Народной Воли», вводившей въ программу своихъ дѣйствій «аграрный и фабричный терроръ», и въ образованіи особаго сообщества подъ наименованіемъ «союза молодежи партіи Народной Воли», которое должно было послужить основаніемъ для дальнѣйшаго развитія названной выше «молодой партіи».

Сверхъ участія въ дѣятельности революціоннаго сообщества партіи Народной Воли вообще, поименованные выше обвиняемые изобличаются въ нижеслѣдующихъ отдѣльныхъ преступныхъ дѣйствіяхъ, направленныхъ къ достиженію цѣлей названнаго сообщества:

1) Стародворскій и Конашевичъ въ предумышленномъ убійствѣ 16 Декабря 1883 г. въ С.-Петербургѣ инспектора секретной полиціи подполковника Судейкина, и причиненіи сопровождавшему подполковника

Судейкина чиновнику Судовскому тяжкихъ, подвергавшихъ жизнь его опасности, поврежденій: а Стародворскій, сверхъ того, въ вооруженномъ нападеніи въ Августѣ того же года на полицейскую стражу, сопровождавшую изъ г. Баръ въ г. Могилевъ обвинявшагося въ государственномъ преступленіи Волянскаго и въ освобожденіи этого арестанта во время пути посредствомъ угрозъ стражи лишеніемъ жизни.

2) Лопатинъ: а) въ участіи въ предварительныхъ совѣщаніяхъ членовъ революціоннаго сообщества, на коихъ съ его, Лопатина, согласія было рѣшено лишить жизни подполковника Судейкина, и б) въ доставленіи въ Петербургъ и храненіи здѣсь въ 1884 г. двухъ метательныхъ заряженныхъ динамитомъ снарядовъ, предназначенныхъ для указанныхъ выше преступныхъ цѣлей.

3) Онъ же, Лопатинъ, Салова и Якубовичъ — въ устройствѣ въ 1884 г. въ г. Деритѣ тайной типографіи, въ коей былъ отпечатанъ № 10 «журнала Народной Воли» органа партіи того же имени.

4) Сергѣй Ивановъ, Антоновъ и Василій Вольновъ: въ совершеніи, по предварительному между собою соглашенію, двукратнаго, 17 и 24 Октября 1883 г., вооруженнаго нападенія подъ городомъ Харьковомъ, съ цѣлью ограбленія на слѣдовавшую съ денежною корреспонденціею почту, при чемъ Сергѣй Ивановъ, склонивъ участниковъ сихъ преступленій на совершеніе оныхъ, лично въ самомъ нападеніи на почту участія не принималъ.

5) Петръ Елько въ участіи въ одномъ изъ названныхъ выше вооруженныхъ нападеній подъ городомъ Харьковомъ, совершенномъ 24 Октября 1883 года.

6) Онъ же, Елько, Сергѣй Ивановъ и Антоновъ: а) въ предумышленномъ убійствѣ 8 Января 1884 г. подъ г. Харьковомъ крестьянина Федора Шкріобы и б) въ устройствѣ въ г. Ростовѣ на Дону тайной типографіи, въ которой было отпечатано другое изданіе того же вышеупомянутаго № 10 журнала «Народная Воля».

7) Тотъ же Антоновъ, а также Кузинъ и Ливадинъ въ вооруженномъ нападеніи подъ г. Воронежемъ 17 Ноября 1884 г., съ цѣлью ограбленія, на слѣдовавшую съ денежной корреспонденціей почту, при чемъ Петромъ Антоновымъ былъ убитъ почтальонъ Мануй-

8) Сергѣй Ивановъ, Гейеръ, Кирсановъ, Андрей и Семенъ Бѣлоусовы, Ешинъ и Френкель—въ изготовленіи въ 1884 г. въ г. Луганскѣ заряженныхъ динамитомъ метательныхъ снарядовъ, предназначенныхъ для преступныхъ цѣлей названнаго выше сообщества.

9) Добрускина — въ устройствѣ помянутой тайной типографіи въ г. Ростовѣ на Дону и въ храненіи означенныхъ выше метательныхъ снарядовъ, завѣдомо объ ихъ предназначеніи.

10) Поповъ и Лебеденко—въ храненіи принадлежностей указанной тайной типографіи, а также метательныхъ снарядовъ, завѣдомо о томъ, что таковые предназначены для преступныхъ цѣлей революціоннаго сообщества партіи Народной Воли; и

11) Лопатинъ, Салова, Сергѣй Ивановъ, Якубовичъ, Добрускина, Стародворскій, Конашевичъ, Елько и Антоновъ въ поддѣлкѣ видовъ на жительство и въ проживательствѣ по подложнымъ и чужимъ видамъ.

Описанныя выше преступленія предусмотрѣны 310, 975, 977, 987, 1453, 2 ч. 1459, 1630, 1632, 1634 и 249 ст. Уложенія о Наказаніяхъ.

Обвинительный актъ составленъ въ С.-Петербургѣ, 30 Апрѣля 1887 г. Военнымъ Прокуроромъ Полковникомъ Масловымъ.

СПИСОКЪ

лицъ, подлежащихъ вызову къ судебному слѣдствію по дѣлу объ отставномъ коллежскомъ секретарѣ дворянинѣ Германѣ Александровѣ Лопатинѣ, дворянкѣ Неонилѣ Михайловой Саловой, дворянинѣ Василіи Ивановѣ Сухомлинѣ и друг.

№№ по порядку.	Вызываемыя лица.	Мѣсто жительства или службы, или мѣсто содержанія.
	Подсудимые:	
1	Отставной коллежскій секретарь дворянинъ Германъ Александровъ **Лопатинъ.**	
2	Дворянка Неонила Михайлова **Салова.**	
3	Дворянинъ Василій Ивановъ **Сухомлинъ.**	
4	Дворянинъ Сергѣй Андреевъ **Ивановъ.**	
5	Кандидатъ С.-Петербургскаго университета дворянинъ Петръ Филипповъ **Якубовичъ.**	
6	Рогачевская мѣщанка Генріетта Николаева **Добрускина.**	
7	Сынъ священника Николай Петровъ **Стародворскій.**	
8	Сынъ коллежскаго ассесора, происходящаго изъ личныхъ дворянъ, Василій Петровъ **Конашевичъ.**	
9	Мозырскій, Минской губерніи, мѣщанинъ Петръ Андреевъ **Елько.**	
10	Николаевскій, Херсонской губерніи, мѣщанинъ Петръ Леонтьевъ **Антоновъ.**	

№ по порядку.	Вызываемыя лица.	Мѣсто жительства или службы, или мѣсто содержанія.
11	Московскій мѣщанинъ Василій Ивановъ **Вольновъ.**	
12	Дворянинъ Серѣй Евгеніевъ **Кузинъ.**	
13	Острогожскій, Воронежской губерніи. мѣщанинъ Василій Владиміровъ **Ливадинъ.**	
14	Дворянинъ Иванъ Ивановъ **Гейеръ.**	
15	Дворянинъ Василій Ивановъ **Кирсановъ.**	
16	Козельскій, Черниговской губерніи. мѣщанинъ Яковъ Григорьевъ **Френкель.**	
17	Дворянинъ Леонидъ Петровъ **Ешинъ.**	
18	Крестьянинъ Бердянскаго уѣзда, Таврической губерніи, Андрей Григорьевъ **Бѣлоусовъ.**	
19	Крестьянинъ того же уѣзда Семенъ Григорьевъ Бѣлоусовъ.	
20	Нахичеванскій, Екатеринославской губерніи, мѣщанинъ Макаръ Павловъ **Поповъ.**	
21	Мѣщанинъ города Ростова на Дону Прокофій Матвѣевъ **Лебеденко.**	
	Свидѣтели:	
1	Григорій **Гольденбергъ.**	Умеръ.
2	Петръ **Мануйловъ.**	
3	Николай **Флеровъ.**	
4	Михаилъ **Овчинниковъ.**	
5	Федоръ **Грековъ.**	
6	Степанъ **Росси.**	Свѣдѣнія въ департаментѣ полиціи.
7	Алексѣй **Кирпищиковъ.**	
8	Сынъ священника Николай **Олторжевскій.**	
9	Дворянка Елена **Ставраки.**	
10	Студентъ Харьковскаго университета Всеволодъ **Гончаровъ.**	Умеръ.

№№ по порядку.	Вызываемыя лица.	Мѣсто жительства или службы, или мѣсто содержанія.
11	Дворянинъ Кутаисской губ. Мухамедъ-Алкинъ.	Свѣдѣнія въ департаментѣ полиціи.
12	Крестьянинъ Клинскаго уѣзда, Московской губерніи, Иванъ Степановъ **Черуновъ**.	Проживалъ дворникомъ по Малой Конюшенной улицѣ, въ д. подъ № 1/3
13	Крестьянинъ Гдовскаго уѣзда, С.-Петербургской губерніи, Семенъ Алексѣевъ **Молчановъ**.	Проживалъ дворникомъ въ томъ же домѣ.
14	Купеческая дочь Софья **Вольтке**.	Съ 9 Окт. 1884 г. проживала по Баскову переулку, д. № 19, кв. № 15. Болѣе точныя свѣдѣнія д. б. изв. д-ту полиціи.
15	Купеческій сынъ Семенъ **Гальперинъ**.	Свѣдѣнія въ департаментѣ полиціи.
16	Инженеръ **Багинскій**.	
17	Фельдшеръ Полтавской больницы **Николаевъ**.	
18	Прусскій подданный Карлъ **Менцель**.	Служилъ на англійскомъ пароходѣ Кельсо.
19	Брауншвейгскій подданный Генрихъ **Киратъ**.	Проживалъ въ Ригѣ на Гальсбергѣ, Куличная улица, № 27.
20	Купеческій сынъ Константинъ **Нагорный**.	Проживалъ въ Ростовѣ на Дону
21	Петръ **Песисъ**.	Кельнеръ въ гостинницѣ «Петербургъ» въ г. Ригѣ.
22	Генрихъ **Фрике**.	Содержатель гостинницы «Петербургъ» въ г. Ригѣ
23	Мѣщанинъ г. Ростова на Дону, студентъ Рижскаго политехническаго училища Леонъ **Лозманъ**.	Проживалъ въ г. Ригѣ, на Мельничной улицѣ, № 67.
24	Помощникъ управляющаго почтовою частью въ Лифляндской губерніи Илья Герасимовичъ **Самсоновъ**.	Въ Ригѣ въ казенномъ помѣщеніи почтовой конторы.
25	Дворянинъ Петръ Васильевъ **Лазаревъ**.	Свѣдѣнія въ департаментѣ полиціи.
26	Дворянинъ Александръ Николаевъ **Кашинцевъ**.	
27	Дворянинъ Леонидъ Антоновъ **Квицинскій**.	
28	Французскій подданный Бенедиктъ Маттеи.	Служилъ матросомъ на французскомъ пароходѣ «Мендоза».
29	Студентъ Николай **Семеновъ**.	Свѣдѣнія въ департаментѣ полиціи.

№№ по порядку.	Вызываемыя лица.	Мѣсто жительства или службы, или мѣсто пребыванія.
30	Купеческій сынъ Абрамъ **Достаковъ.**	
31	Мѣщанинъ Алексѣй **Сиговъ.**	
32	Сынъ священника Антонъ **Остроумовъ.**	
33	Дмитрій **Бартеневъ.**	Свѣдѣнія въ департаментѣ полиціи.
34	Студентъ Хаимъ (Михаилъ) **Ратнеръ.**	
35	Мѣщанинъ Василій Павловъ **Моисеевъ.**	
36	Михаилъ Петровъ **Орловъ.**	
37	Роза Федоровна **Франкъ.**	Проживала постоянно въ Каменецъ-Подольскѣ, а въ С.-Петербургѣ по Преображенской, д. № 52 кв. № 13.
38	Марья Николаевна **Емельянова.**	Свѣдѣнія въ департаментѣ полиціи.
39	Эмилія Густавовна **Крейденъ.**	Въ Дерптѣ, по Ботанической ул., д. № 30.
40	Юлія Петровна **Вентъ.**	Въ Дерптѣ въ томъ же домѣ.
41	Амалія Генриховна **Шурина.**	Тамъ же.
42	Бывшій студентъ Дерптскаго ветеринарнаго института **Александръ Михѣевичъ Новиковъ.**	Свѣдѣнія въ департаментѣ полиціи.
43	Отставной штабсъ капитанъ **Степуринъ.**	Умеръ.
44	Коллежскій регистраторъ **Судовскій.**	Въ С.-Петербургѣ служилъ въ секретномъ отдѣленіи канц. градоначальника.
45	Запасный унтеръ-офицеръ 74 резервнаго пѣхотнаго кадроваго батальона Павелъ Ивановъ Суворовъ.	30 Марта 1884 г. перечисленъ въ Рославльскій уѣздъ, Смоленской губер. Позднѣйшихъ свѣдѣній не имѣется.
46	Запасный унтеръ-офицеръ 2-го гренадерскаго Ростовскаго полка Григорій Игнатьевъ **Кондратьевъ** (онъ же Кондрашевъ).	По Невскому, № 91, проживалъ старшимъ дворникомъ.
47	Крестьянинъ Рязанской губерніи Григорій Антоновъ **Антоновъ.**	Тамъ же младшимъ дворникомъ.
48	Запасный рядовой Матвѣй Кузьминъ Крымъ.	По Невскому № 91 и Гончарной № 12 кв. № 18.

№№ по порядку.	Вызываемыя лица.	Мѣсто жительства или службы, или мѣсто содержанія.
49	Крестьянка Новгородской губерніи Надежда Сергѣевна **Азарьева.**	По Невскому № 91 кв. № 9.
50	Кронштадтская мѣщанка Вѣра Константиновна **Ильина.**	По Литовкѣ № 14 кв. № 11.
51	Отставной матросъ Петръ Степановъ **Демидовъ.**	Проживалъ дворникомъ въ д. № 114, по Большой Садовой, въ Декабрѣ 1884 г. проживалъ въ домѣ № 24—9 по Екатерининскому каналу, а 14 Декабря того же года отмѣченъ въ Павловскъ.
52	Запасный телеграфистъ унтеръ-офицерскаго званія Григорій Александровъ **Бѣшорицкій.**	Проживалъ по Литовкѣ въ домѣ № 14 кв. № 21.
53	Солдатская дочь Анна Александровна **Хващевская.**	Проживала по Литовкѣ въ домѣ № 14 кв. № 11.
54	Запасный унтеръ-офицеръ 112 пѣхотнаго Уральскаго полка Иванъ **Михайловъ.**	Проживалъ по Пушкинской улицѣ въ домѣ № $^{75}/_{1}$, швейцаромъ въ меблированныхъ комнатахъ.
55	Крестьянинъ Ярославской губерніи Филиппъ Игнатьевъ Игнатьевъ.	По Невскому въ д. № 107, кв. № 17.
56	Дочь дворянина Марія **Кулябко.**	
57	Дворянинъ Иванъ Николаевъ **Телешневъ.**	
58	Фельдшеръ Гершъ **Ранцъ.**	Свѣдѣнія въ департаментѣ полиціи
59	Мѣщанинъ Яковъ **Шаповаловъ.**	
60	Дворянинъ Станиславъ **Бялецкій.**	
61	Помощн. прис. повѣр. Николай **Туръ.**	Въ СПБургѣ.
62	Жена прис. повѣр. Анна **Барыкова**	
63	Крестьянинъ Василій **Заворзинъ.**	
64	Вдова врача Варвара **Щербакова.**	Въ г. Ростовѣ на Дону.
65	Крестьянка Меланія **Мѣрошникова.**	
66	Мѣщанинъ Павелъ **Негодаевъ.**	
67	Домашняя учительница Надежда **Воронцова.**	Въ департаментѣ полиціи.

№ № по списку	Вызываемыя лица.	Мѣсто жительства или службы, или мѣсто содержанія.
68	Князь Вячеславъ **Кугушевъ.**	СПБургъ Малая Спасская № 7.
69	Сынъ штабсъ капитана Николай Алекс. **Ожиговъ.**	
70	Дворянинъ Иванъ Васильевъ **Номикосовъ.**	
71	Сынъ его Александръ **Номикосовъ.**	
72	Мѣщанинъ Яковъ **Нестеровъ.**	
73	Мѣщанинъ Петръ **Мячинъ.**	Въ г. Луганскѣ Екатер. губерніи.
74	Крестьянинъ Устинъ **Ширяевъ.**	
75	Мѣщанка Надежда Лазарева **Каменская.**	
76	Полицейскій Надзиратель **Янченко.**	
77	Крестьянинъ Григорій **Гончаровъ.**	
78	Рядовой 4-го резервнаго пѣхотнаго баталіона **Бруй.**	
79	Мѣщанка Роза **Левъ.**	Свѣдѣнія въ департаментѣ полиціи.
80	Нахичеванскій мѣщанинъ Артемій **Аксайцевъ.**	Въ г. Нахичевани.
81	Нохичеванскій мѣщанинъ Георгій **Ходжаевъ.**	
82	Крестьянинъ Августъ Андреевъ **Рейхъ.**	Свѣдѣнія въ департаментѣ полиціи.
83	Мѣщанинъ Авдѣй **Хочумовъ.**	
84	Мѣщанинъ Василій **Перегудовъ.**	
85	Крестьянинъ Михаилъ **Мишковъ.**	
86	Степанъ **Чернелевскій.**	Въ г. Барѣ.
87	Мѣщанинъ Семенъ **Муляръ.**	
88	Крестьянинъ Аѳанасій **Черный.**	
89	Священникъ Константинъ **Саницкій.**	Въ м. Верховки Могилевскаго уѣзда.
90	Студентъ Матвѣй **Эйбергъ.**	Въ г. Кіевѣ (были въ 1884 г. арестованы); свѣдѣнія въ д-тѣ полиціи.
91	Студентъ дворянинъ Иванъ **Врочинскій.**	
92	Сынъ подполк. Михаилъ **Корніенко.**	
93	Дворянка Вѣра **Мельникова.**	Свѣдѣнія въ д-тѣ полиціи.

№№ по порядку.	Вызываемыя лица.	Мѣсто жительства или службы, или мѣсто содержанія.
94	Жандармскій унт.-офицеръ **Позняковъ**.	Въ г. Ромнахъ.
95	Мѣщанинъ Илья Абрамовъ **Крычевскій**.	
96	Дворянинъ Дмитрій **Перелешинъ**.	Свѣдѣнія въ департаментѣ полиціи.
97	Дочь священника Марфа **Троицкая**.	
98	Мѣщанинъ Александръ **Эртель**.	
99	Мѣщанка Шейна **Карпъ**.	
100	Иванъ Федоровъ **Гужва**, почтальонъ Харьковской губерн. почт. конторы.	На службѣ при конторѣ.
101	Семенъ Михайловъ **Сагинъ**—помощникъ волостнаго Старшины Харьковской волости.	Въ Харьковской волости.
102	Иванъ Яковлевъ **Заика**—Крестьянинъ Харьковской волости—Немышлянскій Сельскій Староста.	Въ дер. Немышлѣ, Харьковской губерніи и уѣзда.
103	Василій Ермолаевъ **Стражниковъ** — почтальонъ Харьковской почтовой конторы.	На службѣ при конторѣ.
104	Митрофанъ Алексѣевъ **Мирошниковъ** — ямщикъ Харьковской казенной почты.	Въ Харьковѣ при почтовой станціи.
105	Иванъ Ипатьевъ **Погребнякъ**—урядникъ Харьковскаго уѣзда.	Адресъ извѣстенъ въ Харьковскомъ уѣздномъ полицейскомъ управленіи.
106	Викторъ Ивановъ **Бузановскій** — урядникъ 1-го стана Харьковскаго уѣзда.	Тоже.
107	Александръ Александровъ **Поповъ** — почтальонъ Харьковской губерн. почтовой конторы.	При сей конторѣ.
108	Михаилъ Романовъ **Хмара**—цеховой.	Въ Харьковѣ въ Леусовскомъ переулкѣ, д. № 6.
109	Пелагея Анисимова **Щербакова**—мѣщанка.	Въ Петербургѣ Невскій просп., д. № 99.
110	Евгеній Игнатьевичъ **Дорожинскій**—студентъ 1-го курса юридическаго факультета университета Св. Владиміра.	Свѣдѣнія въ департаментѣ полиціи.
111	Степанъ Алексѣевичъ **Домонтовичъ**—землевладѣлецъ Черниговской губерніи Сосницкаго уѣзда.	Въ селѣ Кудровкѣ, того же уѣзда.

№ № по порядку.	Вызываемыя лица.	Мѣсто жительства или службы, или мѣсто содержанія.
112	Софья Ивановна **Домонтовичъ**—жена его.	Тамъ же.
113	Николай Николаевичъ **Домонтовичъ**—присяжный повѣренный округа Кіевской судебной палаты.	Въ Кіевѣ по Михайловской улицѣ, д. № 18.
114	Дмитрій Евдокимовичъ **Лаппо**—студентъ 2-го курса юридическаго факультета университета Св. Владиміра.	Свѣдѣнія въ департаментѣ полиціи.
115	Михаилъ Захаровъ **Лаптевъ**—Крестьянинъ Екатеринославской губерніи Славяносербскаго уѣзда, Краснокутской волости, сельца Петрова.	Въ слободѣ Каменный Бродъ того же уѣзда.
116	Фишель Гершовъ **Вейнрейнъ**—мѣщанинъ.	Въ городѣ Одессѣ, Полицейская улица, гостинница «Лувръ».
117	Василій Акимовичъ **Саченко-Сакунъ** — дворянинъ, провизоръ.	Въ Кіевѣ, Пироговская улица, д. Рустицкаго.
118	Федоръ Степановичъ **Бурчакъ**—студентъ медицинскаго факультета Кіевскаго университета.	Кіевъ, Владимірская улица, д. Сенъ-Мари.
119	Иванъ Васильевъ **Родіоновъ** — крестьянинъ села Хлѣбнаго Задонскаго уѣзда Воронежской губерніи, ямщикъ на казенной почтѣ въ городѣ Воронежѣ.	На почтовой станціи города Воронежа.
120	Степанъ Ивановъ **Минаковъ**—крестьянинъ Землянскаго уѣзда, Воронежской губерніи села Перелевки, ямщикъ казенной станціи въ Яндовицѣ.	На станціи Яндовицѣ по Землянско-Воронежскому тракту.
121	Моисей Кузьминъ **Филипцевъ**—крестьянинъ.	Въ селѣ Яндовицѣ, по Землянско-Воронежскому тракту.
122	Иванъ Даниловъ **Михайловъ**—крестьянинъ.	Въ селѣ Яндовицѣ по Землянско-Воронежскому тракту.
123	Павелъ Васильевъ **Солодовъ**—почтальонъ Воронежской почтовой конторы.	При этой конторѣ.
124	Анна Маркова **Рябухина**—дочь цеховаго.	Въ Харьковѣ, по Гвоздиковской улицѣ домъ Гвоздикова.
125	Пелагея Дмитріевна **Коноваленкова**—мѣщанка.	Въ Харьковѣ, Искренскій переулокъ д. Коноваленковой.
126	Афанасій Кондратьевичъ **Кондратьевъ** коллежскій регистраторъ.	Въ Москвѣ.
127	Сергѣй Павловичъ **Линицкій**—канцелярскій служитель таможеннаго вѣдомства.	Сувалкской губерніи Маріампольскаго уѣзда, посадъ Алексоты.

№№ по порядку.	Вызываемыя лица.	Мѣсто жительства или службы, или мѣсто содержанія.
128	Ольга Дмитріевна **Яковлева**—акушерка.	Въ селѣ Самарскомъ Ростовскаго на Дону уѣзда.
129	Виталій Николаевъ **Кудряшевъ**—мѣщанинъ.	На Екатерининской желѣзной дорогѣ.
130	Сергѣй Денисовичъ **Яковенко**—дворянинъ.	Въ Воронежѣ, на Ямкахъ, д. Кириловой.
131	Николай Густавовичъ **Шаренбергъ** содержатель литографіи.	Въ Воронежѣ Богоявленская улица, д. Попова.
132	Дмитрій Ивановичъ **Бартеневъ**—дворянинъ.	Свѣдѣнія въ департаментѣ полиціи.
133	Евгенія Андреевна **Флейшеръ** — содержательница оружейнаго магазина, купчиха.	Въ Воронежѣ.
134	Николай Захаровъ **Лукашевъ**—ученикъ означеннаго магазина.	Тамъ же.
135	Филиппъ Григорьевъ **Зенинъ**—телеграфистъ станціи Кутаржиха, Ромны-Кременчугской желѣзной дороги.	Свѣдѣнія въ департаментѣ полиціи.
136	Дмитрій Ивановъ **Ивановъ**—слесарь депо станціи Люботинъ, Харьково-Николаевской желѣзной дороги.	
137	Филиппъ Егоровъ **Сосинъ**—мастеровой на той же станціи.	
138	Леопольдъ Вацлавовъ **Ивашкевичъ**—тоже.	
139	Павелъ Григорьевъ **Селегеневъ**.	
140	Никифоровъ **Квитко**.	
141	Александръ Ивановъ **Боровицкій**—слесарь на той же станціи.	Станція Люботинъ.
142	Иванъ Петровъ **Карамановъ**—тоже.	Тоже.
143	Осипъ Афанасьевъ **Березкинъ** унтеръ-офицеръ Полтавскаго отдѣленія Харьковскаго жандармскаго полицейскаго управленія желѣзныхъ дорогъ.	При управленіи.

№№ по порядку.	Вызываемыя лица.	Мѣсто жительства или службы, или мѣсто содержанія.
	Эксперты:	
1	Завѣдывающій химической лабораторіею Михайловской артиллерійской академіи генералъ маіоръ **Федоровъ.**	
2	Литографъ Эрнестъ Егоровичъ **Аргольдъ.**	
3	Содержатель типографіи потомственный почетный гражданинъ Иванъ Николаевъ **Скороходовъ.**	

Подписалъ: Военный Прокуроръ, Полковникъ *Масловъ.*